

А. А. КАРА-МУРЗА
Л. В. ПОЛЯКОВ

РУССКИЕ О
БОЛЬШЕВИЗМЕ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

ЦЕНТР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
РОССИЙСКОГО РЕФОРМАТОРСТВА

**А. А. КАРА-МУРЗА
Л. В. ПОЛЯКОВ**

РУССКИЕ О БОЛЬШЕВИЗМЕ

*ОПЫТ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ
АНТОЛОГИИ*

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1999

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 98–03–16172*

Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В.

Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. —
СПб.: РХГИ, 1999. — 440 с.

В книге собраны наиболее емкие высказывания известных деятелей отечественной культуры и истории о революции и большевизме как идеологическом течении. Представленные материалы отражают широчайший спектр мнений о данном историческом явлении.

Издание адресовано специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся русской историей.

ISBN 5–88812–093–6

- © А. А. Кара-Мурза, составление, предисловие, статья, 1999
- © Л. В. Поляков, составление, предисловие, статья, 1999
- © РХГИ, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Данная книга является продолжением серии аналитических антологий под общим заголовком «Русские о...». Первый том, «Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии» (1994) был посвящен самой спорной, самой противоречивой фигуре в русской истории. И спектр мнений о нем, высказанных за триста лет, вполне отразил эту спорность и противоречивость.

Второй том посвящен теме не менее спорной и, несомненно, еще более трагичной, поскольку и «большевизм», и «русские» все еще не отлились в законченные исторические данности. «Большевизм» в пределе своем еще не утратил претензии утвердиться в качестве синонима «русскости». А «русские» все еще не только думают, говорят и пишут о «большевизме», но и кое-где порой превращают его в реальный «выбор России».

Заголовок не должен вводить в заблуждение. Как и в первом томе, термин «русские» избран не как этноним, предполагающий селекцию авторов по чистоте крови, а как определение всякого, кто воспитан был русской культурной традицией, воспринял ее как свою и потому «большевизм» переживал как событие русской, а значит, и своей личной судьбы.

Отсутствие в антологии подборки текстов самих «большевиков» — от Ленина до Зюганова — также не означает исключение их из списка «русских». Просто авторы ради «чистоты эксперимента» изначально решили, что «объект» исследования не должен участвовать в процедуре исследования. Большевистская рефлексия о «большевизме» (сколь бы интересна она ни была) — это специальная большая проблема, решать которую есть смысл в отдельном труде и, видимо, другим авторам.

* * *

Чем дальше в прошлое уходит от нас коммунистический период истории России и породивший его «большевизм», тем в более парадоксальную ситуацию попадает исследователь, намеревающийся рассматривать этот феномен с чисто научных, «объективистских» позиций. Казалось бы, распад мировой коммунистической системы, исчезновение СССР и фактическое окончание «холодной войны» обеспечивают идеальные условия для исследовательской работы, когда ни идеологические мифы, ни политические клише, ни даже симпатии и антипатии духовно-эмоционального плана (не говоря уже о сознательных фальсификациях, ставших нормой практически с первого дня прихода к власти большевиков) уже не могут стать непреодолимыми преградами на пути к постижению феномена «большевизма».

Однако в реальности мы наблюдаем совершенно иную картину. В «посткоммунистической» России споры о роли большевистской революции в истории страны, о смысле «большевизма» как аутентичного выражения «русскости», о спасительности большевистской альтернативы для будущего России, — если не обостряются, то по меньшей мере не утихают. Каждое событие — будь оно из репертуара современной российской политики, или же чисто мемориального характера (80-летие ВОСР или проблема захоронения останков императорской семьи) — заставляет политиков, журналистов, ученых, интеллигенцию, самую широкую общественность вновь и вновь возвращаться к роковой дилемме российского национального самосознания. Что делать нам — россиянам — с нашим совсем недавним прошлым, чтобы с облегченной душой войти в третье тысячелетие христианской веры: каяться или гордиться?

Сам факт наличия этой дилеммы — уже тревожный симптом общественного нездоровья. Из проклятий и панегириков не сложится социальное «тело» новой России, не выстроится ее «душа». И хотя коммунизм проиграл мировую «холодную войну», он проиграл ее, парадоксально следуя ленинскому тезису о превращении «войны империалистической в войну гражданскую». Сегодня Россия вновь, как и восемьдесят лет назад, разделена на «красные пояса». Сегодня в ней все еще «есть такая партия!» Сегодня в России по-прежнему сочиняют «наш ответ Керзону» и все более массово проклинают «похабный Брестский мир» — Беловежские соглашения о денонсации союзного договора 1922 г.

Эта «хромающая» аналогия призвана засвидетельствовать лишь одно обстоятельство, а именно — ничуть не уменьшившуюся сложность (и даже принципиальную проблематичность) нахождения более или менее общепризнанных подходов к феномену большевизма, не говоря уже о построении целостной концепции коммунистиче-

ского периода российской истории. В этом, однако, можно усмотреть и нечто весьма позитивное. А именно, возникновение проблемы «большевизма» как впервые подлинно научной проблемы, открытой различным интерпретациям и конкуренции самых разнообразных объяснительных теорий. И здесь чрезвычайно важным является опыт освоения данной проблематики западными исследователями, идеологические пристрастия которых в значительно меньшей степени (по сравнению хотя бы с советским «истпартом») влияют на создаваемые ими концепции «большевизма».

В качестве примера необходимо указать хотя бы на наиболее значимые попытки систематизации мнений о «большевизме», имеющиеся в зарубежной историографии вопроса. Одна из них принадлежит великоллепному знатоку и истолкователю русской истории и русской культуры Джеймсу Биллингтону. Итожа в год пятидесятилетия Великого Октября позиции исследователей, мемуаристов, участников событий, он зафиксировал шесть сложившихся подходов.

Первый — это «акцидентально-патетический» взгляд на большевистский триумф в Октябре, толкующий событие как пусть и великое, но все-таки случайное. Так оценивали победивший «большевизм» А. Керенский, П. Милюков, Л. Корнилов.

Второй подход — прямая противоположность первому и задан он Джоном Ридом в знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир». Суть подхода в том, что приход «большевизма» подан как нечто героически-неизбежное, и именно поэтому такой подход лег в основу официальной версии «истории КПСС». Даже несмотря на очевидную несоместимость «героизма» и «неизбежности»...

Третий и четвертый подходы также образуют антагонистическую пару. Это взгляд «носталгически-традиционалистский» и противостоящий ему «визионерско-футуристический». Если за первым такие фигуры как бар. Врангель и У. Черчилль, то у второго не менее яркие имена — А. Блок, Л. Троцкий, Р. Роллан.

Подходы пятый и шестой образуют не антиномизм, а, скорее, своеобразную дополнительность. Это взгляды — трагический и иронический. Первый выражен Розой Люксембург и левым социалистом-революционером Исааком Штейнбергом, вошедшим в первое советское правительство в качестве комиссара юстиции (но очутившимся в большевистской тюрьме уже в 1919 г.). Западные историки, так называемой «школы исторической судьбы» также, по Дж. Биллингтону, разделяют этот взгляд, если взять, например, работы Дж. Кеннана.

Сам же Дж. Биллингтон предпочитает то, что он называет «ироническим истолкованием», понимая иронию вслед за Рейнольдом Нибуром как наличие в событии кажущихся случайными несовпадений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не случайными. Люди, вовлеченные в эти события, наделяются ответ-

ственностью за них. Но, если трагическая интерпретация связывает ответственность с осознанной решимостью действовать с определенной целью, то ироническая — скорее с неосознаваемой неспособностью выполнить именно то, что задумано.

Такова, например, ироническая версия Б. Пильняка, предположившего, что воинственные западники-большевики оказались, по существу, невольными исполнителями воли сектантской, православной, духовной России, стремившейся отомстить «механической Европе» за разгром в первой мировой войне.

«Такая ироническая перспектива, — пишет Дж. Биллингтон, — может в один прекрасный день подвинуть нас на истолкование откровенно анти-западнической и старо-московской фигуры Сталина как деятеля, осуществившего (посредством насильственных социальных и технологических перемен) глубокую и, по всей вероятности, необратимую вестернизацию и модернизацию» (*James H. Billington. Six Views of Russian Revolution // World Politics. Vol. XVIII. April 1966, № 3. P. 472*).

За тридцать лет, минувших со времени публикации исследования Дж. Биллингтона, добавилось не только количество литературы, посвященной революции и победе «большевизма», но и сама история «победителя» увеличилась (на 25 лет, если считать 8 декабря 1991 г. «официальным» днем кончины «коммунистической империи — СССР»). Живучесть феномена сместила исследовательский интерес от его генезиса и поиска причин его укоренения в российской «почве» к проблематике «ставшего» режима. Важнее стало понять — в казавшейся перманентной ситуации «холодной войны» — как действует коммунистическая система, хотя по-прежнему вопрос, почему она победила, оставался предметом дебатов.

На сегодняшний день по подсчетам Э. Яноша в арсенале бывшей «советологии» имеется по крайней мере пять основных парадигм советского коммунизма, за каждой из которых стоят вполне авторитетные имена. Э. Янош располагает их в таком порядке:

1) «парадигма тоталитаризма», рассматривающая коммунизм как стремление к тотальному господству в ответ на собственную социальную маргинальность и связанный с этим психологический стресс (См.: *Arendt Hannah. Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951*);

2) «парадигма харизматического сальвационизма», представляющая коммунизм как движение, преследующее утопические цели и вынужденное, со временем, приспособиться к «упрямым» экономическим и политическим реалиям (См.: *Cohn Norman. The Pursuit of the Millennium. N. Y., 1961*; *Moore Barrington. Political Power and Social Theory. N. Y., 1958*; *Soviet Politics — the Dilemma of Power. N. Y., 1965*; *Brzezinski Zbigniew. Ideology and Power in Soviet Politics. N. Y., 1967*; *Tucker Robert. The Marxian Revolutionary Idea. N. Y., 1970*);

3) «парадигма модернизации», в рамках которой коммунизм предстает как радикальная стратегия индустриализации и экономического развития (См.: *John Kautsky. The Political Consequences of Modernization.* N. Y., 1970);

4) «парадигма политического развития», представляющую партию в качестве творца жизнеспособного политического сообщества, выдерживающего конкурентную борьбу в мировой системе государств (См.: *Cyril Black. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History.* N. Y., 1966; *Kenneth Jowitt. The Leninist Response to National Dependency.* Berkeley, CA, 1978);

5) «бюрократическая парадигма», старающаяся определить коммунизм как альтернативную модель хозяйствования (economic allocation) и социального перераспределения, конкурирующую с системами, опирающимися на рыночное хозяйство и традиционные культурные нормы (См.: *Thomas Rigby. Traditional, Market and Organizational Societies and the U. S. S. R. // World Politics.* 16 (4). 1964; *Jerry Hough. The Soviet System: Petrification or Pluralism? // Problems of Communism.* 21.1972; *George Konrad, Ivan Szelenyi. The Intellectuals on the Road to Class Power.* N. Y., 1979).

Сам Э. Янош предпочел следовать иной парадигме, которую он называет парадигмой «внешне ориентированного государства», а также парадигмой «реконструкционизма» (в знак уважения к К. Мангейму) или (вслед за Г. Спенсером) «военизированного общества» (См.: *Andrew C. Janos. What was Communism: a retrospective in comparative analysis // Communist and Post-Communist Studies.* Vol. 29. № 1. March 1996. P. 2).

Внимательное сопоставление и сравнительный анализ этих основных парадигм советского коммунизма показывает, что они не являются взаимоисключающими, а скорее выступают в качестве взаимодополняющих концепций, помогающих построить многомерную модель «большевизма в действии». И даже более того, если взять их именно в той последовательности, в которой они представлены Э. Яношем, то можно представить это как описание фаз эволюции большевизма с момента захвата власти и до распада СССР в 1991 г.

Так, если принять концепцию тоталитаризма Х. Арендт, акцентирующую социальную маргинализацию и психологический стресс, в качестве объяснительной модели прихода к власти большевиков в Петрограде в октябре 1917 г., то затем парадигма «харизматического сальвационизма» выступает в качестве ключа к пониманию так называемого «военного коммунизма», т. е. попытки немедленной реализации идеала «коммуны» в «мировом масштабе».

Парадигма «модернизации» адекватно описывает этап «построения социализма в одной стране» с неизбежной стратегией индустриализации за счет ограбления и выборочного истребления крестьян-

ства. А парадигма «политического развития» просто фиксирует реальность «Советского государства» со «сталинской конституцией» 1936 г., превратившегося в полноценного члена мирового сообщества к концу 30-х годов.

«Бюрократическая» парадигма столь же легко применима к пост-сталинскому периоду в особенности, а парадигма «внешне ориентированного государства» точно воспроизводит СССР как социум, смысл которого состоял с момента возникновения (идеал «мировой революции») и, практически до последних дней, в реализации целей глобального характера.

Реконструкция феномена «большевизм», осуществляемая западными исследователями, кажется целиком находящейся в рамках строго научного подхода, исключающего суждения ценностного характера, отражающего идеологические и политические пристрастия самого автора. Ситуация, о которой российским исследователям большевизма приходится только мечтать. Но не все так гладко и на Западе. Так, по мнению Р. Пайпса, одного из наиболее систематичных и концептуальных исследователей русской и советской истории, западные историки почти поголовно (особенно с середины 60-х годов) занимаются скорее апологией, нежели реальным исследованием советского коммунизма.

Выступая в 1995 г. с циклом лекций о русской революции в венском Институте гуманитарных наук, Р. Пайпс категорически заявил, что «большинство западных авторов, выступивших за последние тридцать лет с работами о коммунизме и о Советском Союзе, в большей или меньшей степени обоим этим явлениям сочувствуют» (*Р. Пайпс. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 10*). Сочувствие это выражается в трех главных моментах: «Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой падение царизма, как и торжество большевизма, были предопределены, тогда как насущная необходимость сделать преемником Ленина именно Сталина была своего рода исторической случайностью» (Там же. С. 11).

Сам Р. Пайпс сформулировал свою позицию предельно ясно: «Мой тезис полностью противоположен тому, который выдвинули и пропагандируют ревизионисты и который к настоящему времени стал в университетах западного мира в буквальном смысле слова обязательным. Я постулирую и подкрепляю доказательствами тот тезис, согласно которому ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее предопределенного. Строго говоря, мне кажется, что захват власти большевиками был своего рода аномалией, однако, поскольку он произошел и машина тоталитаризма оказалась запущена, подъем к вершинам власти Сталина стал неизбежным следствием этой аномалии» (Там же. С. 11—12).

Итак, круг замкнулся. Исчезнувший феномен вновь заставляет задаваться вопросами о причинах его возникновения. И, к тому же, простым фактом «сочувствия» к себе компрометирует несколько поколений западного научного сообщества, посвятившего себя его изучению! Уж если так обстоят дела в «цитадели» учености, то чего же можно ожидать от «русских», клавших свои жизни — одни за то, чтобы большевизм восторжествовал, другие — за прямо противоположное?

Аналитическая антология «Русские о большевизме» создавалась с учетом двух обстоятельств. С одной стороны, отобранный материал в виде характеристик большевизма, высказанных «русскими» (т. е. представителями собственно русской культурной традиции) на протяжении XX века, должен быть представлен с определенной степенью систематичности — даже несмотря на то, что в отечественной (до-советской, эмигрантской и пост-советской) мысли по существу не сложилось методологически самостоятельных школ и направлений (за исключением историографии троцкистов и меньшевиков) по этой проблематике. Как правило, все определяют общие мировоззренческие и политические позиции, личные пристрастия и другие моменты, не соответствующие стандартам научности.

С другой стороны, то, что предстает с чисто научной точки зрения некорректным и несущественным, в конкретном «русском» случае выступает едва ли не главным, а именно — экзистенциальная напряженность, эмоциональная заряженность и даже экзальтированность оценок феномена «большевизм». Исключить это — значило бы упустить само существо дела, превратить «живую жизнь», историю кровавой «борьбы за коммунизм» в псевдоакадемический диспут теоретических схем и абстрактных концепций.

На стыке этих двух подходов и шла работа по созданию антологии: отбор и классификация цитат, концептуализация разбросанных в разных работах одного автора точек зрения на большевизм, поиск экзистенциального плана в объяснительных схемах мыслителей, этот план предпочитавших не акцентировать.

Особая проблема — теория большевизма, создававшаяся и пропагандировавшаяся самими его создателями, практиками и апологетами. С одной стороны, трактовка большевизма, представленная самими большевиками от Ленина через Сталина, Троцкого, Бухарина вплоть до большевиков сегодняшних (в спектре от «умеренного» Г. Зюганова до «бешеного» В. Анпилова) безусловно образует один из вариантов того, что говорили и говорят «русские о большевизме». Более того, эта трактовка имеет свою интересную и сложную историю, распадаясь и ветвясь на подварианты, далеко расходящиеся друг с другом. И эта история — во всех деталях — еще ждет своего воссоздателя.

С другой же стороны, есть ряд обстоятельств, наличие которых в значительной степени если не обесценивает, то делает сомнительной

рубрику «большевики о большевизме». Одно из них — запрет уже в 1920 г. фракционной деятельности в ВКП(б), т. е. фактически запрет на инакомыслие, в случае нарушения которого следовало неминуемое «отлучение» и последующее уничтожение. Что и как говорилось самими «большевиками» в таких условиях — иногда чрезвычайно интересно, но лишено главного: индивидуальной позиции, представленной без боязни репрессий.

Следующий момент — эффект нараставшего цинизма, достигшего кульминации в брежневские годы, когда генетический страх перед перспективой оказаться обвиненным в «антисоветской пропаганде», помноженный на зримость выгоды конформизма фактически исключил самое возможное сколь-нибудь аутентичного говорения о большевизме в СССР. Опять-таки, что говорили, как писали и как преподавали «научный коммунизм» и «историю партии» — все это чрезвычайно забавная и трагическая история. И может быть, она даже окажется богаче «Краткого курса ВКП(б)». Но в данной антологии поставлена более скромная цель — представить лишь точки зрения, высказанные «свободно», вне зоны непосредственного террора.

И еще одно обстоятельство, определившее форму реализации замысла. В каком-то смысле все, сказанное «русскими» в этом истекающем столетии, в той или иной степени — «о большевизме». Образую один из базисных кризисов идентичности, через которые прошел модернизирующийся российский социум со времени церковного раскола во второй половине XVII века, большевизм естественно находится в самом ядре формирующегося российского национального самосознания. Поэтому попытка включить в антологию «все» и «всех» о большевизме оказывается теоретически и практически невыполнимой.

Тогда возникает вопрос — до какой степени представленная антология, претендующая на собрание лишь аутентичных оценок, сама «аутентична»? Вопрос законный, но с полным правом могущий быть адресованным к авторам любых антологий. Легитимность жанра не исключает авторского субъективизма, хотя и сведенного, по возможности, к минимуму. Возможно, что кто-то, став на наше место, сделал бы другую или совсем другую антологию. Возможно, кто-то признал бы сам замысел изначально невыполнимым. В общем, как писалось в советских объявлениях об обмене квартиры — возможны варианты.

*А. Кара-Мурза, Л. Поляков
лето 1999 г.*

I. БОЛЬШЕВИЗМ — СОЦИАЛЬНАЯ ВАРВАРИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ РОССИИ

1. Большевизм — линия наименьшего сопротивления для темных инстинктов человеческой природы.
2. Русский социализм — выплеск первобытного коммунизма орды.
3. Большевизм — рецидив первобытного каннибализма, пещерного быта и звериных нравов.
4. Большевизм — путь к озверению.
5. Свержение библейских десяти заповедей обнажило в России Питекантропию.
6. Корни психологического типа, породившего большевизм, уходят в племенную архаику.
7. Тоталитаризм — повторное открытие язычества и тотемизма.
8. Большевизм — апогей бестиализации обезбоженного человека.
9. Русский социализм — реакционное явление, явное преобладание тьмы над светом.
10. Большевизм победил тем, что сделал ставку на хаос и возглавил процесс стихийной дезорганизации.
11. Большевизм — протест традиционного человека против перегрузок рыночной модернизации.
12. Большевизм — реакция маргинализованных масс отсталой России на кризис мирового индустриализма.
13. Большевизм — бунт радикализованной архаики в центрах урбанизации.
14. Большевизм — перерождение государственного инстинкта русского народа в инстинкт бунтарский и грабительский.
15. Большевизм — фактор общественного гниения.
16. Большевизм — всеобщая безумная одержимость, в которой каждый находится во власти каждого.
17. Русский социализм — царство лени и безделья.
18. Большевизм — результат падения воли к труду, «революция уставших каторжников».

19. Террористический большевизм — система контр-продуктивная.
20. Большевизм — движение реакционное, абсолютно лишенное творческого и созидательного начала.
21. Большевизм — паразитарно-хищнический экономический строй.
22. Большевизм — измена Родине ради классовой выгоды.
23. Большевизм — идеология крестьянства по дороге с фронта домой.
24. Тоталитаризм — попытка закрепления варварства с помощью индустриализма.
25. Большевизм — результат легкомысленного небрежения вопроса народного образования.
26. Тоталитаризм — не страшный стерильный мир, а помойка.
27. Большевизм — приоритет «лошадиных сил» над силой человеческой личности.
28. Тоталитаризм — царство лжи.
29. Сталин — хозяин-варвар.
30. Большевизм — преодоление раскола за счет варваризации.
31. Большевизм — нашествие внутреннего варварства.
32. Большевизм — неврастеническая и злая сила.
33. Большевизм — система обращения людей в слякоть с целью властвования над ними.
34. Революция 1917 г. — спад, понижение энергии.
35. Большевизм — перестройка общества по типу паразитарно-потребительской солдатской коммуны.
36. Большевизм — временная болезнь крепкого российского государственного организма.
37. Коммунистическая власть всеильна в сотворении зла и бессильна в сотворении добра.
38. Коммунизм — не уничтожение классов, а крайний классовый антагонизм властвующих и подвластных, являющийся огромным историческим регрессом.
39. Коммунизм — регрессивная метаморfoза народного хозяйства.
40. Большевизм — есть специфически русская (и невозможная на Западе) реализация массового «права на лень» с помощью диктатуры пролетариата.
41. Русская революция — не только злое и дьявольское, но и глупое дело.
42. Большевистский переворот — социальная и политическая реакция эгалитарных низов против европеизации России.
43. Революционная проповедь большевиков развращала массы, ибо толкала ее не к должному, а к непосредственно желательному.
44. В большевизме шкурничество победило Революцию.
45. Отличительная черта большевизма — примитивизм и недоверие к культуре.
46. Ленин — тип упрощенного человека.
47. Большевистская революция обнажила наиболее «упрощенные» формы социальной жизни.
48. Большевизм — борьба с конституционными преобразованиями России.

49. Большевистская революция — антибуржуазная контрреволюция.
50. Большевистская революция — не антифеодальная, а революция против собственности вообще.

1. Большевизм — линия наименьшего сопротивления для темных инстинктов человеческой природы.

*«“Большевизм” есть линия наименьшего сопротивления для естественных и элементарных инстинктов всякой темной, непросветленной человеческой природы. “Большевиками” на время сделались все, которые не хотят воевать, не хотят ничем жертвовать, но хотят как можно больше получить» (Н. А. Бердяев. **Была ли в России революция?** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 110; первая публикация: Народоправство. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).*

*«Коммунизм можно рассматривать как злокачественную ткань на теле цивилизации. Коммунизм растекается, движется по линии наименьшего сопротивления. Для него абсолютно все, происходящее с ним, есть его успех. Он не знает ошибок и поражений. Идеология этого общества оправдывает любое поведение его руководства. Угрызения совести здесь не мучают никого, ибо такого явления, как совесть, и других элементов нравственности вообще нет в его природе» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность**. М., 1980. С. 237) (Зиновьев, 1980).*

2. Русский социализм — выплеск первобытного коммунизма орды.

*«Русский социализм и коллективизм, которые многим кажутся столь оригинальными и вызывают извращенное шовинистическое чувство, есть, в сущности, остаток первоначального натурализма, первобытного коммунизма, в нем чувствуется еще неполная освобожденность от состояния орды» (Н. А. Бердяев. **Торжество и крушение народничества** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 188; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 14—15) (Бердяев, 1917).*

«Периодически в истории совершались приливы хаотической тьмы и стремились опрокинуть общественный космос и его закон развития. Такого рода движения сплошь и рядом бывали совершенно реакционными и отбрасывали народ назад... И в стихии русской революции действуют такие же старые, реакционные силы, в ней шевелится

древний хаос, лежавший под тонкими пластами русской цивилизации... Пролетарский классовый коммунизм на русской почве есть переживание дочеловеческого первобытного коммунизма. Революция разнуздала эту коммунистическую тьму, но ничего не сделала для развития в народной массе свободного гражданства» (Н. А. Бердяев. *Класс и человек* // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 56—57; первая публикация: Народопрямство. 8 янв. 1918 г., № 20) (Бердяев, 1918).

3. Большевизм — рецидив первобытного каннибализма, пещерного быта и звериных нравов.

«И все декламации о социализме, о пролетарской солидарности, о пролетарской дисциплине, о совместной работе на общее благо — все эти сентиментальные разговоры являлись лишь аккомпанементом к сценам первобытного каннибализма. Освобожденный от религии человек семимильными шагами пошел не вперед, к царству разума, свободы, равенства и братства, как учили лживые социалистические пророки, а назад, к временам пещерного быта и звериных нравов» (А. С. Изгоев. *Социализм, культура и большевизм* // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 177; первая публикация: М.; Пг., 1918) (Изгоев, 1918).

4. Большевизм — путь к озверению.

«Почва, на которой строится большевизм, его предпосылка — экономический материализм, атеизм. От него к механическому автоматизму, и далее — к озверению, к потере лица человеческого — вот естественный путь большевизма. Вся европейская культура исходит из христианского корня и основана на личности; держится на ней, как на стержне. Убивается личность — вынимается стержень, и не только культура, но само бытие человеческое разлагается, приближается к небытию, механизму» (В. Злобин. *Тайна большевиков* // Царство Антихриста. Мюнхен, 1921. С. 220) (Злобин, 1921).

5. Свержение библейских десяти заповедей обнажило в России Питекантропию.

«Я вспоминал о прогнозах, пророчествах и обещаниях: Конта и Канта, Гегеля и Маркса, Милюкова и Керенского, Ленина и Сталина, Гитлера и Геббельса... Вся эта сумма сейчас заканчивается (заканчивается ли?) истинно небывалым в истории человечества скандалом. Все ее диагнозы оказались отсебятиной, все ее прогнозы — промахом, все ее рецепты — уголовным преступлением. Вся эта сумма свергала все десять заповедей. И — когда заповеди были свергнуты —

то из-под их развалин автоматически возник Питекантроп — носитель идеи первозданного, до-синайского коммунизма. Он, конечно, возник и во мне, как во всяком человеке, поставленном в социальные условия Питекантропии» (И. Л. Солоневич. *Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация.* Буэнос-Айрес, 1949. Ч. 1. С. 28) (Солоневич, 1949).

6. Корни психологического типа, породившего большевизм, уходят в племенную архаику.

«Корни уходят в глубь истории: в опыт жизни лесных племен, делавших на всякий случай один-два тайных выхода из своего убежища; в опыт степняков, не имевших возможности огородиться и потому спасавшихся либо мгновенным, дерзким, коварным броском, либо скупиванием в огромные воинственные массы-орды; жили-то на равнине, на «блюде», во власти всякого проходящего, чья сила; жили в зоне «условного земледелия», с голодовками и морами; жили — не загадывая далеко, в поминутной готовности к переменам и несчастьям, в тихой надежде все вытерпеть и вместе с тем при случае обмануть судьбу, а попадет — так и взять за рога, сорвать банк разом..., а потом и спустить все, плюнуть: не держаться, если все равно безнадежно. Выработался тип мечтателя, терпеливца, не столько живущего на земле, сколько на ней летающего. Тип кочевника, скитальца. Тип человека контактного и переменчивого, эмоционального и импульсивного; недоверчивого и легковерного: недоверчивого в вопросах мелких, практических, сиюминутных и легковерного в вопросах крупных, духовных, вечных. Выработалась и глубоко вошла в душу ненависть к оседлой цепкости, к практичной дальновидности, у узкому здравомыслию и повседневной определенности, ко всему, что связано со словом «предел» (Л. Аннинский. *Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина.* М., 1989. С. 77) (Аннинский, 1989).

7. Тоталитаризм — повторное открытие язычества и тотемизма.

«В условиях постоянной бомбардировки традиционной личности индустриальными рыночными генами расщепление этой личности открывало простор для дотрадиционного родового “излучения”. Прорыв к просвещению сменялся повторным «внутренним» открытием язычества и тотемизма, а ощущение внутренней психической разлаженности принимало очертания образа внешнего, “племенного” врага» (Л. Б. Волков. *«Диктатура развития» или «квазимодернизация»? // Тоталитаризм как исторический феномен.* М., 1989. С. 89) (Волков, 1989).

8. Большевизм — апогей бестиализации обезбоженного человека.

«Но и мещанство не последняя ступень человеческого падения. Человек без Бога не может остаться человеком. Обезбоженный человек становится зверем — в борьбе — или домашним животным — в укромной цивилизации. Культура — эти сгустки накопленных ценностей — замедляет процесс бестиализации обезбоженного человека, задерживая его в этических, эстетических планах человеческой душевности. Вот почему слабость культурной прослойки в русской жизни беспощадно оголяет зверя. Прошедший через революцию русский человек быстро теряет не только национальное, но и человеческое лицо» (Г. П. Федотов. О национальном покаянии // Новый град. 1933, № 6. С. 5) (Федотов, 1933).

9. Русский социализм — реакционное явление, явное преобладание тьмы над светом.

«Русский “социализм” есть лишь западноевропейское наименование для русской отсталости и русского бунтарства... Революция оказалась не прогрессивной и не творческой, а реакционной, дающей явное преобладание элементам тьмы над элементами света» (Н. А. Бердяев. Духовный и материальный труд в русской революции // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 68; первая публикация: Народоправство. 21 янв. 1918 г., № 21—22) (Бердяев, 1918).

10. Большевизм победил тем, что сделал ставку на хаос и возглавил процесс стихийной дезорганизации.

«Большевизм предвидел то, что другие не видели. Он предвидел, что ближайшие годы пройдут в России под знаком хаоса, крушения всех, самых элементарных основ общественной, экономической, культурной и практической жизни... Он знал, что отныне на ближайшие годы править бал будет Сатана — и Сатане, хаосу поклонился, включив свою партию в их чертов пляс... В этом сущность большевистского предвиденья... Тот, кому приходилось с ними спорить на митингах, кто их видел в работе до их победы, не мог не унести с собою незабываемого впечатления ставки, бесстыдно-откровенной, до конца доведенной ставки на хаос...» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 12—15) (Португейс, 1922).

...Бунт не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново. Здесь проявился гений Ленина. Никто, как он, не понял столь пронзительно, что власть абсолютную, типа божественной, он получит

разнуздав стихию бунта... Ленин хорошо знал, что только массу, пришедшую в ярость, потерявшую всякие следы общественного сознания, можно превратить в послушное стадо диктатора. Он знал, что через бунт она придет в изнеможенное и опустошенное состояние, на котором легче всего можно будет построить свое царство. Гений его состоял в том, что он понял, что отныне царствовать будет хаос, и хаос сделал своим орудием» (В. И. Талин (С. О. Португейс). У гроба Великого Диктатора // Заря. Берлин, 1924. № 1. С. 9) (Португейс, 1924).

«С 60-х годов XIX столетия в России нарастали процессы социального распада, разложения, социальной дезорганизации. Они были более интенсивными, чем процессы формирования новой социальной структуры, обгоняли темпы ее складывания. Практически все правительства Русской Смуты в 1860–1920-е годы пытались противопоставить социальной дезорганизации — этому историческому закону распада социальных систем — ту или иную форму организации. И проиграли. Потому что вал стихии был слишком силен и высок, чтобы его можно было обуздать теми средствами, которыми располагала докоммунистическая власть в Русской Системе, и теми методами, которые она была готова применить. Потому проиграли все правительства. Кроме одного — большевистского. Большевики, в отличие от своих предшественников, не стали сдерживать ни вал насилия, которое все более приватизировалось, ни социальную дезорганизацию. Они национализировали насилие и организовали дезорганизацию, оседлав ее как закон истории распадающегося самодержавия, как одну из тенденций его распада. И победили, завершив Смуту в 1920-е годы. Контролировать дезорганизацию на порядок, если не на порядки, сложнее, чем организацию. Для этого нужны сверхорганизация и сверхконтроль. Большевики это обеспечили. Точнее, не большевики и даже не небольшие Ленин, ибо «партия нового типа» для этих задач не годилась и потому должна была исчезнуть, а организация, созданная Сталиным, главным технологом Русской Власти XX века... Победили те, кто понял, что Русский Путь в XX век — это контроль над процессами социального распада с помощью его институционализации и дехаотизации. А затем уничтожения или поглощения всех “частных” и неорганизованных форм насилия» (А. Фурсов. Колокола истории // Рубежи. М., 1996. № 1. С. 4–5) (Фурсов, 1996).

11. Большевизм — протест традиционного человека против перегрузок рыночной модернизации.

«Было что перенимать, было что внедрять, было чем пользоваться. Можно было эксплуатировать готовые продукты и модели авто-

матически, не “дорастая” до них психологически и культурно. Появлялась индустрия, появлялся капитализм, появлялся капиталистический индустриальный рынок, но... без органичной индустриальной рыночной культуры. Человек расщеплялся, поведение его раздваивалось. Он общался с обезличенными промышленностью инструментами и предметами, с безличной и абстрактной рыночной информацией, жил в мире абстрактного и непонятного для него сложно организованного денежного обращения и разделения труда, направлявших его реальную жизнь. И в то же время тяготел к родственным связям, личностным формам доверия и взаимобмена, индивидуализации производства, личностным формам организации труда и т. п. Т. е. ко всему тому, что было совершенно несовместимо с гонкой в направлении массового индустриального производства... Нарастал протест не против Версаля или Временного правительства. Нарастал протест против самой рыночной модернизации, гоночный темп которой оказывался психически и поведенчески непосильным для традиционного человека. Протест этот, однако, вовсе не осознавался в адекватных формах... Он проявлялся как стремление соединить блага индустриальной революции и прогресса с патриархальным личностным началом в производстве, культуре и политической жизни. Он строился на иллюзии освобождения от повседневной конкурентной ответственности за собственное существование в условиях гонки за счет переложения ее на «коллектив» и на олицетворяющую “коллектив” сильную личность, — будь то личность “вождя”, “комиссара”, “хозяйственника” или иная» (Л. Б. Волков. «Диктатура развития» или «квазимодернизация»? // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 87—88) (Волков, 1989).

12. Большевизм — реакция маргинализованных масс отсталой России на кризис мирового индустриализма.

«Но даже совпадение в результате войны кризисных ритмов российской и европейской истории не вызвало бы столь значительных последствий, не окажись оно связано с эсхатологическими ожиданиями всеобщего краха капитализма и торжества одновременно “справедливых” и “рациональных” форм производства. Кризис мирового индустриализма для “догоняющей” державы мог обернуться парадоксально-катастрофическими результатами. И здесь главное было в том, что ситуацию стало определять поведение маргинализованных масс» (В. П. Булдаков. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 19) (Булдаков, 1997).

13. Большевизм — бунт радикализированной архаики в центрах урбанизации.

*“Безгласность” рабочих-сезонников кое-кому казалась преимуществом имплантированной в городскую среду общинной психологии... Подобные явления и порождали легенды об особой “социалистической сознательности” российского пролетариата: радикализированная архаика его поведенческих установок выдавалась за «творчество нового». На деле происходило противоположное. Носители социально-девиантных моделей поведения становились “передовым отрядом” людской массы, связанной традициями деревенской круговой поруки... В любом случае, именно индустриализм (а вовсе не капитализм, как казалось социалистам) повсеместно угрожал стабильности... Это было чревато теперь не только походом “деревни” на “город” в духе пугачевщины, как бунтом замаскированной архаики в центрах урбанизации» (В. П. Булдаков. **Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.** М., 1997. С. 20—21) (Булдаков, 1997).*

14. Большевизм — перерождение государственного инстинкта русского народа в инстинкт бунтарский и грабительский.

*«Инстинкты тоже бывают разные. Есть инстинкт творческий, созидательный, как, например, государственный инстинкт. Есть инстинкт разрушительный, бунтарский, грабительский. Прочность государства зависит от того, какой инстинкт к данную эпоху преобладает. Государственный инстинкт может уступить место другому — грабительскому и революционному, что и случилось в 1917 году. Инстинкт, в том числе и государственный, может выродиться» (А. С. Позов. **Письмо И. Солоневичу // И. Солоневич.** Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 132—133) (Позов, 1940).*

15. Большевизм — фактор общественного гниения.

«В качестве силы, разлагающей общество на непримиримые классы, большевизм есть фактор общественного гниения... Перспективы земного рая, коими большевизм соблазняет народные массы, не более, как обольстительный мираж, который манит издали. Как только мы подходим к нему вплотную, мнимый рай превращается в ад, ибо, прежде всего — это царство всеобщей взаимной ненависти, где идет нескончаемое междоусобие: миллионы завистливых очей следят там за всяким приростом человеческого благополучия... Так идеал всеобщей сытости рождает голод: это не случайность, а необходимая

принадлежность всего большевистского общественного строения» (Е. Трубецкой. *Великая революция и кризис патриотизма*, Б. м., 1919. С. 17—18) (Е. Трубецкой, 1919).

16. **Большевизм — всеобщая безумная одержимость, в которой каждый находится во власти каждого.**

«Вся Россия находится в страстной одержимости, при которой теряется ощущение качества состояния, вся Россия в магическом круге безумия, в котором каждый во власти каждого, каждый во власти всех, и все во власти каждого, когда круговая порука этой одержимости не дает никому возможности высвободить себя из-под ее гнета, сбросить с себя ее шальной и злой бред. Но рано или поздно, если суждено, Россия из дна адавы выберется» (П. П. Сувчинский. *Страсти и опасность // Россия и латинство*. Берлин, 1923. С. 31) (Сувчинский, 1923).

17. **Русский социализм — царство лени и безделья.**

«Солдатская масса, делающая революцию, неспособна к положительной организации труда, она дезорганизует труд и создает царство лени и безделья... И характерно, что психология восставших не трудовая, а потребительская психология. Воля восставших масс направлена не на организацию труда, не на регуляцию социального целого, а на захваты и потребление. Это — менее всего психология производителей. Производитель не интересуется революционные массы. Это только наглядно показывает, насколько подлинный труд имеет духовную основу и предполагает нравственную самодисциплину трудящихся. Материалистическое отношение к труду ведет к разложению труда, и на этой нездоровой почве может расцвести лишь лень и безделие... Русское революционно-социалистическое движение не организует, а дезорганизует производство, оно в сущности враждебно труду» (Н. А. Бердяев. *Духовный и материальный труд в русской революции // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений*. Париж, 1990. Т. 4. С. 68, 70; первая публикация: *Народоправство*. 21 янв. 1918 г., № 21—22) (Бердяев, 1918).

18. **Большевизм — результат падения воли к труду, «революция уставших каторжников».**

«В лихорадочную, а по российским условиям и каторжную атмосферу военной промышленности были втянуты бесформенные толпы людей, совершенно далеких от трудового темпа и трудового ритма современной индустрии. И, если роковые черты усталости, падения воли к труду стали контрастировать в странах высокой общей и ин-

*дустриальной культуры, где пролетариат и лучшие питался, и был менее закабален, чем в России, то легко понять, до каких трагических размеров должна была дойти эта усталость в России... Октябрьская революция была, если хотите, революцией усталости. То огромное физическое и моральное перенапряжение русских трудящихся масс... требовало властно отдыха... Советский режим в действии весь проникнут не волей к труду, а волей от труда. В этом была его притягательная сила для масс... Право на труд и обязанность труда становились социально-психологическими бессмыслицами в обстановке искусно подогреваемого босяцкого аристократизма. Их заменяло "право на лень" — это название парадоксального памфлета Лафарга сильно подходило к социально-психологической атмосфере, созданной в России большевистской демагогией... Массам нужен разительный шок инобытия именно в той сфере, какая прежде была наиболее острым проявлением их социальной приниженности. Если раньше проклятием был труд, то что же явится благословением нового мира? Не отрицание ли труда, как принудительного принципа бытия, не превращение ли его в репрессию против прежних угнетателей, не орудие ли классовой мести?.. Большевизм не мог, объективно не мог поддерживать пафос труда, он должен был труд развенчать, заклеить его печатью проклятия, превратить его в издевку над бывшими господами... Власть не трудящихся, а **трудившихся**... Революция уставших каторжников, превратившаяся в профанацию и развенчание труда» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). **Пять лет большевизма**. Берлин, 1922. С. 70—72, 75—77) (Португейс, 1922).*

19. Террористический большевизм — система контрпродуктивная.

*«И зададим себе вопрос: пусть хотя бы и путем террора, но созданы ли основные элементы социального бытия, заложен ли, хотя бы и внешне, фундамент, построены ли леса социального здания, установлены ли крепко — в сознании и быте людей — новые формы хозяйственной и культурной жизни? Можно ли утверждать, что когда беспощадный резец террора оставит, наконец, косную глыбу человеческой массы, то из-за скрывавшего ее покрывала на нас глянет лик стремящегося к гармонии, бесформенного и хаотического прежде общества? Советская земля, вспаханная террором, не родит ни в прямом, ни в переносном смысле. Люди, бродящие по этой земле, стали теньями. В стране нет прежде всего живого, непрерывного, движущегося внутренней охотой труда. Утилитарная точка зрения стремилась ведь, главным образом, к воссозданию **производительности** труда, к замене старо-буржуазног общественного кровообращения новым, пролетарски концентрированным. Ибо для нее ведь социализм прежде всего и главным образом **производственная** революция. Эта*

*точка зрения строила социалистическое здание на соединении инициативы, политической и иной энергии сверху и мощно развивающегося хозяйственного интереса снизу. Этот хозяйственный стимул у рабочего, у крестьянина, у интеллигента — углубившийся при новой социальной обстановке — должен был стать той точкой опоры, упираясь в которую, пролетарское правительство могло бы высекать новые формы общества... Что же, есть ли у нас теперь что-либо похожее на результаты? Нет, нигде! Террор — в действии или в потенции — вырвал сразу почву из-под ног у всех расчетов... Экономический «интерес» говорит человеку о его непосредственной пользе, а террор не менее ярко говорит о непосредственной угрозе» (И. З. Штейнберг. **Нравственный лик революции.** Берлин, 1923. С. 92—94) (Штейнберг, 1919—1921).*

«В стереотипах сознания социализма один из самых важных — то, что многие, если не большинство его проблем связаны с развитием производства. Представляется, однако, что проблемы производства, как это ни парадоксально, никогда не являлись фундаментальными для организаторов и руководителей нового государства. Гораздо более важными и в теории, и в практике “реального социализма” являются проблемы потребления и присвоения. Производство — лишь подчиненный момент в этой системе» (С. Г. Кордонский. «Реальный социализм»: история, структура, парадоксы // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 44) (Кордонский, 1991).

20. Большевизм — движение реакционное, абсолютно лишенное творческого и созидательного начала.

*«...Большевизм, по своей внутренней сущности, есть движение глубоко реакционное... Большевизм ничего не сумел создать, и ничего не создаст: в этом его тяжчайший грех перед Россией и пред всем миром, поскольку Россия связана экономически, политически, морально с остальным миром» (Л. Шестов. **Что такое большевизм?** Берлин, 1920. С. 12) (Шестов, 1920).*

«Русские писатели, поставленные перед социальным заказом, и Европа, зрительница небывалого строительства, часто обманываются или обманывают, принимая большевистскую энергию за волю к творчеству, к созиданию. Слово “творчество”, кстати сказать, стало в России ходячей, модной монетой. Но, взглядываясь пристально в характер этого полубезумного творчества, видишь, что в основе его всегда лежит пафос борьбы. Борьба не создает ценностей, но разрушает: убивает живую силу врага и его — пусть ложные — ценности. Творчество немислимо без любовного созерцания идеи-цели, без момента внутренней тишины и радости, хотя бы рождаю-

щей самые бурные внешние проявления. Но большевизм уничтожил в себе все источники созерцания, радости, любви, то есть все источники творчества» (Г. П. Федотов. *Правда побежденных* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 37—38; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

21. Большевизм — паразитарно-хищнический экономический строй.

...Большевики — паразиты по самому своему существу... Большевики все же остаются паразитами — ибо, ничего не прибавляя к прежде созданному, питаются соками того организма, к которому они присосались. Как долго можно так существовать, сколько времени может питать Россия большевиков — не берусь сказать» (Л. Шестов. *Что такое большевизм?* Берлин, 1920. С. 13—14) (Шестов, 1920).

«Государственное хозяйство советской России покоится не только на производстве бумажных денег, но и на потреблении и на отчуждении накопленного буржуазным строем золотого запаса. Производя денежную бумагу, коммунистическое государство проедает золотой фонд, доставшийся ему в наследство от прежней России. Таким образом, в области финансового хозяйства коммунистическая власть чисто паразитарно-хищнически существует за счет прошлого... Если брать процесс, совершившийся в России, исторически, то следует признать, что коммунистическое хозяйство, сменившее хозяйство капиталистическое — довоенное и военное, явилось по отношению к ним чистейшим паразитом-хищником. Коммунизм эти три года жил на счет капиталистического и, в частности, военно-капиталистического хозяйства, на счет накопленных им запасов. Теперь он съел эти запасы — отсюда крайнее обострение экономического положения советской России. Это обострение есть кризис паразитарно-хищнического хозяйства, свергшего страну в натурально-хозяйственную реакцию» (П. Б. Струве. *Итоги и существо коммунистического хозяйства* (1921) // П. Б. Струве. *Избранные сочинения*. М., 1999. С. 297—298) (Струве, 1921).

22. Большевизм — измена Родине ради классово-выгоды.

«В критическую минуту люди променяли родину на классовую выгоду. Обещание земного рая за счет имущих классов — вот искушение, которому народы подвергались и раньше, но которому оказались не в силах противостоять народы современные... Утрата духовных цен-

ностей, экономизм, для которого рай чувственный, материалистический есть высшее, безусловное, — вот та всемирная болезнь, которая подточила национальное чувство и у нас, и в Германии, и в Болгарии» (Е. Трубецкой. Великая революция и кризис патриотизма. Б. м., 1919. С. 9) (Е. Трубецкой, 1919).

23. Большевизм — идеология крестьянства по дороге с фронта домой.

«Большевики были партией крестьянства по дороге с фронта домой» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 100) (Португейс, 1922).

24. Тоталитаризм — попытка закрепления варварства с помощью индустриализма.

«Получилась попытка закрепить “варварство” с помощью индустриальных средств...» (Ю. Левада. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 456) (Левада, 1989).

25. Большевизм — результат легкомысленного небрежения вопросами народного образования.

«Я думаю, что в значительной мере все переживаемое находится в теснейшей связи с той легкомысленной небрежностью, с какой русское общество поколениями относилось к вопросам народного образования» (В. И. Вернадский. Из подготовительных записей к выступлениям (октябрь—ноябрь 1920 г.) // Век XX и мир. 1989, № 6. С. 42) (В. Вернадский, 1920).

26. Тоталитаризм — не страшный стерильный мир, а помойка.

«Авторам антиутопий всегда представляется белый, сияющий стерильный мир из алюминия, стекла и каких-то еще летуче дивных металлов. А что получилось? Помойка» (Ю. Нагибин. Выступление на обсуждения романа Замятина «Мы» // Литературная газета. 1989. № 22) (Нагибин, 1989).

27. Большевизм — приоритет «лошадиных сил» над силой человеческой личности.

«Лошадинам силам полное раздолье, а сила человеческой личности зажата в такие омерзительные тиски насилия, хамства и бесчестия,

что весь большой социализм превращается в какую-то фантазмагорическую лошадиную морду, оскалившую зубы в ядовитом смехе: не любишь?!» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). *Люди и вещи* // Записки социал-демократа. 1931. № 3. С. 12) (*Португейс*, 1931).

28. Тоталитаризм — царство лжи.

«Никогда еще ложь не изготовлялась и не лилась в мир в таких пантагрюэлических количествах, как в современных тоталитарных странах. Ложь стала воздухом, которым там дышат, самой тканью культуры, производимой государством. Может быть, там, в зоне углекислоты, вырабатываются дыхательные приспособления организма, вроде способности видеть в темноте, — да и то, вероятно, у немногих. Большинство слепнет» (Г. П. Федотов. *Загадки России* // Новый журнал. 1943. № 5. С. 161) (*Федотов*, 1943).

29. Сталин — хозяин-варвар.

«Всякий бандит, овладевший государством, перестает отделять интересы этого государства от своих собственных. Сталин, как немецкие императоры в Петербурге XVIII в., прежде всего хозяин России. Но хозяин хищнический, варвар, головоотяп, который ради своих капризов или своей тупости губит землю, истощает ее силы. К естественному варварству прибавьте страх. Борьба за личную безопасность, за сохранение власти для тирана заслоняет все. Накануне войны он разрушает армию, чтобы обезопасить себя от заговоров — в этом весь Сталин» (Г. П. Федотов. *Торопитесь!* // Г. П. Федотов. *Защита России*. Париж, 1988. Т. 4. С. 214; первая публикация: *Новая Россия*. 1 янв. 1939 г. № 59) (*Федотов*, 1939).

30. Большевизм — преодоление раскола за счет варваризации.

...Раскол преодолевается путем катастроф, влекущих за собой варваризацию всей жизни общества (варваризация правящего рода путем его ассимиляции в удельные времена, варваризация нравов правящего класса при Иване Грозном, варваризация всего общества в результате Октябрьской революции)» (В. П. Идзинский. *Тайна российских катастроф* // Политические исследования. М., 1990. № 4. С. 65—66) (*Идзинский*, 1990).

31. Большевизм — нашествие внутреннего варварства.

«Этот процесс стихийной демократизации России может быть охарактеризован как нашествие внутреннего варвара. Но, подобно на-

шествию внешних варваров на античный мир, он имеет двойной смысл и двоякую тенденцию. Он несет с собой частичное разрушение непонятной и чуждой варвару культуры и имеет своим автоматическим последствием понижение уровня культуры именно в силу приспособления его к духовному уровню варвара. С другой стороны, нашествие это движимо не одной лишь враждой к культуре и жаждой ее разрушения; основная тенденция его — стать ее хозяином, овладеть ею, напиться ее благами. Нашествие варваров на культуру есть поэтому одновременно распространение культуры на мир варваров; победа варваров над культурой есть в конечном счете все же победа сохранившихся от катастрофы остатков этой культуры над варварами. Здесь нет в строгом смысле слова победителя и побежденного, а есть, среди хаоса разрушения, взаимное проникновение и слияние двух стихий в новое живое целое» (С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Л. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 11—12; первая публикация: Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

32. Большевизм — неврастеническая и злая сила.

«В старой русской литературе сила скорее была представлена добрым великаном. Сила была великодушной. Мы привыкли скорее к злобной слабости. Большевизм хочет быть злой силой — не потому ли, что чувствует свою тайную слабость (припадочность, неврастеничность)?.. Неврастеническая и злая сила, подавившая в себе окончательно жалость и любовь к человеку, — может ли сохранить в себе свежесть жизни, способной к природной, органической радости? На пороге XX века духовные предтечи большевизма (Горький, Арцыбашев) любили рисовать веселую и красивую жестокость нищиеанского зверя. Зрелый большевизм бежит красоты. Большевик никогда не смеется. Он скучает среди природы. Зелени ее полей он предпочитает угольную пыль рудников. Лязг машин — песне человеческого голоса. Он до сих пор не знает, что ему делать с любовью: превратить ли ее в товарищество борьбы, в безразличный чувственный акт или подавить ее совершенно. Ясно одно, ее нельзя допустить как любовь. Ибо всякая любовь — к человеку, к женщине, к земле, к искусству, к истине — расслабляет, “размагничивает” человеческую машину, функционирующую для убийства» (Г. П. Федотов. Правда победенных // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 34—35; первая публикация: Современные записки. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

33. Большевизм — система обращения людей в слякоть с целью властвования над ними.

«Имморализм присущ самой душе большевизма, зачатого в холодной, ненавидящей усмешке Ленина. Его система — действовать на подлость, подкупать, развращать, обращать в слякоть людей, чтобы властвовать над ними, — дала блестящие результаты» (Г. П. Федотов. *Тяжба о России* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 105; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1936. № 62) (Федотов, 1936).

34. Революция 1917 г. — спад, понижение энергии.

«Я не видел главного: революционного подъема; может быть, ошибался, может быть, ошибаюсь сейчас; я все время видел спад, понижение энергии. Не в гору — под гору шла революция. А как сформировался этот спад, то было почти безразлично» (В. Шкловский. *Сентиментальное путешествие*. (1923). М., 1990. С. 130) (Шкловский, 1923).

35. Большевизм — перестройка общества по типу паразитарно-потребительской солдатской коммуны.

«Порвав с великой традицией своего народа, поддавшись соблазну занесенной с Запада небытийной идеологии, она <российская интеллигенция. — Сост.> попыталась обуздать стихию русского бунта, следуя при этом доморощенной философии концентрированного насилия. Неэффективность этой практиковавшейся в России с октября 1917 года технологии власти стала очевидной уже в годы военного коммунизма, когда большевики предприняли титанические усилия по перестройке российского общества по образу паразитарно-потребительской солдатской коммуны с ее авторитарно-принудительными методами нормирования и регламентирования человеческой жизни» (А. Водолагин. *Диктатура посредственности* // В. Аксютин. Идеократия в России. М., 1995. С. 10) (Водолагин, 1995).

36. Большевизм — временная болезнь крепкого российского государственного организма.

«Современная Россия — даже при коммунизме — грозит всех своих конкурентов и не показывает решительно никаких признаков внутреннего распада: коммунизм — эта болезнь. Но коммунизм — это не дряхлость» (И. Солоневич. *Народная монархия*. М., 1991. С. 15) (Солоневич, 1940-е гг.).

37. Коммунистическая власть всеильна в сотворении зла и бессильна в сотворении добра.

«Власть в коммунистическом обществе всеильна и, вместе с тем, бессильна. Она всеильна негативно. Т. е. по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно. Т. е. по возможностям безвозмездно делать добро» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность**. М., 1980. С. 157) (Зиновьев, 1980).

38. Коммунизм — не уничтожение классов, а крайний классовый антагонизм властвующих и подвластных, являющийся огромным историческим регрессом.

«Как раз в коммунизме доминирующее место занимает вовсе не хозяйственный класс производителей, а политический класс правителей (аппарат), который подчиняет себе и подавляет два других класса. Проблема массы и правящего класса является центральной социологической и исторической проблемой, а вовсе не преходящая и уже потерявшая интерес проблема пролетариата и буржуазии. Как раз в коммунизме мы наблюдаем не уничтожение классов, а, напротив, крайний антагонизм классов и прежде всего аппарата и массы, властвующих и подвластных. Эти классы всегда существовали и, вероятно, будут существовать. Но та форма властвования, какую изобрел коммунизм, а за ним нацизм, форма вождизма и тоталитаризма есть огромный шаг назад. Ее существование есть позор для современного человечества, и ее уничтожение есть категорический императив» (Б. Вышеславцев. **Философская нищета марксизма** // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 149) (Вышеславцев, 1952).

39. Коммунизм — регрессивная метаморфоза народного хозяйства.

«Коммунизм Маркса и Ленина, может быть и даже наверно, психологически родился из настроений капитализма, но осуществление коммунизма, как оно произошло в России, не только не означает победы более совершенной экономической формации, а, наоборот, привело с собой неслыханный экономический регресс, реализовалось — да позволено будет употребить термин той эволюционной биологии, которую так почитал основатель коммунизма, Маркс, — в подлинной регрессивной метаморфозе всего народного хозяйства» (П. Б. Струве. **Итоги и существо коммунистического хозяйства**. Берлин, 1921. С. 13) (Струве, 1921).

40. Большевизм есть специфически русская (и невозможная на Западе) реализация массового «права на лень» с помощью диктатуры пролетариата.

*«Прежде всего бытовой основой большевизма, так ярко проявившейся в русской революции, является комбинация двух могущественных массовых тенденций: 1) стремления каждого отдельного индивида из трудящихся масс работать возможно меньше и получать возможно больше и 2) стремления массовым коллективным действием, не останавливающимся ни перед какими средствами, осуществить этот результат и в то же время избавить индивида от пагубных последствий такого поведения. Именно комбинация этих двух тенденций есть явление современное, ибо стремление работать меньше и получать возможно больше существовало всегда, но всегда оно подавлялось непосредственным наступлением пагубных последствий для индивида от такого поведения. Эту комбинацию двух тенденций можно назвать стихийным экономическим или бытовым большевизмом... Но большевизм, как он обнаружился в России, есть не только это, а целое политическое и социально-политическое движение, опирающееся на указанные две могущественные массовые тенденции и стремящееся, опираясь на них, организовать социалистический строй при помощи захвата государственной власти. Большевизм есть комбинация массового стремления осуществить то, что один социалист, Лафарг, назвал “правом на лень”, с диктатурой пролетариата. Эта комбинация именно и осуществилась в России, и в осуществлении ее состояло торжество большевизма, пережитое нами. Возможен ли в этом смысле большевизм на Западе? Я на этот вопрос даю категорический ответ: нет, невозможен. Социальное строение Запада и его культурный уровень совершенно несовместимы с большевизмом в этом смысле» (П. Б. Струве. **Размышления о русской революции** (1919). София, 1921. С. 11—12) (Струве, 1919).*

41. Русская революция — не только злое и дьявольское, но и глупое дело.

*«Мысли о регрессивном существе русской революции можно выразить еще проще так: если вообще русская революция есть чье-либо дело (а в известном смысле, как я сказал, революции всегда делаются), то она не только злое и дьявольское, но еще — и поскольку в этом деле участвовали народные массы, всего больше — глупое дело. Когда у кого-либо сгорел дом, это великая беда. Когда люди сами спалили свой дом, по злобе или по невежеству, это, во всяком случае, глупо. И они должны, прежде всего, восчувствовать это» (П. Б. Струве. **Познание революции и возрождение духа // Русская мысль**. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VIII. С. 309—310) (Струве, 1923).*

42. Большевистский переворот — социальная и политическая реакция эгалитарных низов против европеизации России.

«Этот период новой русской истории (1648—1917) есть эпоха европеизации российского пространства и его населения... Этот период завершается мировой войной и внутреннеполитическим и внешнеполитическим крушением 1917 года, когда под идеологическим покровом западного социализма и безбожия, в новых формах партийно-политического владычества, совершается по существу возврат в области социальной к “тягловому” укладу, к “лейтургическому” государству XV—XVII вв., в области политической — к той резкой форме московской деспотии, которая временно воплотилась во второй половине XVI века в фигуре Ивана Грозного. Большевистский переворот и большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социально-экономической европеизации России» (П. Б. Струве. **Социальная и экономическая история России.** Париж, 1952. С. 18—19) (Струве, 1938—1944).

43. Революционная проповедь большевиков развращала массы, ибо толкала ее не к должному, а к непосредственно желательному.

«Этот стихийный рост большевизма был вполне понятен. Вся проповедь большевиков была построена на самой низкой демагогии, на внушении массам мысли, что теперь все позволено, на игре на наиболее элементарных и эгоистических стремлениях масс. Конечно, в этой проповеди не было ни грана государственности, ни социализма, ни вообще какой-нибудь творческой идеи... Постепенно эта проповедь развращала массу, ибо она толкала ее не к должному, а к непосредственно желательному... Она говорила не об обязательствах, а об аппетитах. И масса, слишком мало воспитанная в свободной морали и политике, не задумывающаяся над тем, что же из этого выйдет для будущего, для грядущих поколений, бросалась на обещания сегодняшнего дня, шла за проповедью удовлетворения сегодняшнего аппетита своего» (Н. Д. Авксентьев. **Большевистский переворот. Воспоминания.** М., 1995. С. 5) (Авксентьев, 1920-е).

44. В большевизме шкурничество победило Революцию.

«Кто не помнит ленинских лозунгов 1917 года? — Это было подлинное шкурничество... Все темное, все звериное, все личное, противобщественное было поднято большевистскими демагогами с самого дна народной души. Шкурничество победило Революцию. И на этом фундаменте, на социальной реакции низов было выстроено все вели-

коленное здание московского коммунизма. Здоровые трудящиеся слои русского народа никогда не были с большевиками» (А. Ф. Керенский. *Веяние смерти* (1921) // А. Ф. Керенский. *Издаലെка* (сборник статей 1920—1921 гг.). Париж, 1922. С. 63) (*Керенский*, 1921).

«Ни человек, ни класс, ни отечество, ни интернационал трудящихся, ни человечество за пять лет от “революции” не выиграли, а потеряли. Развеена по ветру, на долгие годы погасла вера в человека, уважение к труду, к слову, к разуму коллективных усилий, к энтузиазму. Пробуждены и освящены эгоцентрические, шкурнические, первичные инстинкты в человеке» (М. Вишняк. *Пятилетие* // *Современные записки*. Париж, 1922. № 13. С. 262) (*Вишняк*, 1922).

45. Отличительная черта большевизма — примитивизм и недоверие к культуре.

«Примитивная вера, примитивная прямолинейная логика, примитивная идеология и примитивные инстинкты при полном неуважении и недоверии к культуре, и к опытности старой мудрой Европы, — вот что составляло отличительные черты большевизма» (П. Я. Рысс. *Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции*. Париж, 1921. С. 116) (*Рысс*, 1921).

46. Ленин — тип упрощенного человека.

«Лишь взглядываясь в выражение глаз Ленина, замечаешь, что пред тобой человек большой воли, каким Ленин и является. Но воля, как прирожденное качество, не отличительная черта его природы. Едва ли не самым для него характерным является схематичность его ума, — отсюда — небрежность во всем. Ленин — схематик в науке, он набрасывает контуры, он очерчивает границы, но в пределах этих границ — огромное пустое место, которое всякий может заполнить чем ему угодно... И далее, как я говорил, Ленин небрежен. Он небрежен в своих писаниях, в речах, а одежде, в пище, в обращении с людьми. Он не замечает, не умеет замечать ничего, ибо будучи эгоцентриком — не пытается уделить время и внимание людям и вещам. И, как большинство эгоцентриков, он высокомерен, замкнут в себе, и глубоко презирает людей... И далее: это законченный тип того упрощенного человека, о котором мечтал Лев Толстой. Не из принципов, но по природе своей, Ленин — само упрощение. При сильном логическом, но упрощенном уме схематика и фанатика, он инстинктивно упрощен и в обыденной жизни. Ему чужда культура быта и, сам того не замечая, он живет в грязи, без потребности жить в чистоте, как живет европеец даже низшего класса. Инстинктивно не нуждаясь в

культуре, он примитивен в потребностях своих, ест, что угодно, лишь бы быть сытым; одевается во что попало, лишь бы укрыть тело от непогоды; спит в любом помещении и на любой постели, только бы выспаться и т. д., и т. д. Отсюда — моральная и физическая неразборчивость... Ленин не неморален: как первобытный человек — он аморален, без слов, без оправданий для себя, так как сам он не сознает ни величия подвига, ни глубины падения» (П. Я. Рысс. **Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции.** Париж, 1921. С. 118—119) (Рысс, 1921).

«Слушая первые ленинские речи, я недоумевал: он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно. Основною чертою психологии и идеологии его речей была не простота (настоящая простота внутреннее всегда сложна), а какое-то ухарски-зlostное упростиельство... Его непобедимость заключалась не в последнюю очередь в том, что он творил свое дело не столько в интересах народа, сколько в духе народа, не столько для и ради народа, сколько вместе с народом, то есть созвучно с народным пониманием и ощущением революции как стихии, как бунта. Как прирожденный вождь, он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом — догматом о тождестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня кое-как, начерно исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса. На этом внутреннем понимании зудящего “невтерпеж” и окончательного “сокрушай” русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такою силою надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира. Для всей психологии Ленина характернее всего то, что он, в сущности, не видел цели революции, а видел всего только революцию как цель. Благодаря такой установке он ощущал себя до конца и навсегда слитым с революцией: и потому, быть может, он был единственным из деятелей революции, который никогда не представлял себе момента своего отхода от революции на основании отхода революции от своих подлинных путей и существенных целей» (Ф. Степун. **Мысли о России // Современные записки.** Париж, 1927. № 33. С. 345—347) (Степун, 1927).

«Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присви́ста, которым часто обрывается

скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такою силой, как оно, что греха таить, все же случилось» (Ф. А. Степун. **Бывшее и несбывшееся**. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 104) (Степун, 1943).

«Помню свой разговор в 1917 году в Царском Селе с Плехановым. Говоря о Ленине, он сказал мне: “Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что это человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант — невероятный дар упрощения”. Думаю, что подмеченный Плехановым в Ленине дар упрощения проник в русскую жизнь гораздо глубже, чем это видно на первый взгляд. Быть может, он не только материально, экономически развалил Россию, но и стилистически уподобил себе своих идейных противников. Если внимательнее присмотреться ко многим господствующим сейчас в русской жизни культурным явлениям, в особенности же к тем формулам спасения России, которые предлагаются ныне некоторыми “убежденными людьми”, то невольно становится жутко: до того силен во всем ленинский дар упрощения. И в “сменовеховстве”, и в вульгарном монархизме... и в почти модном ныне отрицании демократии как пустой формы и социализма как коммунизма, игнорирующем элементарные соображения, что и форма на своем месте может быть величайшим содержанием, и что не все дети выходят в отцов, а некоторые и в прохожих молодцов, и во многом другом очень много неосознанной большевистской заразы. Спасти всех стоящих сейчас на распутье от этого вездесущего большевизма, от преждевременного движения все равно куда, лишь бы по линии наименьшего сопротивления... — величайшая задача демократии» (Ф. А. Степун. **Мысли о России // Современные записки**. Париж, 1923. № 17. С. 360) (Степун, 1923).

47. Большевистская революция обнажила наиболее «упрощенные» формы социальной жизни.

«Революция обнажила тот психологический склад в народной душе, который определяется “простотой” как высшим критерием ценности. Все мы знаем этот чисто русский критерий в применении к искусству, к этике. С “простотой” прекрасно вяжется мужицкая республика, возглавляемая Калининым, но никак не вяжется мистика “помазанного” или наследственного царя» (Г. П. Федотов. **Проблемы будущей России** (2) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 262; первая публикация: **Современные записки**. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

48. Большевизм — борьба с конституционными преобразованиями России.

«Революция в той стадии, которую мы переживаем, в стадии вдохновляемого “социалистическими” лозунгами бунта рабочих и крестьян, направляется против зародышей русской конституции, — ибо что же такое в политическом отношении есть большевизм и разный полубольшевизм, как не борьба с конституционными преобразованиями России, начатыми в первое десятилетие XX века?» (П. Б. Струве. В чем революция и контрреволюция (1917) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 255) (Струве, 1917).

49. Большевистская революция — антибуржуазная контрреволюция.

«Если, таким образом, переживаемая Россией революция является и не может не являться революцией буржуазной в глубочайшем смысле этого слова, то отсюда непременно вытекает вывод: русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе развития самых широких народных масс России быть преодолен и сметен» (П. Б. Струве. В чем революция и контрреволюция (1917) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 256) (Струве, 1917).

50. Большевистская революция — не антифеодальная, а революция против собственности вообще.

«Революция обрушилась одинаково и на помещичью, и на крестьянскую собственность. Вот почему с чисто объективной точки зрения совершенно неверно говорить, что революция покончила в России с каким-то феодальным строем. В истории России, конечно, были элементы и феодального строя, но в 1917 г. сметены были не эти элементы, а собственность, по своему существу вполне совпадающая с тем, что называют на Западе “собственностью общего права”. Характер аграрной революции в России определился именно тем, что в России выпал, собственно говоря, тот период развития и тот уклад жизни, который назывался на Западе феодальным и в котором исторически сложилась идея и институт крестьянской собственности» (П. Б. Струве. Россия (1920) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 342) (Струве, 1920).

II. БОЛЬШЕВИЗМ — ГОСПОДСТВО ХУДШИХ

1. Большевизм — варварский индивидуализм, «хамизм».
2. Большевистские комиссары являются бессильной жертвой в лапах одичавшего народа.
3. Русская революция — восстание труда материального против труда духовного, восстание «народа» против «культуры», против Петра и Пушкина.
4. Большевизм открыл все шлюзы низким страстям.
5. Большевики своей демагогией превратили российский народ в чернь.
6. Революцию делали биологические отбросы нации.
7. Русский социализм — торжество серости.
8. Коммунизм — власть троечников над отличниками.
9. Советская власть — диктат окраин над Великороссией, деревни над городом, интеллигентов над интеллектуалами.
10. Большевизм воспользовался предательством русского мужика, отрекшегося от русской культуры.
11. Большевизм — «перекрытие кислорода» культурным классам.
12. Советский строй — имитация мужиками жизни культурных классов.
13. Коммунистическая партия — аппарат игры на человеческой низости.
14. Социализм — серый рай небытия.
15. Большевистская диктатура культивирует подлость.
16. Коммунизм — не русская национальная черта, а просто «общество плохо работающих людей».
17. Коммунизм как таковой — «общество плохо поступающих людей».
18. Огрубленный марксизм, став основой советского воспитания, превратил страну в «собачью пещеру», где могут выживать только низкие ростом.

19. Революция 1917 г. — деревенско-местечковая реакция на ускоренную европеизацию.
20. Большевизм принес в Россию антиэволюцию и вырождение, главными субъектами которых стали крестьянство и интеллигенция.
21. Большевизм — это «противоотбор», ведущий к нравственной и умственной деградации.
22. Большевики уничтожили лучшее и динамизировали худшее в национальном характере.
23. Коммунизм — система взаимного опошления людей.
24. Социалистическая государственность — «диктатура бездарности», порожденная победоносным страхом черни перед открытыми рыночными отношениями.
25. Большевизм — «диктатура клопов в отдельно взятой ими квартире».
26. Коммунизм — «власть нищих или нищая власть».
27. Сталин (как и Петр I) рекрутировал свое окружение из отбросов общества.
28. Коммунизм — бери, что лежит.
29. Большевизм — система селективного «противоотбора» худших.
30. Коммунизм — уничтожение совести.

1. Большевизм — варварский индивидуализм, «хамизм».

«В русской революции нарушен иерархический принцип в такой степени, как ни в одной из революций мира... Французская революция была кровавой и страшной, но и в ней не было полного разрушения того иерархического начала, на котором покоится всякий строй государства и общества, всякая цивилизация. Западная Европа и после всех революционных переворотов осталась иерархической, в ней сохранились традиции всякого цивилизованного общественного бытия. Народы Запада признают градации, различия, ступени, признают возвышения, подбор лучших, подбор качеств. Русские революционеры эти западные свойства воспринимали как "буржуазность" И русское восстание против всякого иерархизма ведет к господству худших, недостойных, неблагородных, русское отрицание "буржуазности" легко превращается в самую худшую, самую хамскую "буржуазность", самое безобразное мещанство. В сущности, русский революционный демократизм враждебен иерархическим основам всякого цивилизованного культурного бытия, всякого государственного и общественного бытия. Это есть варварский индивидуализм, своеволие каждого индивида, который с себя хочет начинать историю мира, ничего не почитая выше себя... В нравственном облике нашей

революционной демократии восторжествовал хамизм, низвергающий всякое благородное почитание того, что качественно выше, достойнее, ценнее, духовно сильнее. Каждый самый ничтожный, самый низкий по своей духовной культуре, по своей одаренности, по своему моральному обличку, почувствовал себя царем и самодержцем, ощутил себя носителем суверенной власти» (Н. А. Бердяев. Демократия и иерархия // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 172—173, 176; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 24. С. 5—10) (Бердяев, 1917).

2. Большевистские комиссары являются бессильной жертвой в лапах одичавшего народа.

«Г. г. народные комиссары совершенно не понимают того факта, что когда они возлагают лозунги “социальной” революции — духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами: Громи, грабь, разрушай... Окруженные взволнованной русской стихией, они ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбужденного ими зверя» (М. Горький. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1 февр. 1918 г. С. 185—186) (Горький, 1918).

3. Русская революция — восстание труда материального против труда духовного, восстание «народа» против «культуры», против Петра и Пушкина.

«Социальной, а, глубже, и духовной сущности русской революции нужно искать не в столкновении классов трудящихся с классами имущими, не в борьбе пролетариата с буржуазией, а прежде всего в столкновении жизненных интересов и в противоположности жизнеощущений представителей труда материального и труда духовного. Это очень глубокий конфликт труда количественного с трудом качественным, это — трагическое для судьбы России столкновение “народа” с “культурой” Народ восстал против дела Петра и Пушкина. Причины такого характера нашей несчастной революции заложены очень глубоко в прошлом. По сравнению с этой основной противоположностью, обнаружившейся в стихии русской революции, совершенно меркнут все остальные противоположности, которыми так занято привычное мышление... Своеобразная трагедия русской революции — в развержении зияющей бездны, разделяющей и противопологающей мир труда духовного, умственного творческого, мир создателей ценностей культуры и благ государства, и мира труда материального, бескачественного, мира варварски враждебного вся-

кой культуре и всякому государству. В России столкнулось варварство и культура, огромное по объему варварство с очень небольшой по объему культурой. Революция не пробудила в народе жажды света, движения вверх. Наоборот, темная стихия народная тянет верхи культурные вниз, требует понижения их качественного уровня. Труд материальный заявляет исключительное притязание господствовать над трудом духовным. Вся умственная и духовная работа многих поколений, выковыывающих все ценности и блага цивилизованного существования, объявляется “буржуазной” и ненужной» (Н. А. Бердяев. Духовный и материальный труд в русской революции // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 65—67; первая публикация: Народоправство. 21 янв. 1918 г. № 21—22) (Бердяев, 1918).

4. Большевизм открыл все шлюзы низким страстям.

«Осенью, как и весной, массы дали увлечь себя вождям, с которыми, в сущности, они не имели ничего общего и которые пытались использовать энергию стихийного обвала для своей политической работы. Люди октября в этом успели потому, что в своем безграничном имморализме открыли все шлюзы низким страстям» (Г. П. Федотов. Февраль и Октябрь // Г. П. Федотов. Защита России. Париж, 1988. Т. 4. С. 97; первая публикация: Новая Россия. 14 марта 1937 г. № 23) (Федотов, 1937).

5. Большевики своей демагогией превратили российский народ в чернь.

«Я уверен, что беспристрастная История в Храме Славы поставит Ленина в одну галерею с героями смутного времени... Истинно творческой революцией в России была Мартовская революция. Октябрьский же переворот был подлинной контрреволюцией, превратившей “Революцию” в “Смуту” со всеми ее характерными признаками и последствиями. Путем самой разнузданной демагогии Ленину и К^о удалось превратить мощный организованный революционный Русский народ в мятущуюся, слепую, а потому грозную и опасную толпу, — в чернь, которая во все времена являлась “бичом Божиим”» (Е. Лазарев. Ленин-Ульянов. Прага, 1924. С. 7—8) (Лазарев, 1924).

6. Революцию делали биологические отбросы нации.

«...Тот слой населения, который после революции именовался у нас собирательным и ругательным именем “товарищи”, — был лишен какой бы то ни было этики и каких бы то ни было запретов: это была

истинная и стопроцентная сволочь... И над этой сволочью возвышался организующий слой революции — слой людей, одержимых ненавистью ко всему в мире, слой фанатиков, изуверов, садистов, кровавых мечтателей мараатовского стиля. Но и фанатики и сволочь никаким пролетариатом не были. Они были "out cast" — не социальным, а биологическим осадком нации» (И. Л. Солоневич. Диктатура слоя // И. Л. Солоневич. Полное собрание сочинений. Буэнос-Айрес, 1956. Т. 2. С. 138) (Солоневич, 1946).

7. Русский социализм — торжество серости.

«Социалистическая идеология всегда грешила тем, что она являлась идеологией бескачественного материального труда, что она отрицает в труде начало иерархическое, что она не дает соответствующего места качеству, способности, образованию и призванию, что она механически уравнивает трудящихся и исключает возможность подбора лучших и их преобладания в общественной жизни. Материалистический социализм, взятый в чистом и отвлеченном виде, роковым образом ведет к подбору худших и к их преобладанию, он должен кончиться охлократией... Горы сравнять с долинами — вот пафос русского социализма. Это и есть "шигалевищина", гениально раскрытая Достоевским в "Бесах"» (Н. А. Бердяев. Духовный и материальный труд в русской революции // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 70; первая публикация: Народоуправство. 21 янв. 1918 г. № 21—22) (Бердяев, 1918).

«Пусть историки изучат, когда в силу каких механизмов отбора, какой человеческий материал подымался снизу и к концу 30-х годов составил то, что теперь называлось "кадрами", прежде всего новой породы управляющих. Пусть нам покажут количественные параметры этого процесса, проследят за множеством конкретных судеб, и мы поймем, как нарастал аппаратный класс и почему наиболее примитивным, бесцветным и невежественным людям было легче, чем другим, всплыть наверх. Они могли быть и были, конечно, разными, от природы добродушными или злыми, честными или прохиндеями, работающими или лентяями, фанатиками или циниками, с непритворными бытовыми запросами или ворами, — но в этом пункте они все заметней сближались. При известном числе исключений, таково было правило, а со временем воспроизводство по принципу конформности, серости делало исключения практически невозможными. Только нужды войны внесли в это определенные коррективы» (Л. Баткин. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 46) (Баткин, 1989).

8. Коммунизм — власть троечников над отличниками.

«Я не знаю, как в Японии, но у нас, в нашей стране, власть коллектива над личностью, власть общины над индивидуальностью — это не что иное, как власть троечников над отличником. Любой человек, который учился в средней школе, особенно в советской средней школе, знает, что такое власть троечников над отличником. Советская власть ради того, собственно, и была создана. И никакого отношения, как мне кажется, такого рода власть к чему-то надличностному, кроме как в смысле подавления личности (в том числе и личности, глубоко и органично вошедшей в эту область), не имеет» (А. Кабаков. **Выступление в дискуссии журнала «Вопросы философии»** // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 33) (Кабаков, 1992).

9. Советская власть — диктат окраин над Великороссией, деревни над городом, интеллигентов над интеллектуалами.

«Советская власть, построенная по этническому и сословному признаку легко трансформируется, при этом оставляя неприкосновенными основные постулаты: диктат окраин над Великороссией (то есть проведение антирусской политики), диктат деревни над городом (комплектация высших законодательных и исполнительных органов крестьянами или детьми и внуками крестьян), и, наконец, диктат интеллигентов (то есть андерграунда) над интеллектуалами (власть выходцев из низших сословий над потомственной интеллектуальной и духовной элитой)» (Д. Галковский. **Андерграунд** (часть 1) // Независимая газета. М., 26 нояб. 1992 г. № 227. С. 5) (Галковский, 1992).

10. Большевизм воспользовался предательством русского мужика, отрекшегося от русской культуры.

«А уж собственно русский мужик оказался просто сволочью и предателем. Это русский мужик хотел сжечь на костре русского помещика и русского писателя Бунина, это русский мужик, по словам Гиппиус, “со смехом и семьями” отрекался от христианства еще в 17—18-м годах, это русский мужик, глупый и жадный, за дешевые покупки большевиков личардой верным грабил и убивал “белых русских”, русских горожан, потому что еврейские горожане пообещали ему больше (и проще — «убил и съел»). Советскую власть придумали не в русской деревне. Наоборот, те, кто ее придумал, русскую деревню презирали. Но строили советскую власть руками русского мужика, и он, науськанный, перебивший и ограбивший своих хозяев, оказался глупым, голым дурачком, которого используют “за так” — “Ты

нам пуд зерна, а мы тебя сегодня бить не будем» (Д. Галковский. *Андерграунд* (часть 1) // Независимая газета. 26 нояб. 1992 г. № 227. С. 5) (Галковский, 1992).

11. Большевизм — «перекрытие кислорода» культурным классам.

«Перекрыли кислород». Очень советское выражение. Просто, гигиенично: какая-то мразь крутанула краник, а за стеной человек захрипел от удушья. Русским — образованным, русским горожанам, русским “с правилами” — в известный момент перекрыли кислород... Невозможно представить тот чудовищный груз травли и преследований, который обрушился на русские образованные классы после 17-го года. При безудержном восхвалении и колоссальных привилегиях, как из рога изобилия высыпанных большевиками на “черных русских”, “глупых русских”, все, что хотя бы на йоту возвышалось над уровнем серого деревенского болота, подвергались осмеянию и искоренению... Жизнь в СССР этих людей — выходцев из семей русских мецан и священников — это постоянное нахождение в “пограничной ситуации” В положении придурков, которые, кривляясь и гримасничая, получают законное право подбирать обедки у ограды монгольского табора. При этом у деревенского хамья было “сто путей, сто дорог» (Д. Галковский. *Андерграунд* (часть 1) // Независимая газета. М., 26 нояб. 1992 г. № 227. С. 5) (Галковский, 1992).

12. Советский строй — имитация мужиками жизни культурных классов.

«Жизнь помещиком русский крестьянин понимал как жизнь вместо помещика — в его доме, в его халате и т. д. Сотни тысяч советских агрономов и председателей колхозов — это просто деревенские мужики, притворяющиеся помещиками. Их деятельность только притворство и имитация управлением сельским хозяйством. Зерно же покупается в Канаде... Разграбив имения и перебив дворянство, крестьяне стали как бы помещиками. Но мечта осуществлялась дальше и больше. Ведь помещики не просто помещики — они живут в городе и что-то там делают по военной и гражданской части. Следующим этапом самозванства явилось превращение крестьян в как бы офицеров. Возник тип “советского офицера” — жалкого существа в заляпанном мундире, похожем на мешок, и с блестящим военным образованием, смысл которого уместается в короткую фразу: “Ура, наши идут!..” Тут же возник тип и как бы чиновника. Вот он в его максимальном развитии — безлобое существо в громадном пиджаке, открывающее лаптем дверь в свое министерство: разнос актива, щипок секретарши за ягодицу, беседа по вертушке и “банька” Кулачество добралось до вершины, став как бы писателями. Для облег-

чения задачи был создан волшебный Литературный институт, где упрямый “селькор” по советскому велению, по своему хотению обочивался из деревенского Ивана-Дурака Великим Писателем Земли Русской» (Д. Галковский. *Андерграунд* (часть 2) // *Независимая газета*. 27 нояб. 1992 г. № 228. С. 5) (Галковский, 1992).

13. Коммунистическая партия — аппарат игры на человеческой низости.

«Теперь мы знаем, как управляется коммунистическая партия. Изумительный организационный аппарат ее сводится главным образом к искусству игры на человеческой низости» (Г. П. Федотов. *Правда побежденных* // Г. П. Федотов. *Судьба и грехи России*. СПб., 1992. Т. 2. С. 34—35; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

14. Социализм — серый рай небытия.

«Слушайте речи социал-демократов, читайте их газеты, их брошюры, их книги. Все говорят одно и то же, пишут одним и тем же языком, повторяют те же слова, пережевывают одни и те же серые мысли. Нигде не видно лица, личной мысли, личного творчества. От этого делается почти жутко. Спускается серая мгла и сулит серый рай, рай небытия» (Н. А. Бердяев. *О буржуазности и социализме* // Н. А. Бердяев. *Собрание сочинений*. Париж, 1990. Т. 4. С. 25; первая публикация: *Русская свобода*. 1917. № 8) (Бердяев, 1917).

«Русский революционный социализм одержим жаждой равенства во что бы то ни стало. Этот соблазн абсолютного равенства ведет к истреблению всех качеств и ценностей, всех возвышений и подъемов, в нем — дух небытия. Бытие зачалось в неравенстве, в возвышении качеств, в индивидуальных различиях... “Погашение всех качественных различий” и всех возвышений было бы возвратом к первоначальному небытию, которое есть совершенное равенство, полное смешение. Восстание первоначального хаотического небытия периодически бывает в истории, целые общественные движения могут быть окрашены в его цвет... Атеистический социализм, мнящий себя новой религией, есть конечно религия небытия» (Н. А. Бердяев. *Кто виноват?* // Н. А. Бердяев. *Собрание сочинений*. Париж, 1990. Т. 4. С. 95—96; первая публикация: *Русская свобода*. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

15. Большевицкая диктатура культивирует подлость.

«Честные работники, образующие советский актив, живут в одной среде с проходимцами и провокаторами. Они ими облеплены весьма

густо. Режим диктатуры, особенно на ее идеологическом ущербе, чрезвычайно благоприятен для культуры подлости» (Г. П. Федотов. **Тяжба о России** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 117; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1936. № 62) (Федотов, 1936).

16. Коммунизм — не русская национальная черта, а просто «общество плохо работающих людей».

«Коммунистическое общество, повторяю, есть общество плохо работающих людей. Это не есть национальная русская черта» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 120) (Зиновьев, 1980).

17. Коммунизм как таковой — «общество плохо поступающих людей».

...Коммунизм — это прежде всего общество плохо поступающих людей... Общество здесь выпускает в массовых масштабах превосходно сделанные существа, лишенные каких бы то ни было социально-нравственных устоев и готовые на любую мерзость, какая от них потребуется смотря по обстоятельствам» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 142) (Зиновьев, 1980).

18. Огрубленный марксизм, став основой советского воспитания, превратил страну в «собачью пещеру», где могут выживать только низкие ростом.

«Но постепенно большевизм осуществил свои потенции: прибрал к рукам, “организовал” все духовное хозяйство. С 1922—1923 года марксизм становится обязательным в науке, с тридцатых годов — сталинизм в литературе. Там, где организация побеждала, наступала медленная смерть от удушья. И сейчас Россия — духовная пустыня. Такой результат неизбежен во всяком тоталитарно-тираническом государстве, какова бы ни была идея, положенная в его основу. В России такой идеей оказался марксизм. Я сомневаюсь чтобы марксизм, даже в условиях наиболее благоприятных, в обстановке совершенной свободы, мог лечь в основу значительной культуры. Какова бы ни была его ограниченная ценность в политической экономии и социологии, в нем совершенно отсутствует тот воздух, в котором может дышать человеческая личность. Марксизм культурно возможен как прививка к чему-то иному: даже у Маркса — к его классическому гегельянскому гуманизму. Страна, всерьез сделавшая марк-

*сизм единственной основой воспитания, превращается в “собачью пещеру”, где могут выживать только низкие ростом. Я не закрываю глаза на то, что русский большевизм, в особенности сталинизм, весьма далеко уклонился от настоящего марксизма. Чрезвычайно огрубляя его, с другой стороны, ассимилировал его с иными, чуждыми ему, хотя столь же элементарными идеями: с философским волюнтаризмом, с культом вождей — в последней редакции, даже с великорусским национализмом. Это дало возможность дышать и в собачьей пещере, — но все же каким спертым воздухом! Жизнь возможна и в России, но какая убогая! О культурном расцвете в странах марксизма нельзя и мечтать» (Г. П. Федотов. *Завтрашний день (Письма о русской культуре)* // Г. П. Федотов. *Судьба и грехи России*. СПб., 1992. Т. 2. С. 191—192; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1938. № 66) (Федотов, 1938).*

19. Революция 1917 г. — деревенско-местечковая реакция на ускоренную европеизацию.

*«Соответственно сейчас официальный культурный слой в стране обрывают идеологи деревенско-местечковой реакции 1917 года. Я подчеркиваю, не революции, а именно реакции, реакции на внедряющуюся лихорадочными темпами в Россию европейскую культуру» (Д. Галковский. *Андерграунд* (часть 1) // Независимая газета. 26 нояб. 1992 г. № 227. С. 5) (Галковский, 1992).*

20. Большевизм принес в Россию антиэволюцию и вырождение, главными субъектами которых стали крестьянство и интеллигенция.

*«Советская власть умудрилась сделать так, что ум и инициатива приносили людям больше неприятностей и хлопот, чем жизненного успеха, а энергия стала искать обходных путей или воплощалась в партийной карьере. В обществе повсюду пошла антиэволюция, то есть вырождение. Главными субъектами вырождения стали крестьянство и интеллигенция» (А. Севастьянов. *Русские и капитализм*, М., 1992. С. 99) (Севастьянов, 1992).*

21. Большевизм — это «противоотбор», ведущий к нравственной и умственной деградации.

*«На первом месте здесь стоит физическое уничтожение людей... Через этот противоотбор из населения срезались самые ценные нравственно или умственно люди» (А. Солженицын. *«Русский вопрос на исходе века*. М., 1995. С. 81) (Солженицын, 1995).*

22. Большевики уничтожили лучшее и динамизировали худшее в национальном характере.

«Большевики издергали, искрутили и изожгли наш характер — более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства, а в чем динамизировали — то в плохом и жестоком, однако не восполнив наш национальный жизненный порок: малую способность к самостоятельности и самоорганизации, вместо нас все это направляли комиссары» (А. Солженицын. «Русский вопрос» на исходе века. М., 1995. С. 105) (Солженицын, 1995).

23. Коммунизм — система взаимного опошления людей.

«Может быть, это взаимное опошление есть одно из самых страшных явлений коммунизма» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 137) (Зиновьев, 1980).

24. Социалистическая государственность — «диктатура бездарности», порожденная победоносным страхом черни перед открытыми рыночными отношениями.

«Советская система — диктатура бездарности, диктатура страха, который бездарность испытывает перед талантом. Именно страх перед открытыми рыночными отношениями, страх проиграть на рынке... питает во всем мире социалистические идеи. У нас же этот победоносный страх обрел черты государственности...» (Л. Тимофеев. **Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать** (1978) // Л. Тимофеев. Черный рынок как политическая система. М., 1993. С. 74) (Тимофеев, 1978).

25. Большевизм — «диктатура клопов в отдельно взятой ими квартире».

«Главная ошибка большевиков... заключается в тупиковости дегенерации как формы развития, коль скоро она приобретает доминирующий характер. Дегенерация вполне мирно существует, например, в биологии: типичным примером ее является возникновение паразитов. Но представьте себе диктатуру клопов в отдельно взятой ими квартире. Ведь рано или поздно — так уж клопы устроены — всю наличную кровь они выпьют, всех своих кормильцев уморят, а дальше? А дальше — подохнут с голоду сами... Паразитическая диктатура... самоубийственна; она несет в себе зародыш собственной гибели, сама истачивает свои силы» (Д. Юрьев. **80 лет вне нашей эры** // Русская мысль. 1997. № 1496) (Юрьев, 1997).

26. Коммунизм — «власть нищих или нищая власть».

«Это власть нищих или нищая власть. Отсюда — неизбежная тенденция компенсировать низкую зарплату путем использования служебного положения» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 156) (Зиновьев, 1980).

27. Сталин (как и Петр I) рекрутировал свое окружение из отбросов общества.

«Трагическая судьба всякой революции — в том числе и петровской — заключается в том, что она всегда строится на отбросах... Поставим точки над "i": около Петра подбирались совершеннейшая сволочь, и никакой другой подбор был невозможен вовсе. Петр шаргался от всего порядочного в России, и все порядочное в России шаргалось от него... Сталин, вырезав ленинских апостолов, поставил свою ставку на сволочь, на отбросы, на выдвигенцев, то есть на людей, которые «выдвинулись» только благодаря его, Сталина, поддержке и которые ни по каким своим личным качествам ни в какой иной обстановке выдвинуться не могли. И поэтому они зависят от Сталина целиком и Сталин от них зависит целиком. Погиб Сталин — погибли и они. Они оставят Сталина и Сталин будет зарезан первым же попавшимся конкурентом. Отсюда происходит их обоюдная преданность — действительно уж "до гроба" Отсюда же и универсальность задач, которые возлагались на оба сорта выдвигенцев — и петровских, и сталинских. В обоих случаях вопрос шел во все не о "пользе дела", а об охране "завоеваний революции"» (И. Солоневич. Народная монархия. М., 1991. С. 460—462) (Солоневич, 1940-е гг.).

28. Коммунизм — бери, что лежит.

«Надо понимать природу коммунизма. Сама идеология коммунизма, все ленинское воспитание таково, что оно считает дурачком того, кто не берет того, что лежит. Если можно взять — бери, если можно наступать — наступай, а вот если стена — отступи. И коммунистические правители уважают только твердость и презирают и смеются над теми, кто им все время уступает» (А. И. Солженицын. Речь в Нью-Йорке 9 июня 1975 г. // А. И. Солженицын. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 225) (Солженицын, 1975).

29. Большевизм — система селективного «противоотбора» худших.

«Неприглядный разлив нашей стихии, необузданность народного своеобразия сказались больше с Февраля 1917. Напротив, октябрьский переворот — и в Петрограде, и при московских боях, прошел при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва.

А большевики-то быстро взяли русский характер в железо и направили работать на себя. В советские годы иронически сбылось пожелание Леонтьева, что русский народ “не надо лишать тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность... Он должен быть сызнова и мудро стеснен в своей свободе; удержан свыше на скольском пути эгалитарного своеобразия” Сбылось — и с превышением многократным.

Селективным противоотбором, избирательным уничтожением всего яркого, отменного, что выше уровнем, — большевики планомерно меняли русский характер, издегали его искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевицким гнетом я достаточно много писал и в «Архипелаге» (Часть IV, гл. 3), и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменой местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, — в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость — до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от попавших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, — всеугнетное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго — утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства. Как сказал Борис Лавренев (еще в 20-е годы, после гражданской войны): “Большевики перекипятили русскую кровь на огне” Было, было — и это ли не изменение, не полный пережог народного характера?!

Советский режим способствовал подъему и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа еще во стольких людях сохранилась» (А. И. Солженицын. Россия в обвале. М., 1998. С. 170—171) (Солженицын, 1998).

30. Коммунизм — уничтожение совести.

«Ну нет у советского человека совести, что тут поделаешь? Даже ткани такой в мозгу не осталось, которая бы сохранила следы

моральных норм... Режим был обречен, но, прежде чем сдохнуть, он успел сделать последнюю подлость: окончательно скурвил страну соблазном легкого, без усилий и жертв, выздоровления» (В. Буковский. Московский процесс. М., 1996. С. 52, 73) (Буковский, 1996).

III. БОЛЬШЕВИЗМ — ПОДПОЛЬНО-УГОЛОВНАЯ СИСТЕМА

1. Марксизм и коммунизм — «идеология социального преступления».
2. Большевизм — победа темной, подпольно-провокаторской России.
3. Коммунистическая Россия — громадное революционно-социалистическое подполье.
4. Коммунистический режим вплоть до своего краха так и не смог выйти из темного сектантского подполья.
5. Большевики — уголовники, нижний этаж политического подполья.
6. Большевистский режим повсеместно вывел на поверхность преступные элементы — гнилой человеческий шлак.
7. Большевики сделали ставку на пауперов с психологией уголовников.
8. Сталинская власть впитала многое из этики и обычаев уголовного мира.
9. В генезисе революционно-социалистической мафии, пришедшей к власти в России, большую роль сыграл мир «воров в законе».
10. В советском строе нельзя не совершать преступлений.
11. Коммунистическая организация общества естественно переходит в «гангстерскую».
12. Социализм — мир тайной эксплуатации и «черного рынка», в котором партийная бюрократия исполняет роль «королей» и «паханов».
13. Сталинистская власть — помесь уголовника с брадобреем.
14. Большевизм — режим, в котором коммунизм смягчен уголовщиной, а уголовщина сдержана коммунизмом.

15. Большевизм — комплекс самозванства беглых холопов и страха перед нищим и ограбленным хозяином.
16. Победа большевизма — превращение России в «разбойничий стан».
17. Большевистская революция — бандитский переворот.

1. Марксизм и коммунизм — «идеология социального преступления».

«Прошли долгие века индивидуальной тирании и индивидуального преступления и наступил век социальной тирании и социального преступления. Задача международного коммунизма — организовать социальное преступление в мировом масштабе. Индивидуальное преступление проходит, забывается; социальное преступление пребывает, увековечивается памятниками, на нем воздвигается мнимое благосостояние презренных масс, оно не знает раскаяния, ибо легализуется, возводится в закон, в принцип, в идею. Революционная идеология есть самооправдание и самовосхваление социального преступления... Идеология преступления знает два пути; один — отрицание всяких абсолютных (мистических) запретов, «все позволено» и нет различия между добром и злом; другой путь — оправдание преступления какой-либо возвышенной и обычно бесконечно далекой целью. Руссо, Робеспьер и все сентиментально-риторические палачи революции избирали второй путь. Марксистский коммунизм избрал оба. Он поставил проблему сначала так: какое мирозерцание отрицает преступность и преступление и дает “все позволено”? И нашел решение: безрелигиозный материализм... Маркс социализировал, обобществил ненависть. Впрочем, всякая революция обобществляет орудия производства преступления: гильотина не может быть частной собственностью. Этого не допускает принцип социализации преступления... Тот, кто наблюдал сам или созерцал в памяти истории ту низкую жажду преступления, которая неудержимо захватывает революционную чернь и революционных инквизиторов, не может не спросить себя: неужели “гуманно-прогрессивные” идеи какого-нибудь Руссо или Маркса сами по себе и непосредственно рождают эту злобу? Или, напротив, все подонки души и подонки человечества жадно схватились за какую-то “идею”, чтобы иметь право совершать преступления? “Идея” эта, большей частью, никем ясно не мыслится, и весьма различна в различные века, но одно неизменно и устойчиво: наличие “добровольцев”, жаждущих броситься совершать безнаказанные и оправданные преступления... Бесконечно да-

лений идеал обеспечивает бесконечную возможность совершения преступления, любовь к дальнему санкционирует бесконечную ненависть к ближнему. Таков революционно-прогрессивный принцип, оправдывающий преступление. На нем покоится теория социалистической революции и диктатуры пролетариата, на нем покоится коммунизм и в значительной степени современный социализм» (Б. Вышеславцев. Парадоксы коммунизма // Путь. Париж, 1926. № 3. С. 117—118) (Вышеславцев, 1926).

2. Большевизм — победа темной, подпольно-провокаторской России.

«Еще до революции приходилось слышать от честных социал-демократов, что в среде большевизма трудно отличить революционеров от провокаторов и предателей. Самый нравственный принцип революционного максимализма таков, что он делает затруднительным различение, ибо все объявляется дозволенным для революционных целей и правду не считают существенной. Образуется подпольная атмосфера, страдающая светобоязнью... Эта атмосфера всегда соприкасалась с охранными отделениями, с департаментами полиции, с темными, подпольными придворными влияниями. Эта подпольная, двусмысленная атмосфера не исчезла после переворота, она перешла и в новую, свободную Россию, где не должно было бы быть места для подполья. Носителями этой атмосферы сделались по преимуществу большевики... Мы не освободились и не очистились, мы все еще в рабстве у темных сил, все еще томимся в подполье. Революция подверглась нравственному растлению, ее идеалистические элементы оттеснены и попали в рабство к элементам темным и двусмысленным. Нигилизм справа и нигилизм слева — одной природы» (Н. А. Бердяев. Правда и ложь в общественной жизни // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 87—88; первая публикация: Народопрямство. 24 июля 1917 г. № 4) (Бердяев, 1917).

3. Коммунистическая Россия — громадное революционно-социалистическое подполье.

«Многим кажется, что ныне в СССР происходит своеобразное укрепление государственности на новых началах... Укрепляется не российская государственность, но огромное революционное легализованное подполье, врезавшееся в ее живое тело... Под предлогом защиты целостности российской территории, превратившейся в мертвый и формальный фетиш, на деле происходит всемерное отстаивание громадного революционно-социалистического подполья с его уставом» (В. Н. Ильин. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987. С. 62) (В. Ильин, 1950-е).

4. Коммунистический режим вплоть до своего краха так и не смог выйти из темного сектантского подполья.

*«Созданная когда-то нелегальная партия в конце своего семидесятилетнего правления нелегально, в духе “закрытого партийного собрания”, перераспределила между собой общенародную собственность. К этим подпольщикам номенклатурной приватизации добавились подпольщики теневой экономики. Это “двойное подполье” и стало основой нового режима... Любой правящий класс в истории имеет высшее историческое оправдание, если ему удастся организовать общественную жизнь по законам морали и культуры, если он порождает элиту, имеющую национальное и мировое культурное значение. Скажем, российское дворянство получило свое историческое оправдание, создав классическую русскую культуру, великую литературу, без которой мир был бы духовно беднее. Вот по этому наивысшему историческому счету бывший коммунистический режим проиграл: он так и не вышел из темного сектантского подполья, так и не создал настоящей культурной элиты. Ибо “элита”, которая так быстро капитулировала перед мафией и усвоила ее нормы, настоящей элитой не является» (А. С. Панарин. **Оппозиция и власть** // Оппозиция и власть. М., 1997. С. 49) (Панарин, 1997).*

5. Большевики — уголовники, нижний этаж политического подполья.

*«Партийно-политическая организация оказывается переродившейся в полузакмнутое сообщество, имеющее целью эксплуатацию страны в форме осуществления в ней функций власти. И если вспомнить, из кого сложилось это сообщество, если вспомнить, что РКП составили те элементы, которые образовали нижний этаж политического подполья, те элементы, которые населяли собою тюрьмы и притом не столько за политические, сколько за уголовные преступления, те элементы, которые терроризировали население окраин больших городов и бесчинствовали по деревням, разбавленные достойными товарищами, отщепеншимися от других общественных групп, то станет явной вся тяжесть русской болезни. Худшего, нежели стать объектом безжалостной, ни с чем не считающейся эксплуатации собственных подонков, с народом произойти не может. И это ужасное стало действительностью в жизни нашего богато одаренного, способного к великому подвигу и высокому творчеству, но лишенного государственного инстинкта и погрязшего — не по своей вине — в глубоком невежестве народа» (Н. С. Тимашев. **Советы и коммунистическая партия** // Русская мысль. Прага; Берлин, 1922. Кн. V. С. 100) (Тимашев, 1922).*

6. Большевистский режим повсеместно вывел на поверхность преступные элементы — гнилой человеческий шлак.

«Наблюдая современную жизнь развала, поражаешься одной явной аномалии. На поверхности, у власти и во главе лиц действующих, говорящих, как будто дающих тон — не лучшие, а худшие. Все воры, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность. Они разбавили идеологов и идейных деятелей. Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе — но то же самое мы наблюдаем и в кругу добровольцев и примыкающих к ним кругов. И здесь теряются идейные, честные люди. Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу» (В. И. Вернадский. Из дневника (15 марта 1920 г.) // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 40) (В. Вернадский, 1920).

7. Большевики сделали ставку на пауперов с психологией уголовников.

«Теоретически большевики исходили из марксистского тезиса “пролетариат не имеет отечества”, а политически изначально делали ставку на пауперов — на бездомных, бездельных изгоев, живущих “на дне” В 1905 году, несмотря на то, что Россия уже поворачивала на классические западные пути, достаточного для победы числа босяков и люмпен-интеллигентов, нищих и проституток в стране все же не оказалось — революция захлебнулась. В 1917-м люмпенов уже было гораздо больше. Тут сыграл роль мощный... фактор — мировая война. В демографическом плане война такого масштаба — это машина, перерабатывающая слой нравственно неокрепших подростков в ожесточенных людей с психологией уголовников. Миллионы оторванных от семьи и от дела юнцов три года овладевали навыками безнаказанного убийства и насилия. В семнадцатом, когда фрондирующей интеллигенции удалось свергнуть освященную многовековой традицией законную власть монарха, все они разбежались с фронтов с оружием и с привычкой сначала жать на спусковой крючок, а потом уже думать. Революции делают молодые...» (Ю. М. Бородай. Тоталитаризм. Что хуже — вялая хроника или смертельно опасный кризис? // Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 405) (Бородай, 1996).

8. Сталинская власть выпитала многое из этики и обычаев уголовного мира.

...Склонность подухариться. Общенье с уголовным миром в тюрьмах и при организации грабежей для пополнения большевистской кас-

сы не прошло для Сталина бесследно. Не я первый замечаю, что он усвоил многое с пользой для себя из этики и обычаев уголовного мира. Манера подухариться над фраером или шестеркой идет оттуда. Накормить обедом и обнять приготовленную жертву накануне ее ареста, преподнести букет цветов освобожденному из лагеря маршалу; пригрозить Крупской, что другую женщину объявят вдовой Ленина — пахан духарится, зная что он может позволить себе все, а окружающие его фраера и шестерки либо поверят, либо вынуждены будут поверить в то, что он хочет. И уж во всяком случае — проглотят» (В. Чалидзе. Победитель коммунизма. Нью-Йорк, 1981. С. 8) (Чалидзе, 1981).

9. В генезисе революционно-социалистической мафии, пришедшей к власти в России, большую роль сыграл мир «воров в законе».

«Рождение революционно-социалистической мафии совпало с образованием воровского мира “воров в законе”, которые на первых порах, до захвата власти профессиональными революционерами, сотрудничали с ними, а после захвата власти частично влились в новый аппарат государственного насилия... Психологическая близость таких представителей партийной мафии, как К. Ворошилов, Г. Котовский, да и сам И. В. Сталин, к типу блатного пахана прослеживается и в их облике, и в способах поведения, и в отношении к искусству, к интеллигенции и т. д. Многие характерные черты “правовых” отношений в России можно понять, изучив процедуру блатного “правежа”» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). Коммунизм — это молодость мира // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 76, 64) (Седов, 1987).

10. В советском строе нельзя не совершать преступлений.

«В Советском Союзе практически невозможно жить, не совершая преступлений» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность // А. А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 18) (Зиновьев, 1980).

11. Коммунистическая организация общества естественно переходит в «гангстерскую».

«Отдельные национальные меньшинства здесь занимают привилегированное положение и превращаются в объединения, мало чем отличающиеся от гангстерских банд (в Советском Союзе в таком положении порой оказываются целые республики, например, Грузия, Азербайджан). Коммунистическая организация жизни общества вообще легко переходит в организацию, подобную гангстерской»

(А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 207–208) (Зиновьев, 1980).

12. Социализм — мир тайной эксплуатации и «черного рынка», в котором партийная бюрократия исполняет роль «королей» и «паханов».

«В замкнутом мире тайной эксплуатации и нечистых экономических махинаций, в который каждый из нас впаян вне зависимости от личной воли и желания, партийная бюрократия занимает положение королей черного рынка, его “паханов”» (Л. Тимофеев. **Технология черного рынка или крестьянское искусство голодать** (1978) // Л. Тимофеев. **Черный рынок как политическая система**. М., 1993. С. 70) (Тимофеев, 1978).

13. Сталинистская власть — помесь уголовника с брадобреем.

«Власть отвратительна, как руки брадобрея. В одной руке бритва, другой лапает тебя за лицо. Дело не только в том, что может полоснуть. Дело в какой-то неприличной неопределенности положения клиента власти и клиента брадобрея. И та и другой как бы в силу профессии имеют право вторгаться в твоё существование и лапать, безусловно, твою вещь — твоё лицо. И непонятно, на какой стадии лапанья уже можно, но ещё безопасно протестовать. Или раз уж ты в кресле — поздно протестовать? К тому же вспоминаешь, что это жест уголовника. Так, взяв человека за лицо, уголовник обозначает над ним свою презрительную власть. Выходит, власть (сталинская, разумеется) — это помесь парикмахера с уголовником» (Ф. Искандер. **Поэты и цари**. М., 1991. С. 50) (Искандер, 1991).

14. Большевизм — режим, в котором коммунизм смягчен уголовщиной, а уголовщина сдержана коммунизмом.

«Чем лучше и честнее фарисей-утопист, тем более жестоким и кровавым палачом является он. Положение становится столь ужасным, что на фоне перманентного и физического государственного палачества и нескончаемой скуки — уголовник “старого мира” даже как-то “разнообразит” кроваво-серый фон идеократии и утопии. Впрочем, и от бандита-уголовника не сладко приходится. Так что создавшееся положение можно характеризовать как режим, в котором коммунизм смягчен уголовщиной, а уголовщина сдержана коммунизмом. И это тоже одновременно и смешно и страшно. Разве можно при таком положении разрешить слезы и смех? Ведь и то и другое смер-

тный приговор для режима смерти и скуки» (В. Н. Ильин. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987. С. 38—39) (В. Ильин, 1950-е).

15. Большевизм — комплекс самозванства беглых холопов и страха перед нищим и ограбленным хозяином.

...Я чувствовал в этих людях животный, подсознательный и поэтому абсолютный и безнадежный страх — страх самозванца. Страх разбогатевшего “трусами неправедными” беглого холопа перед нищим и ограбленным хозяином. Человеком, который знает про него все» (Д. Галковский. Андерграунд (часть 1) // Независимая газета. 26 нояб. 1992 г. № 227. С. 5) (Галковский, 1992).

16. Победа большевизма — превращение России в «разбойничий стан».

«Заповедь Бакунина о соединении революции с “разбоем” будет исполнена в точности русскими коммунистами, от Ленина до Сталина. Беглый каторжник Федька связан с ними так же, как с Нечаевым-Верховенским, не только исторической, временной, но и метафизической, вечною связью. Сколько бы ни признавали великие державы власти русских коммунистов “законным правительством”, это мнимое государство в глубоком существе своем останется до своего последнего дня тем же, чем было в свой первый день, — исполненным разбойничьим станом» (Д. Мережковский. Тайна русской революции (1939). М., 1998. С. 62) (Мережковский, 1939).

17. Большевистская революция — бандитский переворот.

«Пора же, наконец, называть вещи своими именами: что октябрьский переворот Ленина и Троцкого против слабой русской демократии был бандитским. Что он был произведен с большой финансовой помощью вильгельмовской Германии. Что коммунизм первых лет был такой же грязной, коварной, жестокой, бесчеловечной системой, как потом и сталинский» (А. И. Солженицын. Иметь мужество видеть (1980) // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 351) (Солженицын, 1980).

IV. БОЛЬШЕВИЗМ — ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

1. Большевистский переворот вынес на поверхность древние пласты русской истории.
2. Революция — не очень талантливое дитя старой России.
3. Большевизм был очередным всплеском русского «утопизма», первым в ряду которых был старообрядческий раскол.
4. Большевизм — вариант старообрядчества в России.
5. Большевизм порожден мужицким царством, сменившим веру в царя верой в социализм.
6. Народные представления о Ленине как «Красном Царе» — явление подобное самозванчеству XVII и XVIII вв.
7. «Батюшка-Ильич» воскресил в сознании пролетариата образ «царя-батюшки».
8. Большевизм — аналог противогосударственных (крестьянских) восстаний XVII—XVIII вв.
9. Дух большевизма — дух Стеньки Разина, средневековой докапиталистической голытьбы.
10. «Подземное существо» большевизма — восстание крестьянства, победоносная всероссийская пугачевщина.
11. Ленин — последователь Стеньки Разина и протопопы Аввакума.
12. Сталин — преемник русских царей и атаманов.
13. Большевизм — расплата за тоталитарные грехи древней Москвы.
14. Утвердившись в Кремле, большевики пошли исконными путями московских царей — собирателей русских земель.
15. Большевизм есть третье издание русской великодержавности, сочетающее тотальную милитаризацию и тотальную идеологичность.
16. Советское коммунистическое царство по своей духовной конструкции подобно московскому православному царству.

17. Коммунистическая партия — «социальный питомник господствующего сословия», аналог опричнины Ивана Грозного и гвардейских полков послепетровских императоров.
18. Террор ВЧК подобен насилию Преображенского приказа и Тайной канцелярии.
19. Ленин, разрушив дело Петра Великого, отбросил Россию в XVII век.
20. Большевизм — возвращение к до-петровской России.
21. Большевики — наследники тоталитарной идеократии Ивана Грозного.
22. В русской революции в конце концов победил не Ленин, а Иван Грозный при опоре на московскую привычку к рабству.
23. Ленин придал марксовской идеологии исповеднический характер, приблизив большевистскую идеократию к теократии Ивана Грозного.
24. Тоталитарная идеология большевиков — наследница православного тоталитаризма Ивана Грозного.
25. Ксенофобия большевиков воспроизводит антизападнические традиции времен Ивана Грозного.
26. Коммунистический тоталитаризм, не различающий проблемы спасения и мироустройства, религии и науки воспроизводит традиции православного исихазма.
27. Большевистское «самодержавие народа» стало возможным только в стране с традициями «самодержавия».
28. Большевизм, выкованный в борьбе с самодержавием, стал болезненно подражать его методам и приемам.
29. Русский коммунизм — современная разновидность монархического самовластия как выражения «гиперполитичности» русского народа.
30. В большевистской революции раскрылась старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. Большевизм — торжество гоголевских морд.
31. Большевики — наследники Молчалиных и Фамусовых, перекрашенных в красный цвет.
32. Вместо «новых Афин» Совдепия превратилась в щедринский город Глупов.
33. Большевистские вожди — «простые русские держиморды, загримированные под Робеспьеров и Маратов».
34. Вытравление большевиками чувства свободы отбросило страну в XVII век.
35. Большевизм — «отрицание отрицания» европеизации и «реновация» русских антикультурных начал.
36. Большевизм — реванш «массовой души» и русского «лейтургического государства».
37. Большевистский переворот — сочетание пугачевщины и бироновщины.
38. Большевики — последователи Петра I.

39. Большевизм во многом повторяет нигилистический радикализм Петра Великого.
40. Большевики вколачивали социализм в народ «дубинкой Петра Великого».
41. Корни большевистской революции — в эпохе Петра I.
42. Большевики еще более грубо и варварски прервали традицию, чем Петр Великий.
43. Большевики продолжают революционные традиции русского самодержавия Петра I.
44. Сталинская революция — классическая форма русской «революции сверху» в духе Ивана Грозного и Петра I.
45. Политическая структура сталинизма сходна со структурой самодержавия.
46. Уничтожение «свободных профессий» возвратило Россию к XVIII веку, когда не существовало противоположности между обществом и служилым сословием.
47. Большевизм — продолжение заветов старой русской бюрократии.
48. Большевистская Главкокротия — наследник самодержавной бюрократии.
49. Правление Сталина («сталинокротия») — возвращение к традициям царского самодержавия XVIII—XIX вв.
50. Большевизм — результат победы курляндской герцогини Анны Иоанновны над князем Д. М. Голицыным в 1730 г.
51. Советский строй является воспроизведением русского традиционного крепостничества.
52. Большевизм — возвращение к полицейско-крепостническому режиму Аракчеева.
53. Большевизм возвращается к идеологии Николая I.
54. Большевистская власть, как все власти на Руси, — изначально выборная, но не дающая себя перевыбрать.
55. Большевизм — этап гораздо большей (и еще не завершенной) эпохи, начавшейся в России в 1830—1840-х гг. — эпохи замены аграрно-сословного строя городским.
56. Большевистская диктатура — закрепление начавшейся в 1880-х годах тенденции замены традиционного русского самодержавия государством военно-полицейского типа.
57. Октябрьская революция — завершение начавшейся реформами Александра II смены сословно-дворянской элиты в России аппаратно-бюрократической.
58. Советская Россия повторяет самодержавную Россию в бесправии главных творческих производительных сил страны — крестьянства и интеллигенции.
59. Советская наука и культура — возвращение к наивному просветительству середины XIX в., «воскрешение Базарова после Владимира Соловьева».
60. Политическую победу Ленина предопределила культурная победа Некрасова над Пушкиным в сознании разночинной интеллигенции.

61. Первые признаки большевистского обвала описаны Тургеневым в разладе «отцов» и «детей».
62. Большевики завершили начатое поколением Александра III строительство «России Ксеркса».
63. Ленин воспроизводит духовный тип, присущий Победоносцеву.
64. Ленин — последователь Нечаева.
65. Революционный фанатизм и безбожная аскеза большевиков воспроизводят принципы «Катехизиса революционера» Нечаева.
66. Ленин — последователь Бакунина.
67. Большевизм является продолжателем русского революционного мессианизма Бакунина.
68. Тактика Смольного — тактика Бакунина и Нечаева.
69. Антидемократизм большевиков является наследником революционно-деспотической линии Ткачева.
70. Ленинский большевизм доказал историческую правоту Ткачева: в России утопией оказалась не коммунистическая, а либерально-буржуазная революция.
71. Большевики — последователи Бакунина и Нечаева.
72. «Красный большевизм» имеет много общего с «черносотенством».
73. Царство Ленина ничем не отличается от царства Распутина.

1. Большевистский переворот вынес на поверхность древние пласты русской истории.

«...При всем ультарамодерном содержании выставленных в этой революции программ, этикеток и лозунгов действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым. Как могучий геологический переворот шутя сбрасывает тонкий покров позднейших культурных наслоений и выносит на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающие о седой старине, о давно минувших эпохах истории земли, так русская революция обнажила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений» (П. Н. Милюков. История второй русской революции (1918). София, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 11) (Милюков, 1918).

2. Революция — не очень талантливое дитя старой России.

«Революция — слишком юное и не очень талантливое дитя старой России. Вклад революционной идеи в великую русскую культуру малозаметен. Не остается ничего от народников 60-х и 70-х годов, от демократических передвижников. В сущности, адвокатами револю-

ции будут только Герцен и Некрасов. Быть может, еще Глеб Успенский. Традиция будет опираться на Гоголя, Достоевского, Леонтьева. Разумеется, не без натяжек. Но все же остается фактом, что самые мощные умы XIX века прошли мимо революционной эпопеи интеллигенции. И революция не построила своих дворцов» (Г. П. Федотов. *Проблемы будущей России* (2) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 266—267; первая публикация: *Современные записки*. Париж. 1931. № 45) (Федотов, 1931).

3. Большевизм был очередным всплеском русского «утопизма», первым в ряду которых был старообрядческий раскол.

«*В России староверческой ленинская революция была бы невозможной*» (Солженицын). Скажу прямо: именно в этом утверждении Солженицына, составляющем как бы средоточие, идейно-психологический «фокус» его письма, вижу я основную ошибку, основную потому, что относится она не ко всегда исправимым частностям, а к солженицынскому восприятию всей русской трагедии... Оно поражает меня в устах писателя, первым сказавшего горькую, но и целительную, правду о духовных изъянах русской судьбы, первым обличившего губительную сущность всяческого «идеологизма» Кто-кто другой, но Солженицын — думается мне — не может не понять, что если что-либо сделало ленинскую революцию в России возможной, а может быть, и неизбежной, то это как раз то, что впервые с такой силой проявилось в старообрядческом расколе... Именно тогда если не возникли, то впервые с такой интенсивностью, проявили себя столь часто присущие русскому сознанию — как искушение, как соблазн — одержимость ложными абсолютизмами, легкость разрывов и отрывов, уход из истории, а это значит — из медленного подвига и делания, из ответственности, из «труда и постоянства» — в апокалиптический испуг и утопию, неспособность к трезвости и самопроверке, к различению духов — от Бога ли они... Потому так соблазнительно нечувствие всего этого теми, кто, зачарованные старообрядчеством, как якобы чудесно сохранившимся куском подлинной, древней, неповрежденной России, за внешней верностью «старому обряду» и «быту» не различают изначального пафоса раскола как пафоса именно испуга и отрицания, не ощущают как раз новизны породившего его мироощущения. Новизны, прежде всего, самой веры, религиозного опыта. С богословской точки зрения, которую у нас, увы, и всерьез-то не принято принимать, меньше всего по отношению к исконной вселенской вере Церкви было в старообрядчестве именно «староверия» Ибо для оправдания своего разрыва и с Церковью и с Царством, т. е. «основными координатами» собственного своего мировоззрения, раскол должен был подменить веру Церк-

ви радикальной апокалиптической схемой, действительно страшным, неслышанным учением об оскудении и “уходе благодати” Новой в старообрядчестве была не только вера... И в истории русского сознания старообрядчество можно определить как первое явление того идеологизма, которому суждено было стать одним из самых роковых факторов всей дальнейшей русской истории. Идеологизмом я называю сам факт плененности и одержимости сознания идеологией, сущность которой всегда в сочетании отвлеченной и утопической идейной схемы с абсолютной верой в ее практическую спасительность и с фанатическим волевым подчинением ей действительности. Именно идеологией, больше чем религиозной сектой, был и остается раскол в своем основном потоке. В нем можно распознать все те черты, которые в таком страшном изобилии пришлось с тех пор, в века расцвета и торжества «идеологизма», испытать и России, и миру... Как и всякая идеология, раскол был, прежде всего утопией, ибо в основе всякой идеологии лежит всегда определенное и целостное истолкование истории, абсолютизация одной историософской схемы, которая, будучи принята как абсолютная истина, уже не подлежит проверке “действительностью”, а, напротив, сама становится единственным критерием ее понимания и оценки. Накинув, как и всякая идеология, своей идеологической аркан на историю, старообрядчество оказалось — как и всякая идеология — слепым к истории, к действительности, неспособным ничего в ней увидеть, распознать, оценить и переоценить, твердокаменно-неподвижным как в отрицаниях своих, так и утверждениях... Говоря о том, что старообрядчество оказалось первым явлением в России “идеологизма”, я, конечно, ни минуты не утверждаю, что между старообрядчеством и другими идеологиями, позднее пленившими русское сознание, существует какая-либо причинно-следственная связь или прямое преемство. Конечно нет, тем более, что “утопия” старообрядчества была утопией прошлого, тогда как через пресловутое петровское «окно в Европу» полился к нам западный утопизм будущего. Я утверждаю только, что дальнейшее, прогрессирующее пленение русского сознания этими идеологическими утопиями, сам этот роковой “идеологизм”, чем дальше, тем больше раздиравший Россию, были проявлением тех же психологических соблазнов, того же двусмысленного — ибо “светом разума” не проверенного и не очищенного — максимализма, которые как пожар вспыхнули уже в расколе. И этим, возможно, и объясняется то притяжение к старообрядчеству, та парадоксальная симпатия к нему, которую мы находим у русских радикалов как “левого”, так и “правого” толка: в старообрядчестве им импонирует именно его “стопроцентность” и в отрицаниях, и в утверждениях, та стойкость и непримиримость, которые действительно присущи всякому идеологизму, и которые так легко и так часто принимают-

ся за критерий истины и правоты... Чем же? как не снова “яростным приступом анти-исторического утопизма”? были и нигилизм 60-х годов? и народничество 70-х? и восторженное, почти экзотическое принятие марксизма в 80-х и 90-х? Как не видеть в них насквозь пронизывающей их именно веры, своего рода религиозного иступления?.. Когда-нибудь будет наконец признана как самоочевидная истина, что все идеологии, независимо от того, “левые” они или “правые”, направлены ли они на прошлое или на будущее, рождают рано или поздно один и тот же тип человека: человека, прежде всего, слепого к действительности, хотя как будто только к ней, ради ее радикального изменения, и обращенного всей своей волей, всей целостностью своей идеологической веры.... И не в том ли историческая трагедия России, что слепой, и потому разрушительный, “идеологизм” оказался сильнее, и, в конце концов, восторжествовал над силами светлыми, творческими и созидательными?» (А. Шмеман. Ответ Солженицыну // Вестник Российского Христианского Движения, Париж, 1976. № 117. С. 128—133) (Шмеман, 1976).

4. Большевизм — вариант старообрядчества в России.

*«Есть в Ленине Керженский Дух
Игуменский окрик в декретах
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах».*

(Н. Клюев. Сочинения. Т. 1. С. 494—495) (Клюев, 1918).

5. Большевизм порожден мужицким царством, сменившим веру в царя верой в социализм.

«Русский царизм был по природе своей мужицко-демократическим. Его подпирало то самое крестьянство, которое сейчас внешне сообразуется социализмом... Мужицкое царство раньше всего ждало от царя, а теперь всего готово ждать от фиктивного существа, именуемого социализмом, но психология остается такой же пассивной и антикультурной» (Н. А. Бердяев. Торжество и крушение народничества // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 185; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 14—15) (Бердяев, 1917).

6. Народные представления о Ленине как «Красном Царе» — явление подобное самозванчеству XVII и XVIII вв.

«Легендарный Ленин есть порождение глубокой монархической потребности, живущей во всяких массах вообще и тем более в сырых,

детски наивных русских народных массах с их нарушенным душевным равновесием, с их повышенным до болезненности воображением. Легендарный Ленин, вырастающий в “Красного Царя”, есть социально-психологическое явление, подобное самозванцам XVII и XVIII веков, столь же уродливое и столь же причудливое» (П. Б. Струве. **Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма** // Русская мысль. Прага; Берлин, 1923—1924. Кн. IX—XII. С. 315) (Струве, 1924).

7. «Батюшка-Ильич» воскресил в сознании пролетариата образ «царя-батюшки».

«Ленин своей фигурой дал пролетариату воскрешенную фигуру “добротного тирана”. Вместо “царя-батюшки” явился “батюшка-Ильич”» (В. Чернов. **Конструктивный социализм**. Прага, 1925. С. 191) (Чернов, 1925).

8. Большевизм — аналог противогосударственных (крестьянских) восстаний XVII—XVIII вв.

«До “революции” 1917 г., которую всего точнее охарактеризовать как вызванное интеллигентским интернационализмом возрождение разиновщины, пугачевщины и мазепинства, русская культура разви валась, опираясь прежде всего на государство. Правда, тот обычный обличительно-либеральный или радикальный трафарет, который принято прилагать к русской культурной истории, изображает государство как угнетателя культуры, как гасителя просвещения. Но судить так, значит по отдельным правительственным актам судить об общем соотношении решающих в жизни народа исторических сил. Это также неверно, как по отдельным поступкам определять характер лица. Русская государственность была в течение последних двух веков главнейшим двигателем и пестуном культуры» (П. Б. Струве. **Заметки** // Накануне, июнь 1918 г. № 7) (Струве, 1918).

«Ленин и Троцкий... возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову к XVIII-му и XVII-му векам нашей истории, — чем к последним словам европейского анархо-синдикализма» (П. Н. Миллюков. **История второй русской революции**. София, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 11) (Миллюков, 1918).

9. Дух большевизма — дух Стеньки Разина, средневековой докапиталистической голытьбы.

«Диктатура не революция, но она узурпатор революции. Она то следствие революции, которым революция обязана политической

незрелости и некультурности своих элементов, тому, что в ней оказался преобладающим дух средневековой докапиталистической гольфтыбы, подменивший психику классово-сознательного пролетария, этого главного действующего лица европейских движений, азиатской «сарынь на кичку» Стеньки Разина» (А. Н. Потресов. **О «спасении революции»** // А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 308; первая публикация: Дни. 11 мая 1930 г.) (Потресов, 1930).

10. «Подземное существо» большевизма — восстание крестьянства, победоносная всероссийская пугачевщина.

«Патриотическая идея революции оказалась каким-то интеллигентским недоразумением перед лицом этой самовольно-погромной демобилизации. Таким образом, подлинная природа революции решительно разошлась с тем, что в ней воображала себе русская интеллигенция. Вообще, подлинный лик революции оказался совсем не тем, о каком мечтала русская интеллигенция, даже социалистическая. Логичен в революции, верен ее существованию был только большевизм, и потому в революции победил он... Революция была антипатриотична, противонациональная и противогосударственна, и потому она с логической и психологической необходимостью привела к распаду армии и разрушению государства. Она была сочетанием отвлеченных радикальных идей, на которых воспитывалась интеллигенция, с анархическими, разрушительными, и своекорыстными инстинктами народных масс. Она была пугачевщиной во имя социализма» (П. Б. Струве. **Размышления о русской революции (1919)** // П. Б. Струве. Избранные произведения. М., 1999. С. 286) (Струве, 1919).

«Русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществленная всероссийская пугачевщина начала XX века» (С. Л. Франк. **Из размышлений о русской революции** // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8; первая публикация: Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

11. Ленин — последователь Стеньки Разина и протопопа Аввакума.

«Раб своего революционного мифа и ненавистник всех “критически мыслящих личностей”, он <Ленин. — Сост.>, несмотря на весь свой интернационализм, гораздо органичнее вписывается в духовный пейзаж исторической России, чем многие хорошо понимавшие реальные нужды России общественно-политические деятели. В душе этого

вульгарного материалиста и злого безбожника жило что-то древнерусское, что не только от Стеньки Разина, но, быть может, и от протопопа Аввакума. В формальной структуре и эмоциональном тембре его сознания было, как это ни странно сказать, нечто определенно религиозное. Он весь был нелепым марксистским негативом национально-религиозной России. Только этим и объясняется то, что ему удалось слить воедино древнюю тему русской религиозности с современной темой западноевропейского атеизма. В этом все его значение и вся его единственность. Никакой евразийской похвалы в этом признании нет, ибо все положительное значение Ленина заключается только в том, что в нем до конца раскрылась греховная сторона русской революции: ее Богоотступничество» (Ф. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 33. С. 348) (Степун, 1927).

12. Сталин — преемник русских царей и атаманов.

«Теперь Сталин сознательно строит свою власть на преемстве от русских царей и атаманов. Царь-Пугачев...» (Г. П. Федотов. Письма о русской культуре // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России, СПб., 1992. Т. 2. С. 186; первая публикация: Русские записки. Париж, 1938. № 3) (Федотов, 1938).

13. Большевизм — расплата за тоталитарные грехи древней Москвы.

«А в России — разве наше поколение не расплачивается сейчас за грехи древней Москвы? Разве деспотизм преемников Калиты, уничтоживший и самоуправление уделов и вольных городов, подавивший независимость боярства и Церкви, — не привел к склерозу социального тела Империи, к бессилию средних классов и к “черносотенному” стилю народной “большевистской” революции?» (Г. П. Федотов. Правда побежденных // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 23; первая публикация: Современные записки. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

14. Утвердившись в Кремле, большевики пошли исконными путями московских царей — собирателей русских земель.

«Насколько путь самодержавия является естественным уклоном государственного порядка России, видно на примере большевиков... Советская власть, утвердившись в Кремле, сразу стала государственной и строительной: выборное начало уступило место централизации, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумагопроизводство удесятерилось, взятки и подкупность возросли в сотни

*раз, рабочие забастовки были объявлены государственным мятежом и стачечников стали беспощадно расстреливать, на что не всегда решалось царское правительство, армия была восстановлена, дисциплина обновлена, и в связи с этим наметились исконные пути Московских царей — собирателей Земли Русской, причем принципы интернационализма и воззвания к объединению пролетариата всех стран начали служить только к более легкому объединению расчленившихся областей Русской Империи» (М. Волошин. **Россия распятая**. Лекция (1920) // Выход из транса. М., 1995. С. 169) (М. Волошин, 1920).*

15. Большевизм есть третье издание русской великодержавности, сочетающее тотальную милитаризацию и тотальную идеологичность.

*«Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм — за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным. Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним. Это отличало большевиков от всех других революционеров. И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное мирозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным» (Н. А. Бердяев. **Истоки и смысл русского коммунизма**. Париж, 1955. С. 99; первая публикация: Лондон, 1937, на англ.яз.) (Бердяев, 1937).*

*«Советское государство явилось преемником и продолжением дореволюционного русского государства. Российская история была по преимуществу историей государственности. Она такую и осталась в советский период» (А. Зиновьев. **Кризис коммунизма** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 319) (Зиновьев, 1980).*

•

16. Советское коммунистическое царство по своей духовной конструкции подобно московскому православному царству.

«Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушье... В царстве этом делается опыт подчинения всего народа государственному катехизису» (Н. А. Бердяев. **Истоки и смысл русского коммунизма.** Париж, 1955. С. 117; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (*Бердяев, 1937*).

17. Коммунистическая партия — «социальный питомник господствующего сословия», аналог опричнины Ивана Грозного и гвардейских полков послепетровских императоров.

«Коммунистическая партия после захвата власти коммунистической олигархией была превращена ею в социальный питомник нового господствующего сословия. Произошло явление, аналогичное тому, которое уже было в России в виде опричнины Ивана Грозного и в виде гвардейских полков послепетровских императоров» (А. С. Изгоев. **Политические партии // Русская мысль.** Прага; Берлин, 1923. Кн. III—V. С. 100) (*Изгоев, 1923*).

18. Террор ВЧК подобен насилию Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

«Надо вернуться очень далеко в прошлое, ко временам кратковременной вспышки Павловского самодурства или еще раньше, к Преображенскому приказу, Тайной Канцелярии XVIII века, чтобы найти нечто подобное страшному, бессмысленному самодурному насилию, внесенному Дзержинскому и К^о в русскую жизнь» (А. С. Изгоев. **За имя // Борьба за Россию.** Париж, 1926. № 1. С. 13) (*Изгоев, 1926*).

19. Ленин, разрушив дело Петра Великого, отбросил Россию в XVII век.

«Ленин, как вершитель и организатор коммунистического интернационала, оборвал традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию, как государство, в XVII век» (П. Б. Струве. **Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма (1924) // Русская мысль.** Прага; Берлин, 1923—1924. Кн. IX—XII. С. 316) (*Струве, 1924*).

20. Большевизм — возвращение к до-петровской России.

«Сейчас же после первых дней революции Россия бытом, правом, городами — пошла в XVII век... В России не было радости, а теперь она

есть... Революции, бунту народному, не нужно было — чужое. Бунт народный — к власти пришли и свою правду творят — подлинно русские подлинно русскую» (Б. Пильняк. *Избранные произведения*. М., 1976. С. 84) (Пильняк, 1920-е).

21. Большевики — наследники тоталитарной идеократии Ивана Грозного.

«Иоанн Грозный, самый замечательный теоретик самодержавия, создал концепцию православного царства, при которой царь должен заботиться о спасении душ своих подданных. Функции церкви переходят и на государство. Коммунистическая власть тоже заботится о спасении душ своих подданных, она хочет воспитать их в единоспасающей истине, она знает истину, истину диалектического материализма» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 138; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

«Советское государство, как я уже говорил, есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство. Это есть трансформация идеи Иоанна Грозного, новая форма старой гипертрофии государства в русской истории» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 152; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

22. В русской революции в конце концов победил не Ленин, а Иван Грозный при опоре на московскую привычку к рабству.

«В этом удушающем рабстве, в той легкости, с которой народ это рабство принял (он называл его первое время свободой), не один лишь общий закон революционного процесса: от анархии к деспотизму. Здесь сказывается московская привычка к рабству, культура рабства в московские и петербургские столетия истории. В свободе нуждалась, свободой жила интеллигенция, которая вместе с дворянством была выжжена революцией. Москвич, пришедший ей на смену, никогда не дышал свободным воздухом: состояние рабства — не сталинского, конечно, — является для него исторически привычным, почти естественным. Мы часто говорим о национализации русской революции. Но что это значит? Это значит, что в ней победил не Ленин и не Бакунин, боровшиеся друг с другом первые годы, а Иван Грозный. Сталин и есть перевод его на современность» (Г. П. Федотов. *Завтрашний день (Письма о русской культуре)* // Г. П. Федотов. *Судьба и грехи России*. СПб., 1992. Т. 2. С. 193; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1938. № 66) (Федотов, 1938).

23. Ленин придал марксовой идеологии исповеднический характер, приблизив большевистскую идеократию к теократии Ивана Грозного.

*«Включением крестьянства в пролетариат Ленин расширил марксистскую базу и кроме того придал марксовой идеологии исповеднический характер. Этим он явно руссифицировал западнический коммунистический социализм, чем и объясняется, что немецкий социал-демократ Каутский объявил большевизм “азиатским социализмом” Ничего азиатского в ленинизме увидеть, конечно, нельзя. Но своей переработкой западнического марксизма он явно приблизил большевистскую идеократию к теократии Ивана Грозного. Конечно, это приближение только структурное, но никак не существенное» (Ф. А. Степун. **Россия между Европой и Азией** // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. Кн. 69. С. 264) (Степун, 1950-е).*

*«Если уж сопоставлять два образа Третьего Рима, то надо сопоставлять теократию Грозного не с третьим интернационалом, а с идеократией большевизма, — Москву XVII века с Москвой XX-го. Но разрешая себе это сопоставление, необходимо знать и чувствовать что большевизм не является эманацией древней Москвы, а ее имитацией (в библии дьявол именуется Imitator Dei). Сознательная имитационная связь большевизма с Москвою — Третьим Римом стала, впрочем, обнаруживаться лишь после войны с Гитлером» (Ф. А. Степун. **Россия между Европой и Азией** // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. Кн. 69. С. 254—255) (Степун, 1950-е).*

24. Тоталитарная идеология большевиков — наследница православного тоталитаризма Ивана Грозного.

«В условиях русской культуры важнее оказалось не содержание идеологии, а сама идеологичность русского сознания, наличие в его структуре такой клеточки, которая по необходимости заполняется определенной идеологией, будь она марксистская или православная. Конечно, содержание идеологии не безразлично к вытекающим из нее следствиям. Для структуры общества и характера общественных отношений может оказаться важным, верят ли люди в Бога или в безличный исторический Закон, есть ли у них хотя бы смутное ощущение возможных потусторонних продолжений земного существования или они полностью лишены таковых и т. п. Однако эти содержательные моменты часто на поверку оказываются лишь различным словесным обрамлением весьма сходных “чувствований”. Во всяком случае, в послепетровской России православная идеология, как и ныне “всепобеждающее марксистское учение”, существовала в широчайших слоях народа в виде “краткого катехизиса”, набора неясных и противоречивых представлений, главным назначе-

нием которых было все то же обоснование нашего преимущества перед Западом. Не марксизм принес идею имперского величия. Не социалистическое мировоззрение породило исконную неприязнь к “богатому соседу”, неуважение к личному и частному богатству, угрюм-бурчевское нивеляторство. И не социалисты первыми на Руси изобрели преследование религии... Разве не тем же самым занималось православное государство, а еще более того Церковь по отношению к старообрядцам?.. Марксистская идеология в России наложила на уже готовые ментальные и организационные структуры, подготовленные ранее православной идеологией. Соответственно, в марксизме совершился отбор тех элементов, которые наиболее отвечали национальному духу. В результате произошла замена православия марксизмом; знаменитая формула “самодержавие, православие, народность” обрела вид лозунга “партия, народ, марксизм-ленинизм”, выполняющего ту же идеологическую функцию» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). Коммунизм — это молодость мира // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 9—10, 43) (Седов, 1987).

25. Ксенофобия большевиков воспроизводит антизападнические традиции времен Ивана Грозного.

...Тоталитарная идеологическая мысль всего охотнее узревает источник неблагополучия во внешних причинах и “наваждениях”. Борьба с космополитизмом отнюдь не была изобретением Сталина. Уже во времена Грозного Запад выдвигается на роль главного носителя “поганой веры” и совратителя умов. Происходят гонения на западные влияния в живописи, полифоническую систему в церковном пении, книгопечатание... “Латинство”, “латинский мир” становятся для всех слоев русского общества универсальным объяснением несовершенств самого этого общества, подобно тому, как в наше время этому же служит слово “империализм” В антикатолицизме был найден громоотвод, куда направлялась народная оппозиция изменениям, которые вводились на Руси торжествующей победой партией иосифлян» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). Коммунизм — это молодость мира // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 48—49) (Седов, 1987).

26. Коммунистический тоталитаризм, не различающий проблемы спасения и мироустройства, религии и науки, воспроизводит традиции православного исихазма.

...В отличие от Запада, который некогда пережил сходные по внешности перемены, связанные с переходом от религиозного к научному сознанию, Россия при этом не изжила тоталитарности созна-

ния, не отделила проблем спасения души от проблем мироустройства (дифференциация сфер нравственного и материального), а значит, не нашла способ сосуществования религии и науки. В России спасение и мироустройство понимаются как одна задача: в исихастском варианте религиозное спасение обеспечит лучшее мироустройство, в материалистическом — лучшее мироустройство породит нового, лучшего человека. Соответственно, совесть и богатство в России — не принадлежность индивида, как на Западе, а вручены коллективным органам спасения и мироустройства. Спасение мыслится как спасение всем миром; индивидуальное “благочестие” рядового человека мало чему может помочь. Это — функция святых, откуда необычайный культ заступников перед Богом — пресвятой Богородицы и Николая-Божьего угодника в эпоху православия и культ “гениального вождя и учителя”, знающего толк во всех науках, в эпоху научного коммунизма» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). *Коммунизм — это молодость мира* // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 56) (Седов, 1987).

27. Большевистское «самодержавие народа» стало возможным только в стране с традициями «самодержавия».

*«И аналогия с якобинством имеют свой raison d'être. Революционного якобинства не могло бы быть, если бы Франция не была до революции страной величайшей, чудовищной централизации. Париж, диктующий всей Франции свою мятежную волю, был только революционной переделкой дореволюционного строя. Диктатура якобинцев была только инсurreкционной версией королевского “государство — это я” Большевизма в России тоже не могло бы быть, если бы не было веками внутреннего престижа и очарования мощи исконного самодержавия. Без режима “помазанника Божия” не могло бы быть и режима “помазанников собственной революционной воли” Незаметно, медленно, но верно происходила психологическая мимикрия, и она сделала свое дело. Ленин даже чистую демократию в официальной большевистской программе не умел определить иначе как “самодержавие народа” Диктатура пролетариата, в определении Ленина, вполне и безусловно выглядит своеобразным классовым абсолютизмом и даже деспотизмом» (В. Чернов. *Разрушение вместо созидания* // Воля России. Прага, 1924. № 1—2. С. 175—176) (Чернов, 1924).*

28. Большевизм, выкованный в борьбе с самодержавием, стал болезненно подражать его методам и приемам.

«Большевизм — это естественное идейное порождение сильных индивидуальностей, выковывавшихся в огне подпольной борьбы с само-

державием, исковерканных этой подпольной борьбой и незаметно для себя загипнотизированных созерцанием своего противника вплоть до “омерячения”, до болезненной подражательности его методам и приемам» (В. Чернов. **Конструктивный социализм**. Прага, 1925. С. 363) (Чернов, 1925).

29. Русский коммунизм — современная разновидность монархического самовластия как выражения «гиперполитичности» русского народа.

... Политика в русской истории, прошедшей под знаком монархического самовластия (включая его современную политическую разновидность — русский коммунизм), всегда играла самодовлеющую роль. Русский народ, вопреки распространенному мифу, не столько аполитичен, сколько гиперполитичен, а этатистский тоталитарный социализм (коммунизм) — лишь логическое развитие и завершение этой его определяющей черты» (П. Болдырев. **Журнал «Русское возрождение»** (1980) // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 81) (Болдырев, 1980).

30. В большевистской революции раскрылась старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд.

«Гоголь видел в России звериные морды и потом каялся в этом. Ныне гоголевские морды торжествуют» (Н. А. Бердяев. **Гибель русских иллюзий** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 120; первая публикация: Русская мысль. Янв.—февр. 1918 г.) (Бердяев, 1918).

«Русские люди, желавшие революции и возлагавшие на нее великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны... В этом было заблуждение революционного сознания, неспособного проникнуть в глубь жизни. В революции раскрылась все та же старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полужвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское... Страх контр-революции, отравивший русскую революцию, и придает революционным дерзаниям хлестаковский характер. Это постоянное ожидание жандарма изобличает призрачность и лживость революционных достижений» (Н. А. Бердяев. **Духи русской революции** // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 256, 257; первая публикация: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918) (Бердяев, 1918).

«Гоголя мучило, что Россия одержима духами зла и лжи, что она полна рож и харь и трудно в ней найти человека. Ошибочно видеть в Гоголе сатирика. Он видел метафизическую глубину зла, а не только социальное ее проявление. Сейчас нет уже старой России времен Гоголя с ее злыми и несправедливыми социальными формами, нет самодержавной морнархии, нет крепостного права, нет старых неравенств. Но в более глубоком смысле гоголевская Россия осталась и в России советской, и советская коммунистическая Россия полна рожами и харьями, и в ней искажен человеческий образ. И в советской, коммунистической России есть Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, и в ней торгуют мертвыми душами и лже-имянный ревизор наводит на всех страх» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 68; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

«Однажды мне пришлось сказать, что современная, искалеченная и обесцеленная коммунистическим переворотом Россия есть Гоголевская Россия, прикрытая красным колпаком. В этой характеристике едва ли не содержится историческая несправедливость по адресу Гоголевской России и слишком большой комплимент по адресу России советской» (П. Б. Струве. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VIII. С. 308) (Струве, 1923).

31. Большевики — наследники Молчалиных и Фамусовых, перекрашенных в красный цвет.

«Радикальные интеллигенты — это наследники Молчалиных и Фамусовых, правда, перекрашенных в красный цвет» (В. Н. Ильин. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987. С. 72) (В. Ильин, 1950-е).

32. Вместо «Новых Афин» Совдепия превратилась в щедринский город Глупов.

«Много было сделано усилий, чтобы и себя, и в особенности Европу, убедить в том, что именно в Советской России пышно, как нигде и никогда, распустился нежный, но такой чувствительный к непогодам цветок просвещения, цветок духовной культуры... Самые упорные на Западе скептики колебались и готовы были поверить, что там, в коммунистической России, расцветают новые Афины. Их oriente lux! Увы, эти новые пролетарские Афины оказались такой же фантазией, таким же “пленной мысли раздраженьем”, как и все остальные дела совдепии. В действительности, не в современные Афи-

ны с Периклами и Сократами превратилась Россия. Она вся сделалась щедринским городом Глуповым, где сотни Угрюм-Бурчевых упраздняют науки и разрушают школы» (А. Ф. Керенский. Геростраты наших дней (1920) // А. Ф. Керенский. Издалека. Сборник статей 1920—1921 гг. Париж, 1922. С. 59) (Керенский, 1920).

33. Большевистские вожди — «простые русские держиморды, загримированные под Робеспьеров и Маратов».

«Грозные вожди мировой революции оказались простыми истинными русскими держимордами, кое-как лишь загримированными под Робеспьеров и Маратов» (А. Ф. Керенский. Демагогическая вольтанка (1921) // А. Ф. Керенский. Издалека. Сборник статей 1920—1921 гг. Париж, 1922. С. 77) (Керенский, 1921).

34. Вытравление большевиками чувства свободы отбросило страну в XVII век.

«Самое страшное, что произошло в России, — это не истребление миллионов жизней и огромных материальных ценностей — это вытравление чувства свободы. От Радищева до Керенского три или четыре поколения политической борьбы — все пошло насмарку. Мы вернулись — политически — в обстановку XVII века» (Г. П. Федотов. Проблемы будущей России (2) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 258; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

35. Большевизм — «отрицание отрицания» европеизации и «реновация» исконно русских антикультурных начал.

«И если этот “европейский” период был, историософски говоря, как бы “отрицанием” России, то период большевистского господства — это “отрицание отрицания”, реновация, aufheben (Гегель) исконно русских, принципиально антикультурных начал: не преодоленной христианством природной, языческой, донисийской стихии и аскетически-монашеского православия. Они были восстановлены в до неузнаваемости изуродованной форме, демонизированы “вальпургиевой ночью” большевистской эпохи, трансформированы в оргию сперва “революционного”, а затем государственно-партийного насилия (диктатуры пролетариата во имя пролетариата над самим пролетариатом) — насилия, которое так и не встретило мало-мальски серьезного сопротивления со стороны так называемых “трудящихся масс”, т. е. общенародной “массовой души”» (П. Болдырев. Дикта-

тура массы и судьба русской культуры (1979) // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 49) (*Болдырев, 1979*).

36. Большевизм — реванш «массовой души» и русского «лейтургического государства».

Центральная тенденция Московии — «возрастающее влияние на государство низовой массы»: «Жестокая историческая необходимость европеизации прервала на время этот процесс. Масса на Руси и порожденное ею государство стали терпеть поражения. Ошелмляющий реванш взяла “массовая душа” и русское “лейтургическое государство” в большевистской контрреволюции и коммунистическом владычестве XX-го века, придя, наконец, к неограниченной тоталитарной власти, доведя до логического конца (и исторического тупика) саму себя и свой, в общем, присущий любой массе, культуроненавистнический эсхатологизм и нигилистический инстинкт» (П. Болдырев. *Диктатура массы и судьба русской культуры (1979)* // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 51) (*Болдырев, 1979*).

37. Большевистский переворот — сочетание пугачевщины и бироновщины.

«Дикий и разнuzданный Октябрь — своеобразное сочетание пугачевщины и бироновщины» (М. Вишняк. *Против течения* // *Современные записки*. 1933. № 52. С. 391) (*Вишняк, 1933*).

38. Большевики — последователи Петра I.

...В нынешней катастрофе не гибнет дело Петрово. Напротив, оно торжествует и расцветает. Катастрофа Петербурга — не призрачная, ибо, повторяю, Петербург, вопреки банальным уподоблениям, не призрак, а величайшая историческая реальность. Но в этой реальной и ужасной катастрофе есть высшая оправданность и высший смысл. Подобно тому, как петровский период был не отрицанием, а “преодолением”, возведением на высшую ступень периода старомосковского, — так и грядущая Россия, озаренная лучом мировой судьбы, “всечеловеческой” идеи, корнями своими уходит глубоко в не-вский гранит, в двухвековую твердыню мрачно прекрасной военной столицы... Новая Москва оплодотворена Петербургом. Гордый конь опустил копыта не в чужих землях, не на дальней стороне, а у древних стен родного Кремля. И по-новому выглядят эти степи, словно готовясь вместить в себя заветы всечеловеческих надежд и сладостно-горькие вериги неслыханного национального подвига за всемир-

ное дело...» (Н. Устрялов. **Медный Всадник** // *Новости жизни*. Харбин, 15 февраля 1925 г.) (Устрялов, 1925).

«Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни... Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (Н. А. Бердяев. **Истоки и смысл русского коммунизма**. Париж, 1955. С. 12; первая публикация: Лондон, 1937) (Бердяев, 1937).

«Русская история — не кончилась, не прервалась, она делается, она сделалась сейчас людьми в кожаных куртках, и безумцы на родине, не чужбине не понимают, не чувствуют, что эти кожаные куртки сродни Петру, а может быть и дремучим стихиям до-петровства, это сила, наконец, наша сила» (М. Шагинян. **Литературный дневник** // М. Шагинян. *Сочинения*. М., 1971. Т. 1. С. 776) (Шагинян, 1920-е).

39. Большевизм во многом повторяет нигилистический радикализм Петра Великого.

«Гениальный государственный реформатор России в каком-то смысле был бесспорно первым русским нигилистом: недаром большевики еще при последнем ограблении церковей с удовлетворением ссылались на его пример. Сочетание бесшабашной удали, непостижимого для европейца дерзновения святотатства и кощунства, смелого радикализма в ломке традиционных устоев с глубокой и наивной верой в цивилизацию и рационально-государственное устройство жизни бесспорно роднит, несмотря на все различия, — достаточно очевидные, чтобы о них стоило упоминать, — Петра Великого с современным русским большевизмом» (С. Л. Франк. **Религиозно-исторический смысл русской революции** // Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. Париж. 1972. С. 22; первая публикация: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924) (Франк, 1924).

40. Большевики вколачивали социализм в народ «дубинкой Петра Великого».

«Возможность применить на практике методу “петроградизма”, т. е. вколачивать в народ социализм “дубинкой Петра Великого”, стала заветной мечтой Ленина. Во имя этой мечты была предпри-

нята упорная и ожесточенная борьба за власть. Цель была достигнута. Власть была взята. Оставалось испробовать на деле всемогущество государственного принуждения... Россия с ее традицией призвания варягов, введения картофеля путем военных экзекуций, Россия военных поселений, дыбы и кнута, стрижки бород и переряживания, указом свыше, россиян в голландцев — вся здесь в этой идее: через заимствование у немцев государственного капитализма военного времени вознать нацию “дубинкой Петра Великого” в социалистический элизиум...» (В. Чернов. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 196, 363) (Чернов, 1925).

41. Корни большевистской революции — в эпохе Петра I.

«Нам решительно нечего шарить по помойным ямам западноевропейской философии, а нужно заняться “мобилизацией” внутренних ресурсов в нашем собственном прошлом и в наших собственных мозгах найти источники нашего возрождения... “Корни революции” в эпохе Петра... Мы сейчас расплачиваемся за ошибки XVIII-го столетия» (И. Солоневич. Передовая // Наша страна. 1950. № 29) (Солоневич, 1950).

42. Большевики еще более грубо и варварски прервали традицию, чем Петр Великий.

«Тем не менее преемственность оказалась прерванной еще грубее, чем при Петре, а главное без всякой компенсации варварства остротой смекалки» (В. Вейдле. Наследие России // В. Вейдле. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 34; первая публикация: Воздушные пути. 1967. № 5) (Вейдле, 1967).

43. Большевики продолжают традиции революционного русского самодержавия Петра I.

«Внутреннее сродство теперешнего большевизма с революционным русским самодержавием разительно. Так же как Петр, они мечтают перебросить Россию через несколько веков вперед, так же как Петр, они хотят создать ей новую душу хирургическим путем; так же как Петр, цивилизуют ее казнями и пытками: между Преображенским приказом, Тайной канцелярией и Чрезвычайной комиссией нет никакой существенной разницы: отбросив революционную терминологию и официальные лозунги, уже ставшие такими же стертыми и пустыми, как “самодержавие, православие, народность” недавнего прошлого, по одним фактам и мероприятиям мы не можем дать себе отчета, в каком веке и при каком режиме мы живем»

(М. Волошин. *Россия распятая. Лекция (1920) // Выход из транса.* М., 1995. С. 170) (М. Волошин, 1920).

44. Сталинская революция — классическая форма русской «революции сверху» в духе Ивана Грозного и Петра I.

«1929—1930 год — попытка восстания против крестьянства, освобожденного в 1917 г. Как вождь революции, Сталин возглавляет дьявольскую энергию фантастического и фанатического меньшинства, овладевшего силами великого народа. Как правитель России, Сталин является преемником царей московских и императоров всероссийских с их капиталом восточной покорности в 150 миллионов, не раз испытанным в былых революциях с высоты престола. Новая революция Сталина есть классическая форма русской революции сверху, имеющая формальную аналогию с революцией Петра и материальную — с революцией Грозного. В отличие от первого Октября, ни массовое волнение, ни самая легкая зыбь не выносит наверх безумного порыва диктатора. Все совершается силою новой опричнины: нагнанных из города чиновников, красных преторианцев ГПУ, да кое-каких подонков деревенской гольтыбы» (Г. П. Федотов. *Проблемы будущей России* (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 229; первая публикация: *Современные записки.* Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

45. Политическая структура сталинизма сходна со структурой самодержавия.

«Политическая структура революции в этом отношении сходна со структурой самодержавия: они обе допускают возможность безумия власти и возлагают на народ ответственность за это безумие» (Г. П. Федотов. *Проблемы будущей России* (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 229; первая публикация: *Современные записки.* Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

46. Уничтожение «свободных профессий» возвратило Россию к XVIII веку, когда не существовало противоположности между обществом и служилым сословием.

«Было бы слишком просто сказать, что в этом образовании бюрократия поглотила интеллигенцию и что мы имеем в России типично чиновничье государство. Верно то, что интеллигенция в России исчезла без остатка — интеллигенция в старом смысле, как общество, противопоставившее себя государству. Но, умирая, она завещала бюрократии частицу своего духа, кое-что от своих традиций, хотя и чрезвычайно деформированных. Упрощая, можно было бы сказать, что Россия вернулась к XVIII веку, когда не существовало противо-

положности между обществом и служилым классом. Конечно, нужно помнить, что это произошло ценою такого давления пресса, при котором всякая свободная деятельность становилась немыслимой. “Свободная профессия” — каторжное клеймо в России» (Г. П. Федотов. *Новая Россия* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 201; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

47. Большевизм — продолжение заветов старой русской бюрократии.

«...Большевики решили — целиком и во всем следовать заветам старой русской бюрократии» (Л. Шестов. *Что такое большевизм?* Берлин, 1920. С. 10) (Шестов, 1920).

48. Большевистская Главкократия — наследник самодержавной бюрократии.

«Не опираясь ни на широкие рабочие, ни на крестьянские массы, большевики, естественно, пытались взамен этой самостоятельности трудовых масс создать такой автоматически действующий государственный аппарат, который бы с максимальной точностью выполнял всякое распоряжение центра, являясь слепым орудием последнего. Конечно, не одни только большевики выдумали и произвели этот централизм. Нет, он был присущ и царскому самодержавию; большевики только использовали этот, уже существовавший аппарат, подчинив его себе внешне, но оставив его внутреннюю сущность, еще во времена самодержавия внутренне разложившую и разбеденную ядом паразитизма и непотизма. Соединение централистического по своей природе большевизма с оставшимся от самодержавия бюрократизмом дало небывалую в истории карикатуру на общественное планомерное хозяйство в виде пресловутой Главкократии. Бюрократический аппарат жестоко мстит тем, кто желает его использовать для своих целей: он, будучи почти самодовлеющим, приспособляет к себе тех, кто взялся его использовать, не развивая и не разрушая. Хищничество, воровство, волокита, взяточничество стали господствующими “методами социалистического хозяйства” в советских учреждениях» (В. Трутовский. *От коммунизма к капитализму* (1922) // Пути революции. Берлин, 1923. С. 112) (Трутовский, 1922).

49. Правление Сталина («сталинократия») — возвращение к традициям царского самодержавия XVIII—XIX вв.

«Действительно, новый режим в России многими чертами переносит нас прямо в XVIII век. Та же массивная тяжесть государственной

пирамиды, то же строительство культуры на костях народа. Государство как организатор культуры. Революционно-рационалистический характер этой, проводимой сверху культуры. Энтузиазм и лесть, окутывающие трон. “Оды на восшествие на престол” Но в то же время и огромная техническая и научная работа в полудикой стране: географические экспедиции, Академия наук... Конечно, Сталин напоминает скорее правителей эпохи бироновщины — палачей из тайной канцелярии, живущих традицией великого Петра... Но уже он чувствует потребность расцветить эту палаческую государственную работу блеском елизаветинского или екатерининского двора» (Г. П. Федотов. Сталинокрапия // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 96—97; первая публикация: Современные записки. Париж, 1936, № 60) (Федотов, 1933).

«Разгадка заключается, вероятно, в том, что Сталин почувствовал узость и шаткость партийного помоста для своего трона — в эпоху убыли революционной волны. Вероятно, он видит, что партия далеко не пользуется популярностью в стране. Если беспартийные массы ненавидят коммунистов, то Сталин хочет отвести от себя эту ненависть. Он хочет быть не вождем партии (каким был Ленин), а вождем страны. Для этого он изобретает психологически очень удачную категорию: “беспартийные большевики”. Сюда относятся все советские активисты, все лояльные и усердствующие граждане. Сталин хочет быть их вождем. Он единственное воплощение политической воли в стране. Его отношение к народу более напоминает самодержавного вождя. Иные жесты его кажутся прямо скопированными с Николая I. Сталин, беседующий с девочкой во время демонстрации на Красной площади, поразительно напоминает Николая Павловича в кадетском корпусе; колхозницы, плачущие от восторга после посещения самого Сталина в Кремле, повторяют мотив крестьянского обожания царя. Сталин и есть “красный царь”, каким не был Ленин. Его режим вполне заслуживает название монархии, хотя бы эта монархия не была наследственной и не нашла еще подходящего титула» (Г. П. Федотов. Сталинокрапия // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 91; первая публикация: Современные записки. Париж, 1936, № 60) (Федотов, 1933).

50. Большевизм — результат победы курляндской герцогини Анны Иоанновны над князем Д. М. Голицыным в 1730 г.

«Несчастье России и главная причина катастрофического характера русской революции и состоит именно в том, что народ, население, общество (назовите, как хотите) не было в надлежащей степени привлечено и привлекаемо к активному и ответственному

*участию в государственной жизни и государственной власти. Я выражаю это еще иначе: Ленин смог разрушить русское государство в 1917 г. именно потому, что в 1730 г. курляндская герцогиня Анна Иоанновна восторжествовала над князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Это отсрочило политическую реформу в России еще на 175 лет и обусловило собой ненормальное, извращенное отношение русского образованного класса к государству и государственности» (П. Б. Струве. **Размышления о русской революции** (1919) // П. Б. Струве. Избранные произведения. М., 1999. С. 281) (Струве, 1919).*

51. Советский строй является воспроизведением русского традиционного крепостничества.

*«В Советском Союзе царит крепостное право. Я об этом заявлял уже не раз, но, кажется, это воспринимается более как художественный образ.. А это — полная реальность, однако в миллионах случаев умело скрытая от чужого поверхностного взора... В этом и ключ советского крепостного права: постоянная приписанность к месту жительства, невозможность никуда уехать из-под местного начальства без его разрешения. Поэтому крепостное право не только в лагерях и в колхозах, где прямой принудительный труд, не оплачиваемый по своей стоимости. Крепостное право разлито по просторам нашей страны: вольные граждане совсем не свободны ни в выборе труда, ни в защите достойной оплаты его и даже в общем жизненном поведении должны приравниваться к местным мелким партийным сатрапам и их капризам: вызвавши их гнев, могут быть тесными вне всяких законов» (А. И. Солженицын. **Заявление, 5 апреля 1974 г.** // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 10. С. 53) (Солженицын, 1974).*

*«В русской революции с поразительной силой и ясностью проявил себя универсальный закон социально-исторической преемственности: если какое-то общество разрушается, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания, то из обломков этого общества развивается новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному... Сложившийся в России после революции социальный строй во многом является воспроизведением крепостнического строя России столетней давности» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 30, 42) (Зиновьев, 1980).*

52. Большевизм — возвращение к полицейско-крепостническому режиму Аракчеева.

«За четыре года существования большевистской власти мы имеем не только отдаление от “конечной цели” трудящихся классов Рос-

сии, но и лишение всего населения, за немногочисленным слоем правящей верхушки, — всех видов, формальной и неформальной свободы и равенства... Именно потому, что большевики считали буржуазно-демократическую программу не только “побочной”, как они сейчас уверяют, а противной и противоречащей главной и “настоящей” программе, “пролетарско-революционной, социалистической”, — именно поэтому они не только не довели буржуазно-демократическую революцию до конца, а вернули Россию вспять, к каторжному, полицейско-крепостническому режиму Аракчеева и дальше — к эпохе Екатерины и Петра I» (М. Вишняк. *На Родине* // Современные записки. Париж, 1921. № 8. С. 353) (Вишняк, 1921).

53. Большевизм возвращается к идеологии Николая I.

«Трагический путь русской истории, сперва обративший в рабство народную массу, а потом поссоривший интеллигенцию с государством, привел к изоляции государства в последний век империи. Это и было, конечно, причиной ее катастрофы. В разгроме России интеллигенция снова ощутила свою кровную связь с нею. Боль за Россию, унижение за нее, гордость воспоминаний и надежд стали содержанием жизни всей эмиграции. Народ обрел свою Россию несколько позже, в самом процессе революции, оставшись на своей земле без дворян и чиновников, которые прежде несли на себе государство, но и заслоняли его от народа. В отличие от горькой любви эмигрантов, народная любовь к России сейчас исчерпывается сознанием ее мощи. Возвращая народу по капле национальную культуру, большевистская власть «обезвреживает» ее, очищая от всех слишком тонких и благородных элементов: от христианского и гуманистического наследия. Национализм сталинской России, через головы трех поколений интеллигенции, прямо возвращается к официальной идеологии Николая I» (Г. П. Федотов. *Опоздавшие* // Г. П. Федотов. *Защита России*. Париж, ????. Т. 4. С. 300—301; первая публикация: *Новая Россия*. 14 апр. 1940 г. № 82—83) (Федотов, 1940).

54. Большевистская власть, как все власти на Руси, — изначально выборная, но не дающая себя переизбрать.

«Слова “социалистический выбор” отражают жажду легитимности: в конце концов, в России все власти изначально выборные. В IX веке выбрали Рюрика, в 1613 году — Михаила Романова, в 1917 году — социализм и социалистический Совнарком. Никто из выбранных не дал себя переизбрать и сам не ушел» (Д. Драгунский. *Полигон. Предварительные итоги русской и советской истории* // *Век XX и мир*. 1991. № 4. С. 51) (Драгунский, 1991).

55. Большевизм — этап гораздо большей (и еще не завершенной) эпохи, начавшейся в России в 1830—1840-х гг. — эпохи замены аграрно-сословного строя городским.

«О процессах русской истории, подготовивших большевистскую революцию и в ней получивших свое продолжение, ведомо достаточно, чтобы признать: 160 лет России, примерно с 1830—40-х, образуют единую, хоть и внутренне расчлененную, и еще не близкую к завершению эпоху замены строя аграрно-сословного городским, а в перспективе, вероятно, корпоративно-городским. Напомню общеизвестное. Это время разложения, “оползания” ценностей аграрно-сословного строя — как традиционно-дворянских, так и традиционно-крестьянских; время складывания в России автономного городского общества — аналога европейскому бюргерству, античному полисному демосу и подобным же социальным образованиям в истории иных цивилизаций. Все глаголения насчет исконной расколотости русской культуры, как бы “исконность” ни толковалась — будь то с Петра I или с прихода варягов, — представляют ни что иное, как опрокидывание в историю того самоощущения, которое владело в эти полтора века “образованными слоями” и из них распространялось в круги все более массовые... Сословные различия языка, культуры и жизненного стиля прекрасно известны многим цивилизациям, в том числе и средневековой Европе, обретая интегративный противовес в традиционности обязанностей, прав и верований сословий. Истинный раскол обозначается только в преддверии “городской революции” и интенсифицируется ее протеканием, когда обреченность аграрно-сословного порядка с его “дхармой сословий” оборачивается небывалой волной “споров о вере” в пробуждающихся к новому самоопределению городских образованных, а затем уже и полубразованных, слоях и прослойках... Этот раскол выносит вперед крупнейших и авторитетных ересиархов — “учителей жизни” вроде Л. Толстого и Н. Федорова, притязающих на открытие “нового христианства”, катализирует становление светского богословия — русской религиозной философии, цветом которой явилась наша софиология. Он знаменуется множасьими проектами “нового оправдания” наряду с поисками религиозного “нового сознания”, в том числе и на путях политизированного богостроительства» (В. Л. Цымбурский. Большевизм и цивилизация России. Рукопись доклада. М., 1996. С. 4—5) (Цымбурский, 1996).

56. Большевистская диктатура — закрепление начавшейся в 1880-х годах тенденции замены традиционного русского самодержавия государством военно-полицейского типа.

«Что касается сферы политической, то исследователи по праву датируют 1880-ми конец “старого порядка” в России (самодержавия

как интегративного свода аграрно-сословного жизнеустройства) и начало военно-полицейского государства. Прологом “эры тираний” становится сперва выдвигание самими монархами на первые роли в государстве диктаторов в качестве силовых министров с чрезвычайными законотворческими и исполнительными полномочиями (наиболее известны Лорис-Меликов и Столыпин). Отсюда путь через генеральские диктатуры и “комиссародержавие” гражданской войны к принципату Сталина — “наследника русских царей” — и к последующим олигархиям» (В. Л. Цымбурский. *Большевизм и цивилизация России*. Рукопись доклада. М., 1996. С. 6) (Цымбурский, 1996).

57. Октябрьская революция — завершение начавшейся реформами Александра II смены сословно-дворянской элиты в России аппаратно-бюрократической.

«Собственно, в послекиевской Руси трижды совершался коренной слом сложившихся социальных структур, сопровождавшийся резким повышением социальной мобильности и образованием новой правящей мафии. Первый приходится на середину XV в., когда вокруг московских князей формируется московская боярская мафия. Второй относится к эпохе после Смутного времени, когда на смену боярству и сравнительно независимому духовенству начинает идти новое государственное и церковное служилое сословие, дворянская мафия. Наконец, великая крестьянская реформа знаменовала собой конец дворянской мафии и начало становления мафии “аппаратчиков”, торжеством которой стала революция 1917 г... Аппаратно-бюрократический разночинный принцип пришел на смену сословно-дворянскому в 1862 г., но утвердился после революции 1917 г.» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). *Коммунизм — это молодость мира* // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 75—76) (Седов, 1987).

58. Советская Россия повторяет самодержавную Россию в бесправи главных творческих производительных сил страны — крестьянства и интеллигенции.

«Немыслима организация государства при бесправном — *de jure* или *de facto* — положении творческих производительных сил страны, из них главнейшие — крестьянство и интеллигенция. В той или иной форме это наблюдалось в самодержавной России и наблюдается в советской» (В. И. Вернадский. Из подготовительных записей к выступлениям (октябрь—ноябрь 1920 г.) // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 43) (В. Вернадский, 1920).

59. Советская наука и культура — возвращение к наивному просветительству середины XIX в., «воскрешение Базарова после Владимира Соловьева».

«Дарвин вытеснил Маркса, и народная Россия переживает свои шестидесятые годы. Это эпоха наивного просветительства, юношеского богоборчества — казалось, давно преодоленная русской мыслью. Воскрешение Базарова после Владимира Соловьева — расплата за вековую беспочвенность русского культурного слоя» (Г. П. Федотов. *Новая Россия* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 214—215; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

60. Политическую победу Ленина предопределила культурная победа Некрасова над Пушкиным в сознании разночинной интеллигенции.

«Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова (toutes proportions gardées) <в соблюдение всех пропорций (фр.). — Сост.>» (С. Л. Франк. *De profundis* // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 494; первая публикация: *Из глубины*. Сборник статей о русской революции. М., 1918) (Франк, 1918).

61. Первые признаки большевистского обвала описаны Тургеневым в разладе «отцов» и «детей».

«Первые признаки разрыва и надлома, кончившегося в наши дни ужасающим обвалом, описаны Тургеневым в разладе между “отцами и детьми” Ненависть Базарова к барской жизни и барскому либерализму Кирсановых по содержанию своему, так сказать, по духовной своей субстанции совершенно тождественна с большевистской злобой; в спорах между Базаровым и Кирсановым, так же как в одновременном с ними столкновении между Герценом и людьми, которых он назвал метким именем “желчевиков”, явственно слышны раскаты грозы, обрушившейся теперь на Россию» (С. Л. Франк. *Из размышлений о русской революции* // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8; первая публикация: *Русская мысль*. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

62. Большевики завершили начатое поколением Александра III строительство «России Ксеркса».

«Когда-то один из самых чутких глашатаев нашего христианского возрождения вопрошал Россию: Каким ты хочешь стать Востоком,

Востоком Ксеркса или Христа? Уже поколение Александра III дало на этот вопрос ясный, хотя и бессознательный ответ. Идеал правды был принесен в жертву славе и мощи. Стилизованный по-православному Ксеркс стал идеалом православного царя и всего русского мнимохристианского национализма. Отступничество революции было предвосхищено давно — Леонтьевым и Данилевским. Большевизм, сорвав все маски, строит Россию Ксеркса» (Г. П. Федотов. О национальном покаянии // Новый град. 1933. № 6. С. 8) (Федотов, 1933).

63. Ленин воспроизводит духовный тип, присущий Победоносцеву.

«Победоносцев и Ленин представляли полярно противоположные идеи. Но есть сходство в их душевной структуре, они во многом принадлежат к одному и тому же типу... Я когда-то характеризовал мировоззрение Победоносцева как “нигилизм на религиозной почве” Он был нигилистом в отношении к человеку и миру, он абсолютно не верил в человека, считал человеческую природу безнадежно дурной и ничтожной. У него выработалось презрительное и унижительное отношение к человеческой жизни, к жизни мира.... Как обер-прокурор Св. Синода, он подчинял церковь государству, потому что не верил в человеческие качества иерархии и мирян. Человек так безнадежно плох, что единственное спасение — держать его в ежовых рукавицах... Ленин тоже не верил в человека, и у него было нигилистическое отношение к миру. У него было циническое презрение к человеку и он также видел спасение лишь в том, чтобы держать человека в ежовых рукавицах. Как и Победоносцев, он думал, что организовать жизнь людей можно лишь принуждением и насилием. Как Победоносцев презирал церковную иерархию, над которой господствовал, так и Ленин презирал иерархию революционную, над которой господствовал, он отзывался о коммунистах с издевательством и не верил в их человеческие качества. И Ленин и Победоносцев одинаково верили в муштровку, в принудительную организацию людей, как единственный выход... Ленин тоже думал, что мир и человек поражены грехом, для него это грех эксплуатации человека человеком, грех классовых неравенств. Ленин не верил в человеческую природу, в высшее начало в человеке, но он не верил и в Бога, как верил Победоносцев. Но он верил в будущую жизнь, не потустороннюю, а посюстороннюю будущую жизнь, в новое коммунистическое общество, которое для него заменило Бога, верил в победу пролетариата, который для него был Новым Израилем. Но коммунистическое общество осуществится не в силу качества людей, а в силу муштровки, принуждения, организации. Коммунистическая государственность у Ленина столь же

*авторитарна и авторитарна, как и монархическая государственность у Победоносцева. Из неверия в человека, из нигилистического отношения к жизни мира Ленин сделал обратный вывод, вывод крайне революционный. Одинаково можно сделать и крайне реакционный, и крайне революционный вывод. Но жизнь мира сего была пустой и злой и для Ленина, и для Победоносцева» (Н. А. Бердяев. **Истоки и смысл русского коммунизма**. Париж, 1955. С. 127—128; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).*

64. Ленин — последователь Нечаева.

*«Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — “на всех парах через болото” И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к погибели в трясине действительности, очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что “правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно”, и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бои, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей...» (М. Горький. **Вниманию рабочих** // Новая жизнь. 23 нояб. 1917 г. № 177. С. 150) (Горький, 1917).*

65. Революционный фанатизм и безбожная аскеза большевиков воспроизводят принципы «Катехизиса революционера» Нечаева.

«Для крайних, максималистских революционных течений конца 60-х годов наибольший интерес представляет зловещая, жуткая фигура Нечаева, характерно русская фигура. Он был основателем революционного общества “Топор, или народная расправа” Нечаев составил “Катехизис революционера”, документ необычайно интересный, единственный в своем роде. В этом документе нашли себе предельное выражение принципы безбожной революционной аскезы... В “Катехизисе” Нечаева есть что-то мистическое. Для нас особенно интересно, что Нечаев во многом превосходит тип большевистской организации партии, крайне централизованной и деспотической, в которой все идет сверху... Для революционера все морально, что служит революции. Слова, которые потом повторит Ленин... Что-то от Нечаевского аскетического революционного типа перешло к Дзержинскому, создателю и руководителю Чека. Дзержинский был, конечно, верующий фанатик, допускавший все средства во имя осуществления царства социализма. Он причинял страшные страдания, он был весь в крови, но согласен был сам на жертвы и страдания. Он был 15 лет на каторге. Верующий католик в юности и молодости, готовившийся в священники, он переключил свою религиозную энергию.

И это произошло со многими революционерами. Коммунисты все-таки смягчили нечаевский катехизис, но многое от этого катехизиса вошло в русский коммунизм, особенно в первоначальный период» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 51—53; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

66. Ленин — последователь Бакунина.

«В социал-демократическом учении, — я говорю: в учении — самое большое и самое почетное место до сих пор принадлежит взглядам Маркса и Энгельса. А что же общего имеет тактика Ленина? Ничего, ровно ничего! Ленин происходит отчасти от Бланки и состоит, кроме того, в более или менее близком родстве с Бакуниным... В тактике Бакунина была порядочная примесь демагогии. На последней странице своей “Государственности и Анархии” он говорит, между прочим, что нужна “организация разнузданной чернорабочей черни”. В другом месте той же книги речь идет у него о “диком, голодном пролетариате” как о носителе социалистической идеи! Это, конечно, демагогия. Но то, что было зародышем у Бакунина, принесло роскошный плод у Ленина. Ленин — несравненный мастер по части собирания под свое знамя “разнузданной чернорабочей черни”; он все свои псевдореволюционные планы строит на неразвитости “дикого голодного пролетариата”» (Г. В. Плеханов. Историческая справка // Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921. Т. 2. С. 34; первая публикация: Единство. Пг., 11 июля 1917 г. № 86) (Плеханов, 1917).

«Победил Ленин. А Ленин вовсе не дурак. Он свое дело знает. Конечно, не имеет ровно ничего общего с делом сознательного пролетариата нашего времени. Его тактика является новым, весьма значительно расширенным, изданием “бунтарской” тактики М. Бакунина и совершенно лишена даже отдаленного сходства с революционной тактикой, завещанной нам основателями научного социализма» (Г. В. Плеханов. Кто победил? // Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921. Т. 2; первая публикация: Единство. Пг., 2 сент. 1917 г. № 180) (Плеханов, 1917).

67. Большевизм является продолжателем русского революционного мессианизма Бакунина.

«Бакунин — фантастическое порождение русского барства. Это огромное дитя, всегда воспламененное сдммыми крайними и революционными идеями, русский фантазер, неспособный к методическому

мышлению и дисциплине, что-то вроде Стеньки Разина русского барства... У Бакунина был очень сильный славянофильский элемент. Его революционный мессианиззм есть мессианиззм русско-славянский. Он верил, что мировой пожар будет зажжен русским народом и славянством. И в этом русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов... Для Бакунина свет варварства с Востока осветит тьму Запада, тьму буржуазного мира. К этому сознанию придут и русские коммунисты, вопреки своему западному марксизму» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 54—55; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

68. Тактика Смольного — тактика Бакунина и Нечаева.

«И уж во всяком случае ни социализм вообще, ни марксизм, в частности, тут совершенно ни при чем. Тактика Смольного есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева» (Г. В. Плеханов. *Буки Азь-Ба*. // Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921. Т. 2. С. 267; первая публикация: Наше единство. Пг., 13 янв. 1918 г. № 16) (Плеханов, 1918).

69. Антидемократизм большевиков является наследником революционно-деспотической линии Ткачева.

«П. Н. Ткачев... более, чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина... Он первым противопоставил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию, конституцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев не был демократом. Он утверждал власть меньшинства над большинством. Ткачева называли якобинцем, что не совсем верно. Якобинство есть форма демократии, Ткачев же прежде всего социалист и социализм его не демократического типа, чем он походит на Ленина и коммунистов... Ткачев, как и Ленин, был теоретиком революции. Основная идея его есть захват власти, захват власти революционным меньшинством. Для этого нужно дезорганизовать существующую власть путем террора... Анархический дионисизм Бакунина совершенно чужд Ткачеву. Бакунин был против всякой организации, Ткачев же был сторонником организации революционного меньшинства, которое должно завоевать власть. Он один из немногих русских революционеров прошлого, почти единственный, который думал о власти, о ее завоевании и ее организации. Он хотел, чтобы революционная социалистическая партия стала правительством. И в этом он

очень походит на Ленина. Революционное социалистическое правительство он представлял себе довольно деспотическим. Разрушение всего прошлого при торжестве Ткачева было бы еще более беспощадным, чем при Ленине» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 59—60; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

70. Ленинский большевизм доказал историческую правоту Ткачева: в России утопией оказалась не коммунистическая, а либерально-буржуазная революция.

«Полемика Плеханова с Ткачевым представляет большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время как их еще не существовало... Плеханов, как потом все марксисты-меньшевики, не хочет признать особенных путей России и возможность оригинальной революции в России. И в этом, он конечно, ошибся. Ткачев был более прав. Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова. В России не коммунистическая революция оказалась утопией, а либеральная, буржуазная революция оказалась утопией» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 60; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

71. Большевики — последователи Бакунина и Нечаева.

«Нигилизм бакунинского направления и марксизм развились из одного и того же источника. Различия между ними, объясняющие, в частности, почему Бакунин оказал на дальнейшую историю гораздо меньшее влияние, чем Маркс и Энгельс, заключается не в том, что марксизм отказался от некоторых черт бакунинского нигилизма, а в том, что он добавил к ним некоторые новые, и притом очень существенные. Марксизм основывается на том же психологическом фундаменте: бескомпромиссно-враждебном отношении, жгучей ненависти к окружающей жизни, допускающем лишь один выход — ее полное уничтожение. Но он находит средство перевести это чисто субъективное мироощущение в другую, более объективную плоскость. Как настоящий художник не дает своим страстям вырываться наружу, но перерабатывает их в произведения искусства, так же марксизм осуществил трансформацию стихийно-разрушительных эмоций, правивших Нечаевым и Бакуниным, в имеющие несравненно

более объективный и потому принудительный вид концепции подчиненности человека “имманентным законам или диалектике производства” Но мироощущение, на котором возведено строение марксизма, — то же, что у Нечаева и Бакунина» (И. Шафаревич. Социализм как явление мировой истории (1970) // И. Шафаревич. Сочинения в 3-х тт. М., 1994. Т. 1. С. 304; первая публикация: Париж, 1977) (Шафаревич, 1970).

72. «Красный большевизм» имеет много общего с «черносотенством».

«Большевизм имеет слишком много общего с распутином и черносотенством. Красные и черные цвета в массе окончательно перемешались» (Н. А. Бердяев. Правда и ложь в общественной жизни // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 87—88; первая публикация: Народопрямство. 24 июля 1917 г. № 4) (Бердяев, 1917).

«Вражда к “образованным” черносотенников и большевиков имеет один и тот же источник и одну и ту же природу, это — вражда экстенсивного душевного уклада, жаждущего раздела, ко всякой творческой интенсивности» (Н. А. Бердяев. Торжество и крушение народничества // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 186; первая публикация: Русская свобода. 1917 г. № 14—15) (Бердяев, 1917).

«Эти нигилистические настроения и мысли расцвели в душной атмосфере подполья, созданного насилиями старой, разлагающейся власти. Нигилизм бюрократический и нигилизм интеллигентский — близнецы... Россия давно уже тяжело больна духом, ее сводят судороги одержимого, в нее вселились бесы, то реакционные, то революционные, то черные, то красные. Русский максимализм, бросающий нас из одной крайности в другую, есть болезнь духа, метафизическая истерия, внутреннее рабство» (Н. А. Бердяев. Кто виноват? // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 99; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

«Крайний правый лагерь и крайний левый лагерь сходились в подозрительном и враждебном отношении к культуре, одинаково идеализировали непросветленную народную стихию. Большевизм вполне сошелся с черносотенством. В жизни политической это родство выражается в одинаково враждебном отношении к праву» (Н. А. Бердяев. Духовные основы русского народа // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 227; первая публикация: Народопрямство. 1 февр. 1918 г.) (Бердяев, 1918).

73. Царство Ленина ничем не отличается от царства Распутина.

«Совсем недавно еще “народ” был черносотенным и солдатскими штыками поддерживал самовластье и темную реакцию. Теперь же в народе победил большевизм и он теми же солдатскими штыками поддерживает гг. Ленина и Троцкого. Ничто не изменилось. Свет не просветил народную душу. Царит та же тьма, та же жуткая стихия под новыми оболочками, под новыми личинами. Царство Ленина ничем не отличается от царства Распутина» (Н. А. Бердяев. **Гибель русских иллюзий** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 118; первая публикация: Русская мысль. Париж. Январь—февраль 1918 г.) (*Бердяев*, 1918).

V. БОЛЬШЕВИЗМ: АЗИАТИЗАЦИЯ РОССИИ

1. Большевизм — пароксизм азиатчины.
2. Большевизм — проявление азиатской части русской души.
3. Большевистская Россия напоминает татаро-монгольскую орду.
4. Большевизм — вторичная ориентализация России.
5. Большевистский строй — «государственное перерождение Евразии», вызванное кризисом европейской культуры в России.
6. Коммунизм осуществляет автаркический проект России-Евразии.
7. Большевизм — авангард Востока в борьбе с Западом.
8. Большевизм — освобождение Востока из народных недр.
9. Большевизм — восточное явление, в то время как социализм — явление западное.
10. Ленин — «мусульманский деспот».
11. Революция 1917 г. — результат того, что «азиатчина пронизала сердце России».
12. СССР — примитивная азиатская деспотия, основанная на бесправии и произволе.
13. СССР — хитрая, искусенная Азия, первая великая азиатская держава.
14. Большевизм — китаизация России.
15. Сталинский государственный социализм — совершенно идентичен «азиатскому способу производства».

1. Большевизм — пароксизм азиатчины.

... На первых порах это проникновение старых мотивов народничества в марксизм — кровное детище европейского движения рабочего класса, — казалось не имеющим серьезного значения и скоропреходящим явлением. Недооценил его и Плеханов... и пал жертвой этой ре-

акции. Его тридцатипятилетняя работа, казалось, сведена на нет, уничтожена пароксизмом азиатчины... В результате всероссийской разрухи на нас нахлынул шквал азиатчины. Он смыл Плеханова. Но он не смыл России. За реваншем Азии придет встречный удар Европы и выпрямит опять дорогу российского прогресса, и восстановит разрушенное дело Плеханова» (А. Н. Потресов. Г. В. Плеханов // Былое. 1918. № 12. С. 10) (Потресов, 1918).

2. Большевизм — проявление азиатской части русской души.

«Русская социал-демократия хотя и сложилась теоретически под влиянием германской и находится у нее в рабстве, но носит на себе специфически русские, совершенно восточные черты. В ней очень сильны элементы восточно-русского утопического народничества и анархического бунтарства. И это особенно ярко отразилось у так называемых «большевиков», которые никак не могут быть названы марксистами и которые в сущности типичные восточники. Русский большевизм и максимализм есть порождение азиатской души, отвращающей от западных путей культурного развития и культурного творчества» (Н. А. Бердяев. Интернационал и единство человечества // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 125; первая публикация: Русская свобода. 22 апр. 1917 г.) (Бердяев, 1917).

«“Большевизм” есть, конечно, революционное, анархически-бунтарское народничество... В русском народничестве всегда чувствовалась стихия Востока, глубоко противоположная западной идее культуры, западным нормам общественности. Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они не исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками. Русское народничество — анархично и женственно, в нем нет мужественного владения стихией, как начала оформляющего» (Н. А. Бердяев. Народническое и национальное сознание // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 133—134; первая публикация: Русская мысль. Июль—авг. 1917 г.) (Бердяев, 1917).

«Правда, большевизм можно было бы назвать движением характерно русским, это — вполне восточное, азиатское явление, в нем нет ничего западного. Но русским можно назвать это движение не потому, что оно выражает творческую русскую мощь, а потому что выражает русскую пассивность, русскую одержимость, русскую тьму, русскую способность делаться послушным орудием чужой силы» (Н. А. Бердяев. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917. С. 10) (Бердяев, 1917).

3. Большеви́стская Россия напоминает татаро-монгольскую орду.

«С этнографической точки зрения Россия — область, где господство принадлежит индо-европейскому и туранскому элементам. Во всяком случае организация большевистской России слишком во многом напоминает организацию “орды”: подобно тому, как монголы XI в. восприняли открывшуюся в Коране волю Аллаха, как “ясак”, так для нас стал “ясаком” коммунистический манифест» (П. М. Бицилли. **«Восток» и «Запад» в истории Старого Света** // На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922. С. 336) (Бицилли, 1922).

4. Большеви́зм — вторичная ориентализация России.

«Многочисленные “орды», впервые приобщающиеся к цивилизации, вливаются в ряды русского культурного слоя, вторично ориентализируя его» (Г. П. Федотов. **Россия и свобода** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 300; первая публикация: Новый журнал. Нью-Йорк, 1945. № 10) (Федотов, 1945).

5. Большеви́стский строй — «государственное перерождение Евразии», вызванное кризисом европейской культуры в России.

«Будучи государственным перерождением Евразии, которое обусловлено натиском на нее со стороны Европы, русская революция есть вместе с тем и реакция России на ее европеизацию, и саморазложение европейской культуры, принявшее особенно острые формы именно в России» (Л. П. Карсавин. **Феноменология революции**. Берлин, 1926. С. 66) (Карсавин, 1926).

6. Коммунизм осуществляет автаркический проект России-Евразии.

*«Положительную цель пятилетки с максимальной точностью можно определить как **строительство особого лица России-Евразии**. Коммунизм окрасил по-своему осуществление этого замысла... Под псевдонимом “социалистического строительства” обосновывается русская автаркия. И именно ее пафосом живут кадры “строителей социализма” В этом заключается знаменательная уловка истории. Она заставляет коммунистов делать **Евразийское дело**»* (П. Савицкий. **Пятилетний план и хозяйственное развитие страны** // Новый град. 1932. № 5. С. 48—49) (Савицкий, 1932).

7. Большеви́зм — авангард Востока в борьбе с Западом.

«Наша идеология была не только антикапиталистической, она была и антизападной. Фактически Россия возглавила борьбу Востока про-

тив Запада на уровне государственном, идеологическом и общекультурном... Повторяю, это все преподносилось как борьба коммунизма с капитализмом, но в глубине своей оставалось борьбой России. Т. е. евразийского, западно-восточного культурно-исторического типа против Запада, тоже как особого типа культуры» (К. Кантор. Выступление на дискуссии в журнале «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 6) (К. Кантор, 1992).

8. Большевизм — освобождение Востока из народных недр.

«И, все-таки, еще накануне Великой войны и революции в низах народной жизни — в быту, хозяйстве и сознании — непочатые пласты Востока и Москвы: Европа сюда как будто бы и не заглядывала. Когда революция раскрыла народные недра, эти пласты поднялись наверх... И революция, и советское государство только по западному задуманы — выведены и сколочены они по восточному и из наполовину восточных материалов» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Пути России // Современные записки. 1932. № 48. С. 325) (Бунаков-Фондаминский, 1932).

9. Большевизм — восточное явление, в то время как социализм — явление западное.

«Только в хаосе мировых событий можно было смешать социализм с большевизмом. Большевизм — явление восточное. Он отдает лицо в жертву государству; и государством жертвует во имя чуждой ему, вне его лежащей цели. Социализм — явление западное... “Душа” западной культуры и “душа” социализма — одна и та же: идея личности. Социализм — только один их этапов борьбы западной личности за свое утверждение» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Пути России // Современные записки. 1923. № 14. С. 366) (Бунаков-Фондаминский, 1923).

10. Ленин подобен мусульманскому деспоту.

«Как человек “с истиной в кармане”, он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее, сделать печать, слово, трибуну, даже мысль — монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты. Здесь он походил на того древнего мусульманского деспота, который произнес приговор над сокровищами александрийской библиотеки: если там сказано то же, что в коране, то они — лишни; а если другое, то они — вредны»

(В. М. Чернов. Ленин // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 34) (Чернов, 1924).

11. Революция 1917 г. — «азиатский инфаркт», результат того, что «третина азиатчины пронизала сердце России».

«Установилась власть азиатских провинций и полуколоний над большим Центром. Более того — относительно малочисленных и мало-земельных колоний над огромной метрополией. (Конечно, это стало возможно из-за того, что третья азиатчины пронизала сердце России. Но без Кавказа и Средней Азии Россия бы с азиатским инфарктом справилась.)» (Д. Галковский. Андерграунд // Независимая газета. 26 нояб. 1992. № 227) (Галковский, 1992).

12. СССР — примитивная азиатская деспотия, основанная на бесправии и произволе.

«Россия к началу XX века была европейским государством, органичной частью великого Белого мира, СССР же — примитивная азиатская деспотия, основанная на бесправии и произволе и всегда историческую Россию ненавидевшая и боявшаяся. Между Россией и СССР примерно такое же сходство, как Византией и Османской империей, с той только разницей, что турки были умнее и человечнее большевиков. Из главного храма Константинополя они сделали не баню, а мечеть» (Д. Галковский. Стучкины дети // Независимая газета. 1993. 9 июня) (Галковский, 1993).

13. СССР — хитрая искусственная Азия, первая великая азиатская держава.

«СССР — это хитрая Азия, искусственная Азия. До 1917 года Россия вместе с Австро-Венгрией замыкала цепочку великих европейских держав. После 1917 г. вместе с Японией она открывала список великих держав, правда азиатских» (Д. Галковский. Русская философия и русская политика // Иное. 1995. Т. 3. С. 29) (Галковский, 1995).

14. Большевизм — китаизация России.

«Так же, как Достоевский и Тютчев ошибались во времени, Герцен ошибается в месте, перенося верно угаданное будущее оттуда, где еще нет пространства, туда, где оно уже есть. Медленное, после внезапного переворота, окаменение, омертвление Китая началось не в Европе, а в бывшей России под властью коммунистов; здесь же в России, образовались и “подавляющие массы какой-то паюсной икры,

сжатой из мириад мещанской мелкоты»» (Д. Мережковский. *Тайна русской революции* (1939). М., 1998. С. 33) (*Мережковский*, 1939).

15. Сталинский государственный социализм — совершенно идентичен «азиатскому способу производства».

«Древнеегипетские квазиобщины, “госхозы” Шумера, колониальные плантации голландской Ост-Индии, колхозы при Сталине и при Гитлере — не просто сходные, а совершенно идентичные “азиатскому” способу производства структуры. Государственная собственность, основанная на редистрибуции, — одна из наиболее древних форм собственности, форма докапиталистическая, а не посткапиталистическая... Попросту говоря, наши колхозы — реликт глубокой-преглубокой древности» (Е. Н. Стариков. *Общество-казарма от фараонов до наших дней* (1990). Новосибирск, 1996. С. 337) (*Стариков*, 1990).

VI. БОЛЬШЕВИЗМ: МЕТАМОРФОЗЫ ЗАПАДНИЧЕСТВА И АНТИЗАПАДНИЧЕСТВА

1. Большевистский марксизм — очередная попытка натянуть на Россию немецкий кафтан.
2. Большевизм — апофеоз отрицания России по схемам Западной Европы.
3. Большевизм — произошел из радикального западничества, явления типично русского и Западу неизвестного.
4. Большевизм — попытка сделать грязненькую, пьяную и жестокую Русь мессией Европы.
5. Большевизм явился апогеем русской «любви-ненависти» к западной культуре, неосуществленного желания России изнасиловать Европу.
6. Большевизм — апогей европеизации, ведущий к стихийной варваризации.
7. Ленин — западник, но поклоняющийся не духу европейской культуры, а ее отработанному пару и удушливому смраду.
8. Большевизм — западничество в варианте позднебуржуазной, «викторианской» идеологии и морали.
9. Большевизм — азиатская реакция на европеизацию Россию в форме «ультразападничества».
10. В основе тоталитаризма лежал западническо-урбанистический «миф машины».
11. Большевики — ограниченные европеисты, взявшие из европейской культуры лишь технорациональные элементы.
12. Большевики превратились из крайних западников в крайних славянофилов, в русских мессианистов-антизападников.
13. Большевизм — антиевропейский марксизм, возрождающий русское националистическое антизападничество.
14. Большевизм — предельно резкое утверждение европейского, ставшее орудием радикального антиевропеизма.
15. Русский социализм — стиль для критики Запада: национальный вызов под маской космополитизма; антиинтеллектуализм под квазинаучной оболочкой.

16. Большевизм — азиатская форма приобщения не к европейским порядкам, а к европейскому обличию.
17. Большевизм отвергает культурный европеизм в пользу антиинтеллектуальной американизации.
18. Русский коммунизм — гримаса русского европеизма, «искажение русской боли за Европу».
19. Большевизм — форма порабощения славянства германством под видом интернационального марксизма.
20. Большевизм — результат отчуждения России от Европы.
21. Большевизм ведет к спонтанной, бытовой де-европеизации.
22. Большевизм — срыв модернизации из-за неустойчивости цивилизационных предпосылок в самой традиционной культуре.
23. Большевистская революция — решительный поворот России на западный путь тотальной унификации, правда, с другого конца — сразу с социализма.
24. Большевизм — самое экстремистское течение русского западничества, ставшее орудием искоренения всех культурно-национальных устоев.
25. Прозападная революция 1917 г. прервала процесс поворота России на самобытный путь агропромышленной модернизации.
26. Большевизм и фашизм — наиболее острые проявления болезни современного человечества, постоянным источником инфекции которой является «демократический» Запад.
27. Советский период — приближение России к Западу.
28. Русский коммунизм — западный эксперимент.
29. Коммунизм как система — это Антикапитализм.
30. Русская гуманитарная наука, будучи западнической, ставила перед Россией ложные цели.
31. Большевики — западники.
32. Большевики — западники, рассчитывавшие на победу социал-демократии на Западе.
33. Большевики — антизападные западники.
34. Большевизм — результат максималистского усвоения передовых западных идей.
35. Большевизм — социальный скачок России, раскрывающий будущее Запада.

1. Большевистский марксизм — очередная попытка напялить на Россию немецкий кафтан.

«Я этим не хочу сказать, что Лейбниц, ассамблеи, французский язык, Растрелли или Ватто плохи сами по себе: Лейбниц, говорят, истинно великий философ, французский язык — очень богатый язык, а Растрелли, конечно, выдающийся зодчий. Но все дело в том, что

ни Лейбниц, ни Растрелли, ни все прочие были для России совершенно не нужны, и что они были использованы только для стройки проводочных заграждений между “первенствующим сословием” и всеми теми, кто остался вне первенствующих рядов... Оно и отгородилось. И уже совсем погибая, переживая последние дни своей политической и еще больше экономической гегемонии, находясь, “как класс”, в совсем предсмертных конвульсиях, оно, сознательно или бессознательно, все еще старается натянуть на нас немецкий кафтан. И в этом отношении ленинский Маркс только повторяет петровского Лейбница» (И. Солоневич. Народная монархия. М., 1991. С. 482—483) (Солоневич, 1940-е).

2. Большевизм — апофеоз отрицания России по схемам Западной Европы.

«Итак, русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...» (И. А. Ильин. Русская революция была катастрофой (1949) // И. А. Ильин. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России (Статьи 1948—1954 гг.). М., 1992. Т. 1. С. 108) (И. Ильин, 1949).

«Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могли жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России... Что “немцу здорово”, то русского может погубить...» (И. А. Ильин. Русская революция была безумием (1949) // И. А. Ильин. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России (Статьи 1948—1954 гг.). М., 1992. Т. 1. С. 111) (И. Ильин, 1949).

3. Большевизм произошел из радикального западничества, явления типично русского и Западу неизвестного.

«Славянофильское утверждение России совершенно тождественно духовному и бытовому патриотизму западных народов; западничское же отрицание России, начатое Петром и законченное Лениным, — явление западу неизвестное, явление типично русское. В конце концов, западничество — лишь интеллигентское преломление

народного бродяжничества, почему и пресловутый отрыв западной интеллигенции от России антинационален лишь как отрыв от России, но одновременно, как это ни парадоксально, все же и национален, как отрыв от корней. Обе эти стороны друг от друга никак не отделимы, и лишь в чувстве этой неотделимости кроется возможность правильного решения вопроса о беспочвенности русской интеллигенции. Русская интеллигенция потому и почвенна, что в России есть почва для беспочвенности, что в России беспочвенность — почва. Будь это иначе, пригоршня беспочвенных идей, брошенная на вспаханную войной землю кучкою “беспочвенных интеллигентов”, не могла бы дать тех всходов, которые она дала, — всходов, от которых содрогается мир» (Ф. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 32. С. 306) (Степун, 1927).

4. Большевизм — попытка сделать грязненькую, пьяную и жестокую Русь мессией Европы.

«Русский народ — в силу условий своего исторического развития — огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты... И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы. Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «водители народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас на Руси. Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не “мессианство” во сто лошадиных сил?» (М. Горький. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 24 нояб. 1917 г. № 178. С. 169—171) (Горький, 1917).

5. Большевизм явился апогеем русской «любви-ненависти» к западной культуре, неосуществленного желания России изнасиловать Европу.

«Большевицкая революция, этот вскрытый нарыв, агония и обнажение России, вкупе с последующей коммунистической эрой (особенно последних ее 20—25 лет)... В исторических масштабах очень краткий, но балаганно яркий период возникновения и становления СССР, “блеска и нищеты коммунизма”, оказался попутно безоговорочным приговором старой русской культуре. Как беспощадный луч, высветил он наше чадное и сумбурное, пьяное и угарное, отравленное

«коктейлем» ненависти и любви, так и не осуществленное желание изнасиловать Европу, страну “лунного света и святых чудес” (А. Хомяков); испить до дна “чашу святого Грааля”, чашу западной культуры. Эта затея оказалась галлюцинацией, дорогой “вверх”, по которой мы скатились вниз. И оказались в болоте большевизма» (П. Болдырев. Диктатура массы и судьба русской культуры, 1979 // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 32) (Болдырев, 1979).

6. Большевизм — апогей европеизации, ведущий к стихийной варваризации.

«Из коммунистической “европеизации” вырастает стихийная варваризация России» (Савицкий, 1922).

7. Ленин — западник, но поклоняющийся не духу европейской культуры, а ее отработанному пару и удушливому смраду.

«Изобретя машину и взрастив индустриализм, Запад бесспорно создал серьезную угрозу духовным основам европейской культуры. Но создав эту угрозу, он создал и средство борьбы против нее. В гуманизме: — в идеях и институтах автономной науки, свободы, права, демократии, капитализме (пусть в секуляризованном виде), как никак все же сберег унаследованное им от античности и средних веков духовные начала от разгрома машинной цивилизации, и, пронеся это наследство сквозь эпоху формалистического либерализма, передал его в начале 19-го века в ведение и распоряжение социализма, который, пройдя в своем развитии весьма сложные стадии (среди них и стадию материалистического грехопадения), ныне в отдельных своих течениях снова стремится не только к духовному, но частично даже и к религиозному преобразению общественной жизни, чем становится особенно близок духу русской культуры, не пережившей возрождения реформации и тем самым не оторвавшейся от своих религиозных основ. Гений упрощения (по слову Плеханова), типичный русский западник, т. е. человек глубоко чуждый западноевропейскому духу преемственности и традиции, Ленин ничего не понял во всей этой сложной судьбе Запада и связанной с нею миссии России. Повалившись на заре своих студенческих лет с чисто русским рабым изверством в ноги европейской машины, он в сущности всю свою жизнь поклонялся духу той самой буржуазно-капиталистической культуры, против которой всю жизнь боролся. Духу, впрочем, неверно. Самое страшное и самое трагичное то, что духа буржуазной культуры, т. е. духа свободы, права, демократии, самодовлеющего научного и художественного творчества он не видел и не признавал. Захвачен-

ный идеями вульгарного материализма, классово-ненависти, пафосом мстительности и разрушения, Ленин, в сущности, всю жизнь поклонялся не духу европейской культуры, а ее отработавшему пару, ее удушливому смраду» (Ф. А. Степун. *Мысли о России* // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 386) (Степун, 1926).

8. Большевизм — западничество в варианте позднебуржуазной, «викторианской» идеологии и морали.

«Мысль о коренном западничестве большевиков до сих пор неприемлема для очень широкого спектра российских интеллектуалов. Еще раз та же оговорка: большевицкое западничество было суженным, зацикленным на идее культуры как репрессии. И в этом отношении большевизм принципиально буржуазен — коли предельным выразителем, носителем («метафорой») репрессивной культуры была буржуазия. Буржуазность в широком культурно-историческом развороте — отнюдь не умеренность и аккуратность, это экспансионистская, агрессивная идеология, буржуа как культурный тип следует отличать от мелкого буржуа как носителя мещанской морали. Можно еще сузить поле наблюдения: большевизм был вариантом позднебуржуазной, викторианской идеологии и морали» (Б. Парамонов. *Красное и серое* (1994) // Б. Парамонов. *Конец стиля*. М., 1997. С. 208) (Парамонов, 1994).

9. Большевизм — азиатская реакция на европеизацию России в форме «ультразападничества».

«Блеф европеизации России сопровождался все же созданием истеричной, лживой, но в своих высших проявлениях выдающейся цивилизации, по крайней мере в области литературы, сценического искусства и отчасти музыки. Но попытка “вторичной европеизации” была блефом полным... Блефующий, как правило, играет на повышение, поэтому азиатская реакция на излишнюю европеизацию России приобрела форму ультразападничества» (Д. Галковский. *Русская философия и русская политика* // Иное. 1995. № 3. С. 34) (Галковский, 1995).

10. В основе тоталитаризма лежал западническо-урбанистический «миф машины».

«И никто не хочет вспомнить, что тоталитаризм шел из города в деревню, из центра в провинции, от теорий к практике, а не наоборот... В основе советского тоталитаризма лежал не крестьянский теллурический миф о земле-кормилице, а западнический миф маши-

ны» (А. С. Панарин. Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм? // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 52; первая публикация: Знамя. 1993. № 9) (Панарин, 1993).

11. Большевики — ограниченные европейцы, взявшие из европейской культуры лишь технорациональные элементы.

«... За движение в Европу выступали и большевики. Они были в этом смысле европейцами. Но из западной культуры они брали лишь технорациональные, промышленные элементы. Они вслед за Петром I пытались насадить (и насадили) этот элемент западной культуры, одновременно попытавшись подчинить все развитие общества этой технорациональности, этому технологическому элементу. С этим я связываю колоссальную жестокость нашей истории, насильственный ее путь. В то время как на Западе этот технорациональный путь был смягчен какими-то элементами чисто традиционными, не технократическими, большевизм практически стал уничтожать традиционные элементы, то есть те элементы российской культуры, которые могли бы амортизировать последствия технологической модернизации» (И. К. Пантин. Выступление в дискуссии журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 21) (И. Пантин, 1994).

12. Большевики превратились из крайних западников в крайних славянофилов, в русских мессианистов-антизападников.

«Социал-демократы — крайние западники, с Запада заимствовавшие свое учение, всегда отрицавшие всякую самобытность России, вдруг превратились в своеобразных славянофилов, исповедующих какой-то русский социалистический мессианизм, верующих в свет с Востока, который распространит лучи свои на буржуазную тьму Запада» (Н. А. Бердяев. Торжество и крушение народничества // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 182; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 14—15) (Бердяев, 1917).

«Ленин, как известно, надеялся со временем превратить Россию в страну западноевропейскую, даже в нечто подобное новой Америке, — не получилось. Сопротивление социальной материи было столь велико, что из западников большевики превратились фактически в славянофилов, причем самых крайних» (К. Кантор. Выступление в дискуссии в журнале «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 8) (К. Кантор, 1992).

13. Большевизм — антиевропейский марксизм, возрождающий русское националистическое антизападничество.

«В самой России Ленин, сочетав Маркса с Бакуниным, в лице большевизма создал особый вид антиевропейского марксизма: противопоставление правды «пролетарской» России злу и разложению “буржуазной” Европы есть возрождение, с совсем иным содержанием, старого националистического отталкивания от Запада. Эта установка достигла, как известно, апогея вульгарности и недобросовестной тенденциозности в современном советском национализме» (С. Франк. *Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике*. М., 1990. С. 452—453; первая публикация: Возрождение. Париж, 1949) (Франк, 1949).

14. Большевизм — предельно резкое утверждение европейского, ставшее орудием радикального антиевропеизма.

«Россия не является частью Европы; европейская цивилизация чужда России... революция, будучи сознательно особо резким утверждением европейского, — оказалась идеальной для русских масс, борющихся против доминирования европеизированного и ренегатского высшего класса» (D. Mirsky (Д. П. Святополк-Мирский). *The Eurasian movement // The Slavonic Review*. 1927—1928. Vol. 6. № 10. P. 318) (Святополк-Мирский, 1927).

...Вся советская история России проходила под знаком ее девестернизации, которая, однако, требовала еще более усиленной научно-технической, индустриальной и милитаристской вестернизации Советского Союза, чтобы противостоять Западу» (К. М. Кантор. *Выступление на клубе «Свободное слово» (24.12.1992) // Россия в мире XXI века*. М., 1993. С. 31) (К. Кантор, 1992).

15. Русский социализм — стиль для критики Запада: национальный вызов под маской космополитизма; антиинтеллектуализм под квазинаучной оболочкой.

«Социализм давал стиль для критики западной культуры... Была создана форма космополитического национализма, возможности национального вызова под маской все того же космополитизма — идеологически крайне существенный момент. Социализм сделал возможной критику западной культуры, так как его антиинтеллектуализм был скрыт под квазинаучной оболочкой» (Д. Галковский. *Русская философия и русская политика // Чное*. М., 1995. Т. 3. С. 15) (Галковский, 1995).

16. **Большевизм — азиатская форма приобщения не к европейским порядкам, а к европейскому обличию (во всемирное значение).**

«И как это ни странно сказать, но через воцарившийся в России “азиатский социализм”, с одной стороны, совершается какой-то внутренний процесс европеизации России, ее приобщение, если не к европейским порядкам жизни, то к внешнему европейскому обличию, и, с другой стороны, обнаруживается великая притягательная сила России для Западной Европы, какая-то провиденциальная роль ее в судьбе Европы» (С. Л. Франк. **Религиозно-исторический смысл русской революции** // Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 15; первая публикация: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924) (Франк, 1924).

17. **Большевизм отвергает культурный европеизм в пользу антиинтеллектуальной американизации.**

«Интересно, что тут, в техническом восприятии культуры, Россия встречается с ненавистным Западом, а скорее всего с дальним Западом. Мы имеем право говорить об американизме современной России... Россия отвергает все глубокие слои западной культуры — от античности до либерализма — но жадно бросается на последние слова ее нового, “американского”, дня» (Г. П. Федотов. **Новая Россия** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 215; первая публикация: Современные записки. 1930. № 41) (Федотов, 1930).

<Большевистский эксперимент ведет к тому,> «чтобы получить взамен советскую Америку, карикатуру на Запад, огромную лабораторию, где подкармливаются на скорую руку микробы европейского разложения... Будущее Европы — Россия и Америка... Обе страны поражены наиболее крайней формой утилитарно-технического идолопоклонства, так как все отличия рядом с этим отступают на второй план. В России идола принуждают поклоняться, в Америке поклоняются ему свободно; первое — страшней, но второе, пожалуй, еще безвыходней» (В. В. Вейдле. **Границы Европы** // Современные записки. 1936. № 60. С. 313) (Вейдле, 1936).

18. **Русский коммунизм — гримаса русского европеизма, «искажение русской боли за Европу».**

«Россия сейчас в ссоре с Европой. И не Сталин, конечно, первый рассорил их. В Сталине эта ненависть к Европе лишь созрела до дьявольского замысла: разжечь мировую войну, чтобы на пепелище Европы, среди пустынь былой христианской цивилизации, построить могущество русского красного царства. Но ссора началась задолго до

*Сталина, и даже независимсо от коммунизма. Ведь и коммунизм является, или являлся, гримасой русского европеизма, искажением русской боли за Европу. Ссора восходит к 1917 году и питается горечью русских унижений. Русское национальное чувство было уязвлено глубоко поражением, разделом, падением России и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя — на Западе, недавно еще связанном с Россией круговой порукой войны. Это извращение русской боли за Россию одним из первых выразил Блок в своих “Скифах”, чудесные стихи которых должны были подсластить измену — не Западу, а самой русской идее: славянской, христианской, культурной традиции России. С тех пор русское скифство гуляет по ту и другую сторону рубежа. Оно совершенно подобно тому отречению от Европы, которое, на почве того же унижения и бессильной злобы, совершили две дочери уже западной (римской) Европы: Италия и Германия. В свете этих скифских настроений многим казалось, что Россия может жить, как Россия, и пережив Европу, и что ей вообще незачем связывать свое будущее с обреченным миром. Безумное ослепление, самоубийственная мысль!» (Г. П. Федотов. **Федерация и Россия** // Г. П. Федотов. Защита России. Париж, 1988. Т. 4. С. 284—285; первое издание: Новая Россия. 20 янв. 1940 г. № 76—77) (Федотов, 1940).*

19. Большевизм — форма порабощения славянства германством под видом интернационального марксизма.

«Соблазн интернациональной социал-демократии был одним из путей онемечения и порабощения души России, обезличения русской интеллигенции. Но для самой Германии эта интернациональная социал-демократия оставалась национальной и была одним из выражений германской идеи... Маркс говорит сильным и властным языком германского империализма, в нем нет и следов гуманитарного интернационала и пацифизма. Он прекрасно сознает расовое призвание германцев цивилизовать славянский восток, в германизации славян он видит прогрессивный революционный процесс и даже почти классические формулы германского империализма... Хотя и еврей по крови, но он в достаточной степени чувствовал себя немцем и немецкими глазами смотрел на мировые отношения. И это делает ему честь. А мы-то дураки, думаем, что Маркс был интернационалистом на гуманной подкладке, что он хотел братства народов, заповедал не делать “аннексий” и предоставляет всем народам свободно самоопределяться. Очень наивные люди, все эти русские мальчики, мечтающие о братстве народов, о свободном самоопределении народностей, об интернационализме и черпающие свое идейное обоснование у немецких-социал-демократов! Право же, об этих русских глупос-

тях не думает серьезно ни один немец, хотя бы и социал-демократ» (Н. А. Бердяев. *Германские влияния и славянство* // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 148, 151—152; первая публикация: Народопрравство. 9 авг. 1917 г. № 6) (*Бердяев*, 1917).

20. Большевизм — результат отчуждения России от Европы.

«Отчуждения Московии от Запада преуменьшать ни в коем случае нельзя: за него-то мы, по всей вероятности, Революцией с большой, с пребольшой буквы и вызванным ею новым отчуждением в конечном счете и заплатили... Как только произошло, в последней четверти прошлого века, пусть лишь частичное отчуждение от него <от Запада. — Сост.>, как только затуманилось для нас лицо Европы, тотчас постигла нас странная сонливость и повсюду стали замечаться уныние, застой, убыль духовных сил... Ближайшим образом все это привело... к провинциализации России, очень верно отраженной Чеховым; в конечном же счете послужило к образованию того умственного склада, который вскоре стал характерен уже не для верхних, и даже не для средних, а для низших слоев интеллигенции, что и позволило ему восторжествовать после Октября, когда полу-интеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной. В России началось снижение культуры, а потом и сдача ее на слом при Сталине, вместе с отчуждением от остальной Европы, достигшим размеров недвиданных в после-петровское времена. Россия отходила от Запада. Нынешнее молодое поколение знает, что это значило. Самобытность она этим не приобретала. Наоборот, чем дальше отходила, тем становилась меньше похожей на себя» (В. Вейдле. *Возвращение на Родину* // В. Вейдле. Безымянная страна. Париж, 1968. С. 22, 26—27; первая публикация: Воздушные пути. 1963. № 3) (*Вейдле*, 1963).

21. Большевизм ведет к спонтанной, бытовой де-европеизации.

«Примыкание русского интеллигентского сознания к западноевропейской культуре основывалось, между прочим, на созданном русскими подражательными усилиями тождестве или сходстве “быта”. Если в отношении жизненного уклада Москва и Петербург отличались чем-либо от Парижа и Лондона, то главным образом тем, чем провинция, хотя бы “преуспевающая”, может отличаться от столицы... Ныне “быт” рухнул; русские интеллигенты воистину поставлены вне “быта”; они ведут “загробное существование” — безразлично, скитаясь по свету или оставаясь в России» (П. Савицкий. *Два мира* //

На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. С. 14) (*Савицкий*, 1922).

22. Большевизм — срыв модернизации из-за неустойчивости цивилизационных предпосылок в самой традиционной культуре.

*«Не набравшая силы и системности традиционная культура не только не в состоянии создать элементы самоизменения, но и является ломкой, подверженной деструкциям, когда происходит утрата завоёванного, откат от уже достигнутого, даже не слишком высокого уровня... В российской истории такие культурные деструкции происходили периодически. Наиболее серьезная из них приходится на конец XIX — начало XX в., когда сжатое во времени и чрезвычайно конфликтное вступление России в индустриальную эпоху породило “сердитое нищенство” (Г. И. Успенский) в деревне, “босяков” в городе. Эрозия затронула и другие слои — дворянство, купечество, интеллигенцию. Совпавший с тремя революциями, мировой и гражданской войнами, этот процесс обусловил драматический срыв модернизации в стране и создал социальную базу сталинизма» (В. Г. Хорос. В поисках ключа к прошлому и будущему // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 108) (*Хорос*, 1993).*

23. Большевистская революция — решительный поворот России на западный путь тотальной унификации, правда, с другого конца — с разлу с социализма.

*«Современное западное изобилие заработано потом и кровью множества поколений, перетертых в атомарную пыль индустриальной машины, превращенных в безликую массу — фундамент грядущей тоталитарной организации. Встав на западный путь, мы с тоталитарной организации начали, они ею, возможно кончат — дивергенция... В Октябре 1917-го большевики решительно повернули Россию на западный путь тотальной унификации, правда, с другого конца, чем Запад, — экстремистски начали сразу с социализма» (Ю. М. Бородай. Цивилизирующая функция капитала // Ю. Бородай. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 374—375) (*Бородай*, 1996).*

«С замещения нравственности принудительной юридической нормой начинается путь к грядущим тоталитарным структурам, где само право, в свою очередь, может быть заменено произвольным тотальным администрированием — внешней регламентацией буквально всех проявлений человеческой жизнедеятельности. Это нормальный плавный ход западного развития. А у нас большевизм попытался насильно

внедрить завершенную тоталитарность (социализм), пропустив правовой этап. Мы с агонии начали, потому что идею тотальной «рациональной организации» получили готовой к употреблению — получили ее в качестве идеала из «стабильного» правового общества, где она сформировалась в качестве инженерной схемы будущего универсального благоустройства лишенных всех «предрассудков» масс... Вирус болезни возник в «открытых обществах» Запада, а лихорадит прежде всего соседей» (Ю. М. Бородай. Тоталитаризм. Что хуже — вялая хроника или смертельно опасный кризис? // Ю. Бородай. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 399) (Бородай, 1996).

- 24. Большевизм — самое экстремистское течение русского западничества, ставшее орудием искоренения всех культурно-национальных устоев.**

«...Большевизм возник как самое экстремистское течение русского западничества и стал орудием тотального искоренения всех традиционных национальных устоев (религиозно-нравственных и культурных, хозяйственных и социальных) в жизни всех самобытных народов Российской империи, и прежде всего народа русского. Почти все прокламации большевизма были пропагандистской ложью, кроме одной «святой» установки — классового интернационализма» (Ю. М. Бородай. Тоталитаризм. Что хуже — вялая хроника или смертельно опасный кризис? // Ю. Бородай. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 396) (Бородай, 1996).

- 25. Прозападная революция 1917 г. прервала процесс поворота России на самобытный путь агропромышленной модернизации.**

«Процесс поворота России на самобытный путь агропромышленной модернизации был насильственно прерван прозападной революцией в феврале семнадцатого (Октябрьский переворот — лишь следствие февраля)» (Ю. М. Бородай. Цивилизирующая функция капитала // Ю. Бородай. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 382—383) (Бородай, 1996).

- 26. Большевизм и фашизм — наиболее острые проявления болезни современного человечества, постоянным источником инфекции которой является «демократический» Запад.**

«Тоталитаризм — заболевание современного человечества. Начинается оно с атомизации общества. Наиболее острые проявления этой болезни — большевизм и фашизм. Но постоянный источник инфекции — «благополучный» демократический Запад. Признать этот

скрытый факт присяжным апологетам Запада психологически невозможно. Отсюда и их усилия во что бы то ни стало доказать, будто большевизм — это локальный этнический порок (китайский или русский), заложенный в генах местной туземной культуры, — врожденная болезнь, не имеющая никакого отношения к здоровым западным влияниям» (Ю. М. Бородай. Тоталитаризм. Что хуже — вялая хроника или смертельно опасный кризис? // Ю. Бородай. Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 396) (Бородай, 1996).

«Для меня тоталитаризм — это все нарастающая степень унификации всех форм жизни человеческой и хозяйственной, культурной, какой угодно. Это степень всесторонней регламентации и рационализации труда, поведения, степень разрушения многообразия типов социальных связей, атомизация общества, превращение его в “толпу одиноких” и подчинение каждого индивида единому центру социальной и политической власти. С моей точки зрения, путь к тоталитаризму начался на Западе. И не важно, в какой форме эти тоталитарные системы развиваются: в форме ли вселенского космополитизма, в форме ли, наоборот, нацизма, как в Германии, или, как у нас, в форме красной тоталитарной машины — гордости всего прогрессивного человечества... Я думаю, что в стратегическом плане особого основания для большого пессимизма у нас нет — мы в лучшем положении, чем Запад. Потому что на Западе уже не стоит сама проблема кризиса идентификации — там уже необратимый плюрализм. А для нас сейчас главный вопрос: выйдем ли мы из этого кризиса или нет, решим мы проблему идентификации с общезначимыми ценностями или нет? Будем ли мы поклоняться одному Богу, станем ли органической целостностью? Мучительнейшая проблема, которая, возможно, будет стоить многих мучений. Но западная перспектива еще печальнее. Похоже, что там уже необратимым стал процесс разрушения любых соборных ценностных ориентиров, процесс атомизации и замены всех элементов соборности принудительной социальностью. Это может показаться парадоксом, но, с моей точки зрения, путь последовательного осуществления абстрактной демократии неизбежно ведет к тоталитарной организации. Мы в семнадцатом году встали на западный путь, но немножко забежали вперед» (Ю. М. Бородай. Выступление в дискуссии журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 22—23) (Бородай, 1992).

27. Советский период — приближение России к Западу.

«В советский период мы были гораздо ближе к Западу, чем теперь» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 379) (Зиновьев, 1995).

28. Русский коммунизм — западный эксперимент.

«Русский коммунистический эксперимент начался как эксперимент западный, но на русской территории и прежде всего с русским населением. И русские по своим национальным качествам оказались чрезвычайно удобным материалом для этого эксперимента» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 381) (Зиновьев, 1995).

29. Коммунизм как система — это Антикапитализм.

«Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия... Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм материализовался только в капиталистическую эпоху. Исторический коммунизм («реальный коммунизм», «реальный социализм») — это только Антикапитализм. В истории никогда не было таких систем как Антирабовладение и Антифеодализм. Коммунизм как социальная система никогда не существовал как Антифеодализм или Антирабовладение... Таким образом, остается только одна эпоха, в которой исторически существовал (и мог существовать) коммунизм — индустриальная. И то не вся, а только ее зрелая фаза, что ограничивает коммунизм во времени, в истории определенным этапом развития капитализма... Но это значит, что в самом капитализме как явлении, как мировой системе отношений производства есть нечто, наделяющее его очень специфической, присущей только ему одному, а потому — загадочной и таинственной способностью выступить, реализовывать себя в двух различных социальных формах: положительной и отрицательной...» (А. Фурсов. Колокола истории // Рубежи. 1995. № 1. С. 17—19) (Фурсов, 1995).

«Коммунизм — функция капитала, которую прежде всего славяне, а за ними китайцы и т. д. отбили у капитала и против него же обратили» (А. Фурсов. Колокола истории // Рубежи. 1995. № 1. С. 43) (Фурсов, 1995).

30. Русская гуманитарная наука, будучи западной, ставила перед Россией ложные цели.

«Русскую кое-как читающую публику столетия подряд натаскивали на ненависть к явлениям, которых у нас совсем не было, и к борьбе за идеалы, с которыми нам вовсе нечего было делать... Русская наука, старательно и натужно списывая с западноевропейских шпиргалок, доказывала нам, что по всеобщим законам всемирно-исторического развития мы, — с запозданием, правда, но только повторяем западно-европейские пути и что перед нами, как перед испанцами,

французами или немцами, стоят решительно те же задачи: борьба с абсолютизмом, империализмом, клерикализмом, феодализмом, — во имя демократизма, атеизма, марксизма и социализма. Сейчас ясно: пути были не одними и теми же... Нас звали к борьбе с дворянством, которое было разгромлено постепенно реформами Николая I, Александра II, Александра III и Николая II — с дворянством, которое и без нас доживало свои последние дни, — и нам систематически закрывали глаза на русских бесштанников и немецких философов, которые обрадовали нас и чекой и гестапой. Нас звали к борьбе с русским “империализмом” — в пользу германского и японского, к борьбе с клерикализмом, которая привела к воинствующим безбожникам, к борьбе с русским самодержавием, на место которого стал сталинский азиатский деспотизм, на борьбу с остатками “феодализма”, которая закончилась обращением в рабство двухсотмиллионных народов масс... Это есть целая коллекция обманных путевых сигналов, манящих нас в братские могилы голода и расстрелов, тифов и войн, внутреннего разорения и внешнего разгрома. “Наука” Дидро, Руссо, д’Аламбера и прочих — уже закончила свой цикл: был голод, был террор, были войны и был внешний разгром Франции в 1814, в 1871, в 1940 годах. Наука Гегеля, Моммзена, Ницше и Розенберга тоже закончила свой цикл: был террор, были войны, был голод и был разгром 1918 и 1945 годов. Наука Чернышевских, Лавровых, Михайловских, Милюковых, и Лениных всего цикла еще не прошла: есть голод, есть террор, были войны, — и внутренние, и внешние, но разгром еще придет: неизбежный и неотвратимый, — еще одна плата за философское словоблудие двухсот лет, за болотные огоньки, зажженные нашими властителями дум над самыми гнилыми местами реального исторического болота» (И. Л. Солоневич. **Народная монархия**. М., 1991. С. 124—125, 128, 132—133) (Солоневич, 1940-е).

31. Большевики — западники.

«Не счесть числа тех, кто обвинял большевиков в обрыве петровской традиции, в том, что они повернули России к пригощей Европе “азиатской рожей”, тех, кто увидел в октябре 1917 года фиаско западного приобщения к России. А на деле к власти пришла партия ультразападного приобщения (Большевики и не скрывали, что ждут экспертизы и управления от социал-демократии феноменально эффективной Германии)... Ленин был безусловным западником, все его “нормы этики” — сугубо западные... Запад был для вождя большевиков моделью, германская социал-демократическая мысль — последним словом социальной науки... Первое ленинское поколение большевиков обладало серьезными западными свойствами — огромной волей, способностью к организации, безусловным реализмом, пониманием

творимого, реалистической оценкой населения, втягиваемого в гигантскую стройку нового мира... Руссифицированная форма марксизма стала идеологией соревнующегося с Западом класса, сознательно ломающего свой психоэмоциональный стереотип, чтобы не быть закабаленным, как весь прочий мир» (А. И. Уткин. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 196, 199) (Уткин, 1996).

32. Большевики — западники, рассчитывавшие на победу социал-демократии на Западе.

«Прозападные по видимости своего учения, большевики оказались в конечном счете самыми большими изоляционистами, потому что обусловили связи с Центральной и Западной Европой немислимым — победой там братской социал-демократии. Поскольку политические миражи рано или поздно должны были показать свою оторванность от реальности, вперед вышла та российская “самобытность”, о которой не мечтали и славянофилы» (А. И. Уткин. Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 202) (Уткин, 1996).

33. Большевики — антизападные западники.

«Среди части интеллигенции, вошедшей в тесный контакт с Западом и при этом сохранившей свои социальные идеалы, вызрело течение гиперкритичности в отношении общественного строя, культивируемого Западом и проектируемого на незападные регионы, движение противников капитализма. Этот слой антизападных западников сыграл колоссальную роль в истории России после 1917 года... Коммунисты, особенно большевики, напряженно искали именно в западном идейном наследии теоретический компас. Социальные теоретики от Локка и Гоббса, социалисты-утописты от Роджера Бекона и Кампанеллы — вот кто дал идейное основание Востоку для битвы с Западом. Восторг этих идеалистов (оказавшихся впоследствии суровыми практиками) перед расколом западной мысли был просто огромным. С презрением отвергая позитивные западные теории, не обращая ни малейшего внимания на уникальность западного опыта, они бросились к “светочам сомнений”, восхитительным критикам западного общественного опыта, ни секунды не сомневаясь во всемирной приложимости их сугубо западных идей... Ленин был создателем наиболее убедительно звучащего проекта обгона Запада, он был самым убедительным антизападным западником. Не смущаясь наличными обстоятельствами, он талантливо убеждал в возможности исторически обойти лидеров мирового развития. Его теории о союзе страдающего от Запада пролетариата и населения колониальных стран способствовали созданию первой могучей анти-

западной коалиции на основе коммунистического интернационала. Впервые не Запад, а социалистическая Россия была представлена миру как его будущее. Нет сомнения, что внутри России Ленин победил во многом благодаря этому неслыханному подходу к будущему, — и лестному, и завораживающему» (А. И. Уткин. *Вызов Запада и ответ России*. М., 1996. С. 194, 198) (Уткин, 1996).

34. Большевизм — результат максималистского усвоения передовых западных идей.

«Генеалогию духа русской можно тоже довольно точно начертать, и тогда окажется, что дух русской революции занесен с Запада, что он плод максималистического усвоения русской интеллигенцией передовых идей западных народов» (П. Б. Струве. *Россия (1920)* // П. Б. Струве. *Избранные сочинения*. М., 1999. С. 348) (Струве, 1920).

35. Большевизм — социальный скачок России, раскрывающий будущее Запада.

«Когда происходит геологическая катастрофа — не сразу опрокидываются континенты в океан. Сперва в каком-то месте должна пролечь эта зловещая начинательная трещина. По многим причинам сложилось так, что эта первая мировая трещина легла по нашему русскому телу, могла бы — и в другом месте. России, которую принято было считать отсталой, довелось совершить социальный скачок в целое столетие, обгоняя опыт всех стран мира. С нечеловеческой плотностью мы пережили на себе нечеловеческий опыт, о котором Западный мир, вот и ваша Англия, до сих пор не имеют, а точней: боятся иметь подлинное представление. И со странным ощущением мы, люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим — из вшего будущего, или — на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Все то же, все то же видим мы: всеобщее поклонение взрослого общества мнениям своих детей; лихорадочное увлечение многой молодежи ничтожно-мелкими идеями; боязливость профессоров оказаться не в модном течении века; безответственность журналистов за метаемые слова; всеобщая симпатия к революционерам крайним; немота людей, имеющих веские возражения; пассивная обреченность большинства; слабость правительств и паралич защитных реакций общества; духовная растерянность, переходящая в политическую катастрофу. Следующие события — впереди, но уже близко, и мы по горькой памяти можем без труда “предсказывать” их вам» (А. И. Солженицын. *Выступление по ан-*

глийскому радио 26 февраля 1976 г. // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 259) (Солженицын, 1976).

«Россия совершила как бы исторический прыжок. Россия по своему общественному опыту оказалась впереди всего остального мира. Я не хочу сказать, что она стала передовой страной. Нет, она стала рабской страной, которая называется Советский Союз. Но опыт мы прошли, равного которому на Западе не прошел никто. И мы теперь смотрим с сожалением на Запад. Это странное чувство: мы смотрим как будто бы на наше прошлое. А по отношению к Западу можно сказать так: мы смотрим на вас из вашего будущего. Все то, что у вас происходит сегодня, у нас уже было, было давно» (А. И. Солженицын. **Выступление по испанскому телевидению, Мадрид, 20 марта 1976 г.** // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 10. С. 325—326) (Солженицын, 1976).

VII. КОММУНИЗМ — ИНОБЫТИЕ КАПИТАЛИЗМА

1. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир.
2. Социализм доводит до конца буржуазную культуру.
3. Большевистский мир — отбросы мира буржуазного.
4. Тоталитаризм — негативный двойник капитализма.
5. Большевизм — трансформация империализма.
6. Большевизм — попытка сделать из пролетариата «новую буржуазию».
7. Коммунизм — специфическое проявление капитализма.
8. Коммунизм есть тоталитарный капитализм, построенный на индустриализме.
9. Созданная Лениным система — «империализм»: монополистический, паразитический (загнивающий) и умирающий.
10. Коммунизм — есть предельно развитый, «монопольный и суверенный капитализм».
11. Русский коммунизм есть «Капитало-Коммунизм», в котором весь капитал сосредоточен в руках небольшого «треста аппаратчиков».
12. Коммунисты ненавидят «капиталистов», но не «капитал», концентрация которого и является источником неограниченной власти этих «новых капиталистов».
13. Большевизм — «погромный костюм» для процесса создания «народно-буржуазной России».
14. Большевизм — раскрытие «живой трагедии социализма».

1. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир.

...Социализм принимает наследие буржуазности, хочет приумножить и развить его и довести дух этот до универсального торжества.

ства. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир, целиком им определяющаяся и от него получающая все ценности. В нем нет творческой свободы» (Н. А. Бердяев. О буржуазности и социализме // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 21; первая публикация; Русская свобода. 1917. № 8) (Бердяев, 1917).

2. Социализм доводит до конца буржуазную культуру.

...В социализме нет ничего противоположного духу буржуазности, нет никакого противоядия против окончательного воцарения буржуазности в мире... Социализм и есть идеал окончательной буржуазности, буржуазности справедливой и повсеместно распределенной, идеал вековечного закрепощения этого мира в буржуазном благоденствии. Безумно ждать от социализма победы над современной «буржуазной» культурой — она ее лишь доводит до конца... Социализм хотел бы утвердить окончательную «буржуазность», святую «буржуазность», справедливую, праведную, цельную «буржуазность» В сущности всякая классовая психология — буржуазна, и буржуазность побеждается лишь тогда, когда человек возвышается над классовой психологией во имя высших ценностей, во имя правды. Рабочие, и крестьяне в своей чисто классовой психологии, в своих интересах также духовно буржуазны, как промышленники, купцы или аграрии... Проповедь ненависти к «буржуазии» и «буржуазности» и делает «буржуазным» русский народ, искажает его христианский облик» (Н. А. Бердяев. О буржуазности и социализме // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 23—27; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 8) (Бердяев, 1917).

3. Большевистский мир — отбросы мира буржуазного.

«Возникший в России большевистский “социалистический” мир производит впечатление отбросов мира “буржуазного”, болезненных и смрадных испарений прошлого, истечения какой-то старой тьмы. Из русского народа выходит нечистый дух... Все происходящее в России производит впечатление разрушения старого мира. Но разрушение это производится отрицательными и вырождающимися силами старого мира, пришедшими в состояние хаоса и распада. Души людей, делающих “социалистическую” революцию, стары до ужаса, инстинкты их ветхи, их чувства и мысли инертны, во всем их обличье узнается старая звериная природа человека, действовавшая и в мире “буржуазном” и там совершавшая самые злые деяния этого мира. Но с этой звериной природы окончательно сняты все оковы, она вышла из-под сдерживающего закона цивилизации, закона государства...

Насильничество этот новый мир взял из старого мира, но проявляет его в ничем не ограниченной и ничем не прикрытой форме» (Н. А. Бердяев. Мир «буржуазный» и мир «социалистический» // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 50; первая публикация: Народопрравство. 25 дек. 1917 г. № 18—19) (Бердяев, 1917).

4. Тоталитаризм — негативный двойник капитализма.

«По Бердяеву, коммунизм есть Немезида капитализма и порожден он материалистическим духом капитализма. Эту мысль Бердяева по своему варьирует и американский философ Фултон Шин, сказавший: “Коммунизм есть кривое зеркало дурной совести капитализма”» (С. Левицкий. Бердяев: пророк или еретик? // Новый журнал. 1975. № 119) (Левицкий, 1975).

5. Большевизм — трансформация империализма.

«Большевизм, открыто исповедующий и преподающий в школах материалистическое понимание, — прямой преемник и продолжатель современного империализма... Отчего возникла мировая война? Оттого, что раньше большевистских агитаторов империализм манил народы перспективами земного рая, оттого что одни народы стремились “к лучшему месту под солнцем” за счет других народов, раньше захвативших лучшие места. Разве не ту же самую цель преследует теперь война гражданская? Что такое большевизм, как не то же искание лучшего места под солнцем за счет других людей, та же беспощадная, бесчеловечная и бессовестная борьба за существование, которая составляет содержание идеала империалистического? Только на место “нации” завоевателем становится “класс”» (Е. Трубецкой. Великая революция и кризис патриотизма. Б. м., 1919. С. 9) (Е. Трубецкой, 1919).

6. Большевизм — попытка сделать из пролетариата «новую буржуазию».

«Большевистское движение... есть по существу опыт сотворить из пролетариата новую буржуазию со всеми минусами и без всяких плюсов буржуазного жизненного уклада. Что же касается социализма, то он остается этикеткой, механически прикрепленной к этому глубоко антисоциалистическому движению» (А. А. Кизеветтер. Буржуазная природа большевистского движения // Русские ведомости. 28 янв. 1918 г.) (Кизеветтер, 1918).

7. Коммунизм — специфическое проявление капитализма.

«... Капитализм и коммунизм автоматически рассматриваются как автономные, равновеликие и равнопорядковые системы, вырастающие из разных корней. А что, если это не так? Если капитализм — двуликий Янус? Если коммунизм — специфическое проявление капитализма, его мировая некапиталистическая зона и подпорка одновременно? Тогда крушение коммунизма — это не победа капитализма, а его метаисторическое поражение, первый стук Судьбы в его дверь» (А. Фурсов. Колокола истории // Рубежи. 1995. № 1. С. 11) (Фурсов, 1995).

8. Коммунизм есть тоталитарный капитализм, построенный на индустриализме.

«Современный индустриализм есть возрастающая мощь и власть капитала, а “коммунизм” есть прежде всего индустриализм: индустриализация есть первое и последнее слово, ей приносится в жертву все: жизнь, свобода, элементарные потребности человека. Личность человека раздавлена тяжелой индустрией, превращена в капиталистическую функцию. Таково многообразное значение слова «капитализм». Осознать его сокрытый смысл особенно важно для пролетариата, ибо если “трудящийся” скажет: “Долой капитализм”, — то он должен понимать, что это означает вместе с тем: “Долой коммунизм”, — ибо коммунизм, как он существует в реальности, а не в мечтах, есть завершенный, концентрированный, монополюсный государственный капитализм» (Б. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры (1953) // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 272) (Вышеславцев, 1953).

9. Созданная Лениным система — «империализм»: монополистический, паразитический (загнивающий) и умирающий.

«Ленин построил в России “империализм” — монополистический, паразитический (загнивающий) и умирающий» (Е. Т. Гайдар. Государство и эволюция. М., 1995. С. 100) (Гайдар, 1995).

10. Коммунизм — есть предельно развитый, «монополюсный и суверенный капитализм».

«Откуда явилось странное мнение, что коммунизм и социализм есть борьба с капитализмом и уничтожение того зла, которое существует в капитализме? На самом деле, коммунизм есть предел капитализма и возведение в предельную степень того зла, какое Маркс ста-

вил в упрек капитализму: Капитализм обращает многих в пролетариев, в рабочих и с развитием своим все большее количество хозяев делает рабочими — коммунизм обращает всех в рабочих, за исключением тех, кто властвует над рабочими. Капитализм делает свободу договора для рабочего минимальной, почти иллюзорной — коммунизм ее уничтожает совсем. Капитализм отнимает орудия производства у многих и сосредотачивает их в немногих руках — коммунизм отнимает орудия производства у всех и сосредотачивает в единых руках. Капитализм уничтожает в значительной степени быт, религию, семью (как на это злорадно указывал Маркс) — коммунизм отрицает быт, религию, семью совсем. Капитализм поглощает автономию многих частных хозяйств. Коммунизм уничтожает автономию частного хозяйства совсем. Коммунизм есть монополичный и суверенный капитализм, в котором права новых “хозяев” бесконечно увеличились, а права рабочих бесконечно уменьшились» (Б. Вышеславцев. Парадоксы коммунизма // Путь. Париж, 1926. № 3. С. 113) (Вышеславцев, 1926).

11. Русский коммунизм есть «Капитало-Коммунизм», в котором весь капитал сосредоточен в руках небольшого «треста аппаратчиков».

«Коммунизм вовсе не есть отрицание капитализма, а, напротив, доведение капитализма до последнего предела, до абсурда: весь капитал страны вручается небольшому тресту “аппаратчиков”, но сверх того им вручается еще самодержавная власть, которой прежние капиталисты не имели, собственность на души и тела “трудящихся”, о которой прежние капиталисты не мечтали. Капитало-Коммунизм представляет собой такой строй, в котором права самодержавного треста бесконечно увеличились, а права трудящихся сведены к нулю: трудящиеся лишены всех прав состояния!» (Б. П. Вышеславцев. О нечувствии и непонимании трагизма // Путь. Париж, 1933. № 38. С. 82—83) (Вышеславцев, 1933).

12. Коммунисты ненавидят «капиталистов», но не «капитал», концентрация которого и является источником неограниченной власти этих «новых капиталистов».

«Здесь надо искать объяснений того, откуда возникло странное мнение, что коммунизм есть “борьба с капитализмом” Отроумная демагогическая подмена понятий: коммунисты искренно ненавидят капиталистов, но не капитал; и именно потому ненавидят капиталистов, что любят капитал. Капитал» есть экономический фундамент коммунизма, который нуждается в его накоплении и концен-

трации. Однако новые капиталисты не любят именоваться капиталистами и это не только в том смысле, в каком Робеспьер не любил именоваться тираном. Нет скромные права “буржуазии” слишком ничтожны для этого суверенного положения: “капиталист” означает ограниченную, только экономическую силу — здесь же власть неограниченная, экономическая и политическая, необычайная гипертрофия власти, неведомая никакому историческому государству» (Б. Вышеславцев. **Парадоксы коммунизма** // Путь. Париж, 1926, № 3. С. 113) (Вышеславцев, 1926).

13. Большевизм — «погромный костюм» для процесса создания «народно-буржуазной России».

«Сейчас “социалистическая” волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с ней в борьбу. И тогда социалистическая волна обнаружится как то, чем она является на самом деле, как отвратительный погромный костюм, в который временно облекся процесс создания новой народно-буржуазной России» (П. Б. Струве. **В чем революция и контрреволюция** (1917) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 257) (Струве, 1917).

14. Большевизм — раскрытие «живой трагедии социализма».

«Буржуазное начало, которое можно охарактеризовать как начало расценки людей по их личной годности, есть необходимый двигатель всякой экономической деятельности, которого нельзя устранить, не подрывая в корне всей хозяйственной жизни... Русский опыт и обнаружил воочию, что организационно-техническая идея социализма для своего экономически-успешного осуществления требует величайшего напряжения буржуазных антиэгалитарных мотивов... либо социализм означает хозяйственный упадок и регресс, либо он должен быть — “буржуазен” Это значит, что социализм, как обобществление хозяйства, как мыслимый метод наиболее рационального устройства хозяйственной жизни, и социализм, как уравнительный идеал — несовместимы один с другим... Русский опыт с полной ясностью, ценою ужасных страданий, обнаружив это соотношение, раскрыл живую трагедию социализма» (П. Б. Струве. **Итоги и существо коммунистического хозяйства** (1921) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 309—310) (Струве, 1921).

VIII. БОЛЬШЕВИЗМ — «ДУРНОЙ СИНТЕЗ» КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1. Большевизм — попытка реализации дохристианской утопии Платона, пришедшей в Россию с Запада со всеми отбросами денационализированной цивилизации.
2. Большевизм — результат скрещения болезней России с болезнями Запада.
3. Советское хозяйство — американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину.
4. Идеология тоталитаризма — иррациональные импульсы родового сознания, выраженные в модернизированных формулах сверхрациональности и сверхиндустриализма.
5. Большевизм — надмирная мечтательность, осенившая себя наукой, сомнамбула всемирного масштаба.
6. Большевизм — очередной российский синтез утопии и «административного восторга».
7. Социалистическая контрреволюция XX в. (1917 г.) — результат вселения в озверелую массовую душу России бездомного беса коммунизма.
8. Русский коммунизм — химерический плод соития больной России и западного изгнанника-шизофреника марксизма.
9. Большевизм (русский коммунизм) — плод грехопадения двух мессианских народов: русского и еврейского.
10. Большевистский строй — государственное рабство, оснащенное аппаратурой капитализма.
11. Большевизм — совершенная техника власти на службе у отсталой доктрины.
12. Советская власть — смычка «полуазиатской части городской культуры» и «полуфеодальной русской деревни».
13. Тоталитаризм — негативный синтез азиатского деспотизма и радикальных западных теорий.

14. Тоталитаризм — результат резонанса западной рационалистической догматики старого лапласовского толка и авторитарно-патриархальных традиций России.
15. Тоталитаризм — порождение западного имперского универсализма в периферийной культуре, лишенной западных цивилизационных ограничителей.
16. Русский марксизм — взрывчатая смесь западных идей и восточного народного сознания.
17. Большевизм — столкновение окраинной Европы и окраинной Азии.
18. Революция 1917 г. — «технизированная пугачевщина».
19. Большевизм — технически усовершенствованное «хозяйство фараонов».
20. Большевистская революция — результат наложения атеистически-революционного радикализма интеллигенции и политической активизации низших классов.
21. Революционный социализм — синтез западноевропейского пролетарского сознания и иудейского бунтарско-религиозного эсхатологизма, нашедший опору в русском мужицко-разночинском чувстве.
22. Большевизм — результат трагического пересечения русской докультурной религиозности и европейской пострелигиозной культуры.
23. Большевизм — результат противоестественного сочетания русской жажды и нетерпеливости «обогнать Европу» и упрощенно понятого марксизма.
24. Большевизм — безумный резонанс между рационалистической идеологией вождей и иррациональной психологией масс.

1. Большевизм — попытка реализации дохристианской утопии Платона, пришедшей в Россию с Запада со всеми отбросами денационализированной цивилизации.

«Вот где настоящая “жизненная драма Платона”. Он хотел добра, но не знал, что добро декретированное с предельной насильственностью, превращается в абсолютное зло. Драма Платона есть драма всего дохристианского и внехристианского мира: драма закона, фарисейства, безблагодатного законничества... В таком виде русские получили израцленную утопию Платона. Мы получили ее с Запада со всеми отбросами денационализированной цивилизации: с экономизмом, с материализмом, с этикетом “научности”, с классовой ненавистью, с интернационализмом. Платон, конечно, бог философии. Но

чем прекраснее бог, тем смешнее и презреннее обезьяна бога. И она особенно смешна, когда одета в европейский костюм» (Б. Вышеславцев. *Парадоксы коммунизма* // Путь. Париж, 1926. № 3. С. 111—112) (Вышеславцев, 1926).

2. Большевизм — результат скрещения болезней России с болезнями Запада.

...Самая современная философия западной Европы скрестилась с технически самой совершенной традицией управления России. Болезни России скрестились с болезнями Запада. Основной внутренней болезнью России была всегда гипертрофия государственной власти, национальной дисциплины и всяких вещей в таком роде. Она понизила инстинкт борьбы за личную свободу во имя борьбы за государственно-национальную: она создала вооруженное дворянское сословие, которое при Петре Первом — то есть после разгрома основных врагов России — монголов и Польши, захватило власть в свои руки, ликвидировало почти на сто лет монархию, заменив ее призрачным самодержавием случайных императриц, не имевших никакой власти, установило крепостное право, родило беспочвенную книжную, философствующую интеллигенцию, которая и привела к спариванию идеи социализма — чисто европейской идеи — с чисто русской традицией концентрации всех сил в центре государственного аппарата страны. Традиция управления ста шестьюдесятью народами Российской Империи довольно простым путем привела к технике третьего Интернационала. Так из противоестественного брака европейской философии с русской традицией и родился страшный и кровавый убудок НКВД» (И. Л. Солоневич. *Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация*. Буэнос-Айрес, 1949. Ч. 1. С. 40) (Солоневич, 1949).

3. Советское хозяйство — американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину.

«Советский хозяйственный строй — в главных своих чертах американский “Форд”, помноженный на российскую азиатчину. И тем не менее даже такие уродливые образования в какой-то мере оказываются жизненными и отвечают темпу истории. Во всяком случае, более жизненными, чем попытки реставрации пройденных ступеней человеческой организации» (И. Бунаков (И. И. Фондаминский). *Заметки* // Новый град. 1931. № 5) (Бунаков-Фондаминский, 1931).

4. Идеология тоталитаризма — иррациональные импульсы родового сознания, выраженные в модернизированных формулах сверхрациональности и сверхиндустриализма.

«Идеология тоталитаризма в ее различных формах приобрела значение массовой идеи. Она выразила в модернизированных формулах сверхрациональности и сверхиндустриализма иррациональные импульсы родового сознания к коллективному освобождению от давления необходимости чуждой рыночной культуры» (Л. Б. Волков. «Диктатура развития» или «квазимодернизация»? // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 89) (Л. Волков, 1989).

5. Большевизм — надмирная мечтательность, осенившая себя наукой, сомнамбула всемирного масштаба.

«В железном методизме, осенившем себя наукой, преломилась все та же надмирная мечтательность, откликнулось все то же легкоеверие в глобальных вопросах. Как шутили сменовеховцы: разве ж за жалкий конкретный посул, за “кусочек земли” или “четырёххвостку” выборов — пошел бы русский мужик революцию делать?! Да никогда! Сомнамбула всемирного масштаба. Иррациональная душа с рационализмом наперевес» (Л. Аннинский. Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 78) (Аннинский, 1989).

6. Большевизм — очередной российский синтез утопии и «административного восторга».

«Самая склонность к прыжкам в утопию обнаружилась впервые еще в XVI веке, в опричнине. Это не просто разгул зла и не просто террор, в ней была идея перенести, по крайней мере в часть державы, тот порядок, который Иван Грозный видел в монастырях, создать царство-монастырь во главе с царем-игуменом. А то, что получился пьяный разгул, по-видимому тоже не случайно. Практика утопии всегда унижает ее идею. Утопия — не чисто русский соблазн, но и не всеобщий. Для нее нужен, во-первых, разум, оторвавшийся от традиции, разум прожектора и, во-вторых, привычка к “административному восторгу” В Индии такой привычки не было и утопий тоже не было, в Китае утопии создавались и были попытки осуществить их. На Западе эмансипированный разум сочинил множество утопий, но они оставались интеллектуальной игрой. Там не было достаточной силы административного восторга. В России неустойчивость традиции (несколько раз менявшей свою ориентацию) и неограниченность власти создавали идеальные условия для утопического эксперимента. Тенденция к нему прорывается в крайностях

петровских реформ, в затеях Павла, Аракчеева» (Г. С. Померанц. Выступление на «круглом столе» журнала «Знание-сила» «Есть ли логика в отечественной истории» // Знание-сила. 1990. № 11. С. 21) (Померанц, 1990).

7. Социалистическая контрреволюция XX в (1917 г.) — результат вселения в озверелую массовую душу России бездомного беса коммунизма.

«В социалистической контрреволюции XX века Россия сбросила псевдоевропейскую, слегка подретушированную извращенным псевдоморфозом маску, вновь явила миру свое истинное лицо. Оно узналось как дикое и одновременно ребяческое, уголовно-лагерное и имбецильно-коммунальное — одним словом, как озверелое лицо массы, как “жизненный” (антижизненный) стиль “массовой души” В нее и вселился в семнадцатом году бездомный бес коммунизма» (П. Болдырев. Диктатура массы и судьба русской культуры (1979) // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 56) (Болдырев, 1979).

8. Русский коммунизм — химерический плод соития больной России и западного изгнанника-шизофреника марксизма.

«Химерическим плодом соития больной России и западного изгнанника-шизофреника марксизма, продуктом его прописки в русской “Палате № 6” и стал русский коммунизм, гальванизированный бесноватый монстр, впервые в истории воплотивший в масштабах гигантского государства и в лице великого народа неограниченную и тотальную гегемонию низовых, одичавших от векового бескультурья, оглушенных заимствованием чужой культуры, захмуренных неистовой идеологической обработкой масс» (П. Болдырев. Диктатура массы и судьба русской культуры (1979) // П. Болдырев. Уроки России. Нью-Йорк, 1993. С. 56) (Болдырев, 1979).

9. Большевизм (русский коммунизм) — плод грехопадения двух мессианских народов: русского и еврейского.

«Итак, два народа, считающие себя мессианскими, дали миру новое откровение, но и совершили духовное преступление — хулу на Спасителя. Падшая часть еврейского народа оформила радикальную атеистическую доктрину — марксизм — самую изощренную форму антихристианства как самооправдания. Падшая часть русского народа наплодила сонмы демонов разрушения и порабощения. Природа русского коммунизма покоится на двух “китах”: 1) еврейская атеис-

тическая коммунистическая идея, возвращенная в формах западноевропейского рационализма, материализма и позитивизма; 2) грехи русской жизни в результате отпадения от Русской идеи, что создало почву и плоть для богоборческой идеи. Хотя идеология богоборчества была сформулирована на Западе, так воплотиться она смогла в России. С одной стороны, идеология коммунизма — совершенно чуждое явление для России, с другой же — она нигде в мире не дала такие гибельные всходы, как в России. Современный мировой коммунистический погром есть во многом плод греха двух мессианских народов. души русского и еврейского народов соединились во зле, что породило форму антихристианского мессианизма или лжемессианизма. Россия и еврейство ощущали призвание спасти мир, но создали интернационал разрушения» (В. Аксютин. Русская идея (1982) // В. Аксютин. Мироправители тьмы. М., 1994. С. 31) (Аксютин, 1982).

10. Большевицкий строй — государственное рабство, оснащенное аппаратурой капитализма.

«Большевицкий социализм заимствовал у различных хозяйственных систем их своеобразные отрицательные стороны, не всегда заимствуя их положительные... Стабилизировавшийся в России строй менее всего можно назвать социалистическим. В нем борются и сочетаются элементы государственного капитализма и государственного рабства и крепостничества; точнее формулируя, это — строй государственного рабства и крепостничества, оживленных и оснащенных аппаратурой повоенного капитализма» (М. Вишняк. О социализме, советском и ином // Современные записки. 1937. № 64. С. 390) (Вишняк, 1937).

11. Большевизм — совершенная техника власти на службе у отсталой доктрины.

«Для России сложилась худшая из всех возможностей: усовершенствованный до последних пределов технический аппарат власти, придерживавшийся злостно отсталой и кровожадной доктрины. В результате же — создавшееся положение можно охарактеризовать парадоксальной формулой: организация слабости и дезорганизация силы» (В. Н. Ильин. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987. С. 50—51) (В. Ильин, 1950-е).

12. Советская власть — смычка «полуазиатской части городской культуры» и «полуфеодальной русской деревни».

«Советская культура возникла после уничтожения русской культуры. Эту культуру, пускай хрупкую и таящую в себе внутренние изъя-

ны, но великую, уничтожили две силы: во-первых, к 17-му году — «все науки превзошедшие» полубразованные азиатские и полуазиатские интеллигенты (прежде всего евреи, украинцы и грузины), во-вторых, русское и украинское крестьянство, к началу XX века катастрофически отстававшее в интеллектуальном и нравственном отношении. Советская власть и советское общество есть не что иное, как результат «смычки» между полуазиатской частью городской культуры и полуфеодальной русской деревней. Деревне еврейский или татарский выскочка оказался неизмеримо ближе и понятнее, чем Бунин или Набоков» (Д. Галковский. **Андерграунд (1)** // Независимая газета. 26 нояб. 1992. № 227) (Галковский, 1992).

13. Тоталитаризм — негативный синтез азиатского деспотизма и радикальных западных теорий.

«Столкновение элементов восточной и европейской структур на периферии Европы (Россия, Пруссия, Испания) при благоприятных для этого обстоятельствах (социальный кризис и рост радикализма) способствовало выходу на передний план явного или латентного азиатского деспотизма и опоре на него носителей радикальных теорий социального переустройства мира. Естественно, что чем сильнее были элементы азиатчины, тем большим оказался простор для произвола бесчеловечного и аморального радикализма. Россия в этом смысле безусловно лидировала» (Л. С. Васильев. **Выступление в дискуссии «Тоталитаризм — феномен XX века?»** // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 12) (Л. Васильев, 1989).

...Радикализм мышления как логическая ступень раскрепощенного европейского сознания есть в некотором смысле тоже периферия европейской мысли в целом. Радикальная периферия, весьма активна — как любой авангард. В моменты кризиса она способна одержать верх и взять власть. Но, нуждаясь в удержании власти, радикальный авангард не может опереться на всю толщу европейской традиции. И он в Европе либо быстро сходит со сцены (марксисты именуют это поражением революции), либо остается только там, где неевропейские элементы структуры почему-либо оказываются достаточно сильными. Сильны же они именно на периферии Европы, где институты азиатского деспотизма ощутимее» (Л. С. Васильев. **Выступление в дискуссии «Тоталитаризм — явление XX века?»** // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 15) (Л. Васильев, 1989).

14. Тоталитаризм — результат резонанса западной рационалистической догматики старого лапласовского толка и авторитарно-патриархальных традиций России.

...Проникновение марксизма в Россию, начавшееся в конце прошлого века, повлекло за собой своеобразное наложение сциентистского доктринерства на местную традицию авторитарно-патриархальной культуры, негативно относящейся к личностному “своеволию” В результате такого наложения произошел своего рода резонанс — взаимное усиление механико-детерминистских и авторитарно-общинных интенций, которое и привело к тоталитаризму. Субъектно-объектная дихотомия старого рационализма, помещенная в традицию политического абсолютизма, породила особый тип нормативности, требующей от гражданина уподобления объекту-винтику системы... Я бы определил нашу идеологию так: это причудливый симбиоз восточно-общинного принципа, нетерпимого к автономному личностному самоопределению, и западной рационалистической догматики старого лапласовского толка, зиждущейся на образах целиком обозримой, исчислимой и “предусмотренной” Вселенной... (А. С. Панарин. Революция или Реформация? // Из истории реформаторства в России. М., 1991. С. 100) (Панарин, 1991).

15. Тоталитаризм — порождение западного имперского универализма в периферийной культуре, лишенной западных цивилизационных ограничений.

«Цивилизация, именно как цивилизация, рождает некие очень жесткие абстрагирующие, тотализирующие и универсализирующие формы, которые в политическом смысле можно назвать имперскими. И мы действительно видим, как Запад рождает одну за другой универсальные формы империи. Это и “Священная Римская Империя”, и ее многовековой соперник в политике — католическая церковь как империя в известном смысле. Это и “империя духа”, т. е. тотализирующие рационалистические, философские построения, которые начинают генерироваться в тот момент, когда политические империи отходят на второй план и распадаются. И, наконец, Запад рождает такую форму, как тотальная империя, “империя всего”. Это “империя”, которая не может победить на самом Западе оттого, что слишком мешает плоть вот этих предшествующих империй, побеждает там, где их наследия нет, на границе миров, там, где собственно христианское начало не создает универсалистской цивилизации. И именно — на границе христианско-славянского и тюркско-мусульманского мира, там, где культура, наследующая христианству, не заключена в латы, в доспехи цивилизации: на вос-

токе “Запада” или, если угодно, на западе “Востока”» (А. М. Салмин. Выступление на «круглом столе» журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 13—14) (Салмин, 1992).

16. Русский марксизм — взрывчатая смесь западных идей и восточного народного сознания.

«Подлинная европеизация Российской Империи начинается только с эпохи Великих реформ... Но не надо себя обманывать: европеизация не только имперского здания, но и народных низов проходит болезненно и трудно. Переход от восточной священной теократии к западному правовому государству — спуск среди круч и пропастей. Перелив западной культуры в восточное народное сознание — операция, еще более мучительная и опасная... Западные идеи, проникая в восточное сознание, создают еще не виданную и часто взрывчатую смесь» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Пути России // Современные записки. 1932. № 48. С. 324) (Бунаков-Фондаминский, 1932).

17. Большевизм — столкновение окраинной Европы и окраинной Азии.

...Проблема России — это не столкновение на одном культурном поле Англии и Японии. Перед Россией другой выбор — между окраинной Европы и окраинной Азии, то есть выбор между Польшей и Афганистаном» (Д. Галковский. Русская философия и русская политика // Иное. 1995. № 3. С. 14) (Галковский, 1995).

18. Революция 1917 г. — «технизированная пугачевщина».

«Если в национал-социализме свободой было подсознательно пожертвовано в пользу социального обеспечения и национального возвеличения, то в русской революции, психологически говоря, главную роль играла утопия “золотого века”, “царства свободы”, должествующая наступить в результате взятия народом власти в свои руки. Но, если февральская революция была революцией народной, хотя народ и не сумел сыграть в ней решающей роли, то октябрьская революция была революцией демагогизированных масс. Здесь уже имело место не столько мечта о “золотом веке”, сколько сверхкомпенсация социальной неполноценности, своего рода технизированная пугачевщина, “восстание масс”» (С. А. Левицкий. Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне, 1958. С. 30†) (Левицкий, 1958).

19. Большевизм — технически усовершенствованное «хозяйство фараонов».

*... Тоталитарная диктатура с ее “вождизмом” и обезличенными народными массами есть архаическая форма власти, огромный регресс в области морали и права, и духовной культуры вообще. Она реакционна во всем, за исключением своей техники и индустриализма: реакционна в своем закреплении труда, в своей “национализации”, напоминающей хозяйство фараонов, в своем терроре и инквизиции. Она “прогрессивна” только в смысле технического усовершенствования методов властвования и угнетения, в смысле прогресса во зле» (Б. Вышеславцев. **Философская нищета марксизма** (1952) // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 362) (Вышеславцев, 1952).*

20. Большевистская революция — результат наложения атеистически-революционного радикализма интеллигенции и политической активизации низших классов.

*«Два течения сплелись между собою и в своем единстве образовали могучую революционную силу, которая в момент ослабления государства под влиянием длительной войны обрушилась на старую русскую государственность и культуру и уничтожила их. Эти два течения не случайно скрестились; они сблизились и слились в силу внутренне-тяготения и некоторого исконного духовного сродства между собой; или скорее они с самого начала были только двумя моментами одного и того же движения. Это, — с одной стороны, идеологический процесс назревания и распространения атеистически-революционного радикализма, и, с другой стороны, социально-политический процесс демократизации России, то есть пробуждения к активности и выступления в общественно-политической жизни низших классов — крестьянства и близко примыкающих к нему слоев населения» (С. Л. Франк. **Из размышлений о русской революции** // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8; первая публикация: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).*

21. Революционный социализм — синтез западноевропейского пролетарского сознания и иудейского бунтарско-религиозного эсхатологизма, нашедший опору в русском мужицко-разночинском чувстве.

«В конце концов революционный социализм — порождение западноевропейского пролетарского ressentiment, идейно оплодотворенного иудейским бунтарско-религиозным эсхатологизмом, — с его учением о классовой борьбе и о прыжке, с ее помощью, в “царство свободы”,

стал адекватным выражением давнишнего, исконно русского мужицко-разночинского чувства враждебности к дворянству и его культуре» (С. Л. Франк. *Из размышлений о русской революции* // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 10; первая публикация: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

22. Большевизм — результат трагического пересечения русской докультурной религиозности и европейской пострелигиозной культуры.

<Большевизм> «...является последним словом трагического пересечения только еще восходившей к своей собственной культуре русской религиозности с только что порвавшей со своими религиозными корнями западно-европейской культурой. Культурное бессилие русской религиозности слилось в нем воедино с безрелигиозностью западно-европейской культуры. В результате сложилось религиозное утверждение западноевропейской атеистической цивилизации, т. е. тот типичный, и в точном смысле этого слова сатанинский анти-теизм, который является невидимому для самих большевиков осью всего их дела» (Ф. Степун. *Путь творческой революции* // Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 14) (Степун, 1931).

23. Большевизм — результат противоестественного сочетания русской жажды и нетерпеливости «обогнать Европу» и упрощенно понятого марксизма.

«Начиная с Герцена, собирались мы зайти в тыл капитализму и, обскакав Европу, первыми войти в царство социализма... Вся героическая история русской интеллигенции проводилась в “ударных темпах” Многие заветные русские мысли были лихо задуманы “мозгами набекрень”... Можно ли после всего этого особенно удивляться “ударным темпам”? Не ясно ли, что противоестественно сочетавшись со все упрощающим, да еще и упрощенно понятым марксизмом, эта страстная, нетерпеливая, самовольная русская жажда “сгоряча ругнуть” старый и “сплеча рубануть” новый мир, должна была в конце концов застыть над голодной Россией железобетонной заумью пятилетнего плана?» (Ф. Степун. *Ответ И. В. Гессену* // Новый град. 1932. № 5. С. 89) (Степун, 1932).

24. Большевизм — безумный резонанс между рационалистической идеологией вождей и иррациональной психологией масс.

«Внимательно всматриваясь в первые недели своего пребывания в Совете во взаимоотношения вождей и ведомых ими масс, я не раз под-

*мечал характерную, как мне кажется, для всех революций, связь между рационалистической идеологией первых и иррациональной психологией вторых. Характернейшей чертой всех признанных вождей советской демократии было то, что они смотрели на мир не живыми глазами, а мертвыми точками зрения. Эти мертвые точки зрения порождали, однако, жизнь. Когда вожди в своем агитационном исступлении взвинчивали свои точки зрения до предела, до безумия, глаза масс наливались горячею кровью» (Ф. А. Степун. **Бывшее и несбывшееся**. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 48) (Степун, 1943).*

IX. БОЛЬШЕВИЗМ — ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

1. Большевизм — сон (по Фрейдю), придуманный Россией как мотивировка «бегства и расхищения».
2. Большевизм и революция — результат «полного сумасшествия».
3. Русская революция — самоубийственное наваждение.
4. Большевизм — «одержимая идеологическая ненависть».
5. Большевизм — паранойя.
6. Русский социализм — рационалистическое безумие.
7. Русская революция — нервно-религиозное заболевание.
8. Коммунизм — мечтательная идиотия, форма бреда инициативных профанов.

1. Большевизм — сон (по Фрейдю), придуманный Россией как мотивировка «бегства и расхищения».

«Я не социалист, я фрейдовец. Человек спит и слышит как звонит звонок в парадной. Он знает, что нужно встать, но не хочет. И вот он придумывает сон и в него вставляет этот звонок, мотивируя его другим способом, — например, во сне он может увидеть заутреню. Россия придумала большевиков как сон, как мотивировку бегства и расхищения, большевики же невиновны в том, что они приснились. А кто звонил? Может быть, всемирная революция» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923). М., 1990. С. 76) (Шкловский, 1923).

2. Большевизм и революция — результат «полного сумасшествия».

«Распутинным воспользовались, как поводом для разрушения всех прежних устоев; он как бы олицетворял в себе то, что стало ненавистным русскому обществу, которое, как я уже писала, утратило всякое равновесие; он стал символом их ненависти. И на эту удочку словили всех, и мудрых, и глупых, и бедных, и богатых. Но громче всех кричала аристократия и Великие Князья, и рубили сук, на котором сами сидели. Россия, как и Франция 18-го столетия, прошла через период полного сумасшествия, и только теперь через страдание и слезы начинает поправляться от своего тяжелого заболевания. Плачут и проклинают большевиков. Большевики — большевиками, но рука Господня страшна. Но чем скорее каждый пороется в своей совести, и сознает свою вину пред Богом, Царем и Россией, тем скорее Господь избавит нас от тяжких испытаний» (А. Вырубова. Дневник и воспоминания. Рига, 1928. С. 183) (Вырубова, 1928).

3. Русская революция — самоубийственное наваждение.

«Русская революция есть великая историческая проблема, я бы сказал, почти — загадка. В самом деле: народ, который создал огромное и могущественное государство и, при посредстве этого государства, — великую, богатую и многостороннюю культуру, обьятый каким-то наваждением, в кратчайшее время разрушил сам это великое государство — ради преходящих выгод и призрачных благ» (П. Б. Струве. Размышления о русской революции (1919) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 273) (Струве, 1919).

4. Большевизм — «одержимая идеологическая ненависть».

«У нас идеология имеет именно мистическое значение, потому что именно она кривит души и заставляет быть покорной каждую душу. И сам Сталин не был бы таким абсолютным диктатором, если б он не был как бы обожествленной истиной. И, наконец, чем же заморожен Запад десятилетиями? Просто грубой кучкой властолюбцев, — захватили власть? Откуда же такое сочувствие к нашей системе у западной интеллигенции полвека? Где же, когда сочувствовали просто властолюбцам?! Сочувствуют идеологии, настолько сочувствуют идеологии, что предлагали не раз забыть об Архипелаге ГУЛАГе, простить ГУЛАГ! Настолько, что полтора миллиона человек отдали на расправу англичане — чтоб идеология торжествовала.

Такая напряженность идеологическая заложена в наш строй Лениным. В тайном письме его о разгроме Церкви вы можете ощутить ее. Разве там желание захватить или держать власть? Там одержимая идеологическая ненависть. И вот с тех пор полвека она

прошла как стержень; держит все наше государство и общество. никакие бы властолюбцы не удержались, а идеология держит!» (А. И. Солженицын. Пресс-конференция о сборнике «Из-под глыб». Цюрих, 1974 // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 10. С. 117) (Солженицын, 1974).

5. Большевизм — паранойя.

«Безусловно, коммунистическая идеология глубоко параноидальна, и даже те, кто только лицемерил, нисколько в нее не веря (а таковы, я думаю, были партийные вожди 60—70-х годов), неизбежно приобретали несколько параноидальный стереотип мышления. Неважно, что большинство из них, потонувши в рутине ежедневных забот, вряд ли вспоминало философские основы марксизма-ленинизма, — на то существовали “идеологи”, чтобы их помнить. “Практикам” достаточно было, полагаясь на выработанные рефлексы, просто следовать логике борьбы, знаменитому ленинскому принципу “кто кого”» (В. Буковский. Московский процесс. М., 1996. С. 167) (Буковский, 1996).

6. Русский социализм — рационалистическое безумие.

«Русский революционный социализм, отворачивающийся от всего объективного, есть в сущности, своеобразная форма рассудочного, рационалистического безумия. Он хотел бы без остатка рационализировать общественную жизнь, подчинить ее своей фанатической идее эгалитарной справедливости, не считаясь с таинственными, космическими основами общества, и за это Бог лишает разума. Социализм отрицает все таинственные, мистические силы истории, и безумие его — рассудочное безумие» (Н. А. Бердяев. Объективные основы общественности // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений, Париж, 1990. Т. 4. С. 43—44; первая публикация: Народопрямство. 23 окт. 1917 г. № 13) (Бердяев, 1917).

7. Русская революция — нервно-религиозное заболевание.

«С Россией произошло то же, что происходило с католическими святыми, которые переживали крестные муки Христа с такой полнотой веры, что сами удостоивались получать знаки распятия на руках и ногах. Россия в лице своей революционной интеллигенции с такою полнотой религиозного чувства созерцала социальные язвы и будущую революцию Европы, что, сама не будучи распята, приняла свою плотью стигмы социальной революции. Русская революция — это исключительно нервно-религиозное заболевание» (М. Волошин.

Россия распятая. Лекция (1920) // Выход из транса. М., 1995. С. 167—168) (Волошин, 1920).

8. Коммунизм — мечтательная идиотия, форма бреда инициативных профанов.

«Экзальтированная идеологическая атмосфера провоцирует у многих развитие своего рода мечтательной идиотии, формирует породу инициативных профанов, для которых коммунизм является формой бреда. В старые добрые времена такого рода заумные чудачки реализовывались на уровне сапожника-звездочета или земского врача-филозофа. Теперь же наиболее энергичным из недоумков открыт путь в доктора и академики (наиболее характерный пример — академик Е. Д. Лысенко)» (В. Аксючиц. Идеократия в России. М., 1995. С. 25) (Аксючиц, 1995).

Х. БОЛЬШЕВИЗМ — МЕТАМОРФОЗА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДУШИ

1. Большевизм — русская национальная болезнь, ранее проявлявшаяся в других формах.
2. Большевизм — характерная черта великорусского племени, склонного к метафизической истеричности и болезненной одержимости.
3. Большевизм народен в том смысле, в каком «народно» похабное сквернословие.
4. Большевизм — типично русское явление.
5. Русская революция имеет национальные корни.
6. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, приобщившимися «русскому духу».
7. Большевизм — порождение русского морализма, слабохарактерности и «овечьих добродетелей».
8. Большевизм — результат податливости русской души к оборотничеству и соблазнам двоящихся образов.
9. Бацилла тоталитаризма заключена в самой русской культуре.
10. Русская почва была в высшей степени пригодна для укоренения марксистской доктрины.
11. Тоталитаризм — результат врожденной «текстоидности» русской культуры.
12. Военно-казарменный социализм порожден не марксизмом, а русской культурой, не теми, кто говорил слова, а теми, кто ждал слов и верил в них.
13. Большевизм — не «внешняя беда», а «внутренняя вина» России.
14. Большевизм — результат того, что в России беспочвенность — почва.
15. Большевизм — результат отсутствия в России духа творческой соизидательности и законопослушной деловитости.

16. Большевизм — результат русской тоски по запредельности.
17. Большевизм — ответ православной цивилизации на вызов модернизации.
18. Россия и при большевиках осталась в России.
19. Большевизм — стихия русской души, откликнувшаяся на проповедь Ленина.
20. Большевизм был порожден характерным для России комплексом «сервиллизма-раболепия».
21. Большевизм — следствие неразвитости правосознания, национального сознания и упадка религиозности.
22. Русский коммунизм имел предпосылки в характере русского народа.
23. Большевистская революция — обнаружение исконного «русского свинства».
24. Большевизм — глубочайшая стихия русской души, в то время как большевики — лишь расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма.
25. Большевизм — не случайное, а субстанционально-роковое явление для России.

1. Большевизм — русская национальная болезнь, ранее проявлявшаяся в других формах.

«Большевизм есть русское, национальное явление, это — наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 37; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (Бердяев, 1917).

2. Большевизм — характерная черта великорусского племени, склонного к метафизической истеричности и болезненной одержимости.

«Ядро России — подверглось в процессе революции наибольшему разложению, оно стало очагом большевизма. Многие даже видят в большевизме характерное великорусское явление. В великорусском племени есть метафизическая истеричность и склонность к болезненной одержимости. Это чувствовалось всегда в великорусских сектах, в самосожигателях, в хлыстах, это гениально отразилось в творчестве Достоевского, это обнаруживается в неспособностях признать

права относительного, в исключительной склонности к крайнему и предельному... И великорусские особенности оказались роковыми в ходе революции» (Н. А. Бердяев. **Россия и Великороссия** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 163; первая публикация: Накануне. Апр. 1918 г. № 3) (*Бердяев, 1918*).

3. Большевизм народен в том смысле, в каком «народно» похабное сквернословие.

... В порядке фактическом и эмпирическом было бы слепотой отрицать известную народность большевизма. Большевизм так же непререкаемо народен, как народно похабное сквернословие, матерщина и т.п. явления народной психологии. И ясно, что можно верить в русский народ и ненавидеть отвергать народную похабщину. Нужно, наоборот, не верить в русский народ, цинически презирать его для того, чтобы утверждать похабщину и большевизм» (П. Б. Струве. **Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России** // Русская мысль. Прага—Берлин, 1922. Кн. I—II. С. 10) (*Струве, 1922*).

4. Большевизм — типично русское явление.

«Психология большевизма была психологией типично русской, с ее отталкиванием от Запада, с ее органическим отвращением к культуре... Не то было важно, что большевизм усвоил некоторые положения марксизма и всю марксистскую фразеологию; важно было то, что переваренный в кипятке русской психологии, большевизм, как нельзя более, соответствовал времени и духу народа... Кто были они — большевики?.. Нет, это не злоумышленники, не удачливые преступники, совершившие великое зло, — это русские по психологии своей люди, дошедшие до конца в отрицании им чуждого. Это — дети России, разрушающие чуждую им культуру Запада, уверенные, что свет идет с Востока, что России суждено явить миру образец высшего разума и осуществить социальную справедливость. Это — психология русского крестьянства, и потому большевики не были продуктом чужеземным; нет, это было русское, насквозь — русское явление!» (П. Я. Рысс. **Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции**. Париж, 1921. С. 113—116) (*Рысс, 1921*).

5. Русская революция имеет национальные корни.

«Какое величайшее недоразумение — считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей обще-

ственной и политической мысли. Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт, “бессмысленный и беспощадный” с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную “правду”? Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печоринской (чисто русской) “патриофобии”? От герценовского революционного романтизма (“мы опередили Европу потому, что отстали от нее”). А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобинизм ткачевского “Набата” (апология «инициативного меньшинства»)? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский, достоевщина — от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? Или, быть может, оба они не русские? А марксизм 90-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи, — Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А “соловьевцы” — Андрей Белый и Александр Блок?» (Н. В. Устрялов. *Patriotica* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 253; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Устрялов, 1921).

6. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, приобщившимися «русскому духу».

«Нет, ни нам, ни “народу” неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый его лики. Он — наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, — и ничего подобного не может быть, и не будет на Западе, хотя бы и при социальной революции, внешне с него скопированной. И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются “чужие” руки, — душа у него, “нутро” его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися “русскому духу” в его нынешнем состоянии...» (Н. В. Устрялов. *Patriotica* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 253—254; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Устрялов, 1921).

7. Большевизм — порождение русского морализма, слабохарактерности и «овечьих добродетелей».

«В слабоволии, в отсутствии сурового закала личного характера скрыты величайшие опасности для России. У русских есть добродетели, которые опаснее пороков, есть какой-то расслабляющий морализм, есть что-то овечье. Слабость характера и овечьи добродетели — благоприятная почва для всякой демагогии» (Н. А. Бердяев. **Интернационал и единство человечества** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 130—131; первая публикация: Русская свобода. 22 апр. 1917 г.) (*Бердяев, 1917*).

8. Большевизм — результат податливости русской души к оборотничеству и соблазнам двоящихся образов.

«Русские по женственной природе своей легко поддаются соблазнам двоящихся образов, соблазнам зла, принявшего обличье добра. Самозванство так характерно для русской истории. В ней часто являлись образы двоящиеся, природа которых неопределима, не личности, а личины. В наших мистических народных сектах немало было таких личин, двоящихся образов, лже-христов и лже-богородиц» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 35; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (*Бердяев, 1917*).

«В русской душе есть целый ряд свойств, благодаря которым она с легкостью, быть может несвойственной другим европейским народам, становится, сама иной раз того не зная, игрищем темных оборотнически-провокаторских сил... Все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики. Если к этой глубоко характерной черте русской души, к этой ее предопределенности к прохождению сквозь жуть и муть химерической религиозной диалектики прибавить с одной стороны отмеченное еще Леонтьевым глубокое неуважение к категорическому императиву, то есть ко всякого рода морализму и законности, а с другой — ее единственную артистическую даровитость, тот ее глубокий, гениальный “мимизм”, который один только объясняет и то, почему русские люди всюду дома: французы с французами и англичане с англичанами, и то, почему только русские мужики, выходя в люди, сразу же становятся неотличимы от бар, и еще очень многое другое, вплоть до изумительного явления русского театра вообще и в частности русского крепостного театра, то в нашем распоряжении будут все те черты, жуткое перерождение

которых вполне объясняет то страшное явление в современной русской жизни, которое я не совсем, быть может, привычно, но феноменологически, думаю, вполне точно называю “оборотничеством”» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1924. № 19. С. 214—215) (Степун, 1924).

9. Бацилла тоталитаризма заключена в самой русской культуре.

«Хотя мне вовсе не чужд психологический подход и рассуждения о том, что авторитарность сознания — это общечеловеческая черта и ее можно находить и в европейцах, но все дело в том, в каких концентрациях содержится эта черта в тех или иных культурах?.. В этом смысле русское общество (а также, по-видимому, общества исламского региона) принадлежит определенному культурному типу, где власть всегда занимала центральное место в системе отношений. Бацилла тоталитаризма заключена в самой культуре русской, и модель исторического развития России содержит в себе возможность тоталитарных всплесков. Но, конечно, заболевание тоталитаризмом возникает лишь при определенных исторических условиях» (Л. А. Седов. Выступление на «круглом столе» «Тоталитаризм — явление XX века?» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 25—26) (Седов, 1989).

10. Русская почва была в высшей степени пригодна для укоренения марксистской доктрины.

«Сама русская почва была в высшей степени пригодна для поселения в ней доктрины, может быть, рожденной и на Западе, но не получившей там укоренения, а укоренившейся здесь. Степень вероятности осуществления этой прививки была повышенной — это объясняется свойствами русской почвы, русской культуры, русского человеческого материала. Доктрина могла быть и другая — при Грозном, повторыю, Россия была страной тоталитарного православия. Но именно поэтому всякие обвинения в адрес самой доктрины, ее содержания мало что объясняют. Не сама марксистская доктрина повинна здесь, а скорее культ науки и разума, своеобразно преломившийся в России. Россия просто вступила из одной стадии идеологичности в другую стадию, перешла от православия к культу науки (отсюда, кстати, и культ «великого учителя — корифея всех наук»)» (Л. А. Седов. Выступление на «круглом столе» «Тоталитаризм — явление XX века?» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 28) (Седов, 1989).

11. Тоталитаризм — результат врожденной «текстоидности» русской культуры.

«...“Текстоидность” русского тоталитаризма присуща не европейской, а православно-исламской традиции. Возждь в этой структуре всегда выступает как представитель, интерпретатор некоего сакрального текста, и этот же текст служит средством уничтожения инакомыслящих. вспомните о русском Расколе, когда из-за слова, из-за единой буквы в написании слова “Иисус” мог возникнуть раскол нации. И мы сейчас продолжаем находиться в этой культуре — для большинства гораздо важнее то, как страна называется, а не то, чем она действительно является. И за слово “социализм” оно будет держаться и будет настаивать, чтобы это слово не уходило из нашего лексикона» (Л. А. Седов. Выступление на «круглом столе» «Тоталитаризм — явление XX века?» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 11) (Седов, 1989).

12. Военно-казарменный социализм порожден не марксизмом, а русской культурой, не теми, кто говорил слова, а теми, кто ждал слов и верил в них.

Нечто близкое, военно-казарменное на этом куске земли было бы выстроено и с помощью какой-нибудь другой системы идей. Пойди иначе ход диспутов в тех или иных интеллигентских кружках прошлого века — замесилось окончательно бы тесто не на марксовом экономизме и не на свободной этике Энгельса (радость проповедников «вольного зрота» в 20-е годы — благородное оформление «социализма общей койки»), замесилось бы новое учение на каком-нибудь леонтьевском византизме, на соловьевской софийности, на либеральном «свободном выборе» в духе Михайловского или на “общем деле” в духе Федорова, — тогда хлынула бы вся наша накопившаяся агрессивность в другие формы, но фундаментальные задачи и решения вряд ли были бы другими: индустриализация азиатскими методами, опустошение земли, создание гигантских народных армий и — повальная эйфория слов, которую мы сегодня вольны, конечно, называть ложью, мороком, околпачиванием и идеологическим прессингом, но суть-то не в тех, кто какие подобрал слова, а в тех, кто ждал слов и готов был им верить» (Л. Аннинский. Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 60) (Аннинский, 1989).

13. Большевизм — не «внешняя беда», а «внутренняя вина» России.

«Да, мы непримиримые враги большевизма, но большевизм представляется нам не извне принесенным ядом, закапсулированно хранящим-

ся в коммунистической партии, а нутряной национальной стихией, издавна волновавшей русские сердца. За разнуздание этой стихии в ответе, конечно, большевики, но за большевиков в ответе все: в ответе и каждый борющийся против них русский человек. Никакого примирения с большевиками и с большевизмом эта точка зрения в себе не таит. Наоборот, она лишь углубляет непримиримость, ибо многое, что можно простить другому и в особенности чужому, себе самому простить нельзя. И еще одно важно: только таким углубленным пониманием большевизма не как внешней беды (землетрясение, мор и глад), а как внутренней вины России перед самой собою, возможно принципиальное отмежевание от его глубочайшей сущности... В этом связанном с марксистской идеологией пролетарском фарисействе большевиков коренится основная причина их творческой немощи во всех сферах духовной культуры. Выход к творческому антибольшевизму, — не к механической революции против него, а к положительному завершению всего процесса русской революции, — возможен поэтому только через приятие на себя нравственной ответственности за него... Вся вина большевиков в том, что они вобрали в себя весь тайный яд России, и вся вина России в том, что в ней нашлось достаточно злых ядов, чтобы вызвать к жизни большевизм и надолго передать ему власть над собою» (Ф. А. Степун. Ответ И. В. Гессену // Новый Град. 1932. № 5. С. 87—88) (Степун, 1932).

14. Большевизм — результат того, что в России беспочвенность — почва.

«Славянофильское утверждение России совершенно тождественно духовному и бытовому патриотизму западных народов; западническое же отрицание России, начатое Петром и законченное Лениным, — явление западу неизвестное, явление типично русское. В конце концов, западничество — лишь интеллигентское преломление народного бродяжничества, почему и пресловутый отрыв западнической интеллигенции от России антинационален лишь как отрыв от России, но одновременно, как это ни парадоксально, все же и национален, как отрыв от корней. Обе эти стороны друг от друга никак не отделимы, и лишь в чувстве этой неотделимости кроется возможность правильного решения вопроса о беспочвенности русской интеллигенции. Русская интеллигенция потому и почвенна, что в России есть почва для беспочвенности, что в России беспочвенность — почва. Будь это иначе, пригоршня беспочвенных идей, брошенная на вспаханную войной землю кучкою “беспочвенных интеллигентов”, не могла бы дать тех всходов, которые она дала, — всходов, от которых содрогается мир» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 32. С. 328) (Степун, 1927).

15. Большевизм — результат отсутствия в России духа творческой созидательности и законопослушной деловитости.

«Отрицать грандиозный размах русской революции, ее пока еще не учитываемое значение для судеб всего мира, ее подлинно русскую страстную тягу к вопросам высшего порядка, конечно, не приходится. Но и признавая все это, нам все же надлежит и самим себе сознаться, а заодно уже и любезным иностранцам выяснить, что столь увлекающая их идейная напряженность русской революции весьма сложного состава и коренится отнюдь не в особой высоте нашей революционной идеи (идея пролетария-сверхчеловека в русской революции та же, что и в немецкой), а в отсутствии во всех нас, ее творцах и деятелях, духа творческой созидательности и законопослушной деловитости. Немного больше европейской выдержки, европейского чувства возможного, европейской политической вышколенности, и русская революция, быть может, и превратилась бы в такое провинциальное (то есть подлинно национальное) дело, как и немецкая, не располыхалась бы на весь мир злым, большевистским пламенем. Эта связь идейной напряженности и какой-то высшей неделовитости, прекрасно уживающейся с напряженнейшею деятельностью, представляется мне очень глубокою и очень страшною проблемой. Может быть, в ней, в этой связи, и надо прежде всего искать ответа на то, почему русский мужик был наречен русской революцией пролетарием, пролетарий — сверхчеловеком, Маркс пророком сверхчеловечества, и почему вся эта фантастика одержала в России столь страшную победу над Россией» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 32. С. 282—283) (Степун, 1927).

16. Большевизм — результат русской тоски по запредельности.

«Есть в русских душах какая-то особая черта, своеобразная жажда больших событий — все равно, добрых ли, злых ли, лишь бы выводящих за пределы будничной скуки. Западные европейцы среднего калибра легко и безболезненно отказываются от омутов и поднебесий жизни ради внешнего преуспеяния в ней. В русских же душах, даже в сереньких, почти всегда живет искушение послать все к черту, уйти на дно, а там, может быть, и выплеснуться неизвестно как на светлый берег. Эта смутная тоска по запредельности редко удовлетворяется на путях добра, но очень легко на путях зла. Такая тоска сыграла, как мне кажется, громадную роль в нашей страшной революции. Быть может, ради нее русскому народу и простится многое из того, что он натворил над самим собою и над всем миром» (Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 222—223) (Степун, 1940-е).

17. Большевизм — ответ православной цивилизации на вызов модернизации.

«Конфессия определила самый тип цивилизации, сформировала национальный характер и предопределила историческую судьбу... Во всех православных странах за единственным исключением, я имею в виду Грецию, к власти пришли коммунисты и все они пережили этап построения социализма... Мир православной цивилизации не создал собственных моделей перехода от феодального, или традиционного, к индустриальному обществу. И в ответ на внешний для этого мира исторический императив, в ответ на общемировую технологическую революцию православные общества сваливаются, трансформируются в социалистические и в этой форме проходят этап начальной модернизации» (И. Яковенко. Выступление на «круглом столе» «Есть ли логика в отечественной истории?» // Знание-сила. 1990. № 11. С. 24) (И. Яковенко, 1990).

18. Россия и при большевиках осталась в России.

«...Несмотря на большевиков, Россия осталась в России, а не переехала в эмигрантских сердцах в Париж, Берлин и Прагу» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1923. № 17. С. 360) (Степун, 1923).

19. Большевизм — стихия русской души, откликнувшаяся на проповедь Ленина.

«Под большевизмом же понимать ту стихию русской души, которая в 1917 г. откликнулась на коммунистическую проповедь Ленина и круг тех явлений, который был порожден этим откликом» (Ф. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 33. С. 337) (Степун, 1927).

20. Большевизм был порожден характерным для России комплексом «сервиллизма-раболепия».

«Главное, что отличает Россию не только от просвещенного Запада, но и от классического Востока (и что, увы, сближает ее разве что с Африкой), — это характерные именно для нее формы сервилитского комплекса. Комплекс сервилитизма (раболепия) свойствен всему Востоку и является элементом командно-административной структуры, восточного деспотизма.... Как правило, в развитых цивилизациях, в том числе во всех трех великих цивилизациях Востока, включая и исламскую. существовали определенные нормы, притиво-

*стоящие произволу власти и служившие противовесом сервилizmu... Не было их выработано, увы, в нашей многострадальной России. Не было потому, что основа русской цивилизации, православная церковь была подчинена власти, сама была в определенной степени сервильной (пожалуй, в наиболее полной мере это проявилось в годы советской власти), причем никакие попытки взбунтоваться (раскольники, староверы) к существенным позитивным результатам не приводили» (Л. С. Васильев. **Выступление в дискуссии журнала «Вопросы философии»** // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 30) (Л. Васильев, 1993).*

21. Большевизм — следствие неразвитости правосознания, национального сознания и упадка религиозности.

«По исконной неразвитости правосознания, национального сознания и поблеклости религиозных устоев за последние перед тем десятилетия — наш народ достался верховным большевицким выжигам — экспериментальным лепным материалом, удобным для перелепливания в их формы» (А. Солженицын. «Русский вопрос» на исходе века. М., 1995. С. 78) (Солженицын, 1995).

22. Русский коммунизм имел предпосылки в характере русского народа.

*«Русский коммунизм не есть чисто интеллектуальное изобретение и в том смысле, что он имел предпосылки в самом характере русского народа как явления социо-биологического (этнического)... Коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря национальному характеру русского народа — благодаря его слабой способности к самоорганизации и самодисциплине, склонности к коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска... Можно ли все негативные явления советского периода относить за счет коммунизма!? А не имеют ли многие из них источники в самой натуре русских людей!? Все народы поставляли в сокровищницу человеческой истории своих выдающихся представителей. Мы, русские, поставили в нее гигантов государственного идиотизма, предательства, холуйства, двурушничества, лживости, хамелеонства. Мы превзошли в этом все народы и вознеслись на недостижимую высоту» (А. Зиновьев. **Русский эксперимент**. М., 1995. С. 30, 39—40, 44) (Зиновьев, 1995).*

23. Большевистская революция — обнаружение исконного «русского свинства».

«Обывательская мечта о возвращении, на следующий день после «переворота», потерянного рая кажется нам наивной и ложной; для нас она совершенно тождественна с обнаружившимся уже как гибельное заблуждение старым убеждением, что с падением “самодержавия” добрый русский народ установит рай земной. Существует некое органическое русское свинство, которое независимо от политической формы; и черный большевизм, который уже достаточно накопился и легко может возобладать после падения нынешней власти, будет свинством не лучшим, чем нынешний ее красный облик. С другой стороны, процесс революции, будучи грандиозным стихийным обнаружением этого исконного “русского свинства”, т. е. духовного недуга, есть вместе с тем — таково мое глубокое убеждение, которое может тебе показаться величайшей ересью, — болезнь роста и развития русского народа, нечто аналогичное тем явлениям духовного упадка, извращения и кризиса, которые сопровождают переход от детства к зрелости в индивидуальном организме» (С. Л. Франк. Письмо П. Б. Струве (18 октября 1922 г.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 123) (Франк, 1922).

24. Большевизм — глубочайшая стихия русской души, в то время как большевики — лишь расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма.

«С самого начала было до безнадежности ясно, что внешнему объединению беспредметной офицерской доблести, политической безыдейности “бывших людей” и союзнической корысти никогда не избавиться России от большевизма. Не избавиться потому, что большевизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более свое, чем они. Было ясно, что большевизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские “мозги набекрень” и “исповедь горячего сердца вверх пятками”, это исконное русское “ничего не хочу и ничего не желаю”, это дикое “улюлюканье” наших борзятников, но и культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискание героев Достоевского. Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооруженная борьба против них всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело все время не в них, но в той стихии русского безудержа, которую они оседлать — оседлали, которую шпорить — шпорили, но которой никогда не уп-

равляли. Имитаторы русской правды, узурпаторы всех святых лозунгов, начиная с величайшего: “долой кровопролитие и войну”, обезьяны в жокейских фуражках, они никогда не держали в своих руках поводий событий, всегда только сами кое-как держались за пылающую гриву несущейся под ними стихии. Историческая задача России... в годы 1918—1921 заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с разнузданностью нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1923. № 14. С. 397) (Степун, 1923).

25. Большевизм — не случайное, а субстанционально-роковое явление для России.

«Случайно со мной или моим народом случившееся, для меня и моего народа не характерное, могшее и не случиться, я себе и своему народу могу простить. Но роковое, неизбежное, неотвратимое, т. е. субстанционально во мне существующее — непростительно. Оттого-то вся Россия и каждый русский человек и отвечает за большевиков, что Россия стала такой, что большевизм стал в ней неизбежен» (Ф. А. Степун. Христианство и политика // Современные записки. Париж, 1934. № 55. С. 312—313) (Степун, 1934).

XI. БОЛЬШЕВИЗМ — СЛЕДСТВИЕ «ПОДРОСТКОВОГО КОМПЛЕКСА» РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Героический максимализм русских революционеров — следствие духовного педократизма русского образованного класса.
2. Большевицкая революция — восстание детей против отцов.
3. Большевизм в России — исполнение воли к Отцеубийству.
4. Большевики сделали сознательную ставку на омоложение революции: «чем зеленее — тем краснее».
5. Причина большевицкого террора — переворачивание возрастных статусов.
6. Большевизм — результат деятельности «русских мальчиков», подростков-фанатиков, мечтающих перескочить в мир сказки, минуя долгую выучку цивилизации.
7. Большевизм — порождение ювенильной мечтательности.
8. Революционный социализм подобен порнографии: он легче всего захватывает незрелую молодежь.
9. Революция 1917 г. — реализация подросткового комплекса еврейско-русских провинциалов, начитавшихся Фенимора Купера и Жюль Верна.
10. «Подростковость» русской культуры порождает особенности политической системы коммунизма: господство неправовых отношений власти-подчинения, мелочную регламентацию при постоянном желании обойти правила.

1. Героический максимализм русских революционеров — следствие духовного педократизма русского образованного класса.

«Психологии интеллигентского героизма больше всего импонируют такие общественные группы и внешние положения, при которых он наиболее естествен во всей последовательности прямолинейного максимализма. Самую благоприятную комбинацию этих условий представляет у нас учащаяся молодежь. Благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей, однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества, наша молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма. И если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то относительно нашей интеллигенции такую роль естественно заняла учащаяся молодежь. Духовная педократия — есть величайшее зло нашего общества, а вместе и симптоматическое проявление интеллигентского героизма, его основных черт, но в подчеркнутом и утрированном виде. Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения “учащейся молодежи” оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для старших, и для младших... Каждый возраст имеет свои преимущества, и их особенно много имеет молодость с таящимися в ней силами. Кто радеет о будущем, тот больше всего озабочен молодым поколением. Но находится от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислуживаться к его мнению, брать его за критерий, — это свидетельствует о духовной слабости общества. Во всяком случае, остается сигнатурой целой исторической полосы и всего душевного уклада интеллигентского героизма, что идеал христианского святого, подвижника здесь сменился образом революционного студента» (С. Булгаков. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 47—48; первая публикация: М., 1909) (С. Булгаков, 1909).

«С отрывом интеллигенции от реальной низовой народной жизни связан и отрыв каждого нового поколения интеллигентов от предыдущего. Для русской интеллигенции характерно расхождение детей и отцов, основанное на том, что для совсем еще юных детей их всего только сорокалетние отцы превращались в выживших из ума дедов. Не раз отмечалась та роль, которую в русской революции играла молодежь. Этот “педократизм” русского революционного движения есть тоже одна из характернейших форм интеллигентской недело-

витости, интеллигентской бездельности. Молодость имеет много достоинств. Но деловитость есть, конечно, достоинство зрелых лет» (Ф. А. Степун. *Мысли о России // Современные записки. 1927. № 32. С. 290*) (Степун, 1927).

2. Большевистская революция — восстание детей против отцов.

«Всякая глубоко идущая революция является в какой-то мере восстанием детей против отцов, решительной схваткой поколений. Такова и русская революция. Здесь это восстание сказалось с буйственной силой благодаря отсутствию прочных культурных традиций. Культурная корка, под которой тяжко дремали глыбы нашего варварства, нашего “скифства” оказалась крайне тонкой и хрупкой глазурью, которая не смогла сопротивляться сокрушительной силе молодого поколения, вырвавшегося в революцию из-под власти уже давно умерших авторитетов. Именно культурного авторитета было крайне мало у русского культурного слоя во всех его общественных формациях, начиная от дворянства и кончая разночинцем, и это привело к тому, что для втянутой в революционный водоворот молодежи не было “ничего святого”, перед чем нужно было бы остановиться в своем разрушительном разбеге... Здесь крылось в известной мере историческое предопределение большевистского вырождения русской революции... Чисто биологически русская революция в ноябре 1917 г. помолодела. Эти пришельцы эпохи большевизма были уже совсем мало обременены русской культурой, а подчас даже и элементарными достояниями цивилизации» (В. И. Талин (С. О. Португейс). *Этапы комсомольских блужданий // Записки социал-демократа. Париж, 1931. Май. С. 22*) (Португейс, 1931).

3. Большевизм в России — исполнение воли к Отцеубийству.

«Могут быть два восстания человека на Бога: одно — на Отца, другое — на Сына, Противотчество и Противосыновство; могут быть и две “крайние в человеке преступности”, по Вейнинггеру, или “бесноватости”, по Достоевскому, — две “потребности убивать Бога”, две воли: одна к ноуменальному Отцеубийству, другая — к такому же Сыноубийству. В русской революции уже совершилось, как всемирно-историческое действие, Отцеубийство, а Сыноубийство только еще готовится к совершению, мы еще не знаем, в чем — в войне или в революции, но в таком же всемирно-историческом действии» (Д. Мережковский. *Тайна русской революции. М., 1998. С. 67*) (Мережковский, 1939).

4. Большевики сделали сознательную ставку на омоложение революции: «чем зеленее — тем краснее».

*«Так или иначе, но большевизм в лице своей руководящей головки едва ли не сознательно-умышленно поставил ставку на “омоложение” русской революции, правильно сообразив, что чем менее кадры и аппаратура будут обременены годами, чем они будут зеленее, тем они будут краснее... Наиболее молодой призыв революции, получивший свое политическое и общественное воспитание только в лихие годы войны, сам был по своей моральной и духовной структуре глубоко органически враждебен духу и формам демократии и нуждался только в соблазнительном попустительстве, чтобы молодыми крепкими копытцами в табунном восторге затоптать первую некрепкую поросль русской демократии. Лидерам большевизма оставалось только выдать этот табунный восторг за “пролетарскую революцию”» (В. И. Талин (С. О. Португейс). *Этапы комсомольских блужданий // Записки социал-демократа. Париж. Май. 1931. С. 22) (Португейс, 1931).**

5. Причина большевистского террора — переворачивание возрастных статусов.

*«Те мальчики и девочки, которые до октября кое-как поддерживали худой мир с отцами, после октября решили обойтись без них и построить свою Россию на собственный страх и риск. Они стали хозяевами, а отцов пригласили в приказчики на советскую службу. Ответом на это приглашение явился саботаж. Эпоха саботажа еще больше углубила тот разрыв, который достаточно мрачно зиял и без того. Дикие формы террора, ожесточенное преследование революционных деятелей всех чужих политических лагерей, животный страх перед ними и животные насилия над ними были не только «борьбой с контрреволюцией», но и борьбой за диктатуру молодняка против «шевелившегося» еще старого поколения. Не в силах духовно преодолеть или духовно подчинить его, диктатура молодежи стала физически истреблять его. Разрыв между поколениями, который нам был раньше известен в формах элегических, “тургеневских”, принял формы яростно-животные» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). *Наследники революции // Современные записки. 1927, № 30. С. 480) (Португейс, 1927).**

6. Большевизм — результат деятельности «русских мальчиков», подростков-фанатиков, мечтающих перескочить в мир сказки, минуя долгую выучку цивилизации.

«Социализм оказался идеальным соблазном для “русских мальчиков”, как называл русскую революционную демократию Достоевский,

*одержимых нетерпением достичь всеобщего счастья, притом на “научной” основе “единственно правильного” теоретического постижения мира. Русские идеологи “научного” периода от Белинского до Дзержинского (они же «бесы русской революции»), к какой бы школе мысли они не принадлежали, с удивительным единодушием отвергали буржуазно-либеральное отношение к миру с его трезвостью и расчетом, жесткими требованиями в отношении трудовой дисциплины и мягкой терпимостью к чужому мнению. Такое “взрослое” отношение не может устраивать подростка, мечтающего перескочить в мир сказки, минуя нудную выучку капиталистического существования... Русская революция оказалась делом рук подростков-утопистов, фанатиков, полуобразованных мечтателей и своекорыстных невежд. Самоуверенное невежество или полужнаительство подростка не приемлет медленные постепенные решения жизненных проблем. Оно тяготеет к насилию и революции, отвергая диалог и реформу. В революциях 20-го века — от Ленина до Пол-Пота — культурная подростковость помножалась на подростковость субкультурную (к власти поднимали наименее образованные или лишь слегка тронутые образованием слои) и, собственно, возрастную (огромный процент вождей в возрасте до 30 лет), что сообщило им особенно жестокий, кровавый характер» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). **Коммунизм — это молодость мира** // Синтаксис. Париж. 1987. № 17. С. 39—41) (Седов, 1987).*

*«Мы моложе Европы, моложе всей ее цивилизации. Мы — вечные подростки истории, с подростковыми идеалами абстрактного добра, столь же абстрактной справедливости, а главное — с желанием все сделать самостоятельно, наперекор скучному взрослому миру, коснеющему в рутине будней. А потом — изумить и осчастливить взрослый мир, сразу же став взрослее взрослых, главнее главных. Поэтому мы так восприимчивы к новым безумным идеям — а вдруг получится? Человек, до старости лет не повзрослевший, превращается в чудака. Государство, не изжившее ценности самобытности или авангардности, превращается в полигон» (Д. Драгунский. **Полигон. Предварительные итоги русской и советской истории** // Век XX и мир. 1991. № 4. С. 48) (Драгунский, 1991).*

7. Большевизм — порождение ювенильной мечтательности.

«В этой незакрепленной душе мечтание тоже было незакрепленным, непрактичным, малополезным. Характерно вечное сомнение: надо ли мечтать? — подхваченное у Писарева Лениным. Характерно и то, как разлетается мечта от удара о реальность: все или ничего! И тот тип предприимчивости характерен, о котором Лесков сказал с ядом:

*“Разбогатеть бы как-нибудь сразу” То есть: не вкладывая долгого, каждодневного, методичного, выматывающего труда. Сделать бы какую-нибудь эдакую машину, которая бы работала “сама”, — а мы бы гуляли, пели, отводили душу. То, о чем Маяковский сказал: “И будет много стихов и песен” То, о чем Платонов сказал — в “Ювенильном море”. Юношеская мечта, ювенильная: все “неинтересное” — решить как-нибудь раз навсегда. Препоручить. Кому? Машине. Науке. Какой-нибудь особой группе людей, которая решит. “Из особого материала” Препоручили» (Л. Аннинский. *Монологи бывшего сталинца* // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 77—78) (Аннинский, 1989).*

8. Революционный социализм подобен порнографии: он легче всего захватывает незрелую молодежь.

*«Из опыта трех великих революций европейского континента можно установить тот факт, что революция развивалась параллельно с проституцией. Франция перед 1789 годом переживала т<ак> наз<ываемый> “галантный век”, Россия и Германия наводнялись порнографией. Порнографическая и социалистическая литература подавляла все остальные виды печатного слова... Итак, — “гении”, в своем блестящем одиночестве от мира, высидели свою теорию и эта теория была “брошена в массы” — она имела стотысячные тиражи и она обсуждалась в каждой мансарде. Но и стотысячный тираж — только легкая рябь над жизнью сотен миллионов семейств. “Масса”, в сущности, жила по-прежнему, и на свободные кровати бросились всякие сексуальные отбросы, люди, у которых их сексуальная сторона выросла кособоко, и из всех творческих сторон пола осталось только голое либидо. Набросилась мужская молодежь — в общем хорошие ребята, но еще молодежь, — то есть люди не взрослые, еще не полноценные: еще ученики, а не строители. Ребята только что вышедшие из красноиндейской идеологии для того, чтобы заняться красносоциалистической» (И. Л. Солоневич. *Диктатура слоя* (1946) // И. Л. Солоневич. *Собрание сочинений*. Буэнос-Айрес, 1956. Т. 2. С. 90—91) (Солоневич, 1946).*

9. Революция 1917 г. — реализация подросткового комплекса еврейско-русских провинциалов, начитавшихся Фенимора Купера и Жюль Верна.

«Характерно самосознание основоположников “советского дворянства”, чем-то мучительно напоминающее побег в Америку начитавшихся Майн Рида и Фенимор Купера подростков. Трудно отделаться от впечатления, что 1917 год — это прежде всего затея изнывающейе-

го от скуки в провинциальной глуши Монтигомы Ястребиного Когтя. Еврейские и русские монтигомы и сделали все. Собственно гражданскую войну в России подготовили даже не Маркс и Чернышевский, а Фенимор Купер и Жюль Верн. Это хорошо видно из воспоминаний “пламенных революционеров”... Прошли годы, и самовлюбленные негодяи дорвались до власти. Странная смесь прекраснодушных детских фантазий с унаследованным хамством и благоприобретенной шизофренией сбывлась “в подробностях” Петь “аршин мал алан”, отрывая зажатую между ног голову пленного “беляка”, лить шипящее олово в глазницы, снимать скальпы, поливая сине-багровый череп одеколоном, срезать веки бритвой. Поиграли-таки в индейцев... Это даже не грузинский джигит, вырезавший ремень из спины ограбленного европейца. Ну вырезал, пошутил, отвел душу, “показал себя”. И успокоился. А тут нет. Ребенок меры не знает, в игре меры нет. Эти били насмерть — “вешали и хрипеть не давали» (Д. Галковский. Андерграунд (1) // Независимая газета. 26 нояб. 1992. № 227) (Галковский, 1992).

10. «Подростковость» русской культуры порождает особенности политической системы коммунизма: господство неправовых отношений власти-подчинения, мелочную регламентацию при постоянном желании обойти правила.

«“Подростковость” русской культуры решающим образом сказывается на развитии политических институтов. В условиях ослабленного действия внутриличностных механизмов социальности — чувства морального долга и нравственных ограничителей, отсутствия устойчивых отношений в сфере собственности и нетвердости внешних форм права и правосознания — преобладающее значение получают отношения господства и подчинения. Русские “подростки” вообще-то чтят правила, установленные в группе, но эти правила никогда не приобретают вида универсально-безличного закона, ибо развитое правосознание предполагает довольно высокий уровень абстрактного мышления и универсалистических ориентаций. Подростковой психике такая зависимость от абстрактно сформулированных правил не присуща. Здесь правила существуют скорее в виде мелочного регламента, соблюдение которого в его полном объеме просто-таки невозможно. Поэтому возникает ситуация “всеобщей виноватости”, поскольку каждый так или иначе выступает в роли нарушителя и ожидания, что тот, кто лучше и хитрее нарушает правила оказывается в выигрыше. Так русское общество оказывается обществом поголовных правонарушителей» (Л. Ржевский (Л. А. Седов). Коммунизм — это молодость мира // Синтаксис. Париж, 1987. № 17. С. 64) (Седов, 1987).

ХІІ. БОЛЬШЕВИЗМ: РОЛЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

1. Большевизм — апогей русского интеллигентского нигилизма.
2. Социалистическая интеллигентская власть — антиэстетична.
3. Россию погубила безнациональность интеллигенции.
4. Коммунистическая революция — логический результат оторванности интеллигенции от народа.
5. Большевизм в России подготовлен европейской рационалистической интеллигенцией.
6. Большевизм — итог развития особого культурного класса — российской интеллигенции.
7. Большевизм — апогей интеллигентского народничества — рабской зависимости русского культурного от народной тьмы.
8. Большевизм — результат раскрещивания общественного сознания русской интеллигенции.
9. Большевизм — демагогия заграничной полуинтеллигенции против отечественной трудовой интеллигенции.
10. Изобличение интеллигентской лжи и нигилизма — отрицательная миссия большевизма.
11. Большевики — блудные сыны Ордена русской интеллигенции.
12. Большевики произошли из бокового, нечаевского древа русской интеллигенции.
13. Природа большевизма противоположна русской интеллигенции; большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции.
14. Положительное содержание интеллигентских идей ненавистно по-разински разгулявшемуся народу.
15. Уничтожение культурной элиты привело в советской России к экстенсивному развитию «полуинтеллигенции».
16. Победа русской жизни над большевистским декретом была обеспечена не столько эмиграцией, сколько будничной работой неэмигрировавшей части русской интеллигенции.

17. Причина победы большевизма — в нелегитимности старой русской культуры в сознании интеллектуалов.
18. Большевистские интеллигенты чувствовали себя миссионерами, прививавшими новую веру отсталому, но небезнадежному народу.
19. Большевизм — расправа западной интеллигенции над Россией.
20. Большевизм — эксперимент революционеров-технократов по превращению России из «мира Человека» в «мир Машины».
22. Советская власть — антинародная диктатура номенклатурной интеллигенции в союзе с интеллигенцией либеральной.
24. Большевизм — результат краха революционно-гуманистической интеллигенции.

1. Большевизм — апогей русского интеллигентского нигилизма.

«Русская революционная интеллигенция, которая пожинает плоды своей деятельности в направлении и характере русской революции, которая и сама оказалась выброшенной за борт темными народными массами, слишком долго жила ложной верой, верой в идолов, а не в Бога живого, и душа была искажена этой ложью и этим идолопоклонством, была развращена и потеряла связь с духовными истинами жизни. Центр тяжести жизни был перенесен с внутреннего на внешнее. Интеллигентский яд отравил и народную душу, вытравил из нее живого Бога. Большевики — последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным. Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой... В русской революции собирается жатва исконного и застарелого русского нигилизма. В ней чувствуется дыхание этого старого, а не нового духа. Революция вдохновлена нигилистическими идеями, она прежде всего направлена на разрушение иерархии ценностей, иерархии качеств, на которой основан божественный миропорядок» (Н. А. Бердяев. Кто виноват? // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 94—95; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

«Большевистская бацилла имеет превосходную культуру в крови русской революционной интеллигенции, это — лишь новая форма ее исконного социального максимализма, который есть лишь обратная сторона ее исконного религиозного нигилизма» (Н. А. Бердяев. Пат-

риотизм и политика // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 161; первая публикация: Народоправство. 25 сент. 1917 г. № 10) (*Бердяев, 1917*).

2. Социалистическая интеллигентская власть — антиэстетична.

«Русская революционно-социалистическая интеллигенция кристаллизовалась в особую расу, в особую породу людей, которую можно узнать даже по физическому облику, и раса эта не может господствовать. Ее господствование и властвование есть антропологическая, психологическая и моральная нелепость. Эта порода людей не может создать такого эстетического стиля власти, который не был бы отталкивающим. Кричащее бессилие не только эстетически отталкивает, — эта эстетическая неприемлемость является также мерилом духовной негодности и неправды» (Н. А. Бердяев. **Власть и психология интеллигенции** (1917) // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 198—199; первая публикация: Русская мысль. Январь—февраль 1918 г.) (*Бердяев, 1917*).

3. Россию погубила безнациональность интеллигенции.

«Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» (П. Б. Струве. **Размышления о русской революции** (1919). София, 1921. С. 17) (*Струве, 1919*).

4. Коммунистическая революция — логический результат оторванности интеллигенции от народа.

«Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие интересы, нежелание интеллигенции рассматривать самое себя, как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности... Социальный слой “с душою прямо геттингенской” и с телом рязанско-крепостническим определил собою полную оторванность русского кое-как мыслившего слоя от каких бы то ни было русских корней. И кое-как мыслившие люди занялись поисками чего попало и где попало» (И. Л. Солоневич. **Народная монархия**. М., 1991. С. 13, 30) (*Солоневич, 1940-е*).

«Стотысячные стада русской интеллигенции ходили на водопой то к Гегелю, то к Канту, то к Руссо, то к Марксу. Они зубрили истории всех революций мира. И они готовили собственную — величайшую в истории мира. И, вот, эта величайшая пришла» (И. Л. Солоневич. Диктатура слоя // И. Л. Солоневич. Полн. собр. соч. Буэнос-Айрес, 1956. Т. 2. С. 157) (Солоневич, 1946).

5. Большевизм в России подготовлен европейской рационалистической интеллигенцией.

«Лет почти двести тому назад ряд людей, морально и умственно неполноценных, предложили нам “диктатуру разума” — ratio. Теория этой диктатуры оказалась убедительной. На практике — рационалистическая философия привела к резне и голоду. Единственное истинно рациональное применение теории рационализма было достигнуто в рационировании хлеба и картошки. Так ratio привел к рационам» (И. Л. Солоневич. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949. Ч. 1. С. 5) (Солоневич, 1949).

«Если Гегель и Маркс есть наука, то Сталин и Гитлер есть истинно научные работники человечества, а НКВД и Гестапо есть истинно научные учреждения. И Сталин и Гитлер не выдумали решительно ничего нового. То, что сейчас практически реализует Сталин, — было подготовлено, сформулировано и даже вычерчено целыми поколениями русских философов. То, что попытался практически реализовать Гитлер, — было подготовлено целыми поколениями немецких. Произвола тут нет никакого. Есть изумительное по своей последовательности шествие по путям науки» (И. Л. Солоневич. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949. Ч. 1. С. 15) (Солоневич, 1949).

6. Большевизм — итог развития особого культурного класса — российской интеллигенции.

«Дело в том, что большинство русской интеллигенции и во всяком случае передовая ее часть в поисках истины, знаний, культуры страстно внимала Европе. Оттуда жадно заимствовались теории, включая и самые радикальные, к которым в среде интеллигенции была особая тяга. Усваивая чуждые доктрины, интеллигенты искали именно в них волшебную палочку, которая могла бы быстро преобразовать отсталую Россию. И вот среди чужжих радикальных теорий была обнаружена такая, которая с претензией на научность объяснила все пороки существующего строя. И хотя это был строй капиталисти-

ческого Запада, а не отсталой и все еще в гораздо большей степени азиатской, нежели европейской, России, активное экстремистское меньшинство радикальной русской интеллигенции увидело именно в этой теории, в марксизме, путь к спасению» (Л. С. Васильев. Выступление в дискуссии «Тоталитаризм — явление XX века?» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 27—28) (Васильев, 1989).

«Большевизм был наиболее полным, законченным и логически последовательным воплощением нового типа российской культуры — своеобразного и неповторимого синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности. Иными словами, большевизм есть итог развития интеллигенции как особого культурного “класса”, возникшего на стыке двух основополагающих начал российской культуры. Правда, интеллигентская среда дала жизнь и другим направлениям. Но именно в большевизме присущие российско-интеллигентскому типу черты воплотились в наиболее адекватном, очищенном от исторических случайностей виде. Большевизм знаменует собой завершение культурного развития интеллигенции. В его рамках происходит политическое оформление этого нового культурного “класса” в протогосударственное образование. То, что Лениным было осторожно названо “партией нового типа”, было на деле зачатком государственности будущего... Октябрьскую революцию действительно трудно объяснить, если смотреть на нее как на обыкновенную социальную революцию, в ходе которой происходит смена одного экономически господствующего класса другим. Ее подготовил и осуществил особый, не экономический, а культурный класс. Только в мифологии большевизма он был передовым отрядом пролетариата. В реальности это был авангард российской интеллигенции.... Главной родовой чертой нового культурного типа была его гомогенность, внутреннее единство. В его рамках преодолевался раскол, присущий культуре эпохи Империи (В. Б. Пастухов. Будущее России вырастет из прошлого. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Политические исследования. 1992. № 5—6. С. 69—70) (Пастухов, 1992).

7. Большевизм — апогей интеллигентского народничества — рабской зависимости русского культурного от народной тьмы.

«Революционный шовинизм есть самый дурной и низменный род шовинизма. Россия сейчас растерзана оргиями этого революционного шовинизма, кричащего “шапками закидаем” весь мир, покоряющего весь мир революционным пустословием. Время уже сознать, что все формы русского народничества — иллюзии, порождения русской

культурной отсталости; они означают рабскую зависимость русского культурного слоя от народной тьмы, потерянную всего качественного русской жизни в количествах. Вера в “народ” всегда была малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда... Для народнического сознания народ подменил Бога, служение народу, его благу и счастью подменило служение правде и истине. Во имя народа, как идола, готовы были пожертвовать величайшими ценностями и святынями, истребить всякую культуру, как основанную на неравенстве, всякое бытие, как наследие отцов и дедов» (Н. А. Бердяев. Гибель русских иллюзий // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 115—117; первая публикация: Русская мысль. Январь—февраль 1918 г.) (Бердяев, 1918).

8. Большевизм — результат раскрещивания общественного сознания русской интеллигенции.

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что кривая развития русской интеллигенции от Герцена до Ленина знаменует собою, если отвлечься от некоторых временных колебаний, определенное нарастание атеистической энергии в русском общественном сознании. История русской интеллигенции есть история раскрещивания общественного сознания России. И все же она не есть история обезбоженья души русской общественности. Не есть потому, что параллельно раскрещиванию сознания в русской интеллигенции неустанно нарастала готовность добровольного и страдальческого служения делу освобождения России. Исчезновение чувства религиозного Предмета странно совпадает с нарастанием религиозного отношения к предмету своего служения. В одержимости русской интеллигенции темой общественного служения ясно слышатся почти религиозные ноты. Конечно, лишь почти религиозные, ибо всякая подлинная религиозность возможна лишь там, где религиозное отношение к предмету направлено на религиозный Предмет; где она своим предметом имеет не возведенное в достоинство Абсолютного относительное, а само Абсолютное — Бога» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 32. С. 306—307) (Степун, 1927).

9. Большевизм — демагогия заграничной полуинтеллигенции против отечественной трудовой интеллигенции.

«Народ в разлив и торжестве большевизма прежде всего восстал против интеллигенции, и в этом есть справедливое возмездие за тот нигилистический яд, которым “интеллигенция” отравила народ. Но в этом есть также страшная иллюзия и самообман. В действи-

тельности, “народ” является орудием в руках кучки демагогов, он остается в состоянии рабском, так как не имеет освобождающего света. Жертвой же народной злобы, раздуваемой демагогами для властвования над “народом”, падает прежде всего наиболее культурный слой нашей интеллигенции, наименее повинный в распространении нигилистического яда... В сущности одна интеллигенция, преимущественно наехавшая из-за границы, наиболее чуждая народу, но самая демагогическая по своим приемам, изгоняет другую интеллигенцию, более деловую, ближе стоявшую к народной жизни и не прибегающую к бессовестной демагогии. Народ, оставшийся в той же тьме, в какой был и раньше, но принявший совершенно внешнюю социалистическую окраску, отвергает труд умственный, труд, связанный с качествами образования, дарования, специального призвания» (Н. А. Бердяев. *Духовный и материальный труд в русской революции* // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 72; первая публикация: Народопрямство. 21 янв. 1918 г. № 21—22) (Бердяев, 1918).

10. Изобличение интеллигентской лжи и нигилизма — отрицательная миссия большевизма.

«Традиционная история русской интеллигенции кончена, ее основные идеи проверены на жизненном опыте и ложь их изобличена. Теперь уже на веки веков русская революционная интеллигенция не вправе будет говорить, что рай на земле водворится, когда она будет у власти: она побывала у власти, и на земле водворился ад. Поистине, русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, а отрицательную, — она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ... Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни, опытная проверка того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти» (Н. А. Бердяев. *Демократия и иерархия* // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 172; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 24) (Бердяев, 1917).

11. Большевики — блудные сыны Ордена русской интеллигенции.

«Империя пала не потому, что она разоряла страну и разрушала ее государственную мощь; и не потому, что она насильствовала народ. Она пала потому, что народное сознание разошлось с имперским бытием; потому, что душа народа ушла от нее. В падении Империи политическая и вооруженная борьба сыграла свою роль. Но это — роль

ограниченная и подчиненная. В основе великой борьбы между Империей и Орденом — борьба духа. Победил Орден, ибо он увел за собой души... Большевики — блудные сыны Ордена и отлично знают, что власть миожет держаться только на душах людей» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Пути освобождения (Доклад) // Новый град. 1931. № 1. С. 43—44) (Бунаков-Фондаминский, 1931).

12. Большевики произошли из бокового, нечаевского древа русской интеллигенции.

«Есть немало охотников... видеть в большевиках прямых и достойных завершителей дела русской интеллигенции. Что они выросли из одного с ней ствола — от Радищева или, скажем, от Герцена — это бесспорно. Но уже рано, с 60-х годов, две линии русской революции разошлись достаточно далеко. Нечаев был отвергнут поколением 70-х годов. Ленин был одинок в породившей его социал-демократической среде. Он ненавидел интеллигенцию более страстной ненавистью, чем капитализм или самодержавие. Он должен был искать себе поддержки в людях полукультурных, даже полуграмотных: в Зиновьевых и Сталиных. Между ним и революционной интеллигенцией проведена черта — не его максимализмом (максимализмом нельзя было напугать русскую интеллигенцию), а его абсолютным имморализмом. Печатью этого имморализма отмечен весь октябрь и его дело — вплоть до последних трансформаций Сталина. Это нечаевский корень, который принес свой достойный плод в русском варианте фашизма. (Кстати, и весь мировой фашизм поднялся на ленинских дрожжах.)» (Г. П. Федотов. Февраль и Октябрь // Г. П. Федотов. Защита России. Париж, 1988. Т. 4. С. 98; первая публикация: Новая Россия. 1937. № 23) (Федотов, 1937).

13. Природа большевизма противоположна русской интеллигенции; большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции.

«Есть взгляд, который делает большевизм самым последовательным выражением русской интеллигенции. Нет ничего более ошибочного. В большевизме, правда, доживает множество отдельных элементов русского радикального сознания, что облегчает темному слою “рабочников просвещения” сотрудничество с ним. Но самая природа большевизма максимально противоположна русской интеллигенции: большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции» (Г. П. Федотов. Трагедия интеллигенции // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 98—99; первая публикация: Версты. Париж, 1926. № 2; под псевдонимом Е. Богданов) (Федотов, 1926).

14. Положительное содержание интеллигентских идей ненавистно по-разински разгулявшемуся народу.

«К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои. Интеллигенция может считать его своим — по недоразумению. Ее “идеи”, то есть положительное содержание ее евангелия, для народа пустой звук. Более того, предмет ненависти, как книга, шляпа (бей шляпу!), иностранная речь, как все, что разделяет, подчеркивает классовое расстояние: все атрибуты барства. В 1917 году народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен. Отсюда разинский разгул его стихии, особенно жестокий тем, где он не сдерживается революционной диктатурой, — в сибирской партизанщине» (Г. П. Федотов. **Трагедия интеллигенции** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 99; первая публикация: Версты. Париж, 1926. № 2; под псевдонимом Е. Богданов) (Федотов, 1926).

15. Уничтожение культурной элиты привело в советской России к экстенсивному развитию «полуинтеллигенции».

«Зрелище вулканических разрушений не должно закрывать от нас сложных процессов жизни. Основной факт современной русской культуры — ее эктенсификация. Исполинский резервуар, искусственное озеро, наполняемое столетиями, вдруг прорвало плотины и затопило страну. Но среди этого мелководного, подчас болотистого разлива так редко глубокие воды. Россия кишит полуинтеллигенцией, полуняйками, но в ней редко встретишь “культурного” человека в старом смысле слова. Новая школа его уже не дает. Старые человеческие запасы иссякают. “Недорезанные”, но задушенные теряют культурный облик» (Г. П. Федотов. **Новая Россия** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 208; первая публикация: Современные записки. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

16. Победа русской жизни над большевистским декретом была обеспечена не столько эмиграцией, сколько будничной работой неэмигрировавшей части русской интеллигенции.

«Если психология эмиграции близка психологии кавалерии, то психология беспартийных “советских работников”, как мелких служащих, так и крупных “спецов”, была и осталась психологией серой, армейской пехоты. Та же бытовая близость к врагу и потому та же понятная утрата ненависти, та же весьма действенная энергия унылого нажима: тот же героизм будничной борьбы и будничного страдания. Я всем этим, впрочем, отнюдь не утверждаю, что бес-

партийные работники советской России вели сознательную борьбу против большевиков. Неоспоримым представляется мне лишь факт, что свою победу над декретом русская жизнь одержала на территории той конкретной предметной работы, которую вела в России армия беспартийных работников. Эту большую заслугу за неэмигрировавшей частью интеллигенции эмиграции давно пора безоговорочно признать» (Ф. А. Степун. *Мысли о России* // *Современные записки*. Париж, 1923. № 17. С. 358) (Степун, 1923).

17. Причина победы большевизма — в нелегитимности старой русской культуры в сознании интеллектуалов.

«Небезызвестная “скука” дореволюционной русской жизни, вызывающая отвращение интеллектуалов и заставлявшая их “буревестничать”, связана именно с тем, что общий строй российской смешанной, многоукладной культуры не получил статус осознанного цивилизационного решения и общепринятой ценности. Нужен был опыт неслыханной катастрофы, чтобы старая русская культура стала вызывать чувство острой ностальгии» (А. С. Панарин. *Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм?* // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 63; первая публикация: *Знамя*. 1993. № 9) (Панарин, 1993).

18. Большевистские интеллигенты чувствовали себя миссионерами, прививавшими новую веру отсталому, но небезнадежному народу.

«Определенная часть российской интеллигенции издавна связывала себя не столько с Россией, сколько с заемной идеологией прогресса (в очередной его исторической версии). И если Россия, даже в лице своего большинства, почему-то не отвечала этим ожиданиям, то общественный темперамент прогрессиста неизменно направлялся против нее... “Новые русские” в значительной мере унаследовали это прогрессистское высокомерие в отношении “туземного населения” Но различие с левым радикализмом, с большевизмом в частности, все же существенно. Большевики чувствовали себя миссионерами, прививавшими новую веру отсталому, но небезнадежному народу. Они готовы были идентифицировать себя с народом по мере того, как будет происходить его преобразование в “передовой класс” “Новые русские” меньше верят в эту алхимию прогресса. Поэтому их презрение к почве выражается не столько в революционном насилии, сколько в комплексе внутренних эмигрантов, свободных от давления туземных норм, ценностей и традиций. К этому добавляется воздей-

ствие потребительско-гедонистической психологии, чуждой не только аскезе индивидуального накопления, но и традиционной служилой аскезе российских подданных, привыкших держат на своих плечах тяжкий груз российской государственности. Эмансипаторский дух в его поздней, декадентской стадии опасается сильной государственности, ибо связывает с ней жертвенность, к которой чувствует себя неспособным» (А. С. Панарин. Юбилей Победы: итоги трех мировых войн для России // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 69; первая публикация: Новый мир. 1995. № 9) (Панарин, 1995).

19. Большевизм — расправа западнической интеллигенции над Россией.

«Наша западническая интеллигенция дважды на протяжении XX в. безоглядно расправлялась с прошлым, исходя из предложения, что “главный враг” в собственной стране и необходимо превратить внешнюю войну во внутреннюю, гражданскую (горячую или холодную). В 1917 армию, фронт и государство разваливали левые западники-радикалы, живущие в ожидании мировой пролетарской революции на Западе. Спустя три четверти века правые западники-радикалы проделали то же самое в предвкушении нового мирового порядка, препятствие которому они видели в собственной стране» (А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? (Парадоксы европеизма в современной России) // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 129; первая публикация: Вопросы философии. 1996. № 9) (Панарин, 1996).

20. Большевизм — эксперимент революционеров-технократов по превращению России из «мира Человека» в «мир Машины».

«Сегодня, подводя итоги трагического для нас XX в., поражаешься тому опустошению, которое произвел большевистский эксперимент в самой сердцеvine нашей цивилизации. Технократически ориентированные революционеры-модернизаторы создавали мир Машины, опустошая мир Человека... Большевизм превратил нашу Евразию из «пространства человека» в пространство индустрии, которая в отличие от человека, имеет свойство морально устаревать, превращаясь в металлический лом и хлам — что сегодня с нею и произошло» (А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? (Парадоксы европеизма в современной России) // А. С. Панарин. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 148; первая публикация: Вопросы философии. 1996. № 9) (Панарин, 1996).

21. Советская власть — антинародная диктатура номенклатурной интеллигенции в союзе с интеллигенцией либеральной.

«Но история показала, что все прекраснодушные идеи и намерения интеллигенции свелись к одному: из самого образования своего создать новую властную и разъединяющую силу. Интеллигенция стала-таки над народом аристократией, его опекающей доньне, хотя, конечно, не прежним, а новым и сильно усовершенствованным путем. Эта истина не опровергается тем фактом, что ленинская дворянско-интеллигентская гвардия была вырезана сталинскими разночинцами, а интеллигенция в целом получила в своей европеизированной России полное отсутствие тех благ и свобод, которые она имела в России азиатской. Во-первых, можно заметить, что таковые отношения отцов и детей традиционны для русской интеллигенции, а во-вторых: за что боролись, на то и напоролись. Советская власть была, конечно, не диктатурой пролетариата. В социальном плане это диктатура номенклатурной интеллигенции в союзе с интеллигенцией либеральной над народными массами. Что верно и по сей день. А господствующая идеология всякий раз есть ни что иное, как плод самого образования своего на лжеевропейский манер, из которого и создана властная и разъединяющая сила» (В. Аксюциц. **Орден русской интеллигенции** (1984) // В. Аксюциц. *Мироправители тьмы века сего*. М., 1994. С. 143—144) (Аксюциц, 1986).

22. Большевизм — результат краха революционно-гуманистической интеллигенции.

«1917 год был идейным крахом “революционно-гуманистической” интеллигенции, как она очерчивала сама себя. Впервые ей пришлось от одиночного террора, от кипливой кружковщины, от партийного начетничества и необузданной общественной критики правительства перейти к реальным государственным действиям. И в полном соответствии с печальными прогнозами авторов “Вех” (еще отдельно у С. Булгакова: «Интеллигенция в союзе с татарщиной... погубит Россию»), интеллигенция оказалась неспособна к этим действиям, сбела, запуталась, ее партийные вожди легко отрекались от власти и руководства, которые издали казались им такими желанными, — и власть, как обжигающий шар, отталкиваемая от рук к рукам, докатилась до тех, что ловили ее и кожу приготовлены к ее накалу (впрочем, тоже интеллигентские руки, но особенные). Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, да не сумела управить ее обломками» (А. И. Солженицын. **Образованщина** (1974) // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 85) (Солженицын, 1974).

XIII. БОЛЬШЕВИЗМ: АНАЛОГИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

1. Русский коммунизм — очередное проявление старого как мир начала человеческой истории: восстания народных низов с целью установления механического равенства и смещения.
2. Советский строй — реставрация этактистских деспотий прошлого.
3. Индустриальные комплексы коммунизма выполняли те же религиозно-идеологические функции, что и гигантские сооружения древних бюрократических деспотий.
4. Истинным законодателем русского коммунизма был Платон с его идеей «государства-казармы».
5. Большевицкое государство — аналог Древней Спарты.
6. Большевицкая революция по объему человеческих и культурных потерь является аналогом грабительских завоеваний Батая и Аттилы.
7. Советская власть подобна священной власти фараонов Египта.
8. Русский коммунизм — аналог государственного социализма иезуитов в Парагвае.
9. Ленин любил пролетариат деспотической и жестокой любовью, как некогда любил и спасал человечество — Торквемада.
10. Большевицзм — культурно-морфологический аналог европейской Реформации.
11. «Беснования» большевицкой эры — не специфически-российское явление, а отечественный аналог всех «городских революций» прошлого.
12. Большевики — последователи Руссо.
13. Большевики — последователи Бабефа.
14. Большевики — наследники Французской революции.
15. Большевики — последователи якобинцев.
16. Робеспьер и Сен-Жюст — предшественники и учителя ЧК и Вышинского.
17. Большевицский террор — копия якобинского террора.

18. Ленин — похож на Робеспьера.
19. Опыт французского «термидора» и падения Робеспьера был учтен захватившим власть Лениным.
20. Гражданская война против большевиков — аналог антиякобинского восстания в Вандее.
21. Большевизм — продолжение мессианской европейской традиции.
22. Коммунизм двойствен: он одновременно воспроизводит архетипы хилиастического революционаризма и инквизиционного охранительства.
23. Марксизм — левацкий загиб латинского христианства.
24. Тоталитаризм сродни средневековой инквизиции.
25. Большевики ведут свою родословную через якобинство от инквизиции.
26. Предшественники большевистской «ереси утопизма» — сектанты-анабаптисты.

1. Русский коммунизм — очередное проявление старого как мир начала человеческой истории: восстания народных низов с целью установления механического равенства и смешения.

«Стихийный коммунизм низших классов общества есть одно из очень старых начал, периодически поднимающееся и делающее попытку опрокинуть начала индивидуалистические и иерархические. Коммунизм — стар, как мир, он был еще у колыбели человеческой цивилизации. Много раз в истории восставали народные низы, пытались снести все иерархические и качественные различия в обществе и установить механическое равенство и смешение. Это смесительное уравнение и упрощение общества всегда было в несоответствии с прогрессивными историческими задачами, с уровнем культуры» (Н. А. Бердяев. **Класс и человек** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 56—57; первая публикация: Народоправство. 8 янв. 1918 г. № 20) (Бердяев, 1918).

2. Советский строй — реставрация этатистских деспотий прошлого.

«То, что у нас введено... представляет буквальное повторение хозяйственной системы древней Ассирии-Вавилонии, древнего Египта, древней Спарты, Римской Империи периода упадка (III—IV вв. по Р. Х.), государства Инков, Перу, иезуитов, системы, имевшей место в истории Древнего Китая, например, при Ван-ан-Ши и др., древней Япо-

нии, системы близкой к состоянию ряда государств Ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т. д.» (П. Сорокин. *Современное состояние России*. Прага, 1923. С. 26) (Сорокин, 1923).

«Реанимируются полузабытые архетипы сознания, историческая память, закодированная в социальном гено tipe, вдруг прорывается сквозь все aberrации современности, и... III династия Ура, пройдя сквозь цикл отрицания отрицания, как Феникс из пепла, возрождается вновь в виде сталинской деспотии, шумерские “гуруши” узнают себя в ГУЛАГовских зэках, древнеегипетские “царские земледельцы” оживают в советских колхозниках, и даже грандиозные ирригационные работы “гидравлического общества” вполне отчетливо узнаются в титанической деятельности Минводхоза. Пирамиды и храмы Египта, зиккураты Двуречья, циклопические строения инков, расплываясь и дрожа в историческом мареве, вдруг вновь возникают, овеществленные в виде металлургических гигантов и циклопических плотин — столь же бесполезных, как и их древние аналоги, с той лишь разницей, что детища древней гигантомании не наносили вреда окружающей среде. Работники дотоварного типа, среагировавшие на вторжение товарно-денежных отношений в Россию установлением сталинской деспотии, естественно, и слыхом не слыхивали про какой-то там Шумер и его III династию. Они вполне искренне строили царство справедливости и всеобщего равенства. И в силу логики истории построили индустриализированную копию шумерийского монстра, ибо тот, кто в основу своего общества кладет редистрибуцию живого труда, с неизбежностью приходит к казарменному коммунизму...» (Е. Н. Стариков. *Общество-казарма от фараонов до наших дней* (1990). Новосибирск, 1996. С. 108) (Стариков, 1990).

3. Индустриальные комплексы коммунизма выполняли те же религиозно-идеологические функции, что и гигантские сооружения древних бюрократических деспотий.

«Индустриальные комплексы... выполняли те же самые религиозные функции, что и гигантские храмовые комплексы Древнего Египта, Шумера, Ангкорской и Инкской империй и прочих однотипных бюрократических деспотий. На дворе иное тысячелетие? — Так ведь и идолы иные, с поправкой на прогресс человеческого разума... Есть и еще одна общая черта: как при храмовых комплексах древности кормилась огромная жреческая рать, точно также множество дармоедов кормится при нашем индустриальном комплексе. Не знаю, как вы, а я лично не вижу особого функционального отличия верховного жреца бога Ра от главы Минчермета» (Е. Н. Стариков. *Общество-казарма от фараонов до наших дней* (1990). Новосибирск, 1996. С. 381) (Стариков, 1990).

4. Истинным законодателем русского коммунизма был Платон с его идеей «государства-казармы».

«Платон был истинным законодателем социализма и коммунизма, навеки декретировавшим его содержание... Платон, как и Ленин, враг демократии и всякой свободы; демократия может отменить социализм, если социализм вовремя не отменит демократию. Коммуна организуется и управляется сверху, олигархически, философами “компартии”, созерцающими истинные идеи. Коммуна охраняется “стражами”, которые должны быть злы, как сторожевые псы — это Чека и в ней, по мысли Платона, участвуют и женщины. Коммунизм есть по существу своему военный коммунизм и строится как казарма. Современные столовки с оловянными чашками имели своим прообразом спартанские сиситии, увлекавшие Платона... Платон признавал только коммунистическое воспитание (комсомол), только коммунистическую поэзию и только коммунистическую музыку... Платон уничтожал брак и семью, что остается постоянным идеалом для русского коммунизма, тщетно бьющегося над решением этой проблемы. Платон знал, что коммунизм можно осуществить только насильственно, революционно, посредством преступления» (Б. Вышеславцев. Парадоксы коммунизма // Путь. Париж, 1926. № 3. С. 111) (Вышеславцев, 1926).

5. Большевицкое государство — аналог Древней Спарты.

«Так как в основу большевизма положен милитаризм, проведенный во все стороны жизни на началах уравнительности, то в этом отношении большевизм имеет много общего, сходственного, даже совершенно идентичного с древней Спартой. Спарта, как известно, была создана спартиатами, господствующим сословием, которое силой оружия покорило аборигенов края... Спартиаты были хорошо организованы, активны, неумолимы в своем гражданском поведении и держали себя в государстве как в крепости. Русские коммунисты также организованы и хотя не во всех ролях одинаково активны, но по неумолимости далеко превзошли спартиатов. Как и эти последние, они держат себя в государстве, точно в крепости, обставляя себя войсками, гарнизонами, контрразведками, и даже в действительности занимая в Москве древнюю ее крепость — Кремль и в других городах находящие убежища... Спартиаты делились на две группы — высшую, состоявшую из меньшинства, и низшую, обнимающую подавляющее большинство. Большевики-коммунисты также распались на две части — высшую, или “аристократию”, меньшую, и “плебс”, большинство. У спартиатов была “апелла” или общее со-

*брание всех полноправных граждан, т. е. спартиатов. У большевиков есть общие собрания всех полноправных товарищей, т. е. коммунистов. У спартиатов было два царя. У большевиков нет царей, но есть Ленин и Троцкий. У спартиатов было пять эфоров, выборных правителей, сначала заменявших царей, а потом бесконтрольных властителей, прибавших к рукам и царей. У русских коммунистов существует “политическое бюро” из нескольких лиц, держащих в своей власти всю политику республики и ее учреждений» (Ф. А. Шербина. **Законы эволюции и русский большевизм.** Белград, 1921. С. 163—165) (Шербина, 1921).*

*«В тех бездарных учебниках истории, которые мы зубрили в бездарных наших школах, говорились всякие хорошие слова о Спарте и о спартанских добродетелях... Спарта, по-видимому, была первым опытом тоталитарного режима в Европе. Спартянцы поработили туземное население, но иго рабства пришлось возложить и на себя. Там было пайковое довольствие и стандартизированная одежда. Там была и общность жен и истребление младенцев. Там было свое зародышевое Гестапо и “высшая раса”, культивировавшая всякие воинские добродетели. Для общезллинской культуры Спарта не дала ничего... Спартянцы организовали рабство — и должны были организовать “дисциплину”, которая почти ничем не отличается от рабства. Коммунисты, фашисты и нацисты организовали приблизительно такое же рабство и были вынуждены организовать дисциплину рабства для самих себя: иначе поддержка социалистического строя была бы технически невозможной» (И. Л. Солоневич. **Диктатура слоя** (1946) // И. Л. Солоневич. Полн. собр. соч. Буэнос-Айрес, 1956. Т. 2. С. 14) (Солоневич, 1946).*

*...Спартянское общество почти во всех основных (и не основных) моментах совпадает с лагерной структурой нашей современной ИТК <исправительно-трудовой колонии. — Сост.>. Посудите сами: высшему сословию — спартиатам в лагерной социальной структуре соответствует сословие “воров в законе” (аналогия, обидная для спартиатов, но абсолютно оправданная с функциональной точки зрения), сословию перизков — лагерные “мужики”, илотам — “обиженные”, “опущенные”, “чушки” И там, и здесь — тотальная редистрибуция, спартянским сисситиям соответствует лагерный “общий котел”, “общак” Спартянским криптиям — лагерные “замесы”, обряду инициации (сечение мальчиков на алтаре Артемиды) — “прописка” И там, и здесь широкое распространение гомосексуализма. Аналогии можно продолжать» (Е. Н. Стариков. **Общество-казарма от фараонов до наших дней** (1990). Новосибирск, 1996. С. 90) (Стариков, 1990).*

6. Большевицкая революция по объему человеческих и культурных потерь является аналогом грабительских завоеваний Батыя и Аттилы.

«Регрессивные отклонения человеческой жизни всегда сопровождались войнами в острых своих проявлениях. В особенно крупном масштабе они обнаруживались при столкновении целых рас и народов, как это было, например, при нашествии диких орд Батыя и Аттилы... В этом отношении большевицкое предприятие ничем — ни огромным количеством человеческих жертв, ни колоссальностью разрушений культуры, не разнится от деяний Батыя и Аттилы, если только свирепостью большевики не превосходили этих бичей человечества... Это типичная, в самых грубых очертаниях, форма грабительских завоеваний» (Ф. А. Щербина. Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921. С. 21—22) (Щербина, 1921).

7. Советская власть подобна священной власти фараонов Египта.

«Если вы думаете, что только свобода и капитализм могут творить чудеса, чем объясняется изумительное творчество Египта?. Египтяне верили, что их фараоны — сыны Бога; что их воля священна; и что строя для них пирамиды-гробницы и исполняя их волю, они служат Божеству. Значит, когда в душах народа есть вера во что-то священное, даже при рабском труде он может создавать грандиозные творения. Думаю, что в какой-то мере, нечто подобное происходит и в России. Русский народ строит свои пирамиды. Советская власть — не чужая народу, и не одним насильем она правит страной. Сам русский народ в своем безумном порыве к новой жизни поставил ее над собою. Она увлекла его мечтою о мире, хлебе и свободе, и он поверил ей» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Два кризиса // Новый град. 1932. № 2. С. 36—37) (Бунаков-Фондаминский, 1932).

8. Русский коммунизм — аналог государственного социализма иезуитов в Парагвае.

«В первый раз, если не считать так называемое государство иезуитов в Парагвае, были в широчайших пределах и длительно осуществляемы социалистические начала» (П. Б. Струве. Итоги и существо коммунистического хозяйства (1921) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 302) (Струве, 1921).

«Этот типично опекунский квази-социализм более похож на старинный “коммунизм” отцов-иезуитов в Парагвае, чем на рабочий, массовый, насквозь демократический социализм нового времени»

(В. Чернов. **Конструктивный социализм**. Прага, 1925. С. 363) (Чернов, 1925).

«...Создание отцов-иезуитов — это искусственная конструкция-химера, построенная на основе определенной идеологии группой социальных менеджеров из сырого человеческого материала. Здесь явно видна колоссальная роль идеологии, первичность идеи теократического государства, строительство которого идет по определенному плану... С современностью иезуитский эксперимент роднит и наличие готовой элиты, дисциплинированной, фанатичной, усвоившей новейшие по своему времени достижения цивилизации. Коротко говоря, это первая в истории успешная реализация антиутопии...» (Е. Н. Стариков. **Общество-казарма от фараонов до наших дней** (1990). Новосибирск, 1996. С. 109) (Стариков, 1990).

9. Ленин любил пролетариат деспотической и жестокой любовью, как некогда любил и спасал человечество — Торквемада.

«Он <Ленин> всю жизнь посвятил борьбе за рабочий класс. Любил ли он его? Очевидно, да — хотя струнка любви к конкретному, живому рабочему у него звучала слабее струнки ненависти к конкретному, живому эксплуататору. Пролетариат он любил той же самовластной, деспотически требовательной, жестокой любовью, как некогда любил и спасал человечество — Торквемада» (В. М. Чернов. **Ленин** // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 36) (Чернов, 1924).

10. Большевизм — культурно-морфологический аналог европейской Реформации.

«“Восстание масс” в России, принесшее успех большевикам, во многом (как понимали наиболее зоркие свидетели, от П. Струве до евразийцев) имело характер протеста против социальных и культурных форм, связанных с великими цивилизационными свершениями императорской эпохи. Поэтому мы вправе на правах гипотезы соотнести это «восстание масс» с той фазой, открываемой в истории разных цивилизаций, которую О. Шпенглер определял именно как «народный протест в религиозных рамках против великих форм ранней эпохи». И с такой трактовкой согласуется все, что за 80 лет написано насчет “религиозной” или “псевдорелигиозной”, “демонической” природы и стилистики большевизма. Типологическая специфика русского цивилизационного варианта в том, что эти “великие формы”, ставшие объектом протеста, неотъемлемы от той европейской фазы нашей истории, каковую фазу и тот же Шпенглер, и многие русские мыслители третируют на правах “культурной псевдоморфозы” Протест обрушился на элиту, которая утверждала великую псевдо-

морфозу всем стилем жизни, мысли и творчества, — но в то же время и сам этот протест вырабатывал свои идеи, опираясь на ту же псевдоморфозу, необъяснимый вне ее идеологического и стилевого опыта. И поэтому именно в типологической особенности своей русский вариант оказывается впечатляюще гомологичен европейскому. Ибо в Европе таковым восстанием цивилизационного раннего “лета”, по шпенглеровской номенклатуре была Реформация — протест против античной («языческой») псевдоморфозы Ренессанса, однако же протест, вышедший из опыта ренессансного гуманизма. Есть ли у гомологии большевизма и Реформации более глубокий социологический подтекст? Сам Шпенглер отразил в своих таблицах приуроченность этих больших религиозных и квазирелигиозных протестов, изменяющих облик цивилизации, к той ее ступени, когда в качестве культуры все большего, а наконец и подавляюще большого числа людей данной общности утверждается культура органично городская происхождением и характером, эталонным творцом и носителем которой выступает человек, все менее связанный с землей как средствами существования, так и образом жизни. Религиозные революции «раннего лета» во многих случаях оказываются духовным выражением “городских революций”, обоснованием “пути спасения” самоутверждающегося горожанина, с его отталкиванием от первоначального аграрно-сословного уклада цивилизации. Такова роль и Реформации в Европе, и большевизма в России. Что особенно делает сопоставимыми эти стадии в развертывании двух цивилизаций Северного полушария, поднявшихся в нашем тысячелетии, — стадии, хронологически разделенные четырьмя сотнями лет, так это упор на мирской аскезе, то есть постороннем практическом опыте, осмысленном как критерий и залог метаисторического спасения человека. По существу, вся классическая — “школьная” — советская литература являет собою ряд более или менее талантливых инсценировок Последнего Суда с разделением судимых на спасенных и отверженных, исходящим из смысла их мирской практики. Во многом именно художественная словесность преподнесла России большевизм как путь спасения, претворения человека, исполнившего сверхдолжную мирскую аскезу, в существо “живее всех живых”» (В. Л. Цымбурский. **Большевизм и цивилизация России.** Рукопись доклада. М., 1996. С. 2—4) (Цымбурский, 1996).

11. «Беснования» большевистской эры — не специфически-российское явление, а отечественный аналог всех «городских революций» прошлого.

«“Беснование” всей этой эры, еще далекой от завершения, было бы непродуктивно объяснять каким-то уникальным помрачением рус-

ской души или вековой цивилизационной червоточины России. Подобными «беснованиями» отмечены многие из известных за 5000 лет городских революций, универсальная формула которых — делегитимизация устоев аграрно-сословного строя и выработка новых критериев легитимности через переоценку ценностей в условиях «помутнения сердец» и разнудания силовой социальной механики. Так «бесновалась» Европа с 15 по 17 вв., откладывая конец света с года на год, в религиозных войнах, в «фаустианской» демономании, под скороспелыми тираниями Борджа, Медичи и Тюдоров. Так «бесновалась» Греция VII—VI вв. до н. э. в битвах становящегося демоса с земельной знатью, умножая т<ак> наз<ываемые> «старшие тирании» и трансформируя неистовства «городской революции» в очистительные экстазы религиозной революции дионисийства. Так «бесновался» Египет в интермедии между Древним и Средним Царством, когда рухнула «дхарма сословий», в стране хозяйничали десятки местных «баронов» и племб, надевая тонкие одежды правителей, вершил суд над вчерашней знатью, — пока фараоны Фив не утвердили новую легитимность, опираясь на города и реформированную в индивидуалистическом ключе религию Осириса, сделанного из покровителя фараонов универсальным богом-спасителем. Надо отвергнуть все мифы о русской цивилизации, продиктованные впечатлением от ее претерпеваний в последнее полустолетие. Такие претерпевания типичны для почти всякой «городской революции», да еще с осложнениями революции религиозной» (В. Л. Цымбурский. **Большевизм и цивилизация России**. Рукопись доклада. М., 1996. С. 6—7) (Цымбурский, 1996).

12. Большевики — последователи Руссо.

«Идею, что человека и общество нужно переиначить, якобинцы, а через них Маркс и Ленин, переняли у Руссо... При розыске родословной большевизма Руссо не обойти... Не только якобинцы, но и Маркс, и большевики, и нацисты, все вообще тоталитарные идеологии вышли из его учения о свободе и общей воле... Большевистская партия становится носителем «воли» диалектического процесса истории, во многом схожей с общей волей Руссо» (В. С. Варшавский. **Родословная большевизма**. Париж, 1982. С. 45, 57) (Варшавский, 1970-е).

13. Большевики — последователи Бабефа.

«Напомню еще одного учителя и Маркса, и Энгельса, и Ленина. Учитель — «Кай Гракх» Бабеф, глава Заговора равных... Прежде всего, заговор равных, в котором, забыв прежние раздоры, участвовали вче-

рашние якобинцы-террористы, последователи Марата и остатки эбертистов, был первым в истории опытом создания строго дисциплинированной, подпольной революционной партии. Для Ленина то был образец куда более поучительный, чем все рассуждения Ткачева... Бабеф учил, затем, что побежденный класс нужно уничтожить, так как он никогда не примирится со своим поражением. Ленин тоже был в этом убежден. Чрезвычайка, Красная армия и коммунистическая бюрократия были созданы во время гражданской войны главным образом именно для ликвидации враждебных классов... Осуществили большевики и другую идею Бабефа, а именно, что верховная администрация должна иметь власть приговаривать к каторжным работам всех виновных в антисоциальном поведении и всех тунеядцев... Собирались учредить бабувисты и свой Главлит: всякое сочинение печатается и распространяется, только если блюстители национальной воли решат, что его обнародование будет полезно республике. Была предусмотрена даже знаменитая ленинская кухарка: как только установится подлинное равенство, "множественность и противоречивость интересов окажутся уничтоженными, и искусство управлять общественными делами быстро стнет доступно каждому" Тут и кухарка, и зачаток идеи, что при коммунизме антагонистических противоречий больше не будет» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 73—78) (Варшавский, 1970-е).

14. Большевики — наследники Французской революции.

«Дух творческого радикализма и рассекающей жестокости был им <большевиком. — Сост.> исконно свойственен, скудный же дух реакции завладевал ими лишь постепенно. Утверждение наших либералов и социалистов, что дух большевизма с самого начала был духом реакции, социологически, конечно, не верно. Несомненно, большевики войдут в историю наследниками Великой французской революции, а не наследниками романтически-националистической реакции против нее, как властители фашистской Италии и национал-социалистической Германии. В том, что большевики во Второй мировой войне оказались на стороне западных демократий, есть безусловно своеобразная историческая логика» (Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 217) (Степун, 1943).

«Токвиль считал... что французская революция была по-своему вдохновлена своего рода религией, такой же универсальной, как христианство или ислам, и подобно исламу распространилась по всему миру проповедью своих апостолов и мучеников и мечом своих воинов... С еще большим основанием все это можно повторить о большевистской марксистской революции. Так же, как якобинская, она тоже

своего рода религия, да, в сущности, она та же самая революция-религия, новый ее передвинувшийся на восток эпицентр» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 86) (Варшавский, 1970-е).

15. Большевики — последователи якобинцев.

«Якобинцы хотели не только защитить революцию от врагов, но и уготовить путь для прихода обетованного “философами” царства счастья, свободы, мудрости и добродетели. Для этого надо переделать общество и перевоспитать человека, освободить его от власти оскверняющих предрассудков, эгоистических побуждений и дурных привычек, сделать из него нового, цельного, “добродетельного”, дисциплинированного человека, которого не будут больше раздирать ни внутренние противоречия, ни дух своеволия... Так же собирались изменить людское естество и Маркс, и Энгельс, и их наследники большевики. Они говорили об этом почти теми же словами, что якобинцы. Построить общество, где не будет больше классовых противоречий, ни эксплуатации человека человеком, свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех и место правительства над лицами заступит распоряжение вещами и руководство процессами производства. Воспитать нового коммунистического «тотального» человека. Принуждение и подавление тогда станут не нужны: совершать антисоциальные поступки будут разве что душевнобольные. Но прежде нужно “по-якобински” разделаться со всеми, кто мешает построить социализм: враждебными классами, контрреволюционерами, врагами народа, ренегатами... Комитет Общественного Спасения, особенно после декрета 14-го Фримэра 2-го года Республики, — прообраз ленинского ЦК. Владимир Ильич полностью воспринял якобинскую идею просвещенного авангарда... Сталин последовательно развил потом мысль Ленина: диктатура пролетариата есть, по существу, диктатура его авангарда, диктатура его партии... В своей ненависти к фракциям и ко всем другим партиям, в своих расправах с оппозицией, в своей одержимости идеей монолитного единства, большевики — подражатели якобинцев. Они затвердили уроки Сен-Жюста: “При режиме свободы, основанном на абсолютной истине и добродетели, партии и фракции — преступный анахронизм” Так думали и большевики... Еще одна черта сходства большевистской революции с якобинской: раскрещивание, гонения на церковь и духовенство. Так же, как большевики, санкюлоты-атеисты разрушили многие церкви, чтобы “надменные памятники суеверия” не возносились над жилищами народа» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 44—45, 56—61, 69) (Варшавский, 1970-е).

16. Робеспьер и Сен-Жюст — предшественники и учителя ЧК и Вышинского.

«Робеспьер и Сен-Жюст — предшественники и учителя Вышинского, он углубил их идею, что революционные трибуналы должны быть орудием расправы с классовыми врагами стала ЧК, которой было предоставлено право совершенно самостоятельно производить обыски, аресты и расстрелы» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 42) (Варшавский, 1970-е).

17. Большевистский террор — копия якобинского террора.

«В целом же правильно назвать и сравнивать периоды якобинский и ранне-большевистский. Они прежде всего и в самом существенном сходятся в том, что до них ход революции скорее расслабленный, шаткий, в океане цветистых фраз, — от них приобретает беспощадный энергичный характер (при такой же энергичной самоотдаче руководства). И в том, что для обоих развиваемый террор — фундамент для введомой борьбы. Впрочем, при этом сравнении не надо забывать, что шло активное копирование. Оно началось и в февральский период 1917, но там носило окраску романтического прихорашивания («взятие» крепости, марсельеза, комиссары во все места). А большевики практически, “хозяйственно” копировали якобинскую диктатуру во многих ее приемах... И обвиняемые сперва лишаются права иметь защитников, затем даже и права самим возражать на обвинения... Все это мы видим и в раннем развитии большевистского ГУЛАГа. Сама форма трибунала взята большевиками у якобинцев, но значительно развита (количество местных трибуналов, специализированные военные, железнодорожные, речные трибуналы и т. д.). У якобинцев перенято еще прежде того — обвинение целых сословных групп... Врагами обвиняются чохом за одну лишь принадлежность к “враждебным классам” или просто как “вызывающие подозрения”, — и за все то могут быть арестованы на неопределенное время, содержимы заложниками, а то и расстреляны. Само это выражение — “наблюдать за подозрительными”, так знакомое нам при большевиках, содержится, например, в инструкции комиссарам на места (9 нивоза II года, 29 декабря 1793). А от кого об этих подозрительных узнавать? От местных “народных обществ” (предшественники коммунистических комбедов; и те и другие, отслужив кровавую службу, затем распущены). И в трибунальских обвинениях та же непомерность, фантастичность, смешение несмешаемого... Сколько придуманных “заговоров” там и здесь! Размах террора и бездушье его (чтобы не сказать «дух») — определяющие сходство обеих диктатур... И тут и там — возникновение массы добровольных доносчиков и немало числа палачей — буквальных и опосредованных.

*И тут и там — доносы как доказательство гражданственности... Разумеется, не обошлось и без того сходства, что трибунальские комиссии 1793—94, как и ЧК 1918—21, охотно берут взятки, за деньги и драгоценности освобождают обреченных — естественный ход для корыстных низких убийц. Практически — грабят и те и другие. И такое сходство существенно: именно при якобинцах и большевиках (гениально замыслено или стихийно найдено) строится кровавая круговая порука всех замаранных в революции: соучастники доносов, расправ, совместных убийств и грабежей...» (А. И. Солженицын. **Черты двух революций** // Вестник Российского Христианского Движения. Париж, 1988. № 153. С. 162—164) (Солженицын, 1988).*

*«Немалочисленные сходства, упомянутые здесь, тем более поучительны, что две сопоставляемые революции принадлежат к разным, не вовсе аналогичным стадиям человеческой истории. Однако саморазумейная одноприродность революций в том, что при всей конкретной непредсказуемости их ходов общее положение страны и народа длительно идет к худшему и худшему. Революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа. Это размах (крушение) от больших высоких надежд и ограниченности первичных задач — до полного разорения страны, всеобщего голода, обесценения денег, упадка производства, народной усталости, тошнотного равнодушия, и хуже — к озверению нравов, к атмосфере всеобщей ненависти, разнужданию зависти, жадности к захвату чужих имуществ (у большевиков открыто сформулировано: «Грабь награбленное!»), прорыву самых первобытных инстинктов, к разложению национального характера и порче языка. К распаду семьи (легкости одностороннего развода), неуважению к старшим, неуважению и к смерти и к похоронам. Это размах от лозунгов самой неограниченной свободы — уж не скажем к гильотине и подвалам ЧК, но к парламентским депутатам, высылаемым в железных клетках (Фруктидор), а затем к государству куда более централизованному, чем предреволюционное, — и даже в короткий срок. И еще непременно: всякая революция насыщена сгущенным числом отвратительных фигур, она как бы взмучивает их с морального дна, притягивает из разрозненности и небытия, а некоторых даже и обожествляет — после смерти (как Марат, Ленин), а то и при жизни (Робеспьер, Сталин). Открывает революция черные пропасти и в таких людях, которые без нее прожили бы вполне благопристойно. Приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими. И которые донныне услеживаются лишь немногими» (А. И. Солженицын. **Черты двух революций** // Вестник Российского Христианского Движения. Париж, 1988. № 153. С. 169—170) (Солженицын, 1988).*

18. Ленин — похож на Робеспьера.

«Бывают и личные сходства. Полубесплотная неполнокровность Робеспьера напоминает такую же нежить Ленина (Но очень живо оба прячутся от опасности — Робеспьер в июле 1791, после расстрела на Марсовом поле, Ленин — в июле 1917, после своего неудавшегося мятежа). Впрочем, Робеспьер действовал как бы под гипнозом уверенности в своей правоте, у Ленина всего лишь — верная сметка политических обстоятельств и одержимость захватным действием» (А. И. Солженицын. **Черты двух революций** // Вестник Российского Христианского Движения. Париж, 1988. № 153. С. 165) (Солженицын, 1988).

19. Опыт французского «термидора» и падения Робеспьера был учтен захватившим власть Лениным.

«А весь-то слом произошел лишь от того, что Робеспьер не запасся достаточной военной силой в четком подчинении, его Комитет Общественной Безопасности, полиция, далеко не дотягивали до организации ЧК, и террор Робеспьера оказался на коротких ножках. В решающий момент Робеспьер всего лишь беспомощно шагал по скамьям Конвента, взывая о последней поддержке — от центра, от правых... Зверино-предусмотрительные Ленин и Сталин никогда бы не сорвались подобным образом. Конечно, Ленин и не потерял эмигрантского времени, оглядываясь на предыдущие революции, учитывая их опыт. Такого планомерного и прочного захвата власти (сентябрь 1917 — сентябрь 1918) французская революция не знала на всем своем протяжении, ни в одной из перипетий. Эта “обязательность” Термидора в схеме подражания французской революции сыграла дурную шутку с российскими социалистами (и со всей Россией...) Им “понятно” было, что крайне-левые (большевики) не могут закрепиться у власти, а такой попыткой только “откроют путь контрреволюции, — и все февраллисты все ополчались против “контрреволюции справа”, не мешая большевикам за их спиной захватывать власть. Большевики отлично в этом успели, взяли в железную хватку и бесповоротно, безо всякого “Термидора”» (А. И. Солженицын. **Черты двух революций** // Вестник Российского Христианского Движения. Париж, 1988. № 153. С. 166) (Солженицын, 1988).

20. Гражданская война против большевиков — аналог антиякобинского восстания в Вандее.

«Гражданская война в России — никак не аналог революционным войнам Франции, ибо она не состояла во внешней борьбе. Она есть аналог борьбе Вандеи и нормандских шуанов, это внутреннее сопротивление»

ние террору переворотчиков — и у нас более серьезное и длительное, чем возникло во Франции. (Но время начала обеих войн — тотчас за красным террором, и утверждение красной стороны на нем — совпадает в обеих странах.)» (А. И. Солженицын. Черты двух революций // Вестник Российского Христианского Движения. Париж, 1988. № 153. С. 162—164) (Солженицын, 1988).

21. Большевизм — продолжение мессианской европейской традиции.

«...Марксистско-ленинская революция была продолжением и углублением якобинской, а она, с ее мессианизмом, беспощадной моралью и обетованием преображения общества, была продолжением всей мессианской европейской революции, которая подымалась уже в Средние века в движениях эгалитарного хилиазма и бурлила в апокалиптических сектах, игравших такую важную роль в английской революции. Одержимые духом фанатизма, мести и подозрительности, эти секты и движения были террористическими по самой своей природе. Они верили, что для прихода Нового Иерусалима, нового братского справедливого царства, предварительно нужно разрушить существующее демоническое общество и перебить всех его нечестных слуг, все его правящие классы» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 87—88) (Варшавский, 1970-е).

«Сходство между героями “Чевенгура” и средневековыми хилиастами полное, вплоть до лозунга “грабь награбленное”. Лозунг этот был придуман задолго до большевиков. В XIV веке, в Кельне, проповедник мессианского братства Свободного Духа Иоанн Брюнский учит: все, что господа и богатеи считают своим, они добыли разбоем, бедняки имеют поэтому право их грабить, вообще имеют право брать у всех все, что им понравится, и не платить в харчевнях. Убежденно грабят буржуев и чевенгурские коммунисты... И так же, как для средневековых апокалиптиков евреи, басурмане, феодальные владыки, епископы, купцы и ростовщики были не люди, а демонические слуги Антихриста, плевелы, которые нужно собрать и сжечь, так и для чевенгурских коммунистов буржуи и полубуржуи — не люди... Это самая страшная черта сходства между Чевенгуром и средневековым хилиазмом: людей, объявленных не людьми, — уничтожить...» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 139) (Варшавский, 1970-е).

22. Коммунизм двойствен: он одновременно воспроизводит архетипы хилиастического революционаризма и инквизиционного охранительства.

«Через якобинцев марксизм-ленинизм наследовал... традицию инквизиционную: грешников нужно привести к спасающей абсолютной Ис-

тине насильно, а злых еретиков, которые своим инакомыслием мешают Истине занять ее место, тех уничтожить. И вместе с тем и якобинство, и марксизм-ленинизм были метаморфозами как раз тех мессианских эгалитарных движений средневекового хилиазма, с которыми боролась инквизиция. Как это может быть? Как якобинство, марксизм и большевизм могут быть одновременно метаморфозами двух противоположных друг другу тенденций: революционной и охранной? Могут. При всей их противоположности, две эти тенденции растут из одинакового сознания, что Истину можно утвердить и охранить только насилем и террором. Правда, одни хотят насилем и террором построить “новый мир”, другие охранить существующий порядок. Задачи прямо противоположные, да средства те же и такая же одержимость антихристианским духом нетерпимости, непощения и ненависти. К тому же революционеры, только свергнут короля или тирана, глядь, уже сами оборачиваются охранителями своей новой власти и устраивают свою собственную инквизицию... Современный коммунизм — двуликий Янус... Под наукообразной облицовкой структура марксизма воспроизводит архетип средневекового революционного хилиазма. Но это там, где коммунисты еще не захватили власть. В странах же, где они правят, проявляется другая, прямо противоположная сторона марксизма: на язык современных понятий переводится не идеология средневековых коммунистических движений, а феодальная реакция на эти движения... Чевенгурцы правильно это почувствовали: с победой коммунизма история кончилась, время остановилось. Но на страны, где коммунисты еще не захватили власть, марксизм продолжает надвигаться в своей революционной форме, как расплавленная лава, как новая мессианская религия, как социальный миф небывалой еще взрывчатой силы» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 126—127, 146—147, 153) (Варшавский, 1970-е).

23. Марксизм — левацкий загиб латинского христианства.

Варшавский развивает: «Так же, как средневековый анархо-хилиазм, и так же, как идеология Французской революции, марксизм есть христианская ересь, левацкий загиб латинского христианства... Обетование мессианского царства справедливости, равенства и братской любви стало закваской всей иудео-христической цивилизации. На этой закваске поднялся и марксизм. Вернее, марксизм воспользовался тем, что обетование это так долго не исполнялось» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 154) (Варшавский, 1970-е).

24. Тоталитаризм сродни средневековой инквизиции.

«Учредители исторической инквизиции, папы Иннокентий III и Григорий IX, тоже берут меч кесаря из жалости к людям, чтобы хоть сколько-нибудь сносно их устроить, чтобы спасти их от гибели... Увы, не спасение душ еретиков стало главной заботой инквизиции... Возникнув в XIII веке, она подстерегала с тех пор европейскую цивилизацию на каждом крутом повороте, принимая, как Протей, все новые обличья. Так, часто кажется, что кошмарный Конрад из Марбурга, отбрасывая огромную зловещую тень, все едет на своем низкорослом муле по окровавленным отмелям истории, только теперь на нем не ряса доминиканского монаха, а мундир гестаповца или кагебешника... Что верно, то верно. По сравнению с гиммлерами и ежовыми даже Торквемада может показаться душкой. Но повторяю, тот, кто помнит Нагорную проповедь, не может оправдать сожжения хотя бы одного человека... (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 106—108, 117) (Варшавский, 1970-е).

25. Большевики ведут свою родословную через якобинство от инквизиции.

«Мне приходилось уже писать о поразительном сходстве большевистского ревтрибунала с якобинским. А якобинский был упрощенным подобием инквизиционного и преследовал подозреваемых с таким же свирепством, как инквизиция подозреваемых в религиозной ереси... Так же как до них инквизиторы, а после них большевики, якобинцы объявили доносительство долгом и добродетелью. Для предания Революционному трибуналу было достаточно любого доноса... Большевики — те же якобинцы, якобинцы — те же инквизиторы. Тут прямая родословная линия: большевистский террор — ублюдок Святой Гильотины, которая сама была ублюдком Святой Инквизиции. Не следует поэтому удивляться необыкновенному сходству созданного по якобинскому образцу большевистского ревтрибунала с инквизиционным» (В. С. Варшавский. Родословная большевизма. Париж, 1982. С. 118—119) (Варшавский, 1970-е).

26. Предшественники большевистской «ереси утопизма» — сектанты-анабаптисты.

«Ересь утопизма можно, таким образом, ближайшим образом определить, как искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона... Самый яркий и в нашей связи поучительный образ этого умонастро-

*ения есть попытка анабаптистов в Мюнстере принудительно осуществить христианский идеал имущественной общности: закон предписывал, чтобы двери домов оставались открытыми днем и ночью; всякий мог брать повсюду, что он хотел; нарушители закона беспощадно карались смертной казнью. Это есть образец примитивного, мотивированного христианским идеалом совершенства, принудительного социализма, неизбежно поддерживаемого террором — кажется, исторически первый опыт большевизма» (С. Л. Франк. **Ересь утопизма** // С. Л. Франк. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 95—97; первая публикация: Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № 14) (Франк, 1946).*

XIV. БОЛЬШЕВИЗМ: МЕТАМОРФОЗЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

1. Русская революция имеет гораздо более глубокий религиозный смысл, чем великие революции прошлого.
2. Большевизм — не политика, а фанатическое вероучение.
3. Большевизм — «новый ислам», который большевики огнем и мечом хотят навязать миру.
4. Большевизм — проявление «красной хлыстовско-языческой стихии».
5. Большевизм — русское религиозное сектантство.
6. Большевизм — революционный аффект отрицания настоящего.
7. Большевизм — новое средневековье.
8. Революция — переход от старой теократии к новой сатанократии.
9. Сила большевизма — в сатанинской перелицовке религиозной веры.
10. Социализм — смешение духа Христова с духом антихристовым.
11. Большевизм пленяет русскую душу не дьяволом, а антихристом.
12. Большевизм — бесноватость, проявление одержимости России дьяволом.
13. Русская революция — восстание человеческого произвола против онтологизма.
14. Большевизм — итог замены религиозного чувства вины социальным чувством обиды.
15. Большевизм — бесплотная бесовщина, способная воплотиться в любой цивилизации.
16. Русский коммунизм — завершение давно идущего в России процесса секуляризации — слома сотериологического идеала жизни в пользу эвдемонического. •
17. Большевизм основывался на наивной вере в «русский авось».

18. Большевики сумели победить русскую религиозность только в той мере, в какой они сумели произвести «красную имитацию церкви».
19. Коммунизм — атеистическая религия Коммунистического Коллектива.
20. Метод познания большевизма — демонология Достоевского.
21. Большевизм — результат упадка русской Церкви.

1. Русская революция имеет гораздо более глубокий религиозный смысл, чем великие революции прошлого.

«Он <Достоевский. — Сост.> понял, что революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных революций. Русская революция — феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге. И это нужно понимать в более глубоком смысле, чем понимается антирелигиозный характер революции французской или религиозный характер революции английской» (Н. А. Бердяев. *Духи русской революции // Вехи. Из глубины*, М., 1992. С. 261; первая публикация: *Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918*) (Бердяев, 1918).

«Достоевский раскрыл, что природа русского человека является благоприятной почвой для антихристовых соблазнов... Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обличем добра и человеколюбия. И он же понял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптичности своей природы» (Н. А. Бердяев. *Духи русской революции // Вехи. Из глубины*, М., 1992. С. 265, 268; первая публикация: *Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918*) (Бердяев, 1918).

«Но я думаю, что сами большевики, как это часто бывает, не знают о себе последней правды, не ведают, какого они духа. Узнать же о них последнюю правду, узнать, какого они духа, могут лишь люди религиозного сознания, обладающие религиозным критерием различения. И вот, я решаюсь сказать, что русский большевизм — явление религиозного порядка, в нем действуют некие последние религиозные энергии, если под религиозной энергией понимать не только то, что обращено к Богу. Религиозная подмена, обратная религия, лжерелигия — тоже ведь явление религиозного порядка, в этом есть своя абсолютность, своя конечность, своя всецелость, своя ложная, при-

зрачная полнота» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 29; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (*Бердяев, 1917*).

2. Большевизм — не политика, а фанатическое вероучение.

«Большевизм не есть политика, не есть просто социальная борьба, не есть частная, дифференцированная сфера человеческой деятельности. Большевизм есть состояние духа и явление духа, цельное мироощущение и мирозерцание. Большевизм претендует захватить всего человека, все его силы, он хочет ответить на все запросы человека, на все муки человеческие. Большевизм хочет быть не кое-чем, не частью, не отдельной областью жизни, не социальной политикой, а всем, всей полнотой. Как вероучение фанатическое, он не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем. Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 29—30; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (*Бердяев, 1917*).

3. Большевизм — «новый ислам», который большевики огнем и мечом хотят навязать миру.

«Революционная социал-демократия подверглась процессу выцветания, обуржуазивания, дифференциации, она постепенно превратилась в практическую социальную политику эволюционно-реформаторского типа... Лишь в сознании русских большевиков революционный социализм остается религией, которую они огнем и мечом хотят навязать миру. Это что-то вроде нового ислама, в котором хотят заслужить себе рай избиением неверных. Большевики, как и все религиозные фанатики, делят весь мир и все человечество на два царства — царство Божье, царство социалистического пролетариата, и царство дьявола, царство буржуазное. Я все время буду говорить лишь об искренних, верующих большевиках, ибо в этой среде есть и много темных элементов, провокаторов, шпионов, подкупленных, и нравственных идиотов» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 30—31; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (*Бердяев, 1917*).

4. Большевизм — проявление «красной хлыстовско-языческой стихии».

«Одержимость большевизмом есть новая форма исконного русского хлыстовства. Это хлыстовство может быть и черным, и красным, хлыстовским героем одинаково может быть и Григорий Распутин, и Ленин. И все это будет явлением пассивности, а не активности русской души, ее дурной и болезненной, истерической женственности. Большевики, конечно, находятся в обладании какого-то неведомого им духа, они насквозь пассивны и вводят лишь в заблуждение своей кричащей революционной внешностью. Мужественный, активный дух никогда не будет в обладании таких стихий» (Н. А. Бердяев. **Религиозные основы большевизма. Из религиозной психологии русского народа** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 35; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (Бердяев, 1917).

«В Григории Распутине нашла себе выражение черная хлыстовская стихия. В г. Ленине и кружащихся вокруг него ярко выражена красная хлыстовская стихия» (Н. А. Бердяев. **Интернационал и единство человечества** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 126; первая публикация: Русская свобода. 22 апр. 1917 г.) (Бердяев, 1917).

«Русская стихия живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, она несовместима с личным достоинством и личной ответственностью. Эта бесовская стихия одинаково может из недр своих выдвинуть не лица, а личины Распутина и Ленина. Русская “большевицкая революция” есть грозное всемирно-реакционное явление, столь же реакционное по своему духу, как “распутинство”, как черносотенное хлыстовство» (Н. А. Бердяев. **Гибель русских иллюзий** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 121—122; первая публикация: Русская мысль. Январь—февраль 1918 г.) (Бердяев, 1918).

5. Большевизм — русское религиозное сектантство.

«...Нынешние большевики — тоже русские сектанты, находящиеся лишь в пафосе воинствующего практицизма, а мистика и практика являются — в русском историческом типе — стихиями, переливающимися и обуславливающими друг друга... Открыв для русского народа, в процессе грандиозного переворота, величайший социально-практический плацдарм, большевики, тем самым, коснулись той сферы социальной психологии русского народа, которая непосредственно связывается с сферой фанатично-религиозной, и, может быть, потому так легко и не задумываясь подчинились русские массы стихий-

ной демагогии интернационал-большевизма, почуяв их религиозную природу, но не поняв их антирелигиозности, что она была брошена в обстановке величайшего социально-практического переустройства и возбуждения» (П. Сувчинский. *К познанию современности* (1925) // Евразийский временник. 1927. Кн. 5. С. 23) (Сувчинский, 1925).

«Через двести лет мученикам двуперстия откликаются мученики социализма. Это дает право понять природу нового движения как христианской секты, сродной тем, что возникли на почве раскола, бегунам, беспоповцам, взыскующим града, с эсхатологической устремленностью, с жаждой огненной смерти. Движение, в идее утверждающее крайнее западничество, разоблачает себя как русская религиозная секта. Да, это уже не борьба за дело Петрово... Аввакум — против Петра, воскреснув, расшатывает его Империю. Каким тонким оказался покров европейской культуры на русском теле. Ведь это уже не вековая дворянская школа. Разночинство берет немецкое “последнее слово” на медный пятак. Его хватает ровно настолько, чтобы опустошить русские мозги, но оно бессильно перевоспитать “натуру”. Запад дает, как некогда “жидовство”, новые символы и догматы. Но идолам молятся как иконам, по-православному» (Г. П. Федотов. *Трагедия интеллигенции* // Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 91; первая публикация: Версты. Париж, 1926. № 2; под псевдонимом Е. Богданов) (Федотов, 1926).

6. Большевизм — революционный аффект отрицания настоящего.

«Русская интеллигенция XIX века была интеллигенцией раскольников, она жила в разрыве с настоящим, с императорской Россией, она обращалась то к идеальному прошлому, к идеализированной допетровской Руси, то к идеальному будущему, к идеализированному Западу. .. Все отрицали настоящее, как не осуществлявшее призвание русского народа, отрицали и славянофилы и западники. Но отрицание настоящего есть революционный аффект» (Н. А. Бердяев. *Русская религиозная психология и коммунистический атеизм*. Париж, 1931. С. 10) (Бердяев, 1931).

7. Большевизм — новое средневековье.

«По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную... Русский коммунизм с разворачивающейся при нем религиозной драмой принадлежит уже новому средневековью, а не старой новой истории. Вот почему о русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской револю-

ции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма. В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. Трагедия русского большевизма разыгрывается не в дневной атмосфере новой истории, а в ночной стихии нового средневековья» (Н. А. Бердяев. *Новое средневековье* (1923). М., 1990. С. 6, 12) (Бердяев, 1923).

8. Революция — переход от старой теократии к новой сатанократии.

«Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. В России и гуманизм переживался в предельных формах человекобожества, в духе Кирилова, П. Верховенского, И. Карамазова, а совсем не в духе западной гуманистической истории нового времени. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру» (Н. А. Бердяев. *Новое средневековье*. М., 1990. С. 12—13) (Бердяев, 1923).

9. Сила большевизма — в сатанинской перелицовке религиозной веры.

«...Сила большевистского коммунизма — в сатанинской перелицовке религиозной веры. Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была всего только революционная программа, а у большевиков — миф о революции; потому что забота о демократии была вся о предпоследнем, а тревога большевиков — о последнем, о самом главном, о самом большом. Пусть они только наплевали в лицо вечности, они все-таки с нею встретились, не прошли мимо со скептической миной высокообразованных людей. Эта, самими большевиками естественно отрицаемая, связь большевизма с верой и вечностью чувствуется во многих большевистских кощунствах и поношениях... Читая большевистские газеты, подчас просто ухом слышишь до чего иным коноводам комсомольского богохульства временами должно становиться страшно наедине с Богом... Мне лично религиозная встревоженность русской души представляется несомненной... Страшная жажда знания и учения, которая подымается сейчас в тысячах «русских мальчиков» тоже, конечно, больше, чем жажда профессиональных сведений; ее подлинная тема: — жажда мирозерцания, жажда «света жизни», жажда строительства своего счастья и мирского блаженства, жажда все переставить, поставить все на место, на настоящее место... И учитывая проис-

ходящее в России, нельзя забывать, что для мужика, попадающего от сохи в ВУЗ, физиология так же не наука, а вера, как для его прадеда в глухой деревне — автомобиль — не автомобиль, а нечистая сила» (Ф. Степун. Мысли о России // Современные записки. 1928. № 35. С. 395) (Степун, 1928).

10. Социализм — смешение духа Христова с духом антихристовым.

«Социальная корысть есть грех человеческий, но социальная корысть, возведенная в высшую святыню, есть уже дух антихристов. Все двоятся в социализме и в демократии, — правда перемешивается с ложью, свет с тьмой, Христово с антихристовым» (Н. А. Бердяев. О буржуазности и социализме // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 27; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 8) (Бердяев, 1917).

«Социализм — очень сложное явление, и идейно сложное, и жизненно сложное. И нельзя быть просто другом социализма или врагом его. Антихристов соблазн основан на том, что последнее зло является в обличье добра, что этого последнего зла нельзя различить по внешности, что злая сила действует во имя блага человечества, во имя высоких, справедливых, прекрасных целей, во имя равенства и братства, во имя всеобщего счастья и благополучия. На этом основана вся соблазнительная диалектика антихристового духа, раскрытая Достоевским» (Н. А. Бердяев. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 32; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (Бердяев, 1917).

«В социализме есть своя великая правда. Но этот праведный социализм исходит из свободы человеческого духа и не допускает порабощения человеческого духа хлебам и темным безднам, сулящим чудесное блаженство в земном царстве. Социализм же, мечтающий о создании всемирного царства механическими революционными чудесами, есть антихристов соблазн, он отрицает свободу духа и лишает человека его богосыновства» (Н. А. Бердяев. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 34; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (Бердяев, 1917).

11. Большевизм пленяет русскую душу не дьяволом, а антихристом.

«Сатанизм, диаволизм был всегда специальностью мира католического, романского; антихрист же есть специальность мира право-

славного, славянского, с его безбрежностью и безгранностью. Дьяволом не соблазнить русскую душу, антихристом же легко можно ее соблазнить... Русских пленяет зло, как добро, само же зло, не принявшее обличья добра, редко пленяет их» (Н. А. Бердяев. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 36; первая публикация: Русская свобода. 11 июля 1917 г. № 16—17) (Бердяев, 1917).

12. Большевизм — бесноватость, проявление одержимости России дьяволом.

«Что такое “бесноватость”? Для научного знания — душевная болезнь. Могут ли ею заболеть не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут. Для знания религиозного бесноватость — больше, чем душевная болезнь: это — реальная одержимость дьяволом, предельное воплощение, реализация Абсолютного Зла в человеческой личности не только в духе, но и в плоти. Человек становится воистину дьяволом. Могут ли быть бесноватыми не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут. Если богочеловечество — основной догмат христианства, то обратная сторона этого догмата — бесочеловечество. Можно отвергнуть все христианство вместе с его основным догматом; но, приняв одну половину его, надо принять и другую. Таков — ужасающий реализм моего утверждения: большевики — сыны дьявола... Большевизм, как душевная болезнь, не столько умственная, сколько нравственная — toral insanity, и есть такой именно абсолютный провал человеческой личности, ее исчезновение абсолютное. В этом смысле, истинных большевиков, “честных” и “святых”, к счастью, немного. Но это — самые страшные» (Д. С. Мережковский. Большевизм, Европа и Россия // Царство Антихриста. Мюнхен, 1921. С. 17—18) (Мережковский, 1921).

13. Русская революция — восстание человеческого произвола против онтологизма.

«Причин всех бедствий и всех грехов русской революции нужно искать глубже, чем их обычно ищут... Причины эти прежде всего в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течении многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы. Русская революция оказалась опытом последовательного применения к жизни русского нигилизма, атеизма и материализма, огромным экспериментом, основанном на отрицании всех абсолютных духовных начал в личной и обществен-

ной жизни. С философской точки зрения русская революция есть чистый, ничем не ограниченный и ничему не подчиненный психологизм, восстание произвола человеческих масс против всякого онтологизма» (Н. А. Бердяев. Кто виноват? // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 93—94; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

14. Большевизм — итог замены религиозного чувства вины социальным чувством обиды.

«Нравственному вырождению русской революционной интеллигенции и самой революции очень способствовало традиционное отождествление нравственного и доброго с “левым”, и безнравственного и злого с “правым”. Поэтому те, которые чувствовали себя “левыми”, признали для себя все дозволенным. Религиозное чувство вины было заменено социальным чувством обиды, и это придало человеческой душе неблагородный облик. Сознание обязанностей заменено бесконечными притязаниями и претензиями» (Н. А. Бердяев. Кто виноват? // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 97; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

15. Большевизм — бесплотная бесовщина, способная воплотиться в любой цивилизации.

«В эту эпоху Ленин и особенно Троцкий менее всего чувствовали себя русскими революционерами. Подобно Радекам и Раковским, это были бесплотные духи («бесы»), жаждавшие воплотиться в любой стране. Они могли бы спуститься в тело Австрии или Германии, если бы Россия не развалилась первой. Единственно русское в Ленине того времени, оборотная сторона патриотизма, — его особая ненависть к России, как злейшей из “империалистических” стран...» (Г. П. Федотов. И есть, и будет. Размышления о русской революции. Париж, 1932. С. 75) (Федотов, 1932).

16. Русский коммунизм — завершение давно идущего в России процесса секуляризации — слома сотериологического идеала жизни в пользу эвдемонического.

«Любая человеческая совокупность обязательно строится на определенном, как правило, не осознаваемом, единстве представлений о целях и средствах их достижения... Видимо, предельно обобщая, мы обнаружим, что целей таких две. Одна — максимальное благоденствие человека в дольнем мире. Назовем этот идеал эвдемоническим. Другая — открытие ему наилучших возможностей для пребывания в

мире горнем после смерти, для его спасения. Согласимся соответственно назвать этот идеал сотериологическим... Для русского средневековья доминирование в общественном сознании сотериологического идеала вряд ли требует особых доказательств. Общество русское было религиозным, хотя, возможно, не на всех своих уровнях и не во всем строго православным. Или даже шире — христианским... Однако к интересующему нас 1917 году многие формы сотериологического общества подверглись эрозии... Монархия перестала восприниматься как сотериологически существеннейший институт и почти повсеместно понималась как форма политического устройства. Церковь стала сферой общественной жизни, для некоторых ничего не значащей и даже ненавистной, для большинства — равнодушно приемлемой на уровне принесения присяги в суде... Изменение форм было, разумеется, лишь проявлением глубинных сдвигов в сфере общественного сознания, в котором потеря замещалась все более эвдемонией. Внешне это процесс воспринимался как вестернизация, онемечивание, утрата древнерусского или византийского духа. В сущности, 1917 год был только последним страшным сдвигом, окончательно разрушившим бессодержательные сотериологические формы. О бессодержательности их, разумеется, говорить можно лишь с долей условности. Немалая часть русского общества еще переживала спасение как свою безусловную жизненную цель; помимо этой части и многие иные русские, забыв о формообразующей причине или потеряв вкус к ней, любили самые формы отошедшего, утраченного идеала, а многим было просто уютно в этих привычных формах, ценившихся ими вполне эвдемонически. Все эти социальные группы исчезли, должны были исчезнуть в вихре революции, не ждавшей избавления, то есть — спасения, ни от Бога, ни от царя и энергично сравнивающей церкви с землей. Только принципиальная переориентация большинства, подавляющего большинства общества на эвдемонический идеал смогла привести к столь катастрофической ломке старого, сотериологического в своих формах порядка» (А. Зубов. Пути России // Континент. 1993. № 75. С. 125—126) (Зубов, 1993).

17. Большевизм основывался на наивной вере в «русский авось».

«Русский нигилистический коммунизм — этот “азиатский” социализм — и есть выражение этого отречения и универсального отрицания; все его положительное содержание и упование ограничивается русским “авось” — наивной верой, что “трудовой народ”, все разрушив, как-нибудь все самочинно наладит и с помощью сильного кулака принудит всех соучаствовать в неведомой, новой гармонии на опустошенной земле» (С. Л. Франк. Религиозно-исторический смысл

русской революции // Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 32; первая публикация: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924) (Франк, 1924).

18. Большевики сумели победить русскую религиозность только в той мере, в какой они сумели произвести «красную имитацию церкви».

«Попытка убить веру в церковь не удалась даже большевикам: поскольку же она удалась, она удалась в порядке красной имитации церкви» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 373) (Степун, 1926).

19. Коммунизм — атеистическая религия Коммунистического Коллектива.

«Безрелигиозных культур, в сущности, не существует, как это давно было замечено. Не существует культур, для которых “нет ничего святого”. Атеистическая цивилизация имеет свои ценности и святыни. Проповедники атеистической цивилизации на самом деле являются пророками новой религии: об этом свидетельствует “религия человечества” Фейербаха и Огюста Конта, учеником и последователем которых был Карл Маркс со своей религией Коммунистического Коллектива... Атеистическая религия коммунизма имеет своих пророков, отцов церкви, свои иконы, гробницы, мощи, священное писание, догмы, патристику, имеет свои ереси, свою ортодоксию, свой катехизис, свои преследования еретиков, свои покаяния и отречения, наконец, свою прекрасно организованную инквизицию. Эта религия имеет свой избранный народ (пролетариат) и свой мессианский идеал интернационального коммунизма... Если последовательный атеизм невозможен, то “религия атеизма” представляет еще большее противоречие. И однако это противоречие живет и действует. Это есть религия без благоговения, без чувства тайны, без трансцендентного, без иерархии ценностей, без “сердца”, без любви. Это есть религия ненависти: религиозный фанатизм свержения богов. Она насквозь противоречива: утверждая имморализм, она морализирует; утверждая “все позволено”, она прежде всего запрещает и подавляет. И здесь Достоевскому принадлежит последнее слово: эти “бунтовщики не могут вынести своей свободы и ищут пред кем преклониться”, и в этом идолопоклонстве перестают быть людьми и становятся пресмыкающимися» (Б. П. Вышеславцев. Философская нищета марксизма // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 77, 79; первая публикация: Франкфурт-на-Майне, 1952) (Вышеславцев, 1952).

20. Метод познания большевизма — демонология Достоевского.

«Не надо, впрочем, верить в бесов — достаточно только искать ключа к замкнутой двери — к тайне русской революции, чтобы увидеть в демонологии Достоевского сквозь художественную символику метод познания, дающий возможность заглянуть в неземную природу совершающегося в русской революции изначального и бесконечного Зла — того самого, что религиозный опыт христианства чувствует как одержимость человека дьяволом» (Д. Мережковский. Тайна русской революции. М., 1998. С. 49) (Мережковский, 1939).

21. Большевизм — результат упадка русской Церкви.

«Нет, истина вынуждает меня сказать, что состояние русской Церкви к началу XX века, вековое униженное положение ее священства, пригнетенность от государства и слитие с ним, утеря духовной независимости, а потому утеря авторитета в массе образованного класса, и в массе городских рабочих, и — самое страшное — поколебленность этого авторитета даже в массе крестьянства (сколько пословиц, высмеивающих священство, и как мало — в уважение к нему!), — это состояние русской Церкви явилось одной из главных причин необратимости революционных событий. Если бы русская православная Церковь была бы в начале XX века духовно самостоятельна, здорова и мощна, то она имела бы авторитет и силу остановить гражданскую войну, власть поднявшись над воюющими сторонами, и не дав себя причислить приложением к одной из них. И здесь нет никакой фантазии: в истинно-православном царстве не может разразиться такая истребительная война» (А. И. Солженицын. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви (1974) // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 187) (Солженицын, 1974).

«Семи десятилетиям неволи у безбожников предшествовало не лучшее для русской Церкви столетие. Весь XIX век, за малыми исключениями, длился процесс окаменения форм ее жизнедеятельности. Он сопровождался отпадением от веры и Церкви большей части образованного класса (по причинам также и своего развития). А с XIX на XX стала охладевать и отпадать уже и заметная часть простонародья — что и было одной из решающих подоснов революционного взрыва в 1917» (А. И. Солженицын. Россия в обвале. М., 1988. С. 180—181) (Солженицын, 1988).

XV. БОЛЬШЕВИЗМ — СПАСЕНИЕ РОССИИ

1. Большевики спасают Россию от анархии.
2. Жестокий большевистский эксперимент оживил русский народ, возбудив в народе активное отношение к жизни, способность сопротивляться политическому безумию и иностранному грабежу.
3. Или советская власть создаст новый порядок в России, или его не создаст никто.
4. Свержение большевиков может привести к новой разинщине небывалых масштабов.
5. Объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским.
6. Единственная альтернатива Советской власти — новая анархия, «Царь-Махно» и «Кронштадт».
7. Советская власть — единственно в России возможная; любая другая ни с чем не справится и «все перегрызутся».
8. При всех ошибках и произволе Советской власти, народ считает ее своей; все его свары с Советской властью — «семейное дело».
9. Россия, с точки зрения международного престижа, выиграла от большевистской революции.
10. Советская власть, в отличие от белых армий, обеспечила России международное уважение.
11. Русские «коммунисты-интернационалисты» делают патриотическое дело, защищая Россию, в то время как «белые патриоты» делают дело интернационалистов, призывая всех для свержения большевиков.
12. Советская власть сохранила Россию.
13. Партийная диктатура приостановила разрушительную лаву и вандализм русской революции.
14. Легитимность большевизма в том, что он закончил в России войну.

15. Большевизм — наименьшее зло, наилучшая власть из всех в России возможных.
16. Коммунистическая идеология — «полезная этикетка» для жестокой необходимости борьбы с анархией.
17. Ленин тираническим путем остановил хаотический распад России.
18. Коммунистические идеи и символика дисциплинировали революционную стихию, грозившую анархическим распадом России.
19. Внезапное падение Советской власти (бесчеловечной, но удерживающей Россию) грозит стране анархией.
20. Коммунизм — средство убеждения национальной России от завоевания иностранным капиталом.
21. Сталинизм — окаменевшая стихия.
22. Тоталитаризм в России — поглощение биосоциальным социализмом биосоциального индивидуализма.
23. Ослабление коммунизма в СССР поведет к распаду страны и ее колонизации Западом, Японией и Китаем.
24. Сталин и его соратники попытались построить «небоскреб коммунизма» из «обломков и мусора» русской истории.
25. Большевиков надо оценивать не по злу, ими причиненному, а по тому, что они «принесли благо сотням миллионов людей».
26. Сталинизм — на самом деле построенный «идеологический земной рай».
27. Сталинская репрессивная система сформировалась как самозащита нового общества от эпидемии преступности, порожденной массовой эмансипацией.
28. Сталинизм — репрессивный способ спасения страны и построения сверхдержавы.
29. Сталинизм спас страну от колонизации в 20—30-е гг.
30. Коммунизм — наименьшее зло для России: любой другой социальный строй здесь был бы еще хуже.
31. Партийный централизм порожден страхом открыть шлюзы народной стихии.
32. Большевизм — реализация «Белой мысли»: восстановление императорской России.
33. Большевизм — единственно возможный способ восстановления государства в России после дискредитации кадетами власти как таковой.

1. Большевики спасают Россию от анархии.

«Думаю, если бы Ленин и его группа не взяли власть в свои руки, крестьянская анархия разразилась бы в России с ужасающей силой»

(М. Горький. **Интеллигенция и революция** (1922) // Правда. 25.01.1991) (*Горький*, 1922).

2. **Жестокий большевистский эксперимент оживил русский народ, возбудив в народе активное отношение к жизни, способность сопротивляться политическому безумию и иностранному грабежу.**

«В этом взрыве всей низости и пошлости, накопленной нами под свинцовым колпаком отвратительнейшей из монархий, в этом извержении грязного вулкана погибает старый русский человек, самовлюбленный лентяй и мечтатель, и на место его должен придти смелый и здоровый работник, строитель новой жизни. Теперь русский человек не хорош, — не хорош больше, чем когда-либо... Но жизнь, суровая и безжалостная учительница наша, скоро захватит его цепью необходимостей, и они заставят его работать, заставят забыть в дружном труде все то мелочное, рабье и постыдное, что одолевает его сейчас» (М. Горький. **Без заглавия** // Новая жизнь. 13 января 1918. № 6. С. 167) (*Горький*, 1918).

«Но, если вам угодно, то и о большевиках можно сказать нечто доброе, — я скажу, что, не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически — большевики уже оказали русскому народу услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы. Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил, и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости» (М. Горький. **Несвоевременные мысли** // Новая жизнь. 26 мая 1918. № 100. С. 174—175) (*Горький*, 1918).

3. **Или советская власть создаст новый порядок в России, или его не создаст никто.**

«Или советская власть создаст новый порядок в России или его не создаст никто... Днем гибели России будет крушение советской власти, так как никакая власть не в состоянии заменить ее. Россия будет ввержена в анархию... Не читали ли вы в детстве сказку о том, как дикий вепрь превращается в человека? Эта сказка вспоминается мне при наблюдении со стороны на советскую власть. История знает такие политические превращения» (В. Львов. **Советская власть в борьбе за русскую государственность** (1921). Берлин, 1922. С. 5—6, 10) (*В. Львов*, 1921).

4. Свержение большевиков может привести к новой разинщине небывалых масштабов.

*«Судороги массового недовольства и ропота действительно пробегают по несчастной, истрадавшей родине. Мы недостаточно информированы, чтобы знать их истинные размеры, но согласимся предположить, что, усилившись, они могут превратиться в новый эпилептический припадок. Что, если это случится? Могу сказать одно: следовало бы решительно воздержаться от проявлений какой-либо радости на этот счет — “сломили-таки большевиков” Такой конец большевизма таил бы в себе огромную опасность, и весьма легкомысленны те, которые готовятся уже глотать каштаны, поджаренные мужицкою рукой: счастье этих оптимистов, если они не попадут из огня да в полымя... При нынешних условиях это будет означать, что на место суровой и мрачной, как дух Петербурга, красной власти придет безграничная анархия, новый пароксизм “русского бунта”, новая разиновщина, только никогда еще не бывалых масштабов. В песок распадется гранит невских берегов, «оттает» на этот раз уже до конца, до последних глубин своих, государство Российское...» (Н. В. Устрялов. *Patriotica* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 259—260; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Устрялов, 1921).*

5. Объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским.

*«Как это, быть может, ни парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским» (Н. Устрялов. *Интервью* // Вестник Маньчжурии. 1 февр. 1920 г. С. 5) (Устрялов, 1920).*

6. Единственная альтернатива Советской власти — новая анархия, «Царь-Махно» и «Кронштадт».

«И все же у, по-видимому, одетой таким образом в несокрушимую броню Советской власти есть ахиллесова пята... Эта ахиллесова пята — анархия. Это Кронштадт, это — царь Махно. Жаль одного: они не правее, а левее большевиков. Это сила не центробежная, не на воздух, к солнцу, а — глубже в землю. От этого распада, напрягая все усилия, спасает Россию Советская власть, и прав Уэллс, говоря, что уничтожить ее — значит перебить России позвоночный хребет... Махно был анархической отпрыжкой векового крестьянского гнета, был стихийным многоголовым царем-зверем, который один, безмянный и безликий, мог бы прийти на смену Советской власти, если бы она не вздернула, как медный всадник, Россию перед бездною на дыбы.

*Вся Россия была бы отброшена к доисторическому периоду, к безвластию, к грабежу кочующих шаек. И нельзя даже учесть, до чего бы дошла реакция... Нельзя представить себе, при самой горячечной фантазии, этих картин злобы и мести. Кроткими сестрами милосердия, сравнительно с такою действительностью, казались бы дамы, некогда раскрывшие свои кружевные зонтики в ранах поверженных коммунаров... Махно был родным братом кронштадским матросам. Вот еще одна, к великому счастью для России, подавленная анархическая попытка увлечь ее в бездну... Со стороны большевиков понятно, что делая свой порыв к власти, они оперлись на эту грозно разнуздавшуюся в революционном порыве, дошедшую до крайней жестокости и преступности силу, но и они терпели эту разнузданность лишь поневоле, лишь пока на первых порах были слабою властью... Однако как только волны улеглись, большевики не стали потакать ничьей разнузданности — на всех нашлась крепкая узда, и на анархические стремления, и на чисто уголовные убийства и налеты: известно, что охрана безопасности граждан от уголовных преступлений поставлена в Советской России на должную высоту. При Временном правительстве и в первые месяцы существования Советской власти налеты и грабежи были повсеместным бичом, теперь преступникам трудно, репрессии против них беспощадны. Естественно, что обуздание анархии не нравится разнузданным элементам. Не может матросам нравиться, что из красы и гордости революции они стали ее солдатами, подчиненными суровому порядку. Отсюда их восстание против большевиков в тот период, когда те вводят порядок, так же понятное, как их союз с большевиками в тот период, когда те, создавая революцию, создавали беспорядок» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 294—296; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

7. Советская власть — единственно в России возможная; любая другая ни с чем не справится и «все перегрызутся».

«В действительности же Советская власть при всех ее дефектах — максимум власти, могущей быть в России, переживающей кризис революции. Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся. Относительно того, что никто ни с чем не справится, дало предметный урок Временное правительство, составленное из самых популярных лидеров всех либеральных партий, из “лучших людей” интеллигенции. Относительно того, что все перегрызутся, дала предметный урок эмиграционная политическая свара. Одна Советская власть, против которой была всемирная коалиция, белые армии, занявшие три четверти русской территории,

внутренняя разруха, голод, холод и увлекавшая Россию в анархию сила центробежной инерции, сумела победить все эти исторически беспримерные затруднения» (А. В. Бобрищев-Пушкин. Новая вера // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М. 1992. С. 296; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).

8. При всех ошибках и произволе Советской власти, народ считает ее своей; все его свары с Советской властью — «семейное дело».

«Не краденным пользуется русский народ, а взятым. Взятым по праву — не по праву собственности, основанному на таких мутных источниках, а по праву вековых страданий, векового рабства и труда... Черный передел был неизбежен при захвате государственного аппарата. При ломке всех социальных отношений неизбежна была ломка всех прежних прав. Это не входило в задачи революции политической; мало того, если бы делавшие ее правящие классы сознали эту возможность, они бы очень предпочли царя. Но для социальной, экономической революции это было первою задачей. Теперь понятно, отчего, вопреки утверждениям эмигрировавших публицистов, народ, часто резко критикуя Советскую Власть, проявляя свое недовольство ею, все же смотрит на нее как на свою, родную и смел всех шедших на нее походом... Советская же власть для народа — своя, понятная, даже при ее ошибках, эксцессах, произволе, притеснениях. Пусть плохая, но своя. Народ здесь отличает самый институт Советской власти от дурных ее представителей. С нею есть у нее общий язык, если хотите, товарищество. Его недовольство, местные восстания, все его свары с Советской властью — семейное дело. Ведь в семье подчас летят друг другу в голову ухватыв и горшки. Но никого другого на смену Советской власти народ в Россию не пустит, и тщетно мечтают, внимая рассказам интеллигентных беженцев, парижские москвичи: “Нас призовут” Тех уступок, что они делают теперь, когда это им ничего не стоит, было бы довольно в свое время, чтобы отсрочить революцию. Что же они не делали их тогда, когда земли и фабрики им принадлежали — не перекрестились даже после грома, грянувшего в 1905 г.? Как легкомысленно отнеслись русские правящие классы к данной историей двенадцатилетней передышке. А теперь поздно — и народу в высшей степени все равно, чем они его там дарят в Париже. Он и не подозревает об этом, работая на своих фабриках, на своей земле. И, право, способ, которым он их получил, не хуже других исторических способов, которыми были составлены латифундии и миллионные состояния» (А. В. Бобрищев-Пушкин. Новая вера // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 322—323; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).

9. Россия, с точки зрения международного престижа, выиграла от большевистской революции.

«Революция против собственности — нечто неслыханное по дерзости. Что делать, она — факт. И Россия, обремененная стомиллиардным долгом союзникам, бывшая накануне совершенно невероятных комбинаций чужих и своих капиталистов, которые все запустили бы в ее тело свои когти после войны, после ее же победы, Россия, заведенная до Октябрьской революции в безысходный международный и внутренний тупик, от этой революции только выиграла. Ведь видят то, что есть — не видят того, что бы было. Теперь же тяжело, но выход есть, — Россия, о гибели которой кричат, уже стоит у заветных достижений своей исторической политики» (А. В. Бобрищев-Пушкин. **Новая вера** // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 324; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (*Бобрищев-Пушкин, 1921*).

10. Советская власть, в отличие от белых армий, обеспечила России международное уважение.

«Историческая тактика “коварного Альбиона” известна. Она дала ему могущество, и он от нее не отступит. Его надо брать таким, каков он есть. Таким образом, дело здесь не в английских, а в русских вождах. Неумение всех белых вождей, по всей занятой ими громадной территории, оградить русское достояние и, более того, русское достоинство, дает и на будущее, которое бы ожидало Россию в случае их власти, самый мрачный прогноз. Ведь тогда Россия стала бы еще более слабой, еще более нуждалась бы в иноземной «помощи». Сопоставьте с этим отношение к Англии Советской власти, как она ограждала честь и достоинство России, как привела Англию к достойному России тону. Она тоже заключила договор с Англией, но как равная с равной... Таким образом, именно Советская власть, как ни мешали ей, достигла для России реальных выгод и упрочила ее международное положение» (А. В. Бобрищев-Пушкин. **Новая вера** // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 327—328; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (*Бобрищев-Пушкин, 1921*).

11. Русские «коммунисты-интернационалисты» делают патриотическое дело, защищая Россию, в то время как «белые патриоты» делают дело интернационалистов, призывая всех для свержения большевиков.

«Противобольшевистское движение силою вещей слишком связало себя с иностранными элементами и поэтому невольно окружило боль-

*шевизм известным национальным ореолом, по-существу чуждым его природе. Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни, в то время как наш национализм, оставаясь непоколебленным в принципе, на практике потускнел и поблек, вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми "союзниками"» (Н. В. Устрялов. *Patriotica* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 258; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Устрялов, 1921).*

«Пусть конечные цели большевиков внутренне чужды идеям государственного и национального могущества. Но не в этом ли и заключается «божественная ирония» исторического разума, что силы, от века хотящие «зла», нередко вынуждаются объективно творить "добро"?» (Н. Устрялов. Национал-большевизм // Смена вех. 1921. № 3. С. 15) (Устрялов, 1921).

*«По какому парадоксу истории, в самом деле, интернационалисты делают дело патриотов, защищают Россию, а патриоты делают дело интернационалистов, желают, чтобы пришли англичане, поляки, японцы, как выражаются в современном культурном стиле, "черт, дьявол", лишь бы свергнуть ненавистных большевиков?.. Этого черта, к великому счастью России, не удастся вызвать, но вызвав, нельзя было бы уже заклясть... Интервенция дала уже, как мы видели, страшные плоды. Потом они были бы неисчислимо страшнее. Россия превратилась бы в колонию, в свалку плохо лежавших богатств, которых не в силах были бы защитить вернувшиеся чудом из-за границы в Россию обанкротившиеся правители» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 330; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

12. Советская власть сохранила Россию.

«С того момента как определилось, что Советская власть сохранила Россию, — Советская власть оправдана, как бы основательны ни были отдельные против нее обвинения. Я совершенно не понимаю, как, говоря о «рабстве» под нею русского народа, можно уверять, что он желает именно того "демократического" строя, который не смог продержаться на Руси и года, никакую народную поддержкою не пользовался. Очевидно, — здесь чаяния интеллигенции разошлись с народными чаяниями. И обратно, самый факт деятельности Советской власти доказывает ее народный характер, историческую уместность ее диктатуры и суровости. Но именно для того, чтобы

смягчить эту суровость, для действительной реальной борьбы с отрицательными сторонами Советской власти необходим честный русский всеобщий мир. Надо же прекратить положение, где гражданская война оправдывается террором, а террор гражданской войной; надо же, как говорят дети, чтобы тот, кто умнее, перестал первый» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 337; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

«Колоссальный рост государственного, национального, экономического и социального сознания народных масс в России за время революции — вот то неоспоримое бесконечно ценное, что уже дала нам Великая Русская Революция, построив в мучительном процессе своего творчества мощную социальную базу новой России... “Все это, может быть, и так, — возражат мне, — но не слишком ли дорогою ценою куплено будущее, к тому же еще проблематическое благо России?” Охотнее всего в ответ на подобное утверждение я бы указал, что история, к несчастью, не знает ни слишком дорогих, ни слишком дешевых цен; точно так же, как в отношении к ней бессодержателен вопрос: могло ли быть иначе? Что же касается Русской Революции, то она неизбежно должна была принять экстремистский характер, который, в свою очередь, с такою же необходимостью должен был найти свое возглавление в лице русского большевизма. Русская Революция не могла не сопровождаться огромными жертвами, как в людях, так и в культурных ценностях. Не будь социалистов-большевиков, русская революционная стихия вызвала бы к жизни нечто гораздо более страшное, страшное не убийством и грабежом, а страшное прежде всего тем, что грозило бы вырождением революции в анархию и бунт, с их неизбежным заключением — реставрацией-смертью» (С. С. Лукьянов. *Революция и власть // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 286; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Лукьянов, 1921).*

«Основной культурно-исторической задачей революции 1917 г. было создание условий для восстановления русского культурного единства. И эту задачу революция, по-видимому, осуществила полностью» (С. Лукьянов. *Революционное творчество культуры // Смена вех. Париж, 1921. № 2. С. 8) (Лукьянов, 1921).*

«Мы не боимся теперь сказать: “Идем в Каносу! Мы были неправы, мы ошиблись. Не побоимся же открыто за себя и за других признать это” Большевизм с его крайностями и ужасами — это болезнь, но вместе с тем это закономерное, хоть и неприятное, состояние нашей страны в процессе ее эволюции. И не только все прошлое России, но мы сами виноваты в том, что страна заболела. Болезни, может

быть, могло и не быть, но теперь спорить и вздыхать поздно, родина больна, болезнь идет своим порядком, и мы, русская интеллигенция, мозг страны, не имеем права стать в сторону и ждать, чем кончится кризис: выздоровлением или смертью. Наш долг — помочь лечить раны больной родины, любовно отнестись к ней, не считаться с ее приступами горячечного бреда. Ясно, что чем скорее интеллигенция возьмется за энергичную работу культурного и экономического восстановления России, тем скорее к больной вернуться все ее силы, исчезнет бред и тем легче завершится процесс обновления ее организма» (С. С. Чахотин. *В Каноссу* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 350; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (*Чахотин*, 1921).

13. Партийная диктатура приостановила разрушительную лаву и вандализм русской революции.

«И несомненно: разрушительная лава русской революции была приостановлена, ее иконоборческая ревность сильно ограничена наличностью партийной диктатуры. В этом мы убеждаемся из сличения хотя бы вандализмов русской революции с вандализмами французской. Итоги, далеко не в пользу Франции, особенно поражают на фоне низкого культурного уровня русских народных масс» (Г. П. Федотов. *И есть и будет (Размышления о русской революции)*. Париж, 1932. С. 87) (*Федотов*, 1932).

14. Легитимность большевизма в том, что он закончил в России войну.

«Большевизм кончает в России войну. Так огромная волна, вздыбившаяся на мировых просторах океана, приходит к берегу шумным всплеском бесчисленных отбросов, обломков, грязи, морской гнили и падали, поднятых со дна грязной бурей...» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). *Пять лет большевизма*. Берлин, 1922. С. 20) (*Португейс*, 1920).

15. Большевизм — наименьшее зло, наилучшая власть из всех в России возможных.

«Мы не утверждаем, что большевики — идеальная власть, даже — что они просто хорошая власть. Но мы допускаем, что они власть наилучшая из всех ныне в России возможных. До самого последнего времени русский народ их поддерживал. Это не значит, что он их нежно любит: он их поддерживал, как неизбежное и наименьшее зло... По существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и, при данных условиях, может

*быть, единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры. Они уничтожили “бар” и живших по-барски, носителей культуры. — Они ли? Не являются ли большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс? Большевики были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества; может быть, они скорее ослабили, чем усилили порыв стихии, обоснованием и оправданием ненависти ввели ее в некоторое русло... Ведь уже сама идея “революционной законности” не что иное, как самоограничение ненависти. Большевики лишь приклеивали коммунистические ярлычки к стихийному, увлекавшему их, говорившему и в них течению. Они лишь понятным темному народу языком идеологически обосновывали его дикую разрушительную волю» (Л. П. Карсавин. **Философия истории.** Берлин, 1921. С. 327) (Карсавин, 1921).*

16. Коммунистическая идеология — «полезная этикетка» для жестокой необходимости борьбы с анархией.

*«Возможно ли было в стране с бегущей по всем дорогам армией, с разрушающимся транспортом, в стране, раздираемой гражданской войною, спасти города от абсолютного голода иначе, как реквизируя и распределяя, грабя банки, магазины, рынки, прекращая свободную торговлю? Даже этими героическими средствами достигалось спасение от голодной смерти только части городского населения и вместе с ним правительственного аппарата: другая часть вымирала. И можно ли было заставить работать необходимый для всей этой политики аппарат — матросов, красноармейцев, юнцов-революционеров — иначе, как с помощью понятных и давно знакомых им по социалистической пропаганде лозунгов?.. Коммунистическая идеология оказалась полезною этикеткою для жестокой необходимости» (Л. П. Карсавин. **Философия истории.** Берлин, 1921. С. 328) (Карсавин, 1921).*

17. Ленин тираническим путем остановил хаотический распад России.

«В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаос»

тический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 95; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

18. Коммунистические идеи и символика дисциплинировали революционную стихию, грозившую анархическим распадом России.

«Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 109; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

«Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинировать, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным отношениям. И он демагогически воспользовался всем» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 114–115; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

19. Внезапное падение Советской власти (бесчеловечной, но удерживающей Россию) грозит стране анархией.

«Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила анархией» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 120; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

20. Коммунизм — средство уберечения национальной России от завоевания иностранным капиталом.

«Коммунизм» «...имеет несомненно и некоторое чисто национальное назначение, как известное средство самообороны в тех случаях, где недействительны все остальные средства. Иностраннный капитал рвется в Россию... Нужно ли подчеркивать, что выгодно для России — принудить отказ иностранцев от чрезмерных требований в отношении России... Коммунизм и является той программой и той жертвой, на которой объединяются трудящиеся всего мира, ... чтобы не допустить разгрома России...» (Ю. Ключников. Из переписки // Смена вех., 1921. № 5. С. 9) (Ключников, 1921).

«По существу дела, автаркизация евразийского мира была чисто инстинктивным движением самосохранения — самосохранения от напора западного капитализма, от его колонизационных притязаний и планов, направленных против России. Ленинизм и сталинизм бессознательно исполнили очень важную задачу — они спасли Россию от эксплуатации иностранным капиталом. Они в значительной степени предохранили нашу родину, предельно ослабленную войной и революцией, от участи стать полуколониальной страной» (Н. Н. Алексеев. Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1936. С. 94) (Алексеев, 1936).

21. Сталинизм — окаменевшая стихия.

«Строго говоря, сталинизм оказался окаменевшей формой этой стихии, где характерный для стихии произвол был возведен в ранг государственной политики» (В. К. Кантор. Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 28) (В. Кантор, 1994).

22. Тоталитаризм в России — поглощение биосоциальным социализмом биосоциального индивидуализма.

«На Западе естественный ход событий без резких революционных катаклизмов постепенно стал приводить к цивилизационно-социалистическому обузданию звериного биосоциального индивидуализма, в России же Октябрьская революция привела к возникновению в качестве средства его подавления (а заодно подавления и цивилизационной свободы личности — к различиям того и другого массы были мало чувствительны), к биосоциальному “социализму”, т. е. к поглощению индивида обществом, к подавлению общества и индивида государством» (К. М. Кантор. Выступление на клубе «Свободное слово» (24.12.1992) // Россия в мире XXI века. М., 1993. С. 31) (К. Кантор, 1992).

23. Ослабление коммунизма в СССР поведет к распаду страны и ее колонизации Западом, Японией и Китаем.

«Если бы не коммунизм, Россия была бы разгромлена в войне с Германией. И в современных условиях коммунизм является основным фактором выживания страны в случае мировых конфликтов. Чрезмерное ослабление коммунизма в Советском Союзе будет иметь неизбежным следствием распад страны и превращение ее частей в колонии стран Запада, а также Японии и Китая» (А. Зиновьев. Кризис коммунизма // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 368) (Зиновьев, 1990).

24. Сталин и его соратники попытались построить «небоскреб коммунизма» из «обломков и мусора» русской истории.

«Сталин и его соратники пытались строить небоскреб коммунизма из плохого строительного материала, из обломков и мусора, доставшихся от прошлой русской истории» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 45) (Зиновьев, 1995).

25. Большевиков надо оценивать не по злу, ими причиненному, а по тому, что они «принесли благо сотням миллионов людей».

«Удивляться надо не тому, что у них что-то не получилось и что они кому-то причинили зло, а тому, что у них многое получилось, несмотря ни на что, и что они принесли благо сотням миллионов людей» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 45) (Зиновьев, 1995).

26. Сталинизм — на самом деле построенный «идеологический земной рай».

«Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом великой революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 54) (Зиновьев, 1995).

27. Сталинская репрессивная система сформировалась как самозащита нового общества от эпидемии преступности, порожденной массовой эмансипацией.

«Коммунизм входил в жизнь как освобождение, но освобождение не только от пут старого строя, но и освобождение масс людей от эле-

ментарных сдерживающих факторов... Сталинская система массовых репрессий выростала как самозащитная мера нового общества от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 63) (Зиновьев, 1995).

28. Сталинизм — репрессивный способ спасения страны и построения сверхдержавы.

«Сталинцы репрессировали миллионы людей, но спасли страну и народ от гибели, создав предпосылки для превращения страны во вторую сверхдержаву планеты. Реформаторы после 1985 года не устраивали массовых репрессий и вообще репрессировали немногих, но угробили страну и обрекли на деградацию и вымирание русский народ... Революция 1917 года спасла Россию от гибели, продолжила историю ее как великой державы, сохранив и умножив лучшие ее достижения. Считать советский период русской истории черным провалом есть чудовищная ложь» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 64, 444) (Зиновьев, 1995).

29. Сталинизм спас страну от колонизации в 20—30-е гг.

«Россия складывалась и всю дореволюционную историю развивалась как зона западной колонизации... Россия возникла как отпрыск Запада, как и США. Только как противоположный полюс западнизации планеты... Россия задолго до революции 1917 стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял... Россия в поразительно короткие сроки стала современным индустриальным обществом. Не случись этого, ей пришлось бы удовлетвориться судьбой западной колонии уже в двадцатые и тридцатые годы» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 380, 308, 72) (Зиновьев, 1995).

30. Коммунизм — наименьшее зло для России: любой другой социальный строй здесь был бы еще хуже.

«Уничтожить недостатки коммунизма можно лишь вместе с его достоинствами. Поскольку я не мыслил никакой другой социальной строй для России, который был бы лучше существовавшего, я счел для себя бессмысленной всякую борьбу против него. Если уж реализация самых светлых идеалов дала такой результат, думал я, то любой другой социальный строй в России будет еще хуже этого» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 121) (Зиновьев, 1995).

31. Партийный централизм порожден страхом открыть шлюзы народной стихии.

«...Сталин единственный человек, который верит в мировую революцию. Мистика большевистской партии, традиции ленинского централизма, страх открыть кремлевским переворотом шлюзы народной стихии — заставляют разумных и железных людей из “старой гвардии” беспрекословно идти за маньяком, самым железным из всех» (Г. П. Федотов. Проблемы будущей России (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 228; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

32. Большевизм — реализация «Белой мысли»: восстановление императорской России.

Большевики:

*«1) восстанавливают военное могущество России;
2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;
3) готовят пришествие самодержца всероссийского <...>
— Это будет Ленин?.. или Троцкий?..
— Нет... ибо он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом... На этих господах висят несбрасываемые гири... их багаж, их вериги... — социализм... они не могут отказаться от социализма... они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Он должны нести этот мешок на спине до конца... и он их раздавит... Тогда придет Некто, кто возьмет от них их “декретность” Их решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость — проведение однажды решенного. “Это нужно — значит это возможно” — девиз Троцкого... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям» (В. В. Шульгин. 1920 (1922) // В. В. Шульгин. Дни. 1920. М., 1989. С. 517) (Шульгин, 1922).*

33. Большевизм — единственно возможный способ восстановления государства в России после дискредитации кадетами власти как таковой.

«Гучков и Милюков, добываясь своих целей, проявили крайнюю, в сущности смехотворную, недалекую видимость. Им казалось, что полностью дискредитировав верховную власть, они, наконец, займут ее место и станут более или менее “спокойно” управлять Россией, ведя

ее к победам и благоденствию. Между тем, предпринятая ими кампания привела к дискредитации власти вообще (и из их собственных рук власть выпала всего лишь через два месяца). Россия погрузилась в хаос полнейшего безвластия до тех пор, пока большевики посредством жесточайшей диктатуры не восстановили государство, — и это был, без сомнения, единственно возможный выход из создавшегося положения...» (В. Кожин. **Россия. Век XX-й. 1901—1939.** М., 1999. С. 102) (Кожин, 1999).

XVI. БОЛЬШЕВИЗМ — (САМО)УБИЙСТВО РОССИИ

1. Русская революция задумывалась, устраивалась и финансировалась Германией с целью разрушения России.
2. Большевизм (Октябрь) начался в Феврале как гибель государства.
3. Большевизм — не убийство, а самоубийство русского народа.
4. Социализм как воля к смерти и разрушению, уничтожает человеческую индивидуальность даже социалистических вождей.
5. Большевизм — существование на границе бытия и небытия.
6. Суть большевизма — провоцирование жизни к ухудшению («чем хуже — тем лучше») с целью ее последующего радикального изменения.
7. Большевизм победил не своей силой, а бессилием России.
8. Коммунистический террор — низшая точка этнического надлома.
9. Коммунизм — антисистема, «химерное образование».
10. Тоталитаризм — «человеческая отрасль животноводства».
11. Русская революция — результат разложения и краха монархии.
12. Большевизм — приходит в Россию, когда слабое западное общество разрушается буржуазной революцией и завершается, когда слабое восточное общество разрушается под воздействием эволюционной модернизации.
13. Коммунизм есть отрицание жизни.
14. Большевизм опирался прежде всего на нерусские силы.
15. Большевизм — иностранное завоевание.
16. Победа большевизма — результат поддержки западного капитала.
17. Советский коммунизм — разрушение русского народа в качестве нации и вытеснение его на низшие ступени социальной иерархии.
18. Большевизм — деколонизация в форме саморазрушения в стране, где совпадали метрополия и колония.
19. Большевизм — слом органического течения народной жизни.
20. Большевизм — это лишение русских собственной государственности и экспроприация русских в пользу «слабых наций».

21. Большевики (социалисты) победили русских в 1917 г. и в гражданской войне, в результате чего Россия проиграла «экономическую» войну Западу, Израилю и Японии.
22. Большевизм — обнаружение в России социализма как «одного из аспектов стремления человечества к самоуничтожению».
23. Коммунизм — радикальный всплеск социализма, наиболее последовательная антибытийная агрессия.
24. Сила большевизма — в радикальной отмене человека с большой буквы.
25. Ленин и большевики производят страшный опыт над Россией.
26. Для большевиков Россия — бездушный материал для социальных опытов и экспериментов.
27. Большевистский строй — опыт над человечеством.
28. Большевистская Россия — Полигон для осуществления утопий.
29. Коммунисты победили тем, что решительнее других утверждали право на социальный эксперимент, пренебрегая общественным мнением.
30. Большевики предают русскую культуру, вознаграждая приманкой русофобства ограбленные и терроризированные окраины.
31. Большевизм — убийство «русского Эроса» — «вечно-бабьего» в русской душе.
32. Большевизм — инструмент разрушения России как самобытной альтернативы западной индустриальной цивилизации.
33. Большевизм — орудие мирового еврейства.
34. Большевистский Советский Союз — вотчина мирового еврейства.
35. СССР — Россия без России.
36. Геноцид русского народа — одна из главных задач режима Ленина—Сталина.
37. Большевизм — превращение России в колонию с целью подкупить мировой капитализм.
38. Большевизм — разрушение всех сил русского народа.
39. Большевизм — разрыв с национальным прошлым.
40. Большевизм — уничтожение России как последнего оплота христианства.

1. Русская революция задумывалась, устраивалась и финансировалась Германией с целью разрушения России.

«Когда русская революция, подстроенная и задуманная Германией, удалась, Россия по существу вышла из войны. Чем же занялась Германия? Расчленением, т. е. разрушением России... Характерно, что Германия, которой в русской революции принадлежала, вне всякого сомнения, роль режиссера, точнее, роль полицейского устроителя и

финансирующей силы, создала до русской революции, целую литературу о ней в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которые в мировую войну Германия взялась практически... Может быть, Германия смогла бы победить западные державы, если бы она сумела найти компромисс с государственными силами России, а не поставила бы себе задачей во что бы то ни стало, при помощи большевизма, расчленив Россию» (П. Б. Струве. *Размышления о русской революции* (1919). София, 1921. С. 4, 20) (Струве, 1919).

«Можно, не боясь преувеличений, сказать, что создателями новой тотальной стратегии были генерал Людendorф и Парвус. Этим более чем оправдано пристальное внимание Солженицына к «Плану» Парвуса. Ибо немецкий трамплин, подставленный Парвусом Ленину, позволил ему не только прийти к власти, но претендовать на авторство новой тотальной стратегии, названной им «классовой» Сила этой стратегической доктрины была в 1917 году в ее новизне. Удар, нанесенный России, был не столько сильным, сколько внезапным» (Н. Н. Рутыч. *Новая тотальная стратегия* // Посев., авг. 1976) (Рутыч, 1976).

2. Большевизм (Октябрь) начался в Феврале как гибель государства.

«Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжелым временем революции. Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства. Между тем, обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию как свершение всех своих исторических чаяний; происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками, принимая его за избавителя. Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки (падение династии, отречение, провозглашение Республики) за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления. Эти месяцы были вопиющим и трагическим противоречием между всеобщим ликованием и реальной действительностью. Все диффирамы в честь свободы и демократии, все митинговые речи и газетные статьи того времени были нестерпимой ложью. Правда — страшная, но зато подлинная, обнаружилась только во время октябрьского переворота. Русская революция выявила свой настоящий лик, также назревавший с первого дня ее, но для всех неожиданный (М. Волошин. *Россия распятая. Лекция* (1920) // Выход из транса. М., 1995. С. 164—165) (Волошин, 1920).

3. Большевизм — не убийство, а самоубийство русского народа.

«Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения привит и всосан народным организмом. Если мы, клеточки этого некогда могучего, ныне агонизирующего государственного тела, еще живем физически и морально, то это есть в значительной мере та жизнь по инерции, которая продолжает тлеть в умирающем и которая как будто возможна на некоторое время даже в мертвом теле» (С. Л. Франк. *De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции.* М., 1991. С. 301—302; первая публикация: М., 1918) (Франк, 1918).

4. Социализм как воля к смерти и разрушению, уничтожает человеческую индивидуальность даже социалистических вождей.

«Понимание социализма как одного из проявлений стремления человечества к самоуничтожению делает понятной его враждебность индивидуальности, стремление уничтожить те силы, которые поддерживают, укрепляют человеческую личность: религию, культуру, семью, индивидуальную собственность. С этим согласуется стремление низвести человека на уровень детали государственного механизма, доказать, что человек реально существует лишь как проявление неиндивидуальных сил — производства или классовых интересов. Взгляд на человека, как на орудие в руках других сил, в свою очередь, дает возможность понять паразитическую психологию вождей социалистических движений: с одной стороны, готовность и даже стремление стереть свою личность, полностью подчинив ее целям движения... а, с другой, — полный упадок воли, отказ от своих убеждений в случае поражения (отречения Мюнцера и Бокельзона, «Исповедь» Бакунина, поведение Зиновьева, Бухарина и др. на процессах и т. д.). Действительно, если орудие больше не нужно использующей его силе, то теряется всякий смысл его существования, в душе человека иссякает источник мужества и силы духа (Бакунин, например, до или после заключения воспринимается как совсем другой человек, чем вконец разбитый и унижающийся автор «Исповеди»). А Бухарин в своем крике сердца — «Завещании» — говорит, что не имеет никаких расхождений со Сталиным и притом уже давно, тем самым перечеркивая всю свою деятельность и даже лишая себя права про-

тестовать против своего расстрела, — ибо и это было бы расхождением). Укладываются в эту точку зрения и призывы к всеобщему разрушению, и притягательность разрушительных сил — войн, кризисов, и привлекательность личной смерти, идеи Ничто» (И. Шафаревич. Социализм как явление мировой истории // И. Шафаревич. Есть ли у России будущее? М., 1991. С. 368; первая публикация: Париж, 1977) (Шафаревич, 1970-е).

5. Большевизм — существование на границе бытия и небытия.

«По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь. Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи. Насаждая грубый материалистический марксизм, большевики, вопреки своей воле, возрождали платонизм и прежде всего, конечно, в сфере внутренней жизни» (Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1952. Т. 2. С. 204—205) (Степун, 1943).

6. Суть большевизма — провоцирование жизни к ухудшению («чем хуже — тем лучше») с целью ее последующего радикального изменения.

«Ленинцев надо искать... среди тех, кто, громко проклиная Ленина, опьянен его мятежными страстями и подчинен его логике, логике революционного взрыва, суть которой формулируется так: чем хуже, тем лучше! Убеждение, что единственный способ радикально изменить жизнь — это провоцирование ее к ухудшению, составляло душу большевистской тактики, да и стратегии» (В. Чаликова. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 34) (Чаликова, 1990).

7. Большевизм победил не своей силой, а бессилием России.

«Большевизм победил не своей силой, а бессилием России. Октябрь был не торжеством восстания, а пределом разложения русской государственности» (Г. П. Федотов. И есть и будет (Размышления о русской революции). Париж, 1932. С. 83) (Федотов, 1932).

8. Коммунистический террор — низшая точка этнического надлома.

«Надлом шел весь XIX век, и все ниже и ниже, и 30-е годы XX века с этой мясорубкой — это низшая точка надлома. Когда нация теряет жизнеспособность, она себя уничтожает» (Л. Гумилев. В какое вре-

мя мы живем? (Диалог с Д. М. Балашовым) (1991) // Л. Гумилев. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 152) (Гумилев, 1991).

9. Коммунизм — антисистема, «химерное образование».

«Коммунизм, очень сильный в критике “эксплуататорского общества”, сам по себе нежизнеспособен, то есть является антисистемой, о чем опять же смотри у Л. Н. Гумилева в его труде “Этногенез и биосфера земли”, где показано, что антисистемы появляются на скрещивании взаимно несопоставимых идей, создающих “химерные образования” Такой гигантской химерой и явилось “первое в мире государство рабочих и крестьян”, просуществовавшее столь долго лишь потому, что образовалось в неслыханно богатой и людскими и природными ресурсами стране. (В густо заселенном Китае, например, последствия «Великого скачка» сказались немедленно. На третий год уже ели человечину.)» (Д. Балашов. Еще раз о Великой России // Вече. 1992. № 46. С. 120—121) (Балашов, 1992).

10. Тоталитаризм — «человеческая отрасль животноводства».

«Личность теряет до конца свое достоинство, свое отличие от животного. Для государства-зверя политика становится человеческой отраслью животноводства» (Г. П. Федотов. Социальный вопрос и свобода // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб. Т. 1. С. 290; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931, № 47) (Федотов, 1931).

«Смертные приговоры выносились и приводились в исполнение не в порядке наказания за преступление, а в порядке ликвидации чужеродного и потому не пригодного для социалистического строительства материала. Помещики, буржуа, священники, кулаки, белые офицеры так же просто выводились в расход, как в рационально поставленных хозяйствах выводятся в расход одна порода скота ради введения другой» (Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1952. Т. 2. С. 202) (Степун, 1940-е).

11. Русская революция — результат разложения и краха монархии.

«Старая русская монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве и в провокации. Она не столько была свернута, сколько сама разложилась и пала. Русская революция не столько была результатом накопления творческих сил, творческих порывов к новой жизни, сколько результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни. Это облегчило торжество революции в

первые дни и очень отягчило ее в дальнейшем развитии. Силы разрушительные взяли верх над силами творческими. Болезнь оказалась слишком застарелой, последствия ее перешли в новую Россию и действуют, как внутренний яд... Когда у какого-нибудь человека лопается гнойный нарыв, то странно было бы признать это явление самым светлым и божественным в человеке, подменить самого человека этим моментом развития болезненного в нем процесса. Но у нас именно это и происходит в отношении к революции, которая есть лишь вскрытие гнойного нарыва на теле России» (Н. А. Бердяев. **Правда и ложь в общественной жизни** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 84, 86; первая публикация: Народоправство. 1917. № 4) (Бердяев, 1917).

«В русской революции очень быстро начался процесс разложения и гниения. Нравственный облик ее делается все более и более отталкивающим. Революция не одухотворена никакими творческими и оригинальными идеями. Господствуют отбросы давно уже разложившихся социалистических идей. Эти охлажденные идеи потеряли всякую этическую окраску и разогреты лишь разнузданием и разъярением корыстных интересов и страстей. Привели эти идеи Россию к позору и унижению, ввергли ее в хаос... После переворота произошло не выздоровление, а развитие болезни, прогрессирующее ухудшение положения России. Не новая жизнь раскрывается и расцветает, а старая жизнь, окончательно распустившаяся, гниет» (Н. А. Бердяев. **Кто виноват?** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 92—93; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

«Старая власть, старая монархия не была у нас свергнута революцией, она сгнила, разложилась и бесславно пала, как падает гнилое яблоко с дерева. Но яд от гниения старой России остался внутри народного организма и продолжает разлагать жизнь русского народа. Вот эти процессы гниения старой России и принимают у нас за “развитие и углубление революции”» (Н. А. Бердяев. **Была ли в России революция?** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 104; первая публикация: Народоправство. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).

12. **Большевизм** -- приходит в Россию, когда слабое западное общество разрушается буржуазной революцией и завершается, когда слабое восточное общество разрушается под воздействием эволюционной модернизации.

«В начале века кризис слабого (из-за сильного восточного элемента) западного общества, естественная для западного государства “бур-

*жуазная революция” привела его к гибели. В конце века кризис слабого (из-за сильного западного элемента) восточного общества, естественная для него эволюционная “модернизация”, являющаяся иногда отдаленным, но неизбежным следствием антиколониальной революции, тоже привела его к гибели» (Д. Галковский. *Русская философия и русская политика* // Иное. М., 1995. Т. 3. С. 48—49) (Галковский, 1995).*

13. Коммунизм есть отрицание жизни.

*«Стремясь “войти в жизнь”, коммунизм вытеснял жизнь и сеял смерть, ибо где есть коммунизм, там нет жизни, а где есть жизнь, там нет коммунизма. Россия умирала, поскольку соблюдала коммунистические декреты, и жила, поскольку их нарушала» (Б. Выше-славцев. *Парадоксы коммунизма* // Путь. 1926. № 3. С. 85) (Выше-славцев, 1926).*

14. Большевизм опирался прежде всего на нерусские силы.

*«Большевики опирались прежде всего на нерусские силы, даже и “вооруженные”: на латышские полки, на пленных венгерцев, на китайцев, в свое время завербованных на стройку Мурманской железной дороги, на евреев — и только на очень незначительную часть русского пролетариата» (И. Солоневич. *Белая Империя* // И. Солоневич. *Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг.* М., 1997. С. 158) (Солоневич, 1939—1940).*

15. Большевизм — иностранное завоевание.

«Еще долго будут спорить наши ученые и художники: была ли русская революция следствием уже произошедшего в народе нравственного переворота? Или наоборот? И да будут при этом не забыты никакие обстоятельства, теперь не поминаемые. Конечно, побеждая на русской почве, как движению не увлечь русских сил, не приобрести русских черт! Но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось — почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами? Когда большевистская власть в острые ранние периоды гражданской войны удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских? (Тогда этого не скрывали и не стыдились.) Или позже, все 20-е годы, когда во всех областях культуры

(и даже в географических названиях) последовательно вытравлялась вся русская традиция и русская история, как бывает разве только при оккупации, — это желание самоуничтожиться тоже было проявлением “русской идеи”? Замечает Горский, что году в 1919 границы Советской России примерно совпадали с границами Московского царства, значит, большевизм в основном поддержали русские... Но ведь эту географию и так можно истолковать, что русские в основном вынуждены были принять его на свои плечи, и только?» (А. И. Солженицын. **Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни** (1923) // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 62—63) (Солженицын, 1973).

16. Победа большевизма — результат поддержки западного капитала.

«Все эти пятьдесят лет — мы наблюдаем непрерывную, постоянную поддержку со стороны бизнесменов Запада, которые помогли советским коммунистическим вождям, их неуклюжей, нелепой экономике, которая не могла бы никогда справиться сама со своими трудностями, непрерывную помощь материалами и технологией. Крупнейшие стройки первой пятилетки были созданы исключительно при помощи американской технологии и американских материалов. И сам Сталин признавал, что две трети всего необходимого было получено с Запада. И если сегодня Советский Союз имеет могучие военные и полицейские силы, при стране по современным меркам нищей, — эти силы он имеет для подавления нашего свободного движения в Советском Союзе, то мы также должны благодарить, но в этот раз должны благодарить западный капитал» (А. И. Солженицын. **Речь перед представителями АФТ-КПП. Вашингтон, 1975** // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 208—209) (Солженицын, 1975).

17. Советский коммунизм — разрушение русского народа в качестве нации и вытеснение его на низшие ступени социальной иерархии.

«Характер империи в результате революции существенно изменился с точки зрения отношений между народами и властями. Прежде всего изменилось отношение между “метрополией” и “провинциями” Фактически происходило разрушение русского народа в качестве нации и превращение его в множество разрозненных людей, разбросанных по гигантской территории и занимающих в основном низшие ступени социальной иерархии» (А. Зиновьев. **Кризис коммунизма** (1990) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 377, 378) (Зиновьев, 1990).

18. Большевизм — деколонизация в форме саморазрушения в стране, где совпадали метрополия и колония.

«Россия была первая деколонизирующаяся страна, в которой из-за совпадения в одном лице колонии и метрополии деколонизация произошла наиболее рано и в наиболее разрушительной форме — в форме самоуничтожения» (Д. Галковский. **Русская философия и русская политика** // Иное. 1995. Т. 3. С. 11) (Галковский, 1995).

19. Большевизм — слом органического течения народной жизни.

«История 70-летнего коммунистического господства в СССР, воспетого столькими бардами, добровольными и покупными, господства, сломавшего органическое течение народной жизни, — уже сегодня наконец видна многим во всей своей и неприглядности и мерзости» (А. Солженицын. **«Русский вопрос» на исходе века.** М., 1995. С. 80) (Солженицын, 1995).

20. Большевизм — это лишение русских собственной государственности и экспроприация русских в пользу «слабых наций».

«Большевики царили на всей территории бывшей Российской империи. Механизм антиэволюции действовал во всем ареале их владычества. Зачем же говорить, что русские пострадали больше всех? Затем, что это правда... Лишенные собственной государственности, мы, русские, вынуждены были в ущерб себе — давать, давать, давать “слабым” нациям все: кадры интеллигенции и рабочей силы, технику, технологию, сырье, а главное — деньги, как в прорву» (А. Севастьянов. **Русские и капитализм.** М. 1992. С. 100) (Севастьянов, 1992).

21. Большевики (социалисты) победили русских в 1917 г. и в гражданской войне, в результате чего Россия проиграла «экономическую» войну Западу, Израилю и Японии.

«А победили нас дважды. Первый раз в Октябре и затем в гражданскую войну — социалисты (как потом большевики разобрались с коллегами — это другой вопрос). Второй раз — в ходе так называемого “мирного сосуществования”, а по сути, в жестокой экономической войне. Победители не прячутся: Америка, Западная Европа, Израиль, Япония. Это второе — на мировой арене — поражение стопроцентно обусловлено первым — внутри страны. Ибо в результате победы социалистов мы были задержаны в своем развитии на очень долгий срок... Парадокс состоит в том, что социалисты, руководя русским

национальным самоубийством, сумели задействовать не только фактор насилия; они обратились за поддержкой к русской народной душе и получили эту поддержку» (А. Севастьянов. Русские и капитализм. М., 1992. С. 111) (Севастьянов, 1992).

22. Большевизм — обнаружение в России социализма, как «одного из аспектов стремления человечества к самоуничтожению».

«А) Идея гибели человечества — не смерти определенных людей, но именно конца всего человеческого рода — находит отклик в психике человека. Она возбуждает и притягивает людей, хотя и с разной интенсивностью, в зависимости от характера эпохи и индивидуальности человека. Масштабы воздействия этой идеи заставляют предположить, что в большей или меньшей мере ему подвержен каждый человек: здесь проявляется универсальное свойство человеческой психики. Б) Эта идея проявляется не только в индивидуальных переживаниях хотя бы и большого числа отдельных личностей — она способна объединять людей (в отличие, например, от бреда), то есть является социальной силой. Стремление к самоуничтожению можно рассматривать как элемент психики всего человечества. В) Социализм — это один из аспектов стремления человечества к самоуничтожению, к Ничто, а именно — его проявление в области организации общества. Последние слова “Завещания” Жана Мелье “Этим Ничто я здесь и кончу” выражают, используя любимый оборот Фейербаха, “последнюю тайну” социализма» (И. Шафаревич. Социализм как явление мировой истории (1970) // И. Р. Шафаревич. Сочинения в 3-х тт. М., 1994. Т. 1. С. 320) (Шафаревич, 1970).

«Марксистская коммунистическая идеология является системой маниакальных идей разрушения богоподобного образа человека. Она загоняет общество в утопию светлого будущего человечества — вечное царство зла на земле. Это воля к смерти, возведенная в онтологический принцип» (В. Аксюциц. Идеократия в России. М., 1995. С. 20) (Аксюциц, 1995).

23. Сила большевизма — в радикальной отмене человека с большой буквы.

«Колумбово яйцо большевизма — радикальная отмена человека с большой буквы. Своею смелою и страстною волею к радикальному переустройству жизни, большевизм прекрасно учел невыгодность двойственного, западно-европейского отношения к человеку. Послушно приняв позитивистски-материалистическое неверие в религиозную природу человека, он решительно додумал это положение до конца и

пришел к полному отрицанию свободы. *Рассторгнутая в Европе связь между религиозной истиной и политической свободой была им снова восстановлена. Правда, — с обратным знаком, но зато и в полной мере: никаких богов; следовательно, и никаких свобод. В этом радикальном разрешении основного метафизического вопроса — громадная сила большевизма. Если либеральная буржуазия, а за ней и европейский социализм, отказались от легенды, что душа человека — это дыхание Божие, то большевизм всерьез поверил, что никакой души у человека нет, а потому в сущности нет и самого человека. Есть только пролетарий, душа которого — конденсированный пар в котле, и буржуй, душа которого — отработанный пар котла. Этою окончательною отменю человека, разрешающей большевизму строить счастье человечества, ни в коей мере и степени не считаясь с несчастьем каждого отдельного человека, и объясняется безусловный успех его в прямом (теоретическом), а не только в переносном (этическом) смысле бесчеловечного дела» (Ф. Степун. *Путь творческой революции* // Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 12—13) (Степун, 1931).*

24. Ленин и большевики производят страшный опыт над Россией.

*«Конечно... за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия, и его нечеловечно-бакунинский анархизм. Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет? Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо? Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция. Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата» (М. Горький. *К демократии* // Новая жизнь. 20 нояб. 1917 г. № 174. С. 149) (Горький, 1917).*

«Ленин “вождь” и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу... Эта неизбежная трагедия не смущает Ле-

*нина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, неведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для Ленина то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому, — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся? Он работает, как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции» (М. Горький. **Вниманию рабочих** // Новая жизнь. 23 нояб. 1917 г. № 177. С. 151—152) (Горький, 1917).*

*«Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтобы лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть» (М. Горький. **Несвоевременные мысли** // Новая жизнь. 23 дек. 1917. № 198. С. 182) (Горький, 1917).*

25. Для большевиков Россия — бездушный материал для социальных опытов и экспериментов.

*«Где-нибудь надо произвести опыт, таким местом оказалась Россия, и на ее спине Ленин может произвести эксперимент, как на спине всякой другой страны. И ни одна страна не мыслится им как совокупность миллионов человек; нет, это — только бездушный материал, созданный для производства экспериментов» (П. Я. Рысс. **Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции.** Париж, 1921. С. 120) (Рысс, 1921).*

26. Большевицкий строй — опыт над человечеством.

«Не забудем, что советский “социализм” сводится к такому залезанию во все самое малейшие щели индивидуальной и семейной жизни, какой не знал ни один из режимов в истории. Все стали жить как бы под стеклянным колпаком, под ежеминутным гнетом самых вздор-

ных и мучительно-издевательских регулирований... В своих лекциях по анатомии профессор Лесгафт рассказывал об одном опыте, приведенном над кроликом. Его поместили в ящик, пропускавший только красный свет. Находясь некоторое время исключительно под влиянием красного цвета, кролик претерпел ряд глубочайших изменений, как в своей физической, так и в психической структуре. Между кроликом обыкновенного дневного света и кроликом света красного образовалась глубокая пропасть во всех направлениях. Но именно нечто подобное случилось и с поколением, воспитанным на духовной пище большевизма. Вся Россия была превращена в такой исполинский ящик, пропускавший только красный свет, и в этом исполинском ящике вот уже десятый год вынуждены жить миллионы кроликов, коим всякий иной свет, кроме красного, заказан... Тут, следовательно, достигнута такая степень обработки гипнозом, что не может уже помочь кратковременная проверка гипноза реальностью. Созданы большие категории людей, которым уже не опасно показать соблазны свободы. Кролик, выпущенный из своего ящика, отвергнет белый свет и жадно востоскует о своем красном ящике. Он стал целомудренным, и врата адовы свободы его уже не одолеют» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). **Наследники революции** // Современные записки. 1927. № 30. С. 481—484) (Португейс, 1927).

«Национализированная техника умственных и духовных внушений дала современным диктатурам такие грандиозные возможности легко и незаметно впрыскивать массам “опиум для народа”, о которых и мечтать не могли техники, организаторы и идеологи довоенной реакции» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). **Из размышлений о революции** // Современные записки. 1936. № 58. С. 400) (Португейс, 1936).

27. Большевистская Россия — Полигон для осуществления утопий.

«...Россия становится географическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой. Одни — интернационалисты, которым ничего не говорят русские национальные традиции; другие — вчерашние патриоты, которые отрекаются от самого существенного завета этой традиции — от противостояния исламу, от противления Чингисхану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своих грез. В обоих случаях Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» (Г. П. Федотов. **Будет ли существовать Россия?** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1. С. 173) (Федотов, 1929).

«Мы в России, затем в СССР, были долгое время полигоном, на котором вновь и вновь испытывались на разрыв “чужие” и свои проекты человечества, — что ж дальше? Переначать себя в качестве иного полигона? Либо прочь вообще всякие полигоны, и скромнее, и ответственной: определить, узаконить свое действительное призвание — “всего лишь” одного из многих миров в Мире?!» (М. Я. Гефтер. Дом Евразия // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 25—26) (Гефтер, 1989).

«Бисмарк говорил, что для проведения социалистического эксперимента нужна страна, которой не жалко. Проще говоря, для этого нужен полигон. Быть мировым полигоном — вот смысл России... Всемирно-историческая спесь — малая цена за неудобства всемирного смыслового предназначения. Не было, пожалуй, ни одной экзотической социальной идеи, от Платона до Маркса, которая не была бы испытана на российских просторах... Эта роль отнюдь не была нам навязана злокозненными силами. Конечно, удобнее думать, что ты — не соучастник, а жертва великого эксперимента, и вообще все происходящее — плод мирового заговора (например, сиономасонского). Но красная корочка допуска на Полигон все-таки торчит из кармана — слова об авангардном назначении России или о задаче поискать свой самобытный путь — выдают полигонных дел мастера. Россия издавна выростала в Полигон. Материковый, “резко континентальный” характер страны сделал Россию не то, чтобы закрытой для внешних воздействий, а скорее, “труднопроветриваемой” Тем более, что в ходе становления России-Полигона возникают собственные “полигонные” процессы, обладающие мощным потенциалом саморазвития... Итак, Россия громадна, потому что на Полигоне должно быть просторно. Крепки ее границы — на Полигон посторонним вход воспрещен... Родина есть прописка. Полигон изо всех сил сопротивляется снятию охраны, заборов и КПП... Россию побаивались не потому, что она была агрессивна. Просто от Полигона надо держаться подальше — в любой момент может шархнуть. Первый раз рвануло еще при Иване Грозном. Как раз тогда в России отработывался до сих пор не закончившийся эксперимент по всестороннему подчинению личных интрересов общественным (то есть царским) — и произошли первые “выбросы” — Ливонская война, резня в Новгороде и Казанский поход... Важнейшее свойство Полигона — единоначалие и строгая подчиненность снизу доверху. Ответственный должен быть один и должен пользоваться неограниченными правами... В основе полигонного братства лежит равенство в несправии и специфическое отношение к собственности. Само понятие собственности на Полигоне — излишне — в силу задач, стоящих перед коллективом. Все на Полигоне — это служебное имущество, объекты или инструменты исследования, включая самих же сотрудников. Россию побаивались не потому, что она была агрессивна. Просто от Поли-

гона надо держаться подальше — в любой момент может шарахнуть» (Д. Драгунский. Полигон. Предварительные итоги русской и советской истории) // Век XX и мир. 1991. № 4. С. 47—51) (Драгунский, 1991).

- 28. Коммунисты победили тем, что решительнее других утверждали право на социальный эксперимент, пренебрегая общественным мнением.**

«Из всех радикальных общественных течений в России коммунисты были сильнее не потому, что их “научная теория” более убедительна — ничуть! — Они были сильнее только потому, что решительно утверждали за собой право на социальный эксперимент. Они были сильнее только потому, что наиболее последовательно отрицали общественное мнение, общественный опыт, как силу реального исторического процесса» (Л. Тимофеев. Последняя надежда выжить (1982) // Л. Тимофеев. Черный рынок как политическая система, 1993. С. 138) (Тимофеев, 1982).

- 29. Большевики предают русскую культуру, вознаграждая приманкой русофобства ограбленные и терроризированные окраины.**

...Большевики, ревнивые к военным и финансовым основам своей власти, совершенно не заинтересованы в защите русской культуры. Они предают ее на каждом шагу, вознаграждая приманкой русофобства ограбленные и терроризированные окраины» (Г. П. Федотов. Проблемы будущей России (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 249; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

- 30. Большевизм — убийство «русского Эроса», «вечно-бабьего» в русской душе.**

«Несомненно, большевизм, большевицкий этап русской истории это мощная и впечатляющая попытка преодолеть, отбросить, изжить женственность русской души, покончить с “вечно-бабьим” в ней. Россия изменила свой облик не только на вершинах власти, но вся, целиком, в самых толщах народной жизни. Новая цивилизационная формула — индустриализация, научно-технический прогресс, технологический скачок — имела успех, она овладела массами. Россия стала страной ракет, и это импонировало всем. Технологическая цивилизация — это и есть борьба с природой на высшей стадии. Но для России эта борьба с природой, как цивилизационная установка, предстала борьбой с вечно-бабьим. Россия стала страной мужественной,

милитарной — не частично, не в государственном только слое, не тотально, национально. Солдат стал не маргинальным, а господствующим типом русской жизни. И эта односторонняя мужественность убила русский Эрос, что и привело к краху режима, взявшего такой курс: нельзя была идти только по одной дороге, путями Танаиса. Запад, при всей своей сверхразвитости, всегда сохранял органические корни, чтобы по этому поводу ни говорили феминистки. А вот Россия — это страна, к которой феминистические инвективы гибельной, насильственной, террористической цивилизации могут быть обращены по праву. Рынок — в сторону от себя — был сделан Россией слишком уж резкий, курс, взятый ею, оказался слишком “мужественным”, односторонним» (Б. Парамонов. Ищите женщину! (1994) // Б. Парамонов. Конец стиля. М., 1997. С. 327—328) (Парамонов, 1994).

31. Большевизм — инструмент разрушения России как самобытной альтернативы западной индустриальной цивилизации.

«Если принять, что Россия была препятствием на пути не маловероятного “прогресса”, а конкретно — распространения технологической цивилизации, то может быть сделается понятным явление, иначе загадочное: социалистическая революция в России финансировалась капиталистами! Финансирование было очень многосторонним, в каждом отдельном случае можно найти свою индивидуальную причину. Но у такого сложного явления должна быть и какая-то общая причина. Ее естественно видеть в том, что в России в начале XX в. складывался свой путь развития, альтернативный индустриальной цивилизации. Революция же была наиболее эффективным способом ее с этого пути столкнуть... Если смотреть на Революцию как на способ свернуть Россию с ее более самобытного пути развития и включить как элемент в систему технологической цивилизации, то участие в этом действии западного капитала станет понятным, оправданным и оправдавшим себя. Последовавшие за революцией 70 лет были эпохой разрушения именно тех структур, которые составляли основу русского общества и его мировоззрения» (И. Шафаревич. Две дороги к одному обрыву (1988) // И. Шафаревич. Сочинения в 3-х тт. М., 1994. Т. 1. С. 425—426) (Шафаревич, 1988).

«Во все времена антирусскую политику большевиков поддерживали мощные мировые силы, в том числе и вполне антикоммунистические. Ибо православная Россия с ее духовным потенциалом и богатейшими природными ресурсами была белым пятном в мире потребительской цивилизации. Распространенное на Западе сочетание русофобии и коммунизмофобии имеет своего рода экзистенциальные причины»

(В. Аксютин. **Идеократия в России**. М., 1995. С. 132) (Аксютин, 1995).

32. Большевизм — орудие мирового еврейства.

«Ярче всего банкротство марксизма демонстрирует русский опыт. Русский опыт также показывает, что социалистическое движение было захвачено в еврейские руки, которые используют его в своих еврейских целях, далеко стоящих от интересов рабочих, за которые официально борются марксисты» (К. Родзаевский. **Азбука фашизма** (1934) // Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 210) (Родзаевский, 1934).

33. Большевистский Советский Союз — вотчина мирового еврейства.

«Сейчас Россия в полном и буквальном смысле этого слова — Иудея... Рабоче-крестьянская, социалистическая республика — это только ширма, за которой скрывается торжествующий над русским народом — иудаизм» (В. Владимиров. **Новая Иудея**. Б. м., 1920. С. 6, 95) (Владимиров, 1920).

«Советский Союз, называемый иногда ошибочно в эмиграции Советской Россией, фактически есть еврейское государство, расположенное на месте прежней России, захватившее русское богатство, владеющее русским народом в качестве рабовладельца и помещика. СССР — вотчина ВКП(б), а следовательно — мирового еврейства» (К. Родзаевский. **Азбука фашизма** (1934) // Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 217) (Родзаевский, 1934).

34. СССР — Россия без России.

«Советский период российской истории — это отрицание России во временных (исторических) и территориальных пределах самой России. Дабы придать себе статус вечности, пустой и ирреальный коммунистический режим всегда старался втиснуть себя в старые и чуждые ему “одежды” дореволюционной России. СССР и был этой Россией без России. Советский человек был псевдорусским человеком» (П. Болдырев. **Уроки России**. Нью-Йорк, 1993. С. X—XI) (Болдырев, 1993).

35. Геноцид русского народа — одна из главных задач режима Ленина—Сталина.

«Подрубить именно русский народ и истощить именно его силы — была из нескрываемых задач Ленина. И Сталин продолжал следовать

этой политике, даже когда произнес свой известный сентиментальный тост о “русском народе”» (А. Солженицын. «Русский вопрос» на исходе века. М., 1995. С. 84) (Солженицын, 1995).

«...Антирусское содержание революции и “строительства социализма” ускользнуло от сознания моего народа. Мы просто не поняли, что оказались объектом национальной агрессии, геноцида» (А. Севастьянов. Русские и капитализм. М., 1992. С. 112) (Севастьянов, 1992).

36. Большевизм — превращение России в колонию с целью подкупить мировой капитализм.

«Обездолвив, истребив и изгнав свою национальную буржуазию, коммунистическая власть призывает из-за границы буржуазных варягов. В этом двойное свидетельство крайней слабости советской власти: она не может по политическим и полицейским соображениям, диктуемым инстинктом самосохранения, допустить на здоровых началах к хозяйственной работе в стране национальную буржуазию, но она своим экономическим банкротством вынуждена искать помощи у буржуазии иностранной. В этой системе концессий обнаруживается и крайняя слабость, и глубокий цинизм советской власти. Это политика двойной измены: цинической измены национальному идеалу и национальному достоинству и столь же цинической измены социалистическому идеалу. Системой концессией коммунистическая власть низводит Россию и в национальном и в социальном отношении на уровень экзотических колоний <...> Все значения и вся значительность советской концессионной системы лежит в области политической: обанкротившаяся в экономическом отношении власть этой системой пытается экономически и, главное, политически подкупить в свою пользу мировой капитализм» (П. Б. Струве. Итоги и существо коммунистического хозяйства (1921) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 314) (Струве, 1921).

37. Большевизм — разрушение всех сил русского народа.

«Революция эта, каковы бы ни были идеи, ее вдохновляющие или вдохновлявшие, существенно была разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных. Это факт наглядный и непререкаемый, которого нельзя ничем опровергнуть. Русская революция означает огромное, невиданное в истории в таких размерах падение и понижение культуры» (П. Б. Струве. Прошлое, настоящее, будущее (1922) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 321) (Струве, 1922).

38. Большевизм — разрыв с национальным прошлым.

«Самое злостное, самое ядовитое, самое ужасное в большевизме — а большевизм во всех его выражениях есть подлинное существо революции — есть преступный, отцеубийственный разрыв с великим национальным прошлым, которое в смрадную эпоху разрушения, переживаемую нами, есть единственное хранилище и прибежище национального духа» (П. Б. Струве. **Прошлое, настоящее, будущее** (1922) // П. Б. Струве. **Избранные сочинения**. М., 1999. С. 324) (Струве, 1922).

«Правильное заключается в том, что интернационалистически-коммунистическая идеология чужда русскому народу, что она лишь использовала возбуждение народных масс и некоторые их инстинкты и, создав военную организацию, через нее властвует над народом. Неправильна и утопична мысль, что эта организация может осуществлять какое бы то ни было национальное призвание. Действительность не дает никаких опорных пунктов для национальной идеализации большевизма» (П. Б. Струве. **Россия** (1920) // П. Б. Струве. **Избранные сочинения**. М., 1999. С. 337) (Струве, 1920).

39. Большевизм — уничтожение России как последнего оплота христианства.

«Нельзя не видеть, что одной из главных причин революции стали не грехи, а достоинства России и ее последнего Царя.

Россия была последним “белым пятном” истинных христианских ценностей в эпоху наступающей капиталистической цивилизации, разлагающей мир. На религиозном языке этот процесс разложения христианского мира называется апостасией — отступлением людей от Божественной истины. А власть, сопротивляющаяся апостасии, отождествляется с тем “Удерживающим”, о котором апостол Павел говорил как о последней преграде воцарению антихриста (2 Фес. 2, 7—8). И если рассмотреть историю Нового времени, то очевидно (об этом на своем языке писал и Маркс), что этим “Удерживающим” была православная Россия по главе с Русским Царем — Помазанником Божиим. Поэтому его свержение и убийство было ритуальным, переломным моментом истории, — независимо от того, сознавали это или нет сами убийцы... с православной точки зрения могут два принципиально разных типа общества: 1) общество, создающее смысл жизни как исполнение Божия замысла о человеке, воспитывающее его к духовному совершенству и тем самым спасающее его для жизни вечной — такова цель православной монархии; 2) общество, игнорирующее Божественный замысел и управляющее людьми посред-

ством опоры на людские пороки, для господства над преходящим миром земным — что предлагал сатана Христу в пустыне.

В “русской” революции 1917 г. столкнулись эти две концепции, и с сокрушением удерживающей России человечество вступило в предапокалипсическую эпоху» (М. Назаров. За кулисами «русской» революции // Э. Саттон. Уолл-Стрит и большевицкая революция. М., 1998. С. 375—376) (Назаров, 1998).

XVII. БОЛЬШЕВИЗМ — РОЖДЕНИЕ НОВОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

1. «Твердокаменный» Ленин стал центром притяжения людей «нового типа».
2. Большевизм стал возможен в результате победы нового человеческого типа — «нового разночинца».
3. Тип революционной молодежи — возвращение к типу разночинца 60-х годов.
4. Идеологами большевизма стали люди определенного культурного типа — «начетчики-полуинтеллигенты».
5. Война породила новый антропологический тип, ставший главным человеческим материалом большевизма.
6. Большевизм сделал ставку на определенный тип человека, физически и морально искалеченного военной вакханалией.
7. Русский коммунизм порожден психологическим типом «русского беспочвенного мечтателя».
8. Тип красного большевистского активиста во многом воспроизводит тип активиста-черносотенца.
9. Советский человек вышел из полусоциалистического Московского Царства.
10. Большевизм — «здоровая суровость примитива».
11. Тип большевика — подвид «Номо Еуропаео-Американо».
12. Тип большевистского комиссара воспроизводит тип старого русского администратора-самодура.
13. Партийная номенклатура отбиралась по принципу воинско-уголовной верности из людей определенного типа.
14. Советский строй — строй одиноких людей, самое индивидуалистическое общество в мире.
15. «Советский человек» — наследник русской интеллигенции.
16. Большевизм — результат синтеза двух типов русского интеллигента — рационалиста-либерала и активиста-народника.

1. «Твердокаменный» Ленин стал центром притяжения людей «нового типа».

*«В Ленине нет ни скрупула русского интеллигента. Все его огромное влияние на подпольную Россию объясняется именно этой его непохожестью, исключительностью в революционной среде... Русские марксисты 90-х годов, этически настроенные и сами презирающие себя за это, ужаснулись перед «твердокаменным» и покорились ему. Он стал центром притяжения людей нового типа. Он сам ковал его, неутомимо преследуя сарказмами и оскорблениями мягкотелого интеллигента. Из евреев, кавказцев и русских нищанцев, он создавал свою гвардию — хищников и бойцов. То, как он умел (хотя и не всегда) — укрощать этих тигров подполья, не менее удивительно, чем обуздание волчьей стаи Октября. Выковать большевистскую партию было не легче, чем государство СССР» (Г. П. Федотов. **И есть и будет (Размышления о русской революции)**. Париж, 1932. С. 81) (Федотов, 1932).*

2. Большевизм стал возможен в результате победы нового человеческого типа — «нового разночинца».

«Есть демократия убеждений и есть демократия быта. С началом XX века Россия демократизируется с чрезвычайной быстротой. Меняется самый характер улицы. Чиновничье-учащаяся Россия начинает давать место иной, плохо одетой, дурно воспитанной толпе... Иногда это чеховский телеграфист или писарь, иногда парикмахер, приказчик, реже рабочий или студент, спускающийся в народ. Профессия новых людей бывает иногда удивительной: банщик, портной, цирковой артист, парикмахер сыграли большую роль в коммунистической революции, чем фабричный рабочий. Разумеется, с этим разночинством сливается и выделяемый пролетариатом верхний слой, отрывающийся от станка, но не переходящий в ряды интеллигенции. Сюда шлет уже и деревня свою честолобивую молодежь. Могуч этот напор, идущий с самого дна... Говорить о единстве мирозерцания среди нового слоя совершенно невозможно. Но, когда он примыкал к революции, обнаруживалось огромное различие в направленности воли. Для интеллигенции революция была жертвой, демократия — нисхождением. «Все для народа» Новая демократия — сама народ. Она стремится к подъему, а не к нисхождению. Она, скорее, презрительно относится к массе, отсталой, тупой, покорной. Она хочет власти для себя, чтобы вести народ. Она чужда сентиментального отношения к нему... Массе новых разночинцев пришлось дожидаться октября 1917 года, чтобы схватить столь долгожданную власть. Это они — люди Октября, строители нового быта, идеологии про-

леткультуры» (Г. П. Федотов. *Революция идет* // Г. П. Федотов. *Судьба и грехи России*. СПб., 1992. Т. 1. С. 159—162) (Федотов, 1929).

3. Тип революционной молодежи — возвращение к типу разночинца 60-х годов.

«В рабоче-крестьянской молодежи наших дней мы вправе видеть тот же психологический тип, что в разночинцах 60-х годов, с соответствующей поправкой на уровень. Недаром старые большевики воспитывались на Писареве, который к началу XX века переживает в революционных кругах настоящее воскресенье» (Г. П. Федотов. *Трагедия интеллигенции* // Г. П. Федотов. *Судьба и грехи России*. СПб., 1991. Т. 1. С. 87—88; первая публикация: Версты. Париж, 1926. № 2; под псевдонимом Е. Богданов) (Федотов, 1926).

4. Идеологами большевизма стали люди определенного культурного типа — «начетчики-полуинтеллигенты».

«...Духовный багаж классического интеллигента в свое время не просто развеялся по ветру, а стал, сильно отощав, достоянием полуинтеллигента, и от него, еще до революции, просочился кое-где в народ. Начетчики из полуинтеллигентов стали идеологами революции...» (В. Вейдле. *Три России* // В. Вейдле. *Задача России*. Нью-Йорк, 1956. С. 99; первое издание: *Современные записки*. 1937. № 65) (Вейдле, 1937).

5. Война породила новый антропологический тип, ставший главным человеческим материалом большевизма.

«Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это — мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме. В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь, иные жесты, чем в типе старых интеллигентов. Подобно тому, как 60-х годах, при появлении нигилистов, более мягкий тип идеалистов 40-х годов заменен был более жестким типом, в стихии победоносной революции, вышедшей из стихии войны, тот же процесс произошел в более грандиозных размерах... В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным

плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 101; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

«...Только атмосфера войны создала у нас тип победоносного большевизма, выдвинула новый тип большевика-победителя и завоевателя. Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутри страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем, и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полу-интеллигенции можно было сделать коммунистическую революцию. Ее нельзя было сделать с мечтателем, сострадательным и всегда готовым пострадать, типом старой интеллигенции» (Н. А. Бердяев. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 113—114; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

6. Большевизм сделал ставку на определенный тип человека, физически и морально искалеченного военной вакханалией.

... Мир распался и на оголенном мировом пожарищем месте станет голый, искалеченный человек, которому все нипочем. Этого человека большевики искали на фронте, среди дезертиров, среди деклассированных масс деревни и города, среди разношерстных толп, втянутых военно-промышленной вакханалией в горячее пекло индустрии. И этого человека они нашли в количествах, достаточных для того, чтобы стихийной лавиной затопить разрозненные экземпляры человека-гражданина... До-лой! Вложите в этот возглас боль, сумятицу воспаленного сознания, нечеловеческие муки миллионов голодных, продрогших, изведенных паразитами темных, веками рабства истощенных духовно и физически людей, и вы близко подойдете к загадке торжества большевизма... Это были массы, безумно истощенные — материально, физически и нравственно истощенные эпохой военно-промышленной гонки. В рыхлую, нестойкую среду ворвалась бешеная индустриальная горячка с ее военно-террористической хваткой,... а главное с вовлечением в индустриальное пекло огромных толп мещанства, деревенщины, толкаемых разорением и боязнью мобилизации прямо в пасть индустриального Молоха, который потряс этих лю-

дей до самых основ их душевного и умственного строя. И все это в обстановке военной и спекулятивной вакханалии, ничем не ограниченного господства идеи грубой силы, в атмосфере готтентотской морали, столь характерной для военных эпох. Взбаламученное море социальных отбросов, классовая крошка и мешанина, больное в сущности поколение, страдающее припадками психических эпидемий (вспомним знаменитые массовые «отравления» в Петербурге) — вот тот “рабочий класс”, который послужил большевикам материалом для построения своего царства. В этом и сказался гений большевизма, что он сумел подчинить себе это военно-социальное месиво, сделав его больной, исковерканную душу, его жадную нищету и нищенскую жадность исходным пунктом “социалистической революции”» (Ст. Иванович (С. О. Португейс) Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 14—15, 18—19) (Португейс, 1922).

7. Русский коммунизм порожден психологическим типом «российского беспочвенного мечтателя».

«“Российский мечтатель”... Где-то же должен быть решающий человеческий тип, все это определяющий. Как, по Ренану, когда-то, в первый век от Рождества психологический тип сирийца определил успех христианского учения. Какой тип определил успех учения сталинского? Что за люди пошли потоком в то, а не в это русло, определив стержень?... Воистину, если российский беспочвенный мечтатель брался обрести почву — он ее вытаптывал и трамбовал до каменной непреложности; если он брался тягаться с природой, он доходил до заворота мозгов и поворота рек; если он решался действовать, то действовал наотмашь; если начинал ненавидеть собственное бессилие, то впадал в такой экстаз насилия, что мир был готов перевернуть — тот самый мир, до которого мгновение назад (исторически — мгновение) ему вообще дела не было...» (Л. Аннинский. Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 76) (Аннинский, 1989).

8. Тип красного большевистского активиста во многом воспроизводит тип активиста-черносотенца.

«Административный состав большевистской власти, преимущественно армии и полиции, был создан при существенном участии “черносотенства” Лица “черного” образа мыслей, при всей неприличности для них некоторых “красных” идей, чувствуют часто некоторое эстетическое и духовное родство с “красным” стилем относительно легко с ним сживаются и его усваивают (связующим звеном здесь является господство грубого насилия в управлении и момент

демагогии). Препятствием типичному частному приставу и исправнику или некультурному армейскому офицеру демократического происхождения неизмеримо легче приспособиться к советским порядкам и найти применение своим старым навыкам, чем профессору-либералу и даже чем культурному революционеру. В подлинной черни различие между “черным” и “красным” вообще становится почти неуловимым. Толпа, участвовавшая в былые времена в еврейских погромах и еще в 1915 году устроившая в Москве по мнимо-национальным мотивам немецкий погром, есть та самая толпа, которая совершила большевистский переворот, громила помещиков и “буржуев” Типично «черный» национализм есть вообще характерная черта русского коммунизма, выражающаяся в его ненависти к “буржуазной” Европе» (С. Л. Франк. По ту сторону «правого» и «левого» // С. Л. Франк. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 24; первая публикация: Числа. Париж, 1931. Кн. 4) (Франк, 1931).

9. Советский человек вышел из полусоциалистического Московского Царства.

«Вековая привычка к повинению, слабое развитие личного сознания, потребности к свободе и легкость жизни в коллективе, “в службе и в тягле” — вот что роднит советского человека со старой Москвой. Москва была не бедна социальными энергиями — скорее наоборот, они заглушали в ней все личное: недаром государственное хозяйство Москвы носило полусоциалистический характер... Перенесение столицы назад в Москву есть акт символический. Революция не погубила русского национального типа, но страшно обеднила и исколечила его» (Г. П. Федотов. Письма о русской культуре // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России, СПб., 1992. Т. 2. С. 186; первая публикация: Русские записки. Париж, 1938. № 3) (Федотов, 1938).

«Люди, воспитанные в восточной традиции, дышавшие вековым воздухом рабства, ни за что не соглашались с такой свободой — для немногих, — хотя бы на время. Они желают ее для всех или ни для кого. И потому получают ни для кого. Им больше нравится царская Москва, чем шляхетская Польша. Они негодуют на замысел верховников, на классовый эгоизм либералов. В результате на месте дворянской России — Империя Сталина» (Г. П. Федотов. Рождение свободы // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 262; первая публикация: Новый журнал. Нью-Йорк, 1944, № 8) (Федотов, 1944).

«...Созданная за двести лет Империи свободолюбивая формация русской интеллигенции исчезла без остатка. И вот тогда-то под нею проступила московская тоталитарная целина. Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на

*свет Божий из Московского царства, слегка приобретя марксистский лоск... Вглядимся в черты советского человека — конечно, того, кто строит жизнь, а не смят под ногами, на дне колхозов и фабрик, в черте концлагерей. Он очень крепок, физически и душевно, очень целен и прост, ценит практический опыт и знания. Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он очень честолобив и довольно черств к страданиям ближнего — необходимое условие советской карьеры. Но он готов заморить себя работой, и его высшее честолобие — отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину, смотря по временам. Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVI века? (не XVII, когда уже начинается декаданс). Напоминаются и другие исторические аналогии: служака времен Николая I, но без гуманности христианского и европейского воспитания; сподвижник Петра, но без фанатического западничества, без национального самоотречения. Он ближе к москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая — первая в мире: третий Рим. Он с презрением смотрит на остальной, то есть западный мир; не знает его, не любит и боится его. И, как встарь, душа его открыта Востоку» (Г. П. Федотов. **Россия и свобода** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 299—300; первая публикация: Новый журнал. Нью-Йорк, 1945. № 10) (Федотов, 1945).*

10. Большевизм — «здоровая суровость примитива».

*«Революция выработала уже и свой психический облик. В его основе лежит то, что мы называем полуинтеллигентом... Но с новой психологией, с новыми навыками... В этих людях нет глубокой культуры, зато есть свежесть воли. Их нервы крепки. Нет прекраснодушия; вместо него здоровая суровость примитива. Нет нашей старой расхлябанности; ее съела дисциплина, проникшая в плоть и кровь. Нет гамлетизма; есть вера в свой путь и упрямая решимость идти по нему. Эти люди прочно пронизаны узким, но точным кругом идей-импульсов, и как замороженные, как обреченные неким высшим роком, делают дело, исторически им сужденное... творят, не постигая предназначенья своего» (Н. Устрялов. **Из окна вагона** // Новая Россия. 1926. Февр. С. 44—45) (Устрялов, 1926).*

11. Тип большевика — подвид «Номо Еуропаео-Americanus».

«Все новейшие революции создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате

власти. Этот тип человека есть последний продукт западной цивилизации, продукт перерождения буржуазного индивидуализма. В нем нет ничего русского, немецкого, итальянского... Ното Еуропае-Американис. Это вечное пугало русских славянофилов, от которого они старались уберечь русскую землю, по-видимому сейчас в ней торжествует» (Г. П. Федотов. Письма о русской культуре // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. С. 170, 166; первая публикация: Русские записки. 1938. № 3) (Федотов, 1938).

12. Тип большевистского комиссара воспроизводит тип старого русского администратора-самодура.

«Тип старого русского администратора, презирающего всяческие сентименты и тонченности, равнодушного к праву и закону и водворяющего справедливость или воспитывающего людей попросту, с помощью палки и мордобоя, внутренне почти совпадает с типом “честного” большевистского комиссара...» (С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Минск, 1992. С. 16; первая публикация: Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

13. Партийная номенклатура отбиралась по принципу воинско-уголовной верности из людей определенного типа.

«В так называемой партноменклатуре было много тупых людей, но они были отобраны по определенным качествам. В этой жуткой, неустойчивой, рыхлой, непредсказуемой стране власть должна была быть очень жесткой, и не просто жесткой, а вязко-жесткой. Потому что европейская власть тут не удержалась бы. И вот эти партийные дяди, эти здоровые, косноязычные мужики и были отобраны по принципу воинско-уголовной верности друг другу. Они обеспечивали эту вязкую связь. Конечно, мне, литератору, было жутко их слушать, когда они говорили, но я понимал, что шапка — по Сеньке, что по котлу — крышка. Этот котел обтрухлявился, его скинули, ну и что?» (Л. Аннинский. Интервью // Сегодня. 9 окт. 1993 г.) (Аннинский, 1993).

14. Советский строй — строй одиноких людей, самое индивидуалистическое общество в мире.

«Мне кажется, что советское общество — самое индивидуалистическое общество в мире. И понятие “одинокая толпа” больше всего относится к нам. Потому что все старые социальные связи были разорваны и вместо них созданы формальные социальные связи, кото-

*рые какое-то время работали на революционном энтузиазме и которые в брежневскую эпоху отмерли. Ното sovieticus — это одинокий человек, который умеет только приспособливаться сам, в одиночку, к ситуации, но не действовать самостоятельно в составе какой-то общности, потому что его от этого отучили, этот вероятно одна из самых глубоких драм перестройки. и постперестроечного периода» (Г. Дилигенский. **Выступление в дискуссии журнала «Вопросы философии»** // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 10) (Дилигенский, 1994).*

15. «Советский человек» — наследник русской интеллигенции.

*«...В течение всего советского периода в России был создан новый культурный тип человека — это всеми презираемый тип ното sovieticus. При всех ужасных и отвратительных чертах этого культурного типа надо все-таки сказать, что впервые тем не менее в России возник культурный тип, который был универсален. А это значит, что исчезла ситуация, когда (как в дореволюционной России) существовало два совершенно разных культурных класса, и возникла культура, которую можно рассматривать как своего рода протобуржуазную культуру» (В. Б. Пастухов. **Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации** // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 67) (Пастухов, 1994).*

«...Интеллигентское мирозерцание, став народным мировоззрением, т. е. будучи таким образом многократно растиражированным, утратило определенность и остроту, сделалось более сглаженным, аморфным. Во много раз снизился уровень образованности, малоаметной стала одержимость, обостренность воли. И свету явилась та безликая и агрессивно-пассивная посредственность, которая известна сегодня под именем “гомо советикус” Каким бы существенным ни казалось на поверхности различие между “гомо советикусом” и российским интеллигентом — это представители одного “культурного типа”. У них общий главный отличительный признак — синтез индивидуального, личностного и коллективного, общинного начал в едином органическом целом. Поэтому, несмотря на свои внешне отталкивающие характеристики, “гомо советикус” исторически является представителем более высокого, прогрессивного типа культуры, чем культура раскола. В подобной культуре общинное начало уже не проявляет себя непосредственно, а как бы интериоризовано личностью. И в этом смысле в результате революции Россия, вслед за Европой, самобытно завершает процесс индивидуализации. Но “Азия” теперь как бы живет отдельно в душе каждого индиви-

да. Сознание новоиспеченной — органичной — личности еще насквозь проникнуто общинным духом. И здесь вновь парадокс — общинное, азиатское начало выделяется в “гомо советикусе” как типе больше, чем тогда, когда оно непосредственно господствовало в российской культуре. Тысячекратно усиливается внешнее противоречие между острым сочетанием европеизма и азиатчины, оно приобретает совершенно особенный “привкус”. Подобный парадокс вполне объясним. Общинное начало по своей природе пассивно. Непосредственно присутствуя в русской культуре, оно не сильно бросалось в глаза, поскольку фон определялся личной активностью небольшого европеизированного “класса”. В опосредствованном виде, проявленное через энергию миллионов индивидов, оно создает такую яркую картину, что истинная причина (благодаря которой достигается столь мощный эффект) — личностное начало — перестает быть заметным. “Гомо советикус” был и есть закономерный итог российского культурного развития. Энергия более чем двухвекового противостояния “верхов” и “низов”, Европы и Азии вроде бы разрядилась, образовав внешне однообразную массу посредственных субъектов. На самом деле — это очень энергетически насыщенная протоплазма, способная стать “питательной средой” для новой культурной “подвижки” (скачка) России. “Гомо советикус” — первый массовый тип личности, рожденный на почве российской культуры. Но очень долгое время облик этой личности определялся не ее действительной сущностью, а тем насилием, при помощи которого она появилась на свет и развивалась в эпоху коммунистического тоталитаризма» (В. Б. Пастухов. *Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития.* М., 1995. Вып. 2. С. 400—401) (Пастухов, 1995).

16. Большевизм — результат синтеза двух типов русского интеллигента — рационалиста-либерала и активиста-народника.

«Либерализм и народничество как течения внутри российской интеллигенции были односторонними, причем каждое в своем роде. Либерализм, родившийся из взаимопреодоления западничества и славянофильства, был одинаково критичен относительно как искусственного европеизма верхов, так и традиционной патриархальности народа. Вместе с тем ему недоставало активного, волевого начала, необходимого для свершения практического переворота в общественных отношениях. Народничество было движением “энергии и воли”, но оно совершенно не критично, абсолютно отвергало культуру “верхов” и фетишизировало культуру “низов”. Дальнейшее историческое развитие требовало, чтобы рационализм и воля соединились в одно целое... “Новые люди” появились в среде российской интеллигенции в

*80-е годы XIX в. На смену романтическому и эмоциональному приходит жесткий и большей частью прагматический тип личности. Идейной же формой, в которой осуществился синтез воли и рационализма, стал “русский марксизм” Он имел мало общего со своим прародителем. Просто интеллигенция, к тому часу полностью сложившаяся как особый культурный “класс”, нуждалась в адекватной ее устремлению идеологии. Как это уже не раз бывало (и будет еще) в российской истории, соответствующая идеологическая система была импортирована с Запада и приспособлена к “домашним” потребностям. Данный процесс был растянут во времени. Окончательная адаптация невропейского марксизма к российским условиям завершилась с появлением большевизма» (В. Б. Пастухов. **Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития.** М., 1995. Вып. 2. С. 397—398) (Пастухов, 1995).*

XVIII. СООТНОШЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА И МАРКСИЗМА

1. Большевики — ортодоксальнейшие марксисты (больше, чем меньшевики).
2. Советский коммунизм — полный и настоящий коммунизм.
3. В России трагически сказался основной пробел марксизма — его оккультно-благодарное отношение к пролетариату.
4. История большевистской России — огромная иллюстрация к ошибкам марксизма — второстепенной экономической концепции XIX в.
5. Большевистский переворот в России — результат кризиса европейского социализма.
6. Победа большевизма — естественная кара за грехи русского социализма.
7. Большевистская революция — трагедия русского социализма.
8. Большевики — самые лютые враги истинного социализма.
9. Практический социализм большевиков был абсолютно отличен от социалистической доктрины.
10. Большевизм вышел (буквально) из марксизма.
11. Не марксизм лег в основу новой советской культуры.
12. Большевизм как насилие идеологии над жизнью — есть отрицание теории Маркса о примате экономики над идеологией.
13. Ленин — не ученый (как Маркс), а «изувер науковерия», победивший благодаря фантастической вере в догму марксизма.
14. Марксизм был взят на вооружение Лениным исключительно как орудие ненависти.
15. Марксизм в СССР — не метод познания, а метод революционного разрушения.
16. Большевики руссифицировали и ориентализировали марксизм, подчинив его русской революционно-тоталитарной традиции.

17. Импортированный марксизм, радикально упростившись, стал в России максимально почвенным явлением.
18. Марксизм, задуманный создателями-европейцами в качестве орудия борьбы пролетариата против буржуазии, стал в России орудием «городской революции» против аграрно-сословного строя.
19. «Народный сталинизм» является промежуточным явлением в перерождении марксизма-ленинизма в «бюрократический» сталинизм.
20. Сталинизм — деформация ленинизма.
21. Сталинизм — реализация «революционно-левацкой» традиции в противовес «революционно-реалистической».
22. Коммунизм в России — продукт случайного стечения обстоятельств, а не реализация марксистского плана.
23. Большевики удержались у власти ценой оппортунизма.
24. Сталинизм — блатное издевательство над марксизмом.
25. Сталинизм возможен и без социализма, являясь идеологической самоапологетикой, способной паразитировать на самых разных идеях.
26. Сталинизм — «умерщвление альтернативы».
27. Сталинизм победил тогда, когда революционно-романтические проекты «старой гвардии» доказали несостоятельность.
28. Сталин завел страну в тупик, не изнасиловав историю, а доведя до логического абсурда «естественный» ход событий.
29. Главный порок сталинизма — неумение завершить революцию.
30. Сталинский «социализм в одной стране» — простейшее усреднение между ксенофобией и невозможностью «экспорта революции».
31. Сталинизм полностью противоположен марксизму.
32. Сталинизм — это подлинный ленинизм.

1. Большевики — ортодоксальнейшие марксисты (больше, чем меньшевики).

*«... Что касается собственности, национализации, обобществления средств производства, борьбы с рынком, товарно-денежными отношениями большевики, в том числе и И. В. Сталин, были самыми последовательными и ортодоксальными марксистами... Идею национализации всей земли, передачи всех земель в общую собственность всего народа большевики почерпнули у Карла Маркса. В этом отношении они были более ортодоксальными марксистами, чем меньшевики, которые во главе с Г. В. Плехановым склонялись к муниципализации пахотной земли» (А. С. Ципко. **Ф** зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа, М., 1989. С. 193) (Ципко, 1988—1989).*

2. Советский коммунизм — полный и настоящий коммунизм.

«В Советском Союзе построен самый полный коммунизм. Никакого другого настоящего коммунизма в реальности нет и в принципе быть не может» (А. Зиновьев. **Кризис коммунизма**. М., 1990. С. 298) (Зиновьев, 1990).

«Ну а то, что мы строили и построили именно коммунистическое общество — тоже ясно. Всякие разговоры о развитом социализме ведутся стыда ради, ибо коммунизм у нас “полный” с начала 1930-х годов, когда был сокрушен последний класс “собственников” (то есть уничтожено и обращено в рабов крестьянство)... И наша хроническая бедность, и наша коробочная архитектура, и наша “наглядная агитация”, все это — строгое осуществление принципов коммунизма» (Д. Балашов. **Еще раз о Великой России** // Вече. 1992. № 46. С. 121) (Балашов, 1992).

3. В России трагически сказался основной пробел марксизма — его оккультно-благодущное отношение к пролетариату.

«Социально-политическая позиция Маркса, как известно, формировалась в русле немецкой философской критики религии, для которой была характерна беспрецедентная авангардистская и нонконформистская конкуренция. Молодые философы-публицисты состязались в доктринальной левизне. Маркс оказался победителем в этих авангардистских гонках, выдвинув в 1843—1844 годах удивительно простую, емкую и решительную атеистическую антитезу основного и отличительного христианского символа. Религии распятого бога он противопоставил доктрину распятого богоподобного человека. Богоподобный человек, возведенный капитализмом на Голгофу крайней бедности, унижения и презрения, — это пролетариат. Именно в него — в наиболее обездоленный и отверженный класс гражданского общества — необходимо уверовать как в Спасителя... Это, если угодно, пролетариат Андрея Платонова — промышленное скопище пауперов и люмпенов, деклассантский жмых, наспех спрессованный работным домом и фабрикой... И что же — эта духовно опустошенная, слабоумная, одичавшая, ниже животного уровня опустившаяся порода человеческих существ должна возглавить универсальную эмансипацию? Этот новый варвар, этот человек-желудок призван освободить культуру от цепей отчуждения? Этот машиноподобный производитель — вернуть труду значение полноценной предметно-творческой деятельности? Да, молодой Маркс требует без оговорок признать данный парадокс. Таково преложенное им кредо истинного радикализма и истинной революционности... Рабочий рискует вконец обезчеловечиться, если немедленно не подыметесь на рево-

люционную борьбу. Любые соглашения и компромиссы, любые надежды на реформистское улучшение существующего общественного порядка пагубны в перспективе спасения («чем хуже, тем лучше» — такова молчаливо предполагаемая «Манифестом Коммунистической партии» формула активистского катастрофизма)... Отчаянная вера “Экономическо-философских рукописей” не боялась крайних сомнений... Поскольку пролетариат — это класс экспроприированных средних и мелких собственников, постольку он подвержен зависти к частной собственности, а потому тяготеет к казарменно-уровнительным программам ее обобществления, к принудительному и однотипному «орабочению» всего населения и (договорим до конца) — к административно-тоталитарному регулированию хозяйственной жизни... Показательно, что в работах 1845—1847 годов эта тема собственных, органичных для пролетариата заблуждений (примитивно-варварских утопических проектов будущего) стушевывается и исчезает... В “Немецкой идеологии” пролетариат рисуется как общественная группа, которая обладает истинным бытием, а потому не производит никаких форм ложного сознания, никаких классово ограниченных иллюзий... Пролетариат может подвергаться дезориентирующему воздействию извне (со стороны либерально-буржуазных или мелкобуржуазных доктринеров), но сам по себе является классом принципиально “неидеологичным” На мой взгляд, это было самое опасное звено в доктрине рационализованного пролетарского мессианства. Марксово учение об идеологии создавало предпосылки для своего рода идолопоклонства по отношению к пролетарской массе, для щадящих и послабительных оценок пролетарских доктринеров... Неправильно было бы утверждать, что Маркс и Энгельс потакавали плебейскому эгалитаризму, зависти и мстительности. Речь скорее должна идти о том, что эти настроения оказывались как бы в «слепом пятне» марксистского идеологического анализа и молчаливо им легитимировались. Для условий Западной Европы второй трети XIX века это была не такая уж страшная беда, поскольку сами раннепролетарские иллюзии находились здесь в стадии естественного отмирания. Совсем иное дело Россия конца XIX—первой трети XX века... когда на социальную арену выбрасывается огромная масса предпролетарского охлоса (сельской бедноты, деклассированной мелкой буржуазии, пауперов и люмпенов). Именно в этой стране и должен был трагически сказаться основной пробел марксизма — его оккультно-благодущное отношение к наличному сознанию рабочего класса, а это значит, и к возможным уродливым деформациям его собственного движения и его политической партии» (Э. Ю. Соловьев. *Даже если бога нет, человек не бог* // Освобождение духа. М., 1991. С. 315—320) (Э. Соловьев, 1991).

4. История большевистской России — огромная иллюстрация к ошибкам марксизма — второстепенной экономической концепции XIX в.

«Вся история России XX в. превратилась в огромную 75-летнюю иллюстрацию к ошибкам одной второстепенной политэкономической концепции века XIX» (Д. Галковский. Русская философия и русская политика // Иное. М. 1995. Т. 3. С. 41) (Галковский, 1995).

5. Большевистский переворот в России — результат кризиса европейского социализма.

«Многие думают всю вину возложить на Россию. Говорят, что здесь нет ни атома социализма, что нельзя смешивать пугачевщину с марксизмом. Для культурного Запада не страшна будто зараза русских илотов. Социализм в Европе полон здоровых, созидательных сил. Все это верно лишь наполовину... Если Европа может четвертый год топить в крови с варварской жестокостью себя и всю завещанную прошлым великую культуру, в борьбе за национальные цели ее народов, почему обманывать себя надеждой, что ее грядущие классовые войны будут менее жестоки и не погребут всех ценностей, которые пощадил война? Западный социализм давно уже серьезно болен... Маркс знал, что революция ведет к войне, но он не знал, что к войне ведут разные понимания социализма. Здесь обнажается со страшной силой, как мало единых начал выработал современный социализм. На механике интересов и ненависти он построил надежды на свое торжество. Но ненависть обращается на самое себя, «революция пожирает своих детей». Интересы образуют причудливо скрещивающиеся круги, которые, вместо того чтобы расширяться от класса до человечества, все суживаются от группы к группе, чтобы прийти к оторвавшемуся от всякого социального тела хищнику: человек человеку волк» (Г. П. Федотов. С.-Петербург, 22 апреля (5 мая) 1918 г. // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 39, 40; первая публикация: Свободные голоса. СПб., 1918, № 1) (Федотов, 1918).

6. Победа большевизма — естественная кара за грехи русского социализма.

«“Большевизм” господствовал с самого начала “революции”, и в нынешнем торжестве его нет ничего нового. Все “развитие и углубление революции” шло по указке “большевиков”, вдохновлялось их духом, если это можно назвать духом, постепенно принимало провозглашенные ими начала. Другие революционно-социалистические партии, меньшевики и социалисты-революционеры, или на буксире

у “большевиков”, они были менее последовательны и тот же яд был у них лишь менее сгущен и сконцентрирован. Никогда меньшевики и социалисты-революционеры не могли решительно и радикально восстать против “большевиков”, потому что “большевики” были для них людьми одной веры, быть может грешниками, но не еретиками. Правoverные не сжигают грешников на кострах, они сжигают лишь еретиков... И в победе “большевиков” над другими социалистическими группами есть имманентная справедливость, это — естественная кара за их собственные грехи. Болезнь должна развиваться до конца, должна быть изжита в своих крайних последствиях» (Н. А. Бердяев. *Была ли в России революция?* // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 110; первая публикация: Народопрavство. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).

7. Большевистская революция — трагедия русского социализма.

«В России нет сейчас несчастнее людей, чем русские социалисты, — мы говорим о тех, для кого родина не пустой звук. Они несут на себе двойной крест: видеть родину истекающей кровью и идеалы свои поруганными и оскверненными в их мнимом торжестве. И ко всему этому присоединяется сознание, что именно попытка реализации этих идеалов — повинна, в какой-то еще не подлежащей определению мере, в гибели России. Мы целый год в невыразимой боли созерцали, как влачится в грязи красное знамя, как, во имя братства и справедливости, бушует ненависть, алчность и вожделиние. Зверь не может досыта упиться кровью, животное — отвалиться от корыта с помоями. Именем социализма трудящиеся массы отравлены ядом подлинно буржуазной, мещанской жадности. Кто думает ныне о труде и его святости? Кто знает, что социализм есть организация труда, а не общественных столовых? Кто помнит сейчас об “идее рабочего сословия”?» (Г. П. Федотов. С.-Петербург, 22 апреля (5 мая) 1918 г. // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 39; первая публикация: Свободные голоса. СПб., 1918, № 1) (Федотов, 1918).

8. Большевики — самые лютые враги истинного социализма.

«...Нет у социализма в настоящий момент более лютых врагов, чем господа из Смольного. Не капиталистический способ производства они превращают в социалистический, а истребляют крупные капиталы, уничтожают крупную промышленность» (В. И. Засулич. Социализм Смольного (1918) // Заря. 1922. № 9—10. С. 286) (Засулич, 1918).

9. Практический социализм большевиков был абсолютно отличен от социалистической доктрины.

«Таким образом, социализм, как идея строительства планомерной организации хозяйства, явился в русской жизни рационалистическим построением ничтожной кучки доктринеров-вождей, поднятых волной народных страстей и вожделений, но бессильных ею управлять. Социализм же, как идея раздела, или передела имущества, означая конкретно уничтожение множества капитальных ценностей, упирается в пассивное потребление, или расточение, “проедание” благ, за которым не видится ничего, кроме голода и борьбы голодных людей из-за скудного и непрерывно скудеющего запаса благ» (П. Б. Струве. **Исторический смысл русской революции и национальные задачи** // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 10; первая публикация — 1918) (Струве, 1918).

10. Большевизм вышел (буквально) из марксизма.

«Большевизм вышел из марксизма, и выйдя из него, т. е. покинув его почву, на сапогах своих унес лишь кое-какие отрывки марксистской идеологии...» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). **Пять лет большевизма**. Берлин, 1922. С. 45) (Португейс, 1922).

11. Не марксизм лег в основу новой советской культуры.

«Представляется несомненным одно: не марксизм лег в основу новой культуры, хотя он завещал ей некоторые из своих элементов. Огромные средства, потраченные государством на пропаганду марксизма, множество журналов, марксистских институтов и академий не дали ни одного серьезного ученого, ни одного талантливого писателя. Россия изрыгнула из себя все лошадиные дозы марксистского яда... Что осталось от марксизма — так это социальный реализм, вернее, цинизм, классовый примитив в оценке социальных явлений. Осталось общее достояние — I Интернационала, скорее Бакунин, чем Маркс. Большевики умели обязательным катехизисом своей политграмоты отбить вкус к марксизму, вызвать ощущение, близкое к тошноте, у всех, проходящих через ее мытарства. Но не нужно поддаваться иллюзиям: молодые люди, проклинаящие политграмоту, не способны в большинстве случаев ни критиковать ее, ни преодолеть. Она остается в их мозгах непереваренным комом, как куча скучных, пошлых истин — но все-таки истин» (Г. П. Федотов. **Новая Россия** // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 214; первая публикация: **Современные записки**. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

12. Большевизм как насилие идеологии над жизнью — есть отрицание теории Маркса о примате экономики над идеологией.

«Русская революция противоречит всем установленным Марксом законам необходимого развития капитализма и необходимого перехода централизованного капитала и мощной индустрии в руки огромной пролетаризованной массы индустриальных рабочих. Русская революция целиком строилась на идеологическом фундаменте, заложенном русской радикальной интеллигенцией, теоретиками-марксистами и профессиональными революционерами, которые нисколько не считались с законами экономического развития и решили перескочить через необходимость развития индустрии и пролетаризованного крестьянства. Не идеи подчинялись здесь экономической действительности и отражали ее, а, напротив, экономическая действительность была сломлена и перестроена по требованию коммунистической идеологии, принуждена была отражать коммунистическую идею» (Б. Вышеславцев. *Философская нищета марксизма* (1952) // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 114) (*Вышеславцев, 1952*).

13. Ленин — не ученый (как Маркс), а «изувер науковерия», победивший благодаря фантастической вере в догму марксизма.

«Для диалектики ленинского отношения к России и социализму характерно и существенно то, что своим, с точки зрения критического понимания, непониманием России, он как раз и понимал ее. Т. е. отождествлялся с нею. Для успеха его разрушительного дела такое понимание-непонимание быть может было единственно возможным... Всю жизнь изучавший Маркса и ощущавший себя марксистом, Ленин не был ни бланкистом, ни даже утопистом, а всего только (это всего только очень много) русским марксистом... С точки зрения научных элементов марксизма, дело Ленина было задумано, конечно, совершенно утопично, но в том-то и дело, что ставка на утопизм отнюдь не была в России утопизмом, и надо отдать справедливость Ленину, что при всем своем утопизме он был весьма расчетливым и трезвым политиком. И это не противоречие, наоборот: ничего более утопичного, ирреального и фантастического, чем положение в основу русской революции подлинно научного духа марксизма, нельзя было бы вообще выдумать; положение же в ее основу совершенно фантастической веры в догму марксизма было делом вполне реальным, ибо Россия никогда не жила наукой, а всегда жила догмой: ведь даже и философия в России была... не критической, а догматической. И Ленин, безусловно, потому только и победил всех своих политических противников, потому только и воплотился, потому только и реа-

лизовал свою мифическую революцию, что он не был ученым, каким, безусловно, был сам Маркс, а был характерно русским *изувером науковерия*» (Ф. Степун. *Мысли о России // Современные записки*. Париж, 1927. № 33. С. 350, 353—354) (Степун, 1927).

14. Марксизм был взят на вооружение Лениным исключительно как оружие ненависти.

«В соответствии с преобладающей чертой в характере Ленина я сейчас же заметил, что его главной установкой — употребляя популярный ныне немецкий психологический термин (Einstellung) — была ненависть. Ленин увлекся учением Маркса прежде всего потому, что нашел в нем отклик на эту основную установку своего ума. Учение о классовой борьбе, беспощадной и радикальной, стремящейся к конечному уничтожению и истреблению врага, оказалось конгениально его эмоциональному отношению к окружающей действительности. Он ненавидел не только существующее самодержавие (царя) и бюрократию, не только беззаконие и произвол полиции, но и их антиподов — “либералов” и “буржуазию” В этой ненависти было что-то отталкивающее и страшное; ибо коренясь в конкретных, я бы сказал даже животных, эмоциях и отталкиваниях, она была в то же время отвлеченной и холодной, как самое существо Ленина» (П. Б. Струве. *Мои встречи и столкновения с Лениным // Вестник Российского Христианского Движения*. Париж, 1970. № 95—96. С. 163—164; первая публикация: Slavonic Review. L., 1934) (Струве, 1934).

15. Марксизм в СССР — не метод познания, а метод революционного разрушения.

«Марксизм в науке, в литературе — это не столько метод познания, сколько метод уничтожения буржуазной культуры» (Г. П. Федотов. *Правда побежденных // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России*. СПб., 1992. Т. 2. С. 38; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

«Для Ленина марксизм был только орудием, которым он пользовался с большим искусством для своей настоящей цели — разрушения. Ленин хотел революции не ради каких-нибудь ее целей, а прежде всего ради нее самой, и сделал ее он, а не другие, именно потому, что другие хотели ее и еще чего-нибудь в придачу, а он ее и ее одну» (В. Вейдле. *Три России // В. Вейдле. Задача России*. Нью-Йорк, 1956. С. 100; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1937. № 65) (Вейдле, 1937).

16. Большевики руссифицировали и ориентализировали марксизм, подчинив его русской революционно-тоталитарной традиции.

«Революционер имеет интегральное мирозерцание, в котором теория и практика органически слиты. Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни. Критический марксизм мог иметь те же конечные идеалы, что и марксизм революционный, считающий себя ортодоксальным, но он признавал раздельные, автономные сферы, он не утверждал тотальности... Марксизм переставал быть целостной, тоталитарной доктриной, он превращался в метод в социальном познании и социальной борьбе. Это противно тоталитарности революционного типа. Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это — Ленин и большевики. Большевики и определили себя единственным ортодоксальным. Т. е. тоталитарным, интегральным марксизмом, не допускающим дробления марксистского мирозерцания и принятия лишь его отдельных частей... Ленин... совершал революцию во имя Маркса, но не по Марксу. Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ... Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла руссификация и ориентализация марксизма» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 87—88; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

17. Импортированный марксизм, радикально упростившись, стал в России максимально почвенным явлением.

«Появление марксизма в 90-х годах было настоящей бурей в стоячих водах. Оно имело освежающее, озонирующее значение... Это тоже импорт, разумеется, — в большей мере, чем русское народничество, имеющее старую русскую традицию. Но в научных основах (все-таки научных!) русского марксизма были моменты здорового реализма, помогшие связать интеллигентскую мысль с реальными силами страны... Русская социал-демократия, несомненно, самое почвенное из русских революционных движений. В нем практически профессионалы революции путем радикального упрощения своего интеллигентского сознания сливались с верхушкой “сознательных пролетариев”,

образуя не новую интеллигенцию, а кадры революционных деятелей. В этом свете понятен особый пафос классовой идеи в России и особая ненависть к интеллигенции в марксистском лагере. Для него "классовый" означало "почвенный", "интеллигенция" — мир старой, отрешенной кружковщины XIX века» (Г. П. Федотов. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1. С. 94—95; первая публикация: Версты. Париж, 1926. № 2, под псевд. Е. Богданов) (Федотов, 1926).

18. Марксизм, задуманный создателями-европейцами в качестве орудия борьбы пролетариата против буржуазии, стал в России орудием «городской революции» против аграрно-сословного строя.

«Марксизм в России сыграл роль, не предвиденную его создателями-европейцами. Провозгласив фокусом социальной динамики не очень то актуальное для российского общества противоборство пролетариата и буржуазии, маргинализовав положение крестьянства как класса, русские социал-демократы сделали из марксистской доктрины идеологию российской "городской революции" Победа большевиков над главными их конкурентами — эсерами стала победой большевистской потановки аграрного вопроса в России как вопроса, подчиненного перспективе "городской революции", торжеству города над деревней» (В. Л. Цымбурский. Большевизм и цивилизация России. Рукопись доклада. М., 1996. С. 7) (Цымбурский, 1996).

19. «Народный сталинизм» является промежуточным явлением в перерождении марксизма-ленинизма в «бюрократический» сталинизм.

«...Сталинизм не сразу проявляется как ясно выраженный антипод марксизма-ленинизма. На первом этапе он формируется как некая, неясно выраженная тенденция идеологического субъективизма и политического волюнтаризма, отражающая психологию, настроение менее развитой, менее культурной части революционных масс (это, так сказать, ранний, «народный» сталинизм). Суть второй ступени эволюции — в изменении его социальной опоры и идейной окраски: "народный" сталинизм превращается в "бюрократический" (то есть антинародный), а волюнтаристские идейные тенденции — в идеологию культа личности, которая в окружении бюрократической элиты представляется единственным творцом истории... Любопытно, что "народный" сталинизм, разгромленный в 30-е годы в высших партийных и государственных эшелонах, продолжал тем не менее жить в определенных слоях народа. Для него характерной оставалась острая антибюрократическая направленность. Мечты части простого народа в период брежневщины о сильном вожде, напомина-

ющем Сталина, — это мечты о силе, которая смогла бы защитить простых людей от абсолютной власти бюрократии. Видеть различие двух видов сталинизма очень важно» (Г. Водолазов. Ленин и Сталин // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 155) (Водолазов, 1989).

20. Сталинизм — деформация ленинизма.

«... Кажется просто немыслимым господство такой идеологии, такого политического режима в обществе, стремившемся сознательно руководствоваться материалистическим учением Маркса и развивать широкую демократизацию общественной жизни. Это выглядит действительно столь невероятным, что и причины этого обычно стараются найти тоже какие-то невероятные — у чудовищного явления должны быть и чудовищные корни. Ищут в прошлом какое-то внезапное, гигантское социальное землетрясение, которое “вдруг” резко переломило когда-то логику исторического развития. И в результате сбиваются на ложные пути. Потому что самые страшные болезни, как правило, возникают путем постепенной деформации нормы. Раковые клетки растут поначалу тихо, незаметно, постепенно деформируя здоровую ткань. И только потом, когда перерождение с разных сторон зазвывает организм, губительный процесс начинает убыстрять свой ход, обретая черты чудовищного и трагического. Самое трудное (и самое, конечно, важное) — понять истоки этого движения от нормы к деформации... Ленинизм — не исток сталинизма, а наиболее сильное орудие борьбы с ним. Ибо ленинизм — это учение, выдвигающее задачи, решение которых и ведет к разрушению главнейших опор, фундамента бюрократической системы» (Г. Водолазов. Ленин и Сталин // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 143, 158) (Водолазов, 1989).

21. Сталинизм — реализация «революционно-левацкой» традиции в противовес «революционно-реалистической».

«Сталинизм берет начало не в каких-то необычных, экзотических идейных и социальных сферах. Он вырастает на той же самой общей почве, что и ленинизм, — почве революционного народа и марксизма, но на тех участках этой почвы, которые порождают сорняки, паразитические растения, противостоящие цветам подлинно гуманистической культуры. По внешнему виду первые ростки ядовитых растений сталинизма не сразу можно отличить от культурных побегов... Принципиально важным моментом для понимания происходивших после Октября процессов является признание существования внутри российского революционного движения двух социальных

образований и возникающих на их основе двух идейных течений — революционно-реалистического и революционно-левацкого толка... Это “казарменно-коммунистическая” (Заичневский, Нечаев, Ткачев...) и демократическая, прославляющая историческую самостоятельность народа (Радищев, Герцен, Лавров, Добролюбов, Чернышевский...) В этих двух типах жизненной ориентации, политического мышления, мировоззрения отразились различия социального и культурного бытия двух основных слоев революционной массы — развитого, культурного слоя трудящихся, способного подхватить и продолжить в истории “золотую нить прогресса”, способного, говоря словами Маркса, сохранить и приумножить “плоды цивилизации”, и слоя людей, отброшенных обществом на самое дно, “отверженных” в полном смысле этого слова, людей, забытых этим обществом, загнанных в угол, неразвитых, ненавидящих которых к данному общественному устройству получает преимущественно тотально-разрушительный характер» (Г. Водолазов. Ленин и Сталин // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 154, 146—147) (Водолазов, 1989).

22. Коммунизм в России — продукт случайного стечения обстоятельств, а не реализация марксистского плана.

«Это был путь, навязанный обстоятельствами, а не нечто проведенное по заранее намеченному марксистскому плану... Коммунизм в Советском Союзе возник как результат определенного индивидуального стечения обстоятельств и естественного процесса выживания страны в жутких условиях развала Российской империи» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 36) (Зиновьев, 1980).

«Наша революция 17-го года была делом случая: если бы большевики не решились взять власть, коммунизма у нас не было бы» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 298—299) (Зиновьев, 1995).

23. Большевики удержались у власти ценой оппортунизма.

«Только старательно облегчаясь от своей программы, только ценой неслыханного в истории революции бесстыдного оппортунизма, большевики могли удержаться у власти. Только терпя изо дня в день поражение, как принцип, большевизм мог до сих пор удержаться, как факт. Они объявили священный поход против истории, но история забралась внутрь их самих, дала им жизнь, и отняла у нее их смысл» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Об историческом массиве (Из размышлений о русской революции) // Современные записки. Париж, 1927. № 32. С. 357) (Португейс, 1927).

24. Сталинизм — хулиганское издевательство над марксизмом.

«То, что он <Сталин. — Сост.> писал в области марксизма, — это совершенное издевательство над марксизмом, это хулиганская выходка блатного: вот я пишу этот бред, называя его высшим достижением, а вы, очкастые фраера, которые воспитаны на этой презренной теории, извольте соглашаться и повторять за мной этот бред» (В. Чалидзе. Победитель коммунизма, Нью-Йорк, 1981. С. 8) (Чалидзе, 1981).

25. Сталинизм возможен и без социализма, являясь идеологической самопологетикой, способной паразитировать на самых разных идеях.

«Социализм и сталинизм — не одно и то же. Сталинизм возможен и без Сталина... И одним лишь развенчанием Сталина сталинизм не победишь. Послеавгустовский режим освободился от социализма и коммунистической идеологии, но не от сталинского стиля политического мышления и поведения, еще раз подтвердив, что социализм и сталинизм — разные вещи. Что собственно следует считать сталинизмом? Его часто отождествляют с деспотической и тиранической формой власти, с массовыми репрессиями и государственным террором. Но диктаторы и тираны встречаются в истории любой страны, из чего не следует, что все они должны быть обязательно уподоблены Сталину. Иван Грозный и Петр I убивали людей с неменьшей жестокостью, чем это делал Сталин (почему они и вызывали у него симпатию), но и это не повод для того, чтобы усматривать в них предшественников и родоначальников сталинизма... Сталинизм в моем понимании — не столько политическое, сколько идеологическое явление. Идеология сталинизма объясняет и его политическую практику. А в основе этой идеологии лежит всем хорошо известный миф о победе социализма в одной стране... Объявив социализм построенным, Сталин выдал за него им же самим созданный режим, отождествил социалистическую идею с реальностью своего собственного правления... Тем самым реальность, названная социалистической, была идеологизирована, а идея, получившая статус реальности, мифологизирована, превращена даже не в утопию, а в миф, выдающий за реальность то, что никогда ею не было... Антикоммунизм и антисоциализм в качестве официальной политики породили режим, весьма далекий и от демократии, и от нормального рынка. Очень многое напоминает прежние порядки: опять один человек является гарантом всего и вся, опять ему нет альтернативы, опять все в стране вершится его именем... Выдав борьбу с социализмом за борьбу со сталинизмом, корни сталинизма сохранили, а они не в социализме кроются, а в мышлении властей, отождествляющих идею,

идеологию — неважно какую — с самими собой. Если Сталин думал, что он и есть олицетворение социализма, то Ельцин только в себе видит гаранта рыночных реформ и демократии. Но там, где демократия держится на одном человеке (без него она якобы потерпит поражение), она ничем не лучше социализма, утверждаемого волей одного лица. И я уверен, что ельцинизм войдет в нашу историю как еще одна разновидность сталинизма» (В. М. Межуев. Сталинизм возможен и без Сталина // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996. С. 82—86) (Межуев, 1996).

26. Сталинизм — «умервщение альтернативы».

«Как человек своего поколения, я пытаюсь понять власть Сталина над нашими душами. И если сказать об этом совсем коротко, несколькими словами, то ими будут: умервщение альтернативы. Сталин — палач ее; не единственный, правда, в XX веке, но, вероятно, достигший наибольшего успеха в этом» (М. Гефтер. Будущее прошлого // Век XX и мир. 1991. № 8. С. 33) (Гефтер, 1991).

27. Сталинизм победил тогда, когда революционно-романтические проекты «старой гвардии» доказали несостоятельность.

«...Сталин предложил свои “простые” варианты политического строительства тогда, когда исчерпали себя и оказались в тупике все “сложные” — назовем их, скажем, революционно-романтическими. Других же вариантов в середине 20-х годов ни у кого не было; шумные споры о “режиме” или о “возможности победы в одной стране” преимущественно прикрывали борьбу за власть (а отчасти — тот же дрейф к «реализму»). Сталин смог переиграть, опозорить, а потом и просто уничтожить всю “старую” партверхушку потому, что она уже проиграла спор с историей и лишилась своего лидерского потенциала» (Ю. Левада. Сталинические альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 449) (Левада, 1989).

28. Сталин завел страну в тупик, не изнасиловав историю, а доведя до логического абсурда «естественный» ход событий.

«Помните, как черт говорит Карамазову: “Я часть твоя, только самая худшая...” Примерно так соотносилось это с народом, уже не с символическим, а исторически реальным, пережившим войну и запутавшимся в кровавых лабиринтах постреволюционной страны. То, что предложил ему Сталин, — все эти “простые” и “естественные” альтернативы, — не означало выхода, это было в своем роде скольжение по наклонной плоскости, к тупику, к трясине. Колоссальные

затраты в растраты человеческой энергии и крови поколений, обильные грандиозных проектов и еще более грандиозных обещаний создавали иллюзии конструктивности происходящего. Когда развеялся туман всех этих фальшивых обещаний и искренних заблуждений, стало ясно, что речь шла о строительстве Великого Туника... Некоторые современные критики Сталина и его эпохи утверждают, что было совершено коварное и гнусное насилие над историей, контрреволюционный переворот и т. п. Мне кажется полезным предложить для рассмотрения несколько иную трактовку событий и лиц. Он не нарушил, но исполнил — довел до логического абсурда «естественный» ход событий, не будучи способным ни подняться над ними, ни действительно «повернуть» их течение. Ни к чему другому метод и мировоззрение циничного реализма привести не могли» (Ю. Левада. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 451) (Левада, 1989).

29. Главный порок сталинизма — неумение завершить революцию.

«В некотором подобии военным ситуациям, где важно вовремя остановиться в продвижении, чтобы закрепить возможный успех, необходимо трезво оценить уровень реальных притязаний и в ситуациях социальных переворотов. Неизбежные в ходе “бури и натиска” иллюзии должны уступать место трезвой оценке результатов, возможностей, собственных сил и стремлений. Революционное насилие, как и революционные иллюзии, разлагает самого себя, если длится слишком долго... От романтики революционных взрывов с большим или меньшим трудом приходится везде и всюду переходить к будничной прозе “мирного” политического и экономического развития. Если же гражданская война не сменяется гражданским миром, а превращается в перманентное состояние общества, происходит неизбежное разложение всех его структурных элементов, в том числе и вечерашних революционных сил... Революционизированное 1917-м г. общество, и в прошлом не имевшее соответствующих традиций, не обрело стабильности, не стало правовым, демократическим, закоснело в оковах автократической квазиреволюционной диктатуры. По-видимому, это самый важный и самый тяжелый итог господства сталинизма. На почве этой самой тяжелой из всех “незавершенностей”, которыми страдает наше общество, расцвела впоследствии и вся иерархия коррумпированной бюрократии. Каинова печать этой пирамиды, свойственных ей методов оценки ситуации, характерных для нее средств “простых” решений — на всех без исключения делах и событиях нашей истории этих трудных десятилетий» (Ю. Левада. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 452, 453) (Левада, 1989).

30. Сталинский «социализм в одной стране» — простейшее усреднение между ксенофобией и невозможностью «экспорта революции».

«Сделать еще одну попытку перевернуть мир вооруженной рукой уже никто не решался предлагать. Вариант “нормального”, как мы ска-зали бы сегодня, существования проводить не решались или не уме-ли... В результате остался некий простейший, “средний” вариант — без мира и войны, но зато на перманентном осадном положении “осажденной крепости” А оно оказалось очень удобным, хотя бы потому, что облегло Сталину “простыми”, столь излюбленными или единственно известными ему методами справляться со страной» (Ю. Левада. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Стали-на. М., 1989. С. 458) (Левада, 1989).

31. Сталинизм полностью противоположен марксизму.

«Ненавдя марксизм и коммунистическую идеологию, уничтожив коммунистическую партию Ленина, он был вынужден пользоваться марксистской фразеологией, он был вынужден объявлять себя про-должателем Маркса и Ленина... Вся его жизнь с середины 20-х годов, все существо его подчинено было идее победить в России противоес-тественный коммунистический бред, овладевший многими» (В. Ча-лидзе. Победитель коммунизма. Нью-Йорк, 1981. С. 7—8, 16) (Ча-лидзе, 1981).

32. Сталинизм — это подлинный ленинизм.

«“Сталинизм” — это очень удобное понятие для тех наших “очищен-ных” марксистских кругов, которые стремятся отличаться от офи-циальной линии, на самом деле отличаясь от нее ничтожно (типич-ным представителем этой линии можно назвать Роя Медведева). Для той же цели еще важнее и нужнее понятие “сталинизма” за-падным компартиям — чтобы сбросить на него все кровавое бремя прошлого и тем облегчить свои сегодняшние позиции (сюда относят-ся коммунистические теоретики, как Г. Лукач, И. Дойчер). И — даже обширным леволиберальным кругам Запада, которые при жиз-ни Сталина аплодировали цветным картинкам нашей жизни, а после XX съезда оказались в жестоком просаке.

Но пристальное изучение нашей новейшей истории показывает, что никакого сталинизма (ни — учения, ни — ни направления жизни, ни — государственной системы) не было, как справедливо утверж-

дают официальные круги нашей страны, да и руководители Китая. Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения» (А. И. Солженицын. На возврате дыхания и сознания (1969) // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 32) (Солженицын, 1969).

ХІХ. СОЦІАЛЬНА СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВІЗМА І КОМУНІЗМА

1. Російська революція — ітог «бытовој демократизації» Росії, проникновење «мужика» во все области общественной и государственной жизни.
2. Большевизм — организованное кочевье
3. Большевизм — социально-политическое выражение самобытной «городской революции» в России, отягощенной нерешенными проблемами модернизации.
4. Большевизм переродился в способ приспособления.
5. Большевизм ведет к созданию трудовой России.
6. Большевизм впервые проводит «модернизацию снизу».
7. Большевизм держится притоком глубинных жизненных сил.
8. Технология власти при тоталитаризме адекватна технологии овладения природой.
9. Большевизм сконцентрировал ненависть народа к собственной косности и лени.
10. Волюнтаризм сталинизма подпитывался непонятностью причин Октябрьской победы.
11. Ленин боролся не с самодержавием, а с другими противниками самодержавия.
12. Ленин боролся не с самодержавным государством, а с обществом.
13. Большевики — бизнесмены революции.
14. Социализм в России — формула социального максимализма.
15. Революционеры не столько «раздували», сколько «тушили» эту «странную революцию».
16. Коммунизм — отсрочка решения проблем духовной модернизации.
17. Октябрь 1917 г. был неизбежен из-за массового напора снизу.
18. Гипертрофизации роли рабочей партии была закономерна в крестьянской стране.

19. Сталинизм — левый экстремизм, направленный против крестьянства.
20. Большевизм — восстание «маленького человека» против государства.
21. Революция создала культурную органичность России.
22. Коммунизм — эмбриональный период вызревания культуры модерна.
23. Существенный признак коммунизма — отделение государства и общества, а не подавление государства обществом.
24. Социальным смыслом большевистского переворота стал выход на арену «средних слоев».
25. Смысл большевизма — удержание власти.
26. Способ самосохранения большевистского режима — в поддержании «образа врага».
27. Тоталитаризм — результат «демократизации реакции».
28. Революция — центр кристаллизации нового чувства родины.
29. Большевистская Россия — самая последовательная страна фашизма.
30. Сталинская Россия — промежуточное явление между фашистской диктатурой и царским самодержавием.
31. Большевизм — текстовая культура.
32. Большевистская революция — результат социального иллюзионизма.
33. Коммунизм вырастает из «коммунальности» и противостоит «Цивилизации».
34. Коммунизм как система насилия в России не является тоталитаризмом, ибо не навязан населению «сверху», а вырастает «снизу», из самой социальной структуры населения.
35. Коммунизм — предельно «волюнтаристское общество», в котором властвующие и подвластные практически не различаются.
36. Коммунизм — система «порождения и преодоления трудностей».
37. Коммунизм — социобиологический организм, реализация идеи гоббсовского Левиафана.
38. Коммунизм — общество, в котором все есть «служащие государства».
39. Советский коммунизм — постоянное колебание между «сталинизмом» и «брежневизмом», т. е. «народовластием» и олигархией.
40. В СССР Россия была колонизована Москвией.
41. Коммунизм — это разрастание «коммунальности» и одновременное ограничение ее стихии.
42. Большевизм — попытка построить с помощью тотального сыска анонимное постиндустриальное общество, заменяющее духовную жизнь правильной и ожидаемой артикуляцией.
43. Коммунистический тоталитаризм — требование всемирного империалистического господства.
44. Коммунизм — принудительный коллективизм в форме тоталитарного государственного индустриализма.

45. Октябрьская революция — феодально-бюрократическая контрреволюция против непрочных достижений российского капитализма.
46. Социалистический строй — «диктатура номенклатуры» или «госпартфеодализм» как один из этапов перехода от феодализма к капитализму.
47. Большевики — держались и удержатся благодаря несовершенству механизма их управления.
48. Сталинская «машина власти» функционировала на развитии у общества чувства вины и страха.
49. Сталинский тоталитаризм в отличие от гитлеризма (речевой коммуникативной структуры) есть текстовая коммуникативная структура.
50. Коммунизм — Абсолютная Власть.
51. Тоталитаризм — «маска толпы».
52. Культ личности Вождя при тоталитаризме есть концентрированное и гипертрофированное выражение культа «я» миллионов подданных.
53. Большевизм не смог перебороть русской государственности, но деформировал ее, доведя до «гипертрофии этатизма».
54. Русская революция необратимым образом переродила социальное тело России.
55. Русский мужик при большевиках стал более рационально относиться к власти.
56. Рабочий класс — самый несчастный из классов Советской России.
57. Коммунистическая партия, как «единственные ворота в общественную жизнь», вбирает в себя многих, часто не имеющих ничего общего с коммунизмом.
58. Советская Россия — гораздо более социально и культурно однородна, чем дореволюционная.
59. Коммунизм, будучи «буйством стихийных сил природы» является противоположностью Цивилизации.
60. Теория диктатуры пролетариата Ленина была иерархией диктатур, которую увенчивал сам Ленин-диктатор.
61. Сталинизм — террористическая диктатура бюрократической элиты.

1. Русская революция — итог «бытовой демократизации» России, проникновения «мужика» во все области общественной и государственной жизни.

«Русская революция есть демократическое движение в совершенно ином смысле: это есть движение народных масс, руководимое смут-

ным, политически не оформленным, по существу скорее психологически-бытовым идеалом самоочинности и самостоятельности. По объективному своему содержанию это есть процесс проникновения низших слоев во все области государственно-общественной жизни и культуры и переход их из состояния пассивного объекта воздействия в состояние активного субъекта строительства жизни... Проникновение "мужика" — сначала в лице его авангарда, а потом во все более широких массах — во все области русской общественной, государственной, культурной жизни, бытовая "демократизация" России в этом смысле есть, быть может, самый значительный и совершенно роковой, стихийный процесс, который совершался неудержимо и со все растущей интенсивностью, по крайней мере с момента освобождения крестьян... Русская революция по своему внутреннему социально-политическому существу есть болезненный кризис острой демократизации России...» (С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 11; первая публикация: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

«В ходе цивилизации огромное количество полуграмотных людей приобщилось к политической жизни. В двадцатом веке это количество действительно перешло в качество. Масса людей, потерявших основы тысячелетней народной этики и не усвоивших общекультурную этику, почувствовали возможность влиять на политику, а если повезет, и выскочить в правящую элиту. На плечах этой новой черни и могли подняться такие деятели, как Сталин, Гитлер, Муссолини. Люди, когда-то говорившие о вреде всеобщего образования, были не так уж глупы, хотя выглядели реакционерами. Я думаю, лучшие из них, по крайней мере, были озабочены не своими эгоистическими интересами, а пониманием достаточно долгого и опасного межумочного состояния огромного количества людей, оторванных от народной этики и не усвоивших общечеловеческую» (Ф. Искандер. Поэты и цари. М., 1991. С. 5—6) (Искандер, 1991).

2. Большевизм — организованное кочевье.

«Большевики устанавливают новый тип соотношения власти и оседлости, при котором носителями власти являются элементы наименее оседлые, принципиально кочевые. Партийная принадлежность и выслуги перед партией, единственно определяющие участие любого лица в правящей группе и регулирующие "табель о рангах", выводят всю государственно-административную организацию из непосредственной зависимости от статичных элементов наций, придавая ей характер над-территориальный и организованно кочевой» (П. Сув-

чинский. К познанию современности (1925) // Евразийский вестник. 1927. Кн. 5. С. 24) (Сувчинский, 1925).

3. Большевизм — социально-политическое выражение самобытной «городской революции» в России, отягощенной нерешенными проблемами модернизации.

«Оговорюсь, что я совершенно не склонен отождествлять “городскую революцию” в России с модернизацией страны, ее приспособлением к “западноцентристскому” миропорядку. Практически все известные цивилизации Старого Света на определенной стадии проходили через “городские революции”, иногда бывшие чрезвычайно жестокими. Но в России на “городскую революцию”, представляющую почти универсальный цивилизационный миттельшпиль (русским пришлось бы рано или поздно его разыграть, даже вымри Европа в XIV в. от чумы и прекрати она вовсе влиять на судьбы других обществ) наложилось решение модернизационных задач, продиктованных необходимостью и желанием выдержать западные стандарты — для 20-х и 30-х стандарты, прежде всего, индустриальные и оборонные. Именно наложение требований модернизации на естественный алгоритм городской революции рационализировало и до конца раскрепостило большевистскую “религиозную ненависть” к деревне, что привело в условиях России, страны рискованного земледелия, к подрыву и разрушению аграрного сектора... Именно в большевистские годы мы наблюдаем кристаллизацию собственно городских форм социальности. Они пролагают себе дорогу всеобъемлющим квантованием общества на трудовые коллективы, включенные в агрегации разных рангов; в тяжбах сталинских ведомств за позиции и ресурсы; в играх административного рынка; в эволюции советской профсоюзной системы; в умножении и дифференциации ведомственно-корпоративных привилегий и льгот. В социальном отношении российский вариант «городской революции» серьезно разнится от варианта европейского, разыгрывающегося в обществе, где уже средневековье было сложным симбиозом норм сословных и корпоративных. Там “городская революция” вела, в первую очередь, к надкорпоративной идеологической консолидации третьего сословия, его “гражданского общества”, — лишь позднее эволюционировавшего к обществу массовому, “толпе одиноких”, с сильнейшими проявлениями в нем уже постсословного неокорпоративизма. В России же соответствующая стадия характеризуется становлением на место гибнущего аграрно-сословного общества со слабыми признаками корпоративности — вполне аморфного массового общества, внутри которого и из человеческого материала которого начинает в большевистские годы сгу-

щаться, уплотняться, складываться корпоративно-городской слой. Отсюда парадоксальность положения, когда одни политологи полагают Россию наших дней в хронополитическом, стадийном плане чуть ли не современницей раннесредневековой Европы, другие же без обиняков приравнивают ее к массово-неокорпоративным социумам нынешней Евро-Атлантики. На деле же, речь должна идти о разнящихся социальных воплощениях “городских революций” в обществах с несовпадающими историко-генетическими предпосылками. Тенденция корпоративизации, особенно определенно проявившаяся в т<ак> называемые “годы застоя”, с 60-х по 80-е, “золотые годы” саморазвития российской городской социальности, оказалась задержана, если не опрокинута, модернизаторскими реформами 90-х, которые сокрушили, под лозунгами достижения западных стандартов жизненного уровня, позиции большинства корпораций, не имевших доступа на евро-атлантический рынок» (В. Л. Цымбурский. **Большевизм и цивилизация России.** Рукопись доклада. М., 1996. С. 7—9) (Цымбурский, 1996).

4. Большевизм переродился в способ приспособления.

«При таком положении вещей большевикам ничего не оставалось делать, кроме временного приспособления к буржуазной Европе... а подсоветским гражданам — кроме окончательного приспособления к большевикам. Этой психологией вынужденного приспособленчества как в рядах коммунистической партии, так и в рядах ее непримиримых врагов, быстро разлагались последние остатки героического периода революции и одновременно провокационно выращивался тленный дух лицемерия и предательства своих убеждений. Всюду начиналась игра в поддавки с циничной улыбкой и камнем за пазухой... Но за быстро и небрежно нацепленной коммунистической маской скрывались очень разные люди, а потому и разные способы приспособления» (Ф. А. Степун. **Бывшее и несбывшееся.** Нью-Йорк, 1952. Т. 2. С. 370—371) (Степун, 1940-е).

5. Большевизм ведет к созданию трудовой России.

«Дайте вот только перемолотся муке. Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. Но не России Рябушинских и Гучковых, а России Садовского и... того Сидора, который является обладателем легендарной козы. Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. И в конце концов монархист Садовской споется с двухнедельным большевиком Сидором, ибо оба они сидели на земле, а Рябушинские в кафельном нужнике. Не беда, если Садовскому-сыну, праправнуку Лихутина, придется

самому потаскать навоз. Только бы не был он европейским аршинником, культурным хамом, военно-промышленным вором. К черту буржуев, говорю я» (В. А. Ходасевич. Письмо Б. А. Садовскому (17.12.1917) // Письма В. А. Ходасевича Б. А. Садовскому. М., 1983. С. 97) (Ходасевич, 1917).

6. Большевизм впервые проводит «модернизацию снизу».

«До нашего времени перестройка, от Петра до Витте, шла сверху. Большевики поставили историю вверх ногами: наверху оказалось то, что было в самом низу, подвал стал чердаком, и перестройка снова пошла сверху: диктатура пролетариата. Если Вам не нравится диктатура помещиков и не нравится диктатура рабочего, то, извините, что же Вам будет по сердцу? Уж не диктатура ли бельэтажа? Меня от нее тошнит и рвет желчью. Я понимаю рабочего, я по какому-то, может быть, и пойму дворянина, бездельника милостию Божию, но рябушинскую сволочь, бездельника милостию собственного хамства, понять не смогу никогда. Пусть крепостное право, пусть Советы, но к черту Милюковых, Чулковых и прочую “демократическую” погань» (В. А. Ходасевич. Письмо Б. А. Садовскому (03.04.1919) // Письма В. А. Ходасевича Б. А. Садовскому. М., 1983. С. 97) (Ходасевич, 1919).

7. Большевизм держится притоком глубинных жизненных сил.

«Большевизм держится именно тем, что тот насос, который вытягивает на поверхность активно-государственной культуры, из народной толщи — необходимые силы и энергию и который за последнюю эпоху держался на поверхностных высосанных слоях — опущен большевиками, сознательно или бессознательно — гораздо глубже, в полнокровные недра тучной земли. И может быть невольно, и без сознательного желания поддержать и помочь, приток этих сил — настолько жизнесилен, что легко и щедро питает тот государственный организм, который его втянул в жизнь и обнаружил» (П. Сувчинский. Вечный устой (1921) // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. 2. С. 126) (Сувчинский, 1921).

8. Технология власти при тоталитаризме адекватна технологии овладения природой.

(При тоталитаризме) *«политическая технология» — “технология власти” — оперирует человеком опять-таки точно так же, как “технология овладения природой” — “натуральными объектами”* (Ю. Н. Давыдов. Власть техники и технология власти // Политические исследования. 1991. № 4. С. 22) (Ю. Давыдов, 1991).

9. Большевизм сконцентрировал ненависть народа к собственной косности и лени.

«Большевизм сконцентрировал в себе всю ненависть народа к его же собственной косности, лени, беспочвенной мечтательности, неверности, разгулу, анархической непредсказуемости, сентиментальной эйфории, прекраснотушью. Большевизм — апофеоз дисциплины, стальной решимости, практичности, целеустремленности, монолитности. Он — отрицание, но он и порождение, отражение вязкой русской почвы» (Л. Аннинский. *Монологи бывшего сталинца* // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 78) (Аннинский, 1989).

10. Волюнтаризм сталинизма подпитывался непонятостью причин Октябрьской победы.

«Ошеломляющий успех в Октябре и в гражданской войне — когда по всем обычным законам соотношения сил они как будто не могли победить, но победили — укреплял их веру в свое всемогущество. То есть непонятая логика Октябрьской победы (в которой как раз опора на объективные законы, а не на насилие, обеспечила успех) и низкая культура значительной части народа и породили массовую эйфорию всемогущества и всевозможности. Ну, буквально: нет преград — ни в море, ни на суше» (Г. Водолазов. *Ленин и Сталин* // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 147) (Водолазов, 1989).

11. Ленин боролся не с самодержавием, а с другими противниками самодержавия.

«...Из года в год, от съезда к съезду Ленин боролся не с самодержавием, а с его врагами — народниками, легальными марксистами, богословами, просветителями, меньшевиками, эсерами... Борьба Ленина с другими врагами самодержавия была борьбой с непоследовательностью их вражды, с теми “щелками” и “просветами” в их сознании, сквозь которые в него входил обычный нереволуционный мир... Все это Ленин называл “оппортунизм”» (В. Чаликова. *С Лениным в башке* // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 34, 37) (Чаликова, 1990).

12. Ленин боролся не с самодержавным государством, а с обществом.

«Ленин непосредственно и не боролся с самодержавием: он знал, что это прекрасно сделают левые кадеты и эсеры. Его задача была — разрушить общество. И оно рухнуло — вместе с кадетами, эсерами и всеми прочими, которые, находясь под моральным террором край-

не левых, не смели быть самими собой и потому вообще перестали быть» (В. Чаликова. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 38) (Чаликова, 1990).

13. Большевики — бизнесмены революции.

«Большевики — профессионалы революции, которые всегда смотрели на нее как на “дело”, как смотрят на свое дело капиталистический купец и дипломат, вне всякого морального отношения к нему, все подчиняя успеху. Их почвой была созданная Лениным железная партия. Почва не Бог весть какая широкая — было время, когда вся партия могла поместиться на одном диване, — но зато страшно вязкая. Она поглощала человека без остатка, превращала его в гайку, винт, выбивала из него глаза, мозги, заполняя череп мозгом учителя, непомерно раззросшегося, тысячерукого, но одноглазого. Создание этой партии из такого дряблого материала было одним из чудес русской жизни, свидетельством о каких-то огромных — пожалуй, даже допетровских — социальных возможностях. Вся страстная, за столетие скопившаяся политическая ненависть была сконденсирована в один ударный механизм, бьющий часто слепо — вождь одноглазый, но с нечеловеческой силой» (Г. П. Федотов. Трагедия интеллигенции (1926) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 98) (Федотов, 1926).

14. Социализм в России — формула социального максимализма.

«Совершенно ясно, что в социальных и политических условиях России не было ни малейшей почвы для социализма. Ибо не было капитализма, в борьбе с которым весь смысл этого европейского движения... Социалистическая формула была просто подсказана западным опытом как формула социального максимализма» (Г. П. Федотов. Революция идет (1929) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 163—164) (Федотов, 1929).

15. Революционеры не столько «раздували», сколько «тушили» эту «странную революцию».

«...Она пришла незваная и нежеланная, она совершилась без революционеров — как обвал, как стихийная катастрофа... В России, после убийства Распутина не было никакой власти, и ничто не могло остановить пожара. Можно было несколько задержать его распространение. Обвал лавины можно было растянуть — на восемь месяцев, что и было сделано “революционной демократией” Странная

это была революция, где революционерам приходилось тушить, а не раздувать ее. И они сознавали, что в руках у них не было ничего, кроме садовых леек... Всякая партия, которая пошла бы по ветру народной стихии, могла вести Россию за собой» (Г. П. Федотов. **И есть и будет (Размышления о русской революции)**. Париж, 1932. С. 65—68, 70—72) (Федотов, 1932).

16. Коммунизм — отсрочка решения проблем духовной модернизации.

«Европейская культура настойчиво устраняла склонность человека к иллюзиям, показывала необеспеченность человеческого бытия, соседство гибели и жизни. Уповать на спасение человек мог, только полагаясь на свои силы, на постоянство своих стремлений и трудов, на упорство в продвижении к своей цели, да еще на конечное признание со стороны отдаленного Бога... Как на уровне цивилизации в целом, так и на уровне отдельной личности западный мир выработал критическое и трагическое понимание бытия, через которое он постоянно корректирует свою устойчивость и продвижение... Мы еще медлим, ибо хотим умирать долго. Мы еще не поняли до конца, что только через катастрофу мы можем возродиться. Только выдавливаемая из себя «исторический оптимизм» и глядя в лицо своей погубили, мы сможем найти основы своего нового бытия... Поразительной оказалась степень нечувствительности гигантского организма к внутренним утратам, невостребованность той информации, которую продолжали вырабатывать его жизнеспособные клетки. Все эти годы раздавались яростные или трагические голоса мыслителей, певцов и поэтов, доносивших до сознания живых мысль об уже идущем разладе, об утрате надежды, о неминуемости катастрофы. Изворотливость официальных и общественных структур помогала каждый раз отодвинуть окончательный расчет. Но настал момент истины, и великая иллюзия себя исчерпала. Один за другим лопались высокие хрустальные небеса светлого будущего, и осязаемое бытие опускалось на все более низкий уровень. Потребовался бесконечный поток разоблачительных материалов, чтобы развенчать спасительную слепую уверенность и опрокинуть инертное мышление. Вновь и вновь по глазам и нервам безжалостно бьют репортажи о невыносимой реальности прошлого и настоящего. Но потребовался еще удар по основам бытия и быта: пустые магазины, пустые деньги, бедность и безработица, погромы и стычки, переходящие в местные войны. Потребовались еще постыдные корчи КПСС, чтобы всех резанул смрад от разложения доселе столь цепкого и грозного спрута...» (Б. Ерасов. **Наконец-то Апокалипсис! // Век XX и мир. 1991. № 10. С. 23, 10—11)** (Ерасов, 1991). •

17. Октябрь 1917 г. был неизбежен из-за массового напора снизу.

«Отдельная личность мало что может изменить в моменты резкого неравновесия общественных сил, значительного перевеса одной силы. Вероятно, никакие усилия одной личности не могли бы остановить народное восстание против Временного правительства в конце 1917 года, после того, как оно доказало свое неумение и нежелание дать то, ради чего совершился Февраль: землю крестьянам, хлеб рабочим, мир народам. Это особенно ярко доказано случаем с Каменевым и Зиновьевым, личный авторитет которых был велик. Но так силен был напор массовых сил, что самые авторитетные личности, не посчитавшиеся с ним, оказались в изоляции. Большинство против них в ЦК было столь решительным, что мы вправе предположить: случись так, что Ленин вовсе не смог бы по каким-либо причинам повлиять на это решение — Каменев и Зиновьев все равно большинства не собрали бы. А если бы и собрали, если бы и ушли большевики в сторону — это лишь освободило бы поле для левых эсеров, для анархистов или иных политических сил, но не остановило бы восстание» (О. Лацис. *Перелом // Суровая драма народа*, М., 1989. С. 69—70; первая публикация: *Знамя*. 1988. № 6) (Лацис, 1988).

18. Гипертрофизации роли рабочей партии была закономерна в крестьянской стране.

«На десятилетия — вплоть до создания нового рабочего класса — преобладающей в стране оставалась крестьянская масса, отнюдь не сознававшая своей заинтересованности в социалистическом будущем... В длительной перспективе это означало неизбежное мелкобуржуазное влияние на самих рабочих. Избежать связанных с этим опасностей можно было лишь при полном единстве среди «личностей» — верхнего слоя партии. На это время чрезвычайно разрослась роль не миллионов, а тысяч — большевиков с дореволюционным стажем — и даже единиц: руководителей партии» (О. Лацис. *Перелом // Суровая драма народа*, М., 1989. С. 70; первая публикация: *Знамя*. 1988. № 6) (Лацис, 1988).

19. Сталинизм — левый экстремизм, направленный против крестьянства.

«Никакого термидорианского переворота, упадка революционного духа в 1929 г. не произошло. Напротив, наша трагедия состояла в том, что Сталин попытался искусственно, насильственными методами удержать Россию на революционной волне, попытался в соответствии с рецептами “левых” оппозиций возродить в стране

политический климат времен гражданской войны, атмосферу непримиримости ко всему, что сохраняло связь с частной собственностью, товарно-денежными отношениями. В главном вопросе всех русских революций — в отношении к крестьянству — Сталин был типичный “левый”, типичный крестьяноненавистник. Думаю, что глубокая затаенная суть сталинизма и сталинщины как разновидности русского “левого” экстремизма как раз и состояла во враждебном отношении к крестьянину, ко всему деревенскому укладу жизни» (А. С. Ципко. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа, М., 1989. С. 187) (Ципко, 1989).

20. Большевизм — восстание «маленького человека» против государства.

«На место Петра возносится Ленин и Троцкий, на место Пушкина и Достоевского — Горький и безымянные люди. Пушкин предвидел эту возможность и гениально раскрыл ее в “Медном Всаднике”. Произошло восстание Евгения, героя “Медного Всадника”, против Петра, маленьких людей с их маленькими и частными интересами против великой судьбы народа, против государства и культуры... Само явление Пушкина возможно было потому, что Петр “вздернул Россию на дыбы”, приобщил к мировой культуре и уготовил русскому народу удел великого народа. Но маленький Евгений не хотел принять великой судьбы народа, он в ужасе отступил перед жертвами, которых требует эта судьба... Он не мог примириться с гибелью своих личных, частных надежд, не вынес столкновения великого дела Петра со своими маленькими делами, со своей маленькой судьбой. Не мирилась с этим и большая часть русской интеллигенции, а ныне не вынес этого взбунтовавшийся народ русский. В русской революции и в предельном ее выражении большевизме произошло восстание против Петра и Пушкина, истребление их творческого дела» (Н. А. Бердяев. Россия и Великороссия // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 165—166; первая публикация: Накануне. Апрель 1918 г. № 3) (Бердяев, 1918).

21. Революция создала культурную органичность России.

«... Главной родовой чертой нового культурного типа была его гомогенность, внутреннее единство. В его рамках преодолевался раскол, присущий культуре эпохи Империи. Таким образом, историческое значение революции состояло, на мой взгляд, в преобразовании раскола, раздвоенности российской культуры, что означало преодоление ее неорганичности. В возобладавшем “культурном типе” личностное и общинное начала уже не являлись чем-то раздельным внутри

целого. Теперь это были лишь разные стороны, моменты единого. Каким бы ужасным ни казался постреволюционный “культурный класс” в сравнении с “классами” предшествующей эпохи, он имел перед последними одно неоспоримое преимущество — был органичным» (В. Б. Пастухов. Будущее России вырастает из прошлого. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Политические исследования. 1992. № 5—6. С. 70) (Пастухов, 1992).

22. Коммунизм — эмбриональный период вызревания культуры модерна.

«Особенность вхождения России в эпоху модерна состоит в том, что российскому Новому времени предшествовал особый («эмбриональный») период развития, в рамках которого происходило вызревание элементов культуры модерна. Это компенсировало отсутствие феодальных отношений, подготовивших неевропейское Новое время. Именно поэтому советскую эпоху можно, думается, обозначить — в зависимости от избранной точки отсчета — и как поздний квазифеодализм, и как ранний квазикапитализм» (В. Б. Пастухов. Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1995. Вып. 2. С. 401) (Пастухов, 1995).

«Тезис о советской культуре как протокультуре Нового времени необходимо сопроводить двумя комментариями. На первый взгляд он опровергается явной антибуржуазной направленностью Октябрьского переворота. Но на самом деле в ходе большевистской “революции” уничтожались буржуазная культура одной десятой части общества и создавались условия для будущего (отнесенного на несколько десятилетий в историческом времени) усвоения буржуазной культуры девятью десятыми общества, находившимися в 1917 г. на дофеодальной ступени развития. Кроме того, понимание советской культуры как эмбриональной формы российского Нового времени позволяет критиковать миф о тоталитаризме как состоянии общества, при котором прекращается (замораживается) всякое развитие. На поверхности советское общество казалось застывшим, но внутри него происходило весьма интенсивное развитие. Общество действительно было закрытым, но динамические процессы в нем от этого не останавливались. Если “ранний тоталитаризм” выглядит как феодализм, впитавший в себя достижения научно-технической революции, то “поздний тоталитаризм” похож на капитализм, обремененный пережитками феодализма и остальной технической базой» (В. Б. Пастухов. Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации // Куда идет Россия. Альтернативы

общественного развития. М., 1995. Вып. 2. С. 401—402) (Пастухов, 1995).

23. Существенный признак коммунизма — отделение государства и общества, а не подавление государства обществом.

«Надо различать существенное и несущественное в коммунистическом государстве. Неограниченность государственной власти, ее тотальность, собственно, и дававшая название режиму, является на самом деле несущественным, вторичным признаком. Действительно, существенный признак — формирование окончательной отделенности государства от общества, полной самостоятельности первого по отношению ко второму, когда бюрократический принцип становится наконец всеобщим. Смысл и историческое предназначение коммунистического звена в движении российской государственности к государству-нации становятся понятными лишь постольку, поскольку в процессе развития последнего несущественное в нем преодолевалось существенным. Неограниченность, своего рода “абсолютизм” коммунистического государства как особой формы государственности, которой нет аналогов в европейском опыте (но, не исключая, что будут найдены подобию на Востоке), оказываются исторически преходящими. Зато его самостоятельность по отношению к обществу укрепляется, закладывая основы для последующей эволюции» (В. Б. Пастухов. *Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1995. Вып. 2. С. 40*) (Пастухов, 1995).

24. Социальным смыслом большевистского переворота стал выход на арену «средних слоев».

«Русская революция оказалась не социалистической, не “трудовой” и не буржуазной... Не пролетариат и не буржуазия, а вот именно этот конгломерат средних элементов города и деревни, “мещан”, которых мы раньше не замечали или всячески презирали, — вот они-то и заявили о своем существовании и о своих исторических претензиях с наглядностью воистину убийственной. Убийственность эта заключалась в том, что необходимой предпосылкой для выхода на историческую арену средних классов являлось катастрофическое понижение, обвал всех, достигнутых столетиями дореволюционного развития, урвней, — экономических, культурных и духовных. Все должно было стремительно покатиться вниз для того, чтобы эти, поздно родившиеся социальные элементы могли подуться вверх... Иначе им подняться невозможно было... Эти социальные группы именно в больше-

визме нашли свой питательный бульон, нашли при нем и благодаря ему те условия, которые необходимы для социального роста средних классов и которых не было до революции» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Об историческом массиве (Из размышлений о русской революции) // Современные записки. 1927. № 32. С. 363, 360) (Португейс, 1927).

«Всесторонняя плебейзация жизни того времени вытекала не только из отчаянной материальной нищеты страны, когда свирепствовала “вша”, было холодно, голодно и мучительно неудобно, но еще из этого психологического реванша “мещан”, которые только в буйных формах этой плебейзации могли найти орудие для установления общественно-психологического... “равенства”... Надо было кроме экономического уровня решительно снизить и культурный уровень страны. Надо было разбить духовную гегемонию русской интеллигенции, сбить с нее ее антимещанский пафос, унижить ее не только социально, но и душевно» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Об историческом массиве (Из размышлений о русской революции) // Современные записки. 1927. № 32. С. 366—368) (Португейс, 1927).

25. Смысл большевизма — удержание власти.

«Большевизм — это только особый, глубоко оригинальный, последовательно проводимый, глубоко продуманный образ мысли, слова и дела, имеющий целью удержание у власти партии, однажды эту власть захватившей... Всякая партия, пришедшая к власти, в особенности путем насилия, держится за нее с чисто животной остревелостью. Но это не только воля к жизни — это и воля к определенному ее смыслу, хотя бы и самому фантастическому... Вспомним только, с какой закланной силой отстаивали себя и свои “принципы” партии французской революции. Посылая друг друга на эшафот, они считали свои принципы, иногда самого отвлеченного свойства, чем-то таким, ничтожное, временное отступление от чего грозило мировой погильею. Гильотина разрешала философские споры. И там не знали «передышки», не знали компромиссов. Воистину они были бессмертны, преодолев смерть, как вазумляющее начало, как перст угрожающий. Большевизм весь во власти этой угрозы. И он холоден, расчетлив, весь погруженный в бухгалтерию... Большевизм — это только метод сохранения власти в руках... большевиков. Это оголенная форма узурпации, чистый ее вид, не подчиненный никаким идеям, идеалам, принципам — кроме одной всепожирающей цели — быть, жить... Здесь его особая статья. Здесь он был безусловно оригинален, смел, находчив, ловок, талантлив. Здесь была особая, тонко проводимая политика, изучение и анализ которой легче по-моему

и скорее вводит в самую душу большевизма, чем томительные раскопки в груди наваленных большевиками мыслей, слов, теорий, мероприятий...» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 40, 42, 44—45) (Португейс, 1922).

«Страстью, пожирившей мозг и сердце Ленина, была власть. Не власть идеи освящала путь этого человека, а идея власти. Ей и только ей он служил беззаветно. Всем остальным идеям он изменял с неслыханным в истории революционного движения всех стран цинизмом... Он никогда не защищал себя лично. Он защищал идею власти. Он был ее Дон-Жуаном, готовым на величайшие преступления и он их совершил во множестве. Кровь и грязь, измена и предательство, гибель тысяч и тысяч людей — все это тлен и суета сует. Великое, единое, самое важное — это власть. Он ее первосвященник. Он ее рыцарь. И пусть все поникнет и сгинет перед лицом Великого... Первый вопрос, с которым Ленин приступил к уничтожению мартовской революции, был цинично откровенно сформулирован в названии его брошюры: «Удержат ли большевики государственную власть?» И что бы после ни случилось, первый вопрос, пожиривший все остальные, весь проклятый клубок проблем был для Ленина все тот же: Удержат ли большевики государственную власть? Все не страшно для социализма, потому что большевики имеют власть над Россией, а Ленин власть над всеми большевиками... Была б жива Россия... говорил Петр. А Ленин, которого многие возводят в Петра, знал один рефрен: была б жива РКП. А жива она только тогда, когда она пресмыкается у ног презирающего ее деятелей Ленина. Если бы завтра Ленин короновался в Успенском Соборе, он тоже скипетром бил бы по головам своих подданных: была бы жива РКП...» (В. И. Талин (С. О. Португейс). У гроба Великого Диктатора // Заря. 1924. № 1. С. 7—9) (Португейс, 1924).

26. Способ самосохранения большевистского режима — в поддержании «образа врага».

«Конечно, для того, чтобы интенсивно ощущать такую власть, должен быть объект насилия. Должен быть тот “турка”, на голове которого на народных гуляньях можно за 5 коп. выжать свою “силу” Такой “турка” был. Это буржуазия, белогвардейцы, вообще враги пролетариата. На коммунистическом гуляньи за пробу силы над этим туркой ничего не вжимали, и даже кое-что приплачивали. При самодержавии тоже был такой “турка” Это были “жиды” То человеческое отребье, которое собиралось вокруг черной сотни, несомненно, чувствовало себя причастным к власти именно потому, что оно почувствовало “государственность” своих насилий над офици-

ально низведенным до “турки” еврейским народом... Самодержавие Романовых себя спасало, отдавши толпе как бы в аренду насилие над евреями. Самодержавие коммунистов себя спасало, отдавши почти в полное распоряжение трудящихся насилие над другим “турком” — буржуазией... Для большевистской демагогии нужен был, до зарезу нужен был буржуй, и притом недодушенный, энергично душимый, но недодушенный» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 64—65, 84) (Португейс, 1922).

27. Тоталитаризм — результат «демократизации реакции».

...До войны ни один реакционный режим при всем своем злом желании не мог так закупорить все щели для проникновения оппозиционных течений, суммировавшись и сгущавшихся в конце концов в революции, как это научились делать с легкой руки большевиков все современные “тотальные” диктатуры. Что это такое — гениальность отдельных диктаторов серии Ленин-Гитлер, случайная находка одержимых идеей всевластия умов? Конечно, нет. Случилось то, к чему демократическое сознание 19-го и 20-го вв. было менее всего подготовлено: политическая реакция из господской, из барской, превратилась в реакцию народную, плебейскую. Социальная демократизация реакции — вот что ей сообщило грандиозный размах и дало ей необычайную силу. В качестве народной эта реакция легко стала впитывать в себя некоторые идеи социализма-антикапитализма и тут-то явственно обнаружилось, какой варварской, губительной для человеческой индивидуальности силой может стать социализм, из которого выпотрошены идеи и идеалы политической демократии. Эта непрошибимая вера во всемогущество голого насилия, эта яростная нетерпимость ко всякому иномыслию, затрудняющему бездумный процесс повседневной умственной жвачки, эта инстинктивная боязнь свободы, как фактора, умножающего число альтернатив и осложняющего процесс выбора одного из предоставленных решений — все это пришло не столько сверху, сколько снизу, из омеряченных плебейских масс, влившихся бурными потоками в русло диктатуры. Они-то и сообщили диктатуре решимость “тотального” подавления и дали ей миллионы платных и бесплатных, но одинаково ретивых агентов для проведения этого тотального подавления в жизнь» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Из размышлений о революции // Современные записки. 1936. № 58. С. 399) (Португейс, 1936).

28. Революция — центр кристаллизации нового чувства родины.

«Для миллионов обращенных в нигилистическую веру рабочих и крестьян революция оказалась если не родиной, то центром кристалли-

защиты нового элементарного чувства родины. Россия, освобожденная от буржуев, мужицкая Россия была своя. Ее стоило защищать, хотя и очень еще был слаб инстинкт самозащиты в изъеденном моральной гангреной организме. Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это единственный шанс на бытие России. Если он будет бит, если народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможностей исторического существования. Придется признать, что Россия исчерпала себя за свой долгий тысячелетний век и, подобно стольким древним государствам и нациям, ляжет под пар на долгий отдых или под вспашку чужих национальных культур» (Г. П. Федотов. *Защита России* // Г. П. Федотов. *Защита России*. Париж, 1988. Т. 4. С. 13—14; первая публикация: *Новая Россия*. 19.04.1936. № 4) (Федотов, 1936).

29. Большевистская Россия — самая последовательная страна фашизма.

«...Россия самая последовательная страна фашизма. Не забудьте, что Ленин и был изобретателем этой государственной формы, которую Муссолини и Гитлер заимствовали у него. А социальное содержание московского фашизма ничем не отличается от германского» (Г. П. Федотов. *Наш позор* // Г. П. Федотов. *Защита России*. Париж, 1988. Т. 4. С. 205; первая публикация: *Новая Россия*. 15.11.1938. № 55—56) (Федотов, 1938).

«С тех пор, как Сталин открыл эру нового русского национализма — который продолжает свое победное развитие в России, пали последние идеологические барьеры, отделяющие его от западного фашизма. Россия не страна демократии и не страна социализма в революционном смысле слова. Россия страна фашистского социализма, страна национал-социализма, — лишь более радикальная, более беспощадная в его проведении, чем параллельная германская система. Отсутствие расистских моментов нисколько не мешает ее природе» (Г. П. Федотов. *Демократия и СССР* // Г. П. Федотов. *Защита России*. Париж, 1988. Т. 4. С. 249; первая публикация: *Новая Россия*. 30.05.1939. № 68) (Федотов, 1939).

30. Сталинская Россия — промежуточное явление между фашистской диктатурой и царским самодержавием.

«Политически, Россия переросла уже стадию фашизма. Из трех политических элементов фашизма — вождь, партия, народ — вождь уничтожил партию, как носительницу самостоятельной идеологии, и не нуждается более в подогревании народного энтузиазма, в эле-

нии революционной лихорадки. Вождь и народ разошлись слишком далеко, да и революция в России началась гораздо ранее, чем в Германии и Италии. Пафос выветрился, угли догорели. Но истинный фашизм немислим без пассивного волнения масс, отзывающихся на клич вождя. Политические карнавалы Сталина отличаются совершенной холодностью и искусственностью. Вот почему Сталин не вождь, а властелин, и его строй есть юридически не оформленная монархия. Сталин не успел еще начисто покончить с остатками фашистского режима (партия), но его государство занимает среднее положение между фашистской диктатурой и царским самодержавием (отвлекаюсь, конечно, от несоразмеримой низости и жестокости его политических средств). Не случайно, поэтому, Сталин хочет чувствовать себя укорененным в истории России, требует своего апофеоза в костюме Петра Великого и настаивает порой на реабилитации не только Петра, но и Николая I» (Г. П. Федотов. СССР и фашизм // Г. П. Федотов. Защита России, Париж, 1988. Т. 4. С. 78; первая публикация: Новая Россия. 20.12.1936. № 18) (Федотов, 1936).

31. Большевизм — текстовая культура.

«Этот новый строй коммунистической олигархии с партийным самодержцем во главе сложился стихийно, в хаосе, не без колебаний, борьбы всяческих зигзагов. Весь процесс шел постоянно под прикрытием “социалистической” и “коммунистической” словесности. Коммунисты вообще обнаружили необыкновенное внимание к словам, чрезвычайную их боязнь. Менее кого бы то ни было эти “материалисты” верят, что “от слова не станется” Византийские “номиналисты”, они в своей практике оказались татарскими “реалистами”. В “социалистическом строительстве”, “генеральной линии”, “генеральном плане”, “коллективизации” и “пятилетке” Сталин нашел все нужные ему слова» (А. С. Изгоев. Рожденное в революционной смуте (1917—1932). Париж, 1933. С. 21) (Изгоев, 1933).

32. Большевистская революция — результат социального иллюзионизма.

«Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов... Это явление “иллюзионизма”, расхождения “тьмы низких истин” от “возвышаемого обмана” — явление общее, позволяющее формулировать его в форме особого закона, называемого мною законом социального иллюзионизма... Достаточно было двух-трех лет, чтобы слепцы из слепцов и глухие из глухих убедились в своих прекрасных иллюзиях. Они расстали как дым... Вместо “Синей птицы” в руках оказалась та же старая ворона, только обстриженная и искалеченная... История еще раз трагически обманула верую-

щих иллюзионистов. Поистине, “слепые вели слепых и сами упали в яму”. Миллионы за эти иллюзии заплатили жизнью, другие — невыносимыми страданиями, третьи — горьким похмельем, четвертые — вдохновители иллюзий — потерей ореола вождей и спасителей человечества, падением в бездну цинической подлости, низкой преступности, в пропасть махинаций самолюбивых интриганов, тиранов и темных дельцов» (П. Сорокин. Современное состояние России. Прага, 1923. С. 18—19) (Сорокин, 1923).

33. Коммунизм вырастает из «коммунальности» и противостоит «Цивилизации».

«Коммунизм вырастает из коммунальности, использует ее, развивает ее, создает ей благоприятные условия, организует и закрепляет ее как особый тип общества, как особый образ жизни многомиллионных масс населения... Вместе с тем, в порядке самосохранения и защиты от самих этих масс коммунизм затем изобретает определенные средства ограничения коммунальности, но это — во вторую очередь... А сначала это — проявление и организация коммунальности на овладение обществом и на борьбу со своим постоянным врагом — с цивилизацией» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 27) (Зиновьев, 1980).

34. Коммунизм как система насилия в России не является тоталитаризмом, ибо не навязан населению «сверху», а вырастает «снизу», из самой социальной структуры населения.

«Употребление термина «тоталитаризм» в отношении коммунистического общества мешает пониманию последнего. Тоталитаризм есть система насилия, навязываемая населению данной страны «сверху» независимо от социальной структуры населения. Коммунистическая система насилия вырастает из самой социальной структуры населения, т. е. “снизу” Она адекватна социальному строю страны» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 49) (Зиновьев, 1980).

35. Коммунизм — предельно «волонтаристское общество», в котором властвующие и подвластные практически не различаются.

«Коммунистическое общество есть общество волонтаристское в высшей, может быть, в предельно высшей степени. Здесь система власти достигает чудовищных размеров и пронизывает все общество

во всех направлениях такой густой сетью, что отделить власть от подвластного населения практически невозможно... (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 154) (Зиновьев, 1980).

36. Коммунизм — система «порождения и преодоления трудностей».

«Эта система родилась как средство преодоления катастрофически трудной ситуации в стране, складывалась и отстаивала себя в обстановке хронических трудностей, так что порождение и преодоление трудностей стало ее глубокой натурой. Вместе с тем, существование на грани экономического краха является столь же нормальным состоянием для коммунистического общества, как и стабильность» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 277) (Зиновьев, 1980).

37. Коммунизм — социобиологический организм, реализация идеи Гоббсовского Левиафана.

«Коммунистическое общество есть организация многих миллионов людей с помощью таких механизмов и средств, благодаря которым общество превращается в органическое целое, в социобиологический организм, сопоставимый по некоторым параметрам с отдельно взятым человеком. Именно тут реализуется идея Левиафана, выдвинутая Гоббсом» (А. Зиновьев. **Кризис коммунизма** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 303) (Зиновьев, 1980).

38. Коммунизм — общество, в котором все есть «служащие государства».

«Если одной фразой определить, что такое коммунизм с этой точки зрения, то можно сказать, что это — общество, в котором все люди суть служащие государства» (А. Зиновьев. **Кризис коммунизма** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 305) (Зиновьев, 1980).

39. Советский коммунизм — постоянное колебание между «сталинизмом» и «брежневизмом», т. е. «народовластием» и олигархией.

«В Советском Союзе после революции и гражданской войны стало складываться своеобразное двоевластие. Одну часть его образвало

то, что я называю народовластием. На вершине его — вожьд с соратниками. Он опирается на энтузиазм широких слоев населения и на аппарат личной диктатуры. В его подчинении карательные органы, партийный аппарат и прочие учреждения власти... Другую часть системы власти образовал партийно-государственный аппарат. Сначала он был инструментом народовластия. Но постепенно он разрастался, набирал силу и к концу сталинского периода стал фактически играть главную роль в системе власти... Альтернативой сталинизму с точки зрения структуры власти стал брежневизм» (А. Зиновьев. Кризис коммунизма (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 320) (Зиновьев, 1980).

«Альтернатива сталинизму есть брежневизм, и наоборот. И ничего другого тут в принципе быть не может, кроме комбинации этих типов власти и их ослаблений и усилений» (А. Зиновьев. Кризис коммунизма (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 328) (Зиновьев, 1980).

40. В СССР Россия была колонизована Москвией.

... Не Россия, а именно Московия стала имперской силой Советского Союза. Россия же стала зоной колонизации для Московии в большей мере, чем другие республики» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 18) (Зиновьев, 1995).

41. Коммунизм — это разрастание «коммунальности» и одновременно ограничение ее стихии.

«Коммунизм есть разрастание коммунальности. Но это — лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что коммунизм возник как организация сферы коммунальности в масштабах целого общества, как обуздание стихии коммунальности, упорядочивание ее и управление ею. Вырастая из коммунальности и являясь ее развитием, коммунизм одновременно сложился и как феномен антикоммунальности, как сдерживание и ограничение коммунальности, — как форма и средство самоорганизации коммунальности» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 35) (Зиновьев, 1995).

42. Большевизм — попытка построить с помощью тотального сыска анонимное постиндустриальное общество, заменяющее духовную жизнь правильной и ожидаемой артикуляцией.

«Ошибка Ленина в том, что он был. Русские, в безумной попытке перескочить через целую историческую эпоху, попытались построить

анонимное постиндустриальное общество, заменяющее духовную жизнь правильной и ожидаемой артикуляцией. Отсюда и понятно единственное реальное достижение социалистического общества — создание системы тотального сыска...» (Д. Галковский. Русская философия и русская политика // Иное. 1995. Т. 3. С. 53) (Галковский, 1995).

43. Коммунистический тоталитаризм — требование всемирного империалистического господства.

«Тоталитарное государство с его плановым хозяйством требует огромного бюрократического аппарата, мощного полицейского аппарата принуждения и подавления и, наконец, мощной армии для развития своего империализма, ибо такое государство непременно империалистично в силу своего “тоталитаризма”: коммунизм требует всемирного господства («пролетарии всех стран, соединяйтесь»). Наконец первым словом коммунизма была и будет “индустриализация”, а ее развитие требует огромного накопления капиталов» (Б. Вышеславцев. Философская нищета марксизма (1952) // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 267) (Вышеславцев, 1952).

44. Коммунизм — принудительный коллективизм в форме тоталитарного государственного индустриализма.

«Все три формы принудительного коллективизма, которые мы могли наблюдать на опыте (фашизм, национал-социализм и коммунизм), содержат в себе полностью все зло индустриализма, обнаруженное его новейшей критикой, и при том по каждому пункту в наиболее сильной степени. Это и неудивительно: все три формы представляют собою национализацию индустрии, распространение индустриализма на всю нацию, в форме “тоталитарного государственного хозяйства” в тоталитарном государстве» (Б. Вышеславцев. Философская нищета марксизма (1952) // Б. П. Вышеславцев. Сочинения. М., 1995. С. 285) (Вышеславцев, 1952).

45. Октябрьская революция — феодально-бюрократическая контрреволюция против непрочных достижений российского капитализма.

«На какую формацию в России 1917 года был наложен метод огосударствления? На ту, которая там существовала. Мы ее уже охарактеризовали: это феодальная формация. Не было в России никакой другой основы. Феодальная основа была, однако, ослаблена ударами антифеодальных революций 1905—1907 годов и февраля 1917 года, а также заметным ускорением развития капитализма в

экономике страны после 1907 года. Как глубоко зашел кризис феодальных отношений в стране, показало свержение царизма в Февральской революции 1917 года. Но феодальные структуры в России были, очевидно, еще крепки. Ответом на кризисную ситуацию явилась реакция феодальных структур...

Только не исторически обанкротившаяся аристократия сделала это. Это сделали другие силы, которые хотя и не хотели власти дворянства и царизма, но еще больше стремились не допустить развития России по пути капитализма и создания парламентской республики. В обстановке, когда капитализм закономерно начал побеждать феодальные структуры, борьба против капитализма и радикальная ликвидация буржуазии вели не к некоему “социализму”, а к сохранению феодальных структур... Ленинский переворот 1917 года — это не “Великая Октябрьская социалистическая революция”, а Октябрьская контрреволюция... Большевики под лозунгом “диктатуры пролетариата” и “военного коммунизма” боролись за ликвидацию достигнутого антифеодальной революцией, то есть за феодальную реакцию» (М. Восленский. Номенклатура (1980). М., 1991. С. 584—587) (Восленский, 1980).

«Не ясно ли, что так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция на самом деле была глубоко и подлинно народной Великой Октябрьской феодально-бюрократической контрреволюцией, направленной против развития капитализма, против его больших, но непрочных успехов?» (А. Севастьянов. Русские и капитализм. М., 1992. С. 97) (Севастьянов, 1992).

«Так называемая Великая Социалистическая революция оказалась на поверку феодально-бюрократической контрреволюцией, направленной против буржуазно-демократической февральской революции, против больших, но непрочных успехов капитализма в России» (А. Севастьянов. Национал-капитализм. М., 1994. С. 8) (Севастьянов, 1994).

46. Социалистический строй — «диктатура номенклатуры» или «госпартфеодализм» как один из этапов перехода от феодализма к капитализму.

«Диктатура номенклатуры — это по социальной сущности феодальная реакция, а по методу — “азиатский способ производства”. Если идентифицировать этот метод как социализм, то диктатура номенклатуры — феодальный социализм. Еще точнее, это государственно-монополистический феодализм. Но реальный социализм — не высшая ступень феодализма, а, наоборот, реакция феодальных структур общества перед лицом смертельной для них угрозы капи-

талистического развития, ибо повсюду в мире именно это развитие разрушает основы феодальных обществ» (М. Восленский. **Номенклатура** (1980). М., 1991. С. 592) (*Восленский, 1980*).

«Россия шла и идет общим путем развития — от феодального строя к капиталистическому... В октябре 1917 г. на смену традиционному феодализму пришел в России госпартфеодализм... Россия в течение примерно ста лет осуществляет переход от феодализма к капитализму. Это происходит поэтапно. Первый этап: промышленный переворот 1890-х, начало раскрестьянивания, активное, ускоренное формирование капиталистического уклада хозяйства. Второй этап: феодально-бюрократическая реакция, госпартфеодализм под названием “социализм” Третий этап: постепенное размывание госпартфеодальной системы хозяйствования стихийным рынком; кульминация — “перестройка”, временное засилие компрадоров. Четвертый этап, еще не наступивший, видится мне как неизбежность: это госпарткапитализм или “национал-капитализм”. Можно называть его “фашизмом”, следуя традиции XX века, но можно и не называть его так. Суть от этого не изменится. Исторический прогресс строго последователен» (А. Севастьянов. **Национал-капитализм**. М., 1994. С. 8, 24) (*Севастьянов, 1994*).

47. Большевики — удержались благодаря несовершенству механизма их управления.

«Большевики держались, и держатся, и будут держаться благодаря несовершенству механизма их управления... Советский строй приучил всех к величайшему цинизму в отношении бумажек. Если жить по правилам, то получился бы саботаж. Жили как придется, но с советской мотивировкой» (В. Шкловский. **Сентиментальное путешествие** (1923). М., 1990. С. 190, 203) (*Шкловский, 1923*).

48. Сталинская «машина власти» функционировала на развитии у общества чувства вины и страха.

«Иное дело сталинская машина террора. В ее функционировании развитие чувства вины является основным для формирования массовидного и послушного индивида... Машина сталинского террора требовала от всего общества только одного: признания в виновности, “вечной вины перед властью”. Если ты не виновен сейчас, то будешь виновен завтра... Абсурд тотального террора (может быть, в этом причина его эффективности) заключается в том, что личная виновность навязывалась насильственно, под пыткой, но зато общепризнанной являлась потенциальная виновность: “Я не виноват, это

правда, но Другой же ведь действительно может быть виновен! Не потому ли я арестован?» Здесь выявляется знакомое нам “смещение”. Всегда существует некий Третий (шпион, диверсант, бандит, троцкист, изменник и т. п.) из-за которого приходится страдать честным и преданным людям. Итак, вина смещается на великого анонима, но чувство страха непрерывно растет. Конец тридцатых годов — это целая пандемия страха. Личное непризнание вины или ее вынужденное признание есть очевиднейшая предпосылка для возникновения вируса страха, который является, вероятно, одним из самых активных социальных ферментов, превращающих социально и политически стратифицированные структуры общества в массовидные, молчаливые и проталивые. Потенциальная вина — это и есть страх. Основная функция машины террора — это углублять чувство потенциальной виновности, расширяя заражение общества страхом. Вышесказанное я бы сформулировал следующим образом: страх был непосредственно локализован в каждом человеке сталинской эпохи, вина же была ему смежна, и тем ему ближе, насколько он “болен” страхом» (В. А. Подорога. «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 108—109) (Подорога, 1989).

49. Сталинский тоталитаризм в отличие от гитлеризма (речевой коммуникативной структуры) есть текстовая коммуникативная структура.

«Если мы обратимся к анализу коммуникативной структуры, образующей связку “вождь-масса”, то можно легко заметить, что Гитлер — это человек речи, а Сталин — это человек письма. Гитлер требует, чтобы его слушали, Сталин — чтоб его читали... Сталинский режим... признает власть в качестве некоего святого текста, который записан до всякой произнесенной о власти речи, своего рода прототекст власти, окутанный мифическим таинством и первосвященством. Отбор и формирование массы идет через процедуру правильного чтения текстов власти, но в силу того, что осуществить это правильное чтение невозможно, всякий, кто пытается правильно читать, подвергается опасности быть обвиненным в искажении “буквы” или “духа” теста... Сакрализация теста власти идет через сакрализацию лика вождя как уникального знака абсолютной власти... Речевая практика исчезает как носитель коммуникативных свойств; одновременно уничтожается старая партийная прослойка революционных риториков, трибунов и полемистов. Революционный пафос речевого действия переводится в план святого текста власти, чьим толкователем-знатоком и одновременно основателем выступает вождь. Чем более ужесточаются правила чтения текста, тем меньше возможностей осуществить сам акт чтения, ко-

торый постепенно сменяется умилением перед святым шрифтом и ликом вождя» (В. А. Подорога. «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен, М., 1989. С. 109—111) (Подорога, 1989).

50. Коммунизм — Абсолютная Власть.

«Коммунизм — абсолютная, чисто функциональная форма власти, не только устраняющая капиталистическую эксплуатацию и гражданское общество, но и стирающая грань, во-первых, между государством и гражданским обществом, с одной стороны, и между государственностью (власть) и классовостью (собственностью) — с другой, а потому уничтожающая все это и растворяющая в некоем новом типе социальной организации, властесобственности, однородном присвоении. Во-вторых, устраняются различия между экономической, социальной и духовной сферами общества. Они превращаются в разновидности самой власти — просто общественной; не дифференцированной, не специализированной, а единой и гомогенной. Так и должно быть: функция капитала, полностью оторванная от субстанции, не может быть ничем иным, кроме как чистой властью, функциональной властью — не политической, не государственной и не религиозной, в власть вообще. Власть становится системной сутью, качеством общества. Разные сферы общества начинают выступать как разные сферы власти, а потому различие между ними теперь сугубо функциональное» (А. Фурсов. Колокола истории // Рубежи. 1995. № 2. С. 11—12) (Фурсов, 1995).

51. Тоталитаризм — «маска толпы».

«Для того уровня политизации искусства и эстетизации политики, который был достигнут в 20—40-е годы в СССР и Германии, понятие Маски эвристично. В самом деле, что являли собой ативистски гитлеровского Союза немецких девушек, эти красные шапочки с парабеллумом под юбкой? А что стоит за главными персонажами сталинской эпопеи — Ворошиловскими стрелками и Железными наркомками, Стахановцами и Мичуринцами, Благородными чекистами и Врагами народа — разве живые человеческие личности? В них явно чувствуется выдуманность, искусственность, характерные для гротесковых карнавальных масок. Может быть, Маска и выступает той универсальной знаковой реальностью, в которой только и может существовать тоталитарная “народная” культура, штурмоваться “высоты” соцреализма?... В социально-культурном пространстве Маска выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она позволяет идентифицировать себя с той или иной ситуацией, не

прилагая для этого слишком больших усилий. Это не роль, требующая вложения темперамента, воли, изобретательности, а условная, конвенциональная норма... Вторая функция Маски — та, что она скрывает подлинное лицо и тем самым предоставляет известную степень игровой свободы. Не в этом ли секрет популярности маскарадов и костюмированных балов в предвоенные годы, успеха кинокомедии “Карнавальная ночь” ?.. Когда все маски разом срываются, раздается общий вздох облегчения, но одновременно нарастает чувство беспокойства: интрига прервалась, что делать дальше — надевать новые личины или попытаться жить без масок? Если бы мне нужно было в двух словах выразить свое отношение к тоталитаризму, я бы сказал: тоталитаризм — это маска толпы» (А. В. Захаров. Тоталитаризм — «маска толпы» // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 91—93) (Захаров, 1989).

52. Культ личности Вождя при тоталитаризме есть концентрированное и гипертрофированное выражение культа «я» миллионов подданных.

«...Основой культа личного “я” в тоталитарном обществе является не культ вождя как таковой, а культ собственного “я” рядовых членов этого общества. Культ первой персоны нации есть, следовательно, не что иное, как концентрированное и гипертрофированное выражение культа “я” миллионов подданных... Миллионы единиц растворяются в одну Единицу, которая кажется им гигантской, ибо сами они превратились в нули и как таковые готовы на все, лишь бы сохранить свое геометрическое совершенство и арифметическую силу. Такая структура исключает действительную Личность не только “внизу”, но и “наверху” и даже на самой вершине общественной пирамиды» (В. П. Перевалов. Тоталитаризм в личине Личности // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 146—148) (Перевалов, 1989).

53. Большевизм не смог перебороть русской государственности, но деформировал ее, доведя до «гипертрофии этатизма».

«Можно бы сказать, что страшную болезнь революционного марксизма русская государственность переживает “на ногах”, не сваливаясь ни в чью больницу. И эта болезнь имеет очень мало общего с теми прогнозами, которые ставили и друзья, и, еще более, враги России перед большевистской катастрофой. Большевизм явился не отрицанием государственности, какого можно было ожидать от “анархической русской души”, а как раз наоборот: гипертрофией этатизма, осложненного совершенно чуждым русской психике западноевропейским социалистическим учением. А также и вмешатель-

ством во внутрирусские процессы целого ряда нерусских сил» (И. Солоневич. Белая Империя // И. Солоневич. Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 97—98) (Солоневич, 1939—1940).

«К большевизму можно питать ненависть и можно питать восторг. Но никак нельзя утверждать, что большевицкий строй есть анархия. Я как-то назвал его “гипертрофией этатизма” — болезненным разращением государственной власти, монополизировавшей все: от философии до селедки. Это каторжные работы — но это не анархия» (И. Солоневич. Народная монархия. М., 1991. С. 192) (Солоневич, 1940-е).

54. Русская революция необратимым образом переродила социальное тело России.

«Ни в чем так не выразилась грандиозность русской революции, как в произведенных ею социальных сдвигах. Это самое прочное, не поддающееся переделке и пересмотру “завоевание” революции. Сменится власть, падет, как карточный домик, фасад потемкинского социализма, но останется новое тело России, глубоко переродившейся, с новыми классами и новой психологией старых» (Г. П. Федотов. Новая Россия // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 197; первая публикация: Современные записки. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

55. Русский мужик при большевиках стал более рационально относиться к власти.

«Мужик стал рационалистом... На земле для него уже нет ничего таинственного. Он превосходно разбирается в экономических вопросах, столь запутанных в Советской России. Он заглянул и в лабораторию власти, которая утратила для него священное обаяние. Отношение его к советскому правительству весьма сложно» (Г. П. Федотов. Новая Россия // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 198—199; первая публикация: Современные записки. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

56. Рабочий класс — самый несчастный из классов Советской России.

«Рабочий класс, быть может, несчастнее всех в современной России. Незадачливый диктатор, претендент на роль нового дворянина, он, в отличие от крестьянина, сильно опустился. Революция дала ему титулы (герой труда), знамена, даже ордена, но лишила самого главного: его мечты. Через 12 лет после революции, когда давно пора

было улесться классовой ненависти, рабочий находит еще удовольствие в травле инженеров, в истязании врачей. Правда, теперь это уже не торжество победителя, а слепая злоба побежденного. Нельзя без конца упиваться привилегиями, когда они не реализуются в жизненных ценностях. Рабочий, быть может, один боролся по-настоящему за социализм, жертвовал для него страданиями, голодом, кровью. Его ослепляла мечта о земном рае. И вот он по-прежнему прикован, как каторжник к тачке, к постылому, бессмысленному труду» (Г. П. Федотов. *Новая Россия* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 200; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

- 57. Коммунистическая партия, как «единственные ворота в общественную жизнь», вбирает в себя многих, часто не имеющих ничего общего с коммунизмом.**

«Партия — единственные ворота в общественную жизнь. Вот почему она привлекает всех активных или беспринципных, желающих играть роль, вести толпу или проводить свои идеи, часто не имеющие ничего общего с коммунизмом... От нас скрыты подробности внутренних процессов, протекающих в партии. Общая картина ясна: отчаянная борьба идейного ядра с честолюбивым и корыстным хвостом...» (Г. П. Федотов. *Новая Россия* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 205—206; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

- 58. Советская Россия — гораздо более социально и культурно однородна, чем дореволюционная.**

«По сравнению с императорской, революционная Россия поражает однородностью своего состава. Крайности сблизились, расстояния между классами сошлись — конечно, ценою обезглавления всего стоящего выше среднего уровня. Но новый средний уровень проходит гораздо выше былых низов. Низы поднялись если не экономически, то культурно — во всяком случае, социально... В культурной борьбе классов победительницей оказалась “новая демократия”, то есть низы интеллигенции. Это она навязала рабочему, а частью и крестьянину свой галстук, пиджак или толстовку. Давно прошло время, когда европейский костюм был признаком барства. Можно жалеть о гибели старонародного быта, языка и фольклора, но нельзя не видеть, что общество после революции приобрело гораздо большую устойчивость и цельность. Как это ни странно, оно стало более похожим на Западную Европу некоторой общностью междуклассового культурного фонда, и самым содержанием новой культуры» (Г. П. Фе-

дотов. *Новая Россия* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 207; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1930. № 41) (Федотов, 1930).

59. Коммунизм, будучи «буйством стихийных сил природы», является противоположностью Цивилизации.

«Цивилизация есть усилие, коммунальность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация — разумное их ограничение» (А. Зиновьев. *Коммунизм как реальность* (1980) // А. Зиновьев. *Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма*. М., 1994. С. 27) (Зиновьев, 1980).

60. Теория диктатуры пролетариата Ленина была иерархией диктатур, которую увенчивал сам Ленин-диктатор.

«И если Ленин вложил все же нечто “свое” в проповеданную им доктрину классово́й борьбы, то это своеобразное толкование диктатуры пролетариата — толкование, всецело носящее на себе печать концентрированного «волюнтаризма» его личности. Социализм — освобождение труда, среди трудящихся пролетариат есть наиболее чистое выражение — крепкий экстракт или вытяжка — трудового начала. Но и среди самого пролетариата есть более и менее “чистые” пролетарские слои. Если необходима диктатура пролетариата над массой трудящихся, то на этом же основании в самом пролетариате необходима диктатура авангарда его над остальной пролетарско́й массой. Это — экстракт из экстракта, вытяжка из вытяжки: истинно пролетарская партия. Но и внутри партии по тому же закону необходим режим внутренней диктатуры твердых элементов над распыляемыми. Это восходящая система диктатур, и фактически ее увенчивал — и не мог не увенчивать — диктатор просто, каким Ленин и был. Его теория диктатуры пролетариата была, таким образом, целой системой диктаториальных кругов — подобных кругам Дантова ада — и в целом являлась универсальной теорией диктаториального опекунского социализма. А, значит, полной противоположностью настоящего социализма, как системы хозяйственной демократии» (В. М. Чернов. *Ленин* // *Воля России*. Прага, 1924. № 3. С. 37) (Чернов, 1924).

61. Сталинизм — террористическая диктатура бюрократической элиты.

«Зрелый, развитый сталинизм, каким он сложился к середине 30-х годов, — это антигуманистическая, волюнтаристская идеология

бюрократической элиты, абсолютизирующая и прославляющая насилие — во всех его ипостасях. Это его идейная суть. А как система социально-политических отношений сталинизм — это диктатура бюрократии (причем в ее самых варварских, самых террористических формах)» (Г. Водолазов. Ленин и Сталин // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 142) (Водолазов, 1989).

XX. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА И КОММУНИЗМА

1. Революция — выражение теневой, бессознательной стороны истории.
2. Большевизм снял противоречие между нехристианской этикой русских революционеров (поправших принцип «не убий») и их христианской психологией (стремлением искупить грех собственной мукой).
3. Большевизм отказался от русской революционной веры в возможность исправления человека и власти.
4. Большевизм и либерализм расходятся в понимании зла в человеке.
5. Большевизм — лишь гримаса, на мгновение исказившая лицо тысячелетней России.
6. Тоталитаризм — порождение веры в идею «чистого человека».
7. В русской революции правда перемешана с ложью.
8. Русская революция — Божья кара.
9. Русская революция — призрак и маскарад.
10. Русская революция одержима шпионским страхом «контрреволюции».
11. Большевизм — грех России.
12. Большевизм лишен чувства греха и вины.
13. Большевизм — третье воплощение Жругра — российского Уицраора, т. е. «демона великодержавной государственности», который с помощью универсальной Доктрины (марксизма) должен был подготовить установление вселенской сатанократии.
14. Большевизм — пошлость, вызывающая эстетическое отвращение.
15. Большевизм — победа на Земле «царства Плоских».
16. Онтологический прототип большевика — демон-Верховенский.
17. Большевизм — торжество сатанинского «царства Скуки».
18. Ленин — Раскольников.

1. Революция — выражение теневой, бессознательной стороны истории.

«То, что происходит в России, едва поддается разумному объяснению. Но лишний раз, влекомые роком, мы убеждаемся, как узок светлый круг исторического сознания. Бессознательное, бредовое окружает его со всех сторон, и революция — один из люков, откуда темные воды Ахеронта затопляют солнечные нивы земли» (Г. П. Федотов. **Проблемы будущей России** (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 228; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

2. Большевизм снял противоречие между нехристианской этикой русских революционеров (поправших принцип «не убий») и их христианской психологией (стремлением искупить грех собственной мукой).

«При известии о казни брата он <Ленин. — Сост.> сказал: “Мы пойдем другим путем” Что значила эта фраза?.. “Другой путь”, действительно, был избран в те дни... был совершен духовный переворот в поколении, в его незаурядном представителе. И только за духовным последовал роковой политический переворот. Владимир Ульянов разрывал с Александром Ульяновым, а Александр был из тех, кто еще верил в исправление мира подвигом и жертвой — убийством одного и искупающей убийство гибелью другого, его крестной мукой. Поколение Александра еще читало некрасовские строки так, как они были написаны: “Дело прочно, когда под ним струится кровь”, — то есть моя кровь. Ленинизм рассчитывал на чужую кровь, хотя обильно пролил свою. В ленинизме не было жажды жертвы, и это выразилось впервые в ясном ощущении мальчика, что он не хочет “как Саша”, что крест его не манит, что “положить живот за други своя” ему не сладостно... Вот это противоречие между нехристианской этикой русских революционеров, поправших принцип “не убий”, и их же христианской психологией, заставлявшей эсера Зензинова писать, что ни раскаяние, ни даже гибель убийцы не спасают от бремени греха, а эсера Каляева — откладывать покушение, чтобы не пострадали женщины и дети, — именно это противоречие радикально снял большевизм, приведя психологию в гармонию с этикой. Оказалось, можно заниматься ликвидацией людей и быть спокойным, уравновешенным: играть в шахматы, удить рыбу, наслаждаться горными прогулками. Тут была важная деталь: не делать ничего такого собственноручно, действительно идти другим путем, чем Александр, который взял на себя и деяние, и расплату, отрицая на допросах какое бы то ни было чужое соучастие и влияние... В большевизме сознание греха и неизбежности искупления не было, хотя

трагизм этого поколения превосходит все, что было в русской истории: большевистская интеллигенция почти вся погибла в сталинских застенках. Но она не хотела своей гибели, не жила в постоянном предчувствии законной расплаты — разве исключая такие утонченные натуры, как Бухарин» (В. Чаликова. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 34—36) (Чаликова, 1990).

3. Большевизм отказался от русской революционной веры в возможность исправления человека и власти.

«Но «другой путь» большевизма означал не только принятие скорее чужой, чем своей крови. Он означал отказ от веры в исправление человека, в том числе правящего человека, человека у власти, отказ от любых форм диалога с действительностью, с властью, с обществом. Старый русский революционер долго верил в хорошего царя, и эта вера, над которой нас учили смеяться, была залогом возможности для России либеральных реформ. Декабристы хотели заменить Николая Константином, ценя в последнем либеральное отношение к Польше; Герцен, вдохновленный реформой Александра II, написал ему горячее, искреннее письмо... Отчаявшиеся народники стреляли в царя, но и это еще не был отказ от веры в возможность исправления мира однократным деянием. Убеждение, что чья-то единственная смерть может изменить ситуацию к лучшему, говорит о сохранении веры в силу добра — как они его понимали. Ленинизм убежден: бессмысленно убивать царя, недостаточно даже разрушить государство — нужно разрушить общество» (В. Чаликова. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 36—37) (Чаликова, 1990).

4. Большевизм и либерализм расходятся в понимании зла в человеке.

«Чекистское убеждение, что “прижми любого, как следует, — и юшка полезет”, убеждение, что подлинна в человеке только юшка, противоположно либеральному убеждению, что не надо прижимать человека и ждать, какая гадость из него полезет; не надо тратить усилия на обнаружение “подлинного лица” — гуманнее и выгоднее тратить силы на то, чтобы потенциальное зло вообще не проявилось» (В. Чаликова. С Лениным в башке // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 38—39) (Чаликова, 1990).

5. Большевизм — лишь гримаса, на мгновение исказившая лицо тысячелетней России.

«Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная ме-

лодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь... В годину величайших народных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России» (Г. П. Федотов. Лицо России // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1. С. 44—45) (Федотов, 1918).

6. Тоталитаризм — порождение веры в идею «чистого человека».

«...Вера в идею чистого человека как раз и подвела наш народ, обернулась политикой национального самоистребления. Такие муки ада, через которые народ прошел в 30-е годы, можно быдло оправдать только чем-то исключительным, например, соблазном создания того, чего никогда не было у других» (А. С. Ципко. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа. М., 1989. С. 214) (Ципко, 1989).

7. В русской революции правда перемешана с ложью.

«...Революция — существо двоящееся, в нем правда перемешана с ложью. На лице существа, именуемого революцией, есть двусмысленная искривленная улыбка, и она с каждым днем делается все более и более двусмысленной. Русская революция — провиденциальна, в ней есть очистительная гроза и очистительный огонь, в ней сгорает старая ложь. Но в этой же стихии образуется новая ложь и многое старое является в новой лишь форме... Революция и свобода совсем не тождественны. Революция освобождает скованные силы, но она же слишком часто являет собой и величайшее надругательство над свободой и истребление свободы. Силы освобожденные, но не преобразованные, направляются против свободы, не любят свободы, не дают дышать воздухом свободы. Вечно двоится природа революции в отношении к свободе. Почему это так? Происходит это потому, что всякая истинная свобода имеет духовную основу, революция эже выбрасывает массу человеческую на поверхность и достигает свободы в отрыве от духовных корней» (Н. А. Бердяев. Контрреволюция // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 81; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 10—11) (Бердяев, 1917).

8. Русская революция — Божья кара.

«Русская революция есть Божья кара за явный или тайный нигилизм всех слоев, всех классов и всех направлений, от крайних правых до крайних левых» (Н. А. Бердяев. Кто виноват? // Н. А. Бердяев. Со-

брание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 101; первая публикация: Русская свобода. 1917. № 18) (Бердяев, 1917).

«С абсолютно-религиозной точки зрения, революцию можно понять только в одном смысле, признав ее за кару Божию. Так относились к гонениям первохристиане. Но такое приятие революции не может быть даже и обсуждаемо с точки зрения политической или вообще земной» (П. Б. Струве. *Прошлое, настоящее, будущее* (1922) // П. Б. Струве. *Избранные сочинения*. М., 1999. С. 320) (Струве, 1922).

9. Русская революция — призрак и маскарад.

«Я позволяю себе думать, что все происходящее в России — чистейшие призраки и галлюцинации, во всем этом нет ничего существенного и подлинно реального... И то, что именуется у нас революцией, есть сила инерции, есть мертвая безвижность перед судом высшей духовной жизни. В коловращении хаоса и анархии никогда ведь не бывает настоящего движения и творческой новизны. Хаотическая перестановка и круговращение мертвой материи никуда не движется и никакой новой жизни не творит... Маскарадное переодевание никого не должно вводить в заблуждение. Под новыми масками слишком видны старые лица. Рабы и насильники, в которых не изменилось ни одно чувство и не появилось никаких проблесков нового, лучшего сознания, расхаживают и разъезжают в костюмах новых, свободных людей. Но звериное хрюканье все время слышится под личинами, которые вводят в обман лишь очень наивных и темных людей... Вся русская "революция" есть тяжелый кошмар, приснившийся русскому народу от его бессилия и болезни, есть призрак, созданный растроенным воображением народа слабого и потерявшего духовный центр. Кошмары и призраки дома умалишенных выпущены на свободу и гуляют по земле русской» (Н. А. Бердяев. *Была ли в России революция?* // Н. А. Бердяев. *Собрание сочинений*. Париж, 1990. Т. 4. С. 103—104; первая публикация: *Народоправство*. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).

«Начинается реализация всех несбыточностей жизни, отречение от реальностей, погоня за химерами. Все начинают жить ультрафиолетовыми лучами своего жизненного спектра. Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уездными комиссаршами... Развертывается страшный революционный маскарад. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы — военморами, священники — конферансье в революционных кабаре... В этой демонической игре, в этом страшном революционном метафизическом актерстве разлагается лицо человека; в смраде этого разложения начинают

кружиться невероятные, несусветные личины. С этой стихией связано неудержимое влечение революционных толп к праздникам и зрелищам, как и вся своеобразная театрализация революционных эпох. Ею же объясняется и смесь жестокости и сентиментальности, которая так характерна для второсортных революционных героев» (Ф. А. Степун. **Религиозный смысл революции** // Современные записки. Париж, 1929. № 40. С. 452—453) (Степун, 1929).

10. Русская революция одержима шпионским страхом «контрреволюции».

«С самого начала “революция” русская одержима низким страхом контрреволюции, и в этом постыдном страхе чувствуется страшное бессилие, отсутствие молодой веры, молодого энтузиазма. В розыске контрреволюции есть что-то в высшей степени неблагоприятное. Делатели “революции” обнаружили шпионские инстинкты, свойственные дряхлеющей и разлагающейся силе» (Н. А. Бердяев. **Была ли в России революция?** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 106; первая публикация: Народопрямство. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).

11. Большевизм — грех России.

«Как раз потому, что он не истина, а ложь, и недопустимо столь часто раздающееся утверждение: “большевизм — не Россия” Нет большевизм — Россия, сузубо Россия, ибо большевизм — тяжчайший грех России перед самой собою» (Ф. Степун. **Мысли о России** // Современные записки. 1927. № 33. С. 339) (Степун, 1927).

«Понимание же большевизма как нашего общего греха, которого можно и должно было избежать (понятие греха всегда связано с понятием свободы), есть единственное возможное для русского человека отношение к вопросу» (Ф. Степун. **Литературные заметки** // Современные записки. 1928. № 34. С. 438) (Степун, 1928).

12. Большевизм лишен чувства греха и вины.

«Если бы люди, ведшие войну и творившие революцию, расстреливали себе подобных в трагическом сознании совершаемого ими неизбежного греха, война и революция никогда бы не вылились в то, во что они вылились. Чистая совесть чекиста Дзержинского гораздо страшнее всех совершенных по его приказу расстрелов. И потому так страшно, что на смену большевикам могут придти люди, по своему внутреннему складу мало чем отличающиеся от них, и начать во имя

новых идеалов с такою же легкой совестью духовно и физически насилловать своих ближних, как это делали большевики» (Ф. Степун. **О человеке «Нового Града»** // Новый Град. 1932. № 3. С. 20) (Степун, 1932).

«Если бы все участники мировой войны и вырвавшейся из ее недр революции расстреливали бы своих ближних в окопах и на баррикадах в тяжком сознании, что исполняя свой гражданских долг, они губят свою христианскую душу, то ни мировая война, ни в особенности большевистская перелицовка мира не достигли бы тех чудовищных размеров, которых они достигли... Весь ужас нашего положения в том, что история выдвинула в качестве властителей и руководителей мира совершенно особую породу людей: смелых, волевых, страстных, умных и злых, но нравственно предельно страшных, ибо совершенно бескорбных, даже приблизительно не знающих, что значит сокрушаться сердцем и разрушением собственного духовного бытия оплачивать свое нравственно обязательное и все же неизбежно грешное участие в развертывающихся мировых событиях. В этой, несмотря на все костры инквизиции все же новой для христианского мира глухоте к основному факту человеческого бытия, к “без вины виноватости”, к неизбежности греха даже и на путях обязательной защиты добра и истины, т. е. ко всему тому, что христианство называет первородным грехом, коренится та безмерность лжи и крови, которую большевики залили Россию и которая с каждым днем все страшнее и безумнее отражается в глазах их наиболее страстных противников-близнецов. Много грехов разрушают мир, но нет более разрушительного греха, как грех неверия в грех, т. е. грех убежденности в своей праведности» (Ф. А. Степун. **Христианство и политика** // Современные записки. 1933. № 53. С. 350—351) (Степун, 1933).

«Революционное фарисейство безгранично. Оно чувствует себя великоленно в мире зла и страдания. Драмы культуры для него не существует. Но только безумцы могут тешить себя мыслью, что в мире и в человеческой природе все обстоит благополучно, а в зле и страдании якобы виноваты какие-то театральные-теоретические злодеи, большей частью в виде социально-политических противников, так сказать, “вредителей”, против которых и затевается театральнокровавый, лицемерный процесс, именуемый “революцией” Безумие этого космологического и антропологического оптимизма — несомненно. Но здесь не опьяняющая мечта “возвышающего обмана”, но убежденное упорство идеологического маньяка. В революционном фарисействе мы имеем дело с внутренним утопическим ядром. Для него характерны прожектерство и своеобразное плоское мечтатель-

ство. Но есть у прожекторского мечтательства одно основное свойство. Свойство это — оптимизм и отрицание первородного греха. Вина за все преступления и за все зло переносится на какого-либо “козла отпущения” — “вредителя” Этот “козел” торжественно изгоняется сначала в мечтах, теоретически, а потому, в случае осуществления мечты, и на деле. А на предмет техники этого изгнания учреждается организованное мучительство, воздвигаются бесчисленные эшафоты и полицейские застенки, формируются армии шпионов и доносчиков. Все они наполняют мир кровью и слезами — в случае удачи и перехода всей полноты власти в руки благородных мечтателей, задумавших преобразовать человечество искусственно-механически, “сразу и всемирно” Происходит революция, одним словом. Идеология эта может быть выражена весьма кратко: абсолютный оптимизм по отношению к субъекту утопического действия, то есть к самим себе, и абсолютный пессимизм по отношению ко всему прочему миру “не-я”, который должен быть или до конца переделан согласно плану-мечте, или же стать “козлом отпущения” Т. е. быть изгнанным и закланным. Первородный грех — одна из основных истин мироздания» (В. Н. Ильин. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987. С. 35—36) (В. Ильин, 1950-е).

«Все нравственное убожество большевицки-революционного мирозерцания и вытекающей из него тактики заключается в том, что большевистский марксизм не знает понятия своей вины, что у него виноват всегда другой: буржуй, империалист, соглашатель, капиталист и т. д.» (Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 86—87) (Степун, 1940-е).

13. **Большевизм — третье воплощение Жругра — российского Уицраора, т. е. «демона великодержавной государственности», который с помощью универсальной Доктрины (марксизма) должен был подготовить установление вселенской сатанократии.**

«Еще большую тревогу мог внушить пока еще самый тихий жругрит <порождение второго Жругра, человекоорудием которого стал Николай I. — Сост.> — багровый. Прячась за спинами своих братьев, он лишь короткими рывками набрасывался иногда на отца, сейчас же отступая и незаметно пожирая питательную росу, пока старик (второй Жругр) и два других исчадия <бурый жругрит — революционное «шестидесятничество» и «народничество», а также белый жругрит — либералы и кадеты. — Сост.> боролись, переплетаясь всеми своими щипальцами. Его лицо было ужасно, но не лишено сатанского величия. Голова на длинной шее была гордо закинута назад, а в темных глазах, наполовину прикрытых суровыми веками и

*похожих на опрокинутые полукруги, роились оранжевые точки, придавая им выражение бурно развивающейся мысли и сверхчеловеческой хитрости. Естественно, что историческая проекция именно этого жругрита становилась богаче всех остальных идеологическим зарядом. Именно она и только она была вооружена широкообъемлющей доктриной, универсальной программой и пониманием исторического момента. И именно багровый жругрит, и только он, уже создал себе превосходное человекоорудие: существо с тяжелым и неутомимым мозгом и таранообразным лбом, с широким и жадным, инфантильно припухлым ртом и хитрыми, по-татарски дикими и безжалостными глазами» (Д. Андреев. *Роза Мира* (1958). М., 1991. С. 206) (Д. Андреев, 1958).*

*«... Инволютация демонических начал — всемирна, и если на некоторых отрезках истории Россия сделалась ее основным плацдармом в человечестве и лицо Друккарга (шрастр российской метакультуры, инопространственный материальный слой в физическом теле Земли, опрокинутый острием к земному центру. — Л. П.) стало выпирать на ее поверхность, то и остальное человечество не было оставлено без демонического внимания, чтобы в случае, если Россия отобьется от рук, было где и на чем продолжать сооружение фундамента грядущей сатанократии» (Д. Андреев. *Роза Мира* (1958). М., 1991. С. 212—213) (Д. Андреев, 1958).*

14. Большевизм — пошлость, вызывающая эстетическое отвращение.

*«Большевистская же Россия без колокольного звона, с немногими церквами, превращенными в музеи, и с помещичьими домами, отведенными под колхозные управления, Россия пролетаризированного крестьянства и обывителлигенченного на плоско-просветительский лад рабочего класса, Россия, ни во что не верящая, кроме как в диалектический материализм и американскую технику, бескорбно отрекающаяся от своего исторического прошлого и нагло издевающаяся над своими провиденциальными заданиями, о которых ее великими мыслителями и художниками было сказано так много глубочайших слов, казалась мне невыносимую пошлостью. Представления, что Россия, только что вырвавшаяся из старческих объятий выродившегося монархизма, отдаст себя разнузданному кронштадскому матросу, у которого за душой ничего нет, кроме одобренного материчной марксистского жаргона и ленинского разбойничьего поговиста, вызывало во мне непоборимое эстетическое и национально-эротическое отвращение» (Ф. А. Степун. *Бывшее и несбывшееся*. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 130—131) (Степун, 1940-е).*

15. Большевизм — победа на Земле «царства Плоских».

«Вечная борьба плоских с глубокими все еще продолжается на европейском Западе, а на русском Востоке борьба уже закончилась или происходит сейчас на такой глубине, что ее уже не видно сейчас с европейского Запада. В бывшей России, на шестой части земной суши, основано русскими коммунистами первое на земле Царство Плоских. Овладев Россией, они сначала разрушили в ней все, сравняли с землей, как поется в Интернационале:

*сделаем из прошлого гладкую доску,
du passe faisons table rasé, —*

сначала сравнивали все до “гладкой доски”, а потом начали строить, потому что Плоские могут каким-то дьявольским чудом не только разрушать, но и строить, конечно, мнимо, “зеркально-обманчиво”, так как строить по-настоящему нельзя в двух измерениях — в плоскости, без глубин и высот. Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плющильный молот, которым все в человеке трехмерное, глубокое и высокое, уничтожается или вдавливается, вплющивается в совершенную плоскость. Страшная сила, движущая молот, есть душа всех социальных революций — воля как будто лишь к внешнему, социально-политическому, а на самом деле и к внутреннему, онтологическому равенству в плоскости» (Д. Мережковский. Тайна русской революции (1939). М., 1998. С. 42—43) (Мережковский, 1939).

16. Онтологический прототип большевика — демон-Верховенский.

«Но чтобы понять его как следует, надо увидеть не только внешнюю и временную, социально-политическую, но и внутреннюю, вечную, онтологическую связь его с такими будущими деятелями русской революции, как Ленин и Сталин: эти будут, потому что тот был; начал Верховенский-Нечаев — продолжит Ленин, и кончит Сталин. Эти ничем не лучше и не хуже того; мерить надо всех троих одною мерою и судить одним судом» (Д. Мережковский. Тайна русской революции (1939). М., 1998. С. 51) (Мережковский, 1939).

17. Большевизм — торжество сатанинского «царства Скуки».

«Те, кто пережил в России первые дни после Октября, помнят, как тогда было скучно какой-то небывалой, неземной, как бы из того мира в этот идущей скукою. Вечность кажется Свидригайлову чем-то вроде “закоптелой деревенской бани с пауками по всем углам”

*Точно такая же вечность наступила тогда в России. Этот исполинский образ, еще почти никем не узнанный, — сам великий Сатана, Царь Скуки. Он-то и воплотился в таких возлюбленных детях своих, как Ленин и Сталин. Этим уже не будет скучно, потому что сами они — воплощенная скука, и от них она идет на всех» (Д. Мережковский. **Тайна русской революции** (1939). М., 1998. С. 57, 58) (Мережковский, 1939).*

XXI. БОЛЬШЕВИЗМ И КОММУНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЯ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МАСШТАБА

1. Всемирно-историческое значение русской революции состоит в опытном опровержении социализма.
2. Великая русская революция бросила в историю «идею-программу», положительный потенциал которой будет реализован грядущими поколениями.
3. Российские коммунисты — знаменосцы будущей жизни.
4. Большевизм — симптом впадения мира в антихристианство.
5. Большевизм — один из результатов общеевропейского хаоса.
6. Советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего.
7. Большевизмом Россия расплатилась и за свои грехи, и за грехи капиталистического мира.
8. Большевистский интернационализм отвечает ритму и широте государственной и международной жизни.
9. Коммунизм в России — неподготовленный опережающий прорыв.
10. Большевистская революция совершается в контексте переворота в метафизическом мышлении.
11. Революция в России — результат наложения классового антагонизма и общемирового культурного сдвига.
12. Большевиков будет судить не исторический, а Высший суд.
13. Спасение России от большевизма есть дело всемирной культуры.
14. Тоталитаризм — способ преодоления мирового духовного кризиса российской массой, не способной к трансформации катастрофы в культуру.
15. Большевизм — способ спасения Европы.
16. Большевизм — болезненный спазм всемирной революции.

17. Большевизм — кровавая заря будущего.
18. Неудачи русского коммунизма имеют всемирное значение.
19. Большевизм — отрицательный опыт, которым Россия отвела от Европы опасность порабощения коммунистической идеей, как ранее защитила Европу от татар.
20. Именно Россия, распахнувшая в мир адовы врата, именно она только и способна попытаться их закрыть.
21. Коммунистический опыт России доказал миру невозможность абсолютного огосударствления хозяйства.
22. На опыте большевизма народные массы осознали принципиальную разницу между отрицательным самоочинностью и положительной свободой.
23. Русская революция выявила основные тенденции в судьбе европейского человечества.
24. Русская революция — заключительный итог «грандиозного восстания человечества», начатого в эпоху Ренессанса.
25. Большевизм — осуществление последней великой европейской революции и первой национально-освободительной революции.
26. Большевизм как духовно-культурный комплекс имеет наиболее предпочтительные шансы стать источником будущего русского фундаментализма.
27. Большевистская репрессия не только губила души, но вызвала биологическую необходимость «вынужденного восхождения душ».

1. Всемирно-историческое значение русской революции состоит в опытном опровержении социализма.

«Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма, в его подлинном смысле учения об организации производства на основе равенства людей, есть опровержение эгалитарного социализма. На этой основе не только нельзя повысить производительных сил общества, она означает роковым образом их упадок. Ибо эгалитарный социализм есть отрицание двух основных начал, на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности, и идеи расценки людей по их личной годности, в частности, по их экономической годности. Хозяйственной функцией и фундаментом этих двух начал всякого движущегося вперед общества является институт частной или личной собственности. На русской революции оправдалась идея одного из величайших умов России, одинокого Чаадаева: “Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству”. Мы в нашей социальной революции дали такой великий урок:

опытное опровержение социализма» (П. Б. Струве. *Размышления о русской революции* (1919). София, 1921. С. 16—17) (*Струве*, 1919).

2. Великая русская революция бросила в историю «идею-программу», положительный потенциал которой будет реализован грядущими поколениями.

«Взятая в историческом плане, великая революция, несомненно вносит в мир новую “идею”, одновременно разрушительную и творческую. Эта идея в конце концов побеждает мир. Очередная ступень всеобщей истории принадлежит ей. Долгими десятилетиями будет ее впитывать в себя человечество, облекая ее в плоть и кровь новой культуры, нового быта. Обтесывая, обрабатывая ее. Но для современности революция всегда рисуется прежде всего смерчем, вихрем: “Налетит, разожжется и умчится, как тиф...” И организм восстанавливается, сохраняя в себе благой закал прорвавшейся болезни. “Он уже не тот”, но благотворные плоды яда проявят себя лишь постепенно, способствуя творческому развитию души и тела. Революция бросает в будущее “программу”, но она никогда не в силах ее осуществить сполна в настоящем. Она и характерна именно своим “запросом” к времени... Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают эволюционно воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее оживляющего яда... “Запрос” русской революции к истории («клячу-историю загоним!») — идея социализма и коммунизма. Ее вызов Сатурну — опыт коммунистического интернационала через пролетарское государство. Отсюда — ее “вихревой” облик, ее “экстремизм”, типичный для всякой великой революции. Но отсюда же и неизбежность ее “неудачи” в сфере нынешнего дня. Как ни мощен революционный порыв, уничтожить в корне ткани всего общественного строя, всего человечества современности он не в состоянии. Напротив, по необходимости “переплавляются” ткани самой революции. Выступает на сцену благодетельный компромисс» (Н. В. Устрялов. *Patriotica // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России*. М., 1992. С. 260—261; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (*Устрялов*, 1921).

3. Российские коммунисты — знаменосцы будущей жизни.

«Историческая перспектива уже становится возможна. Она-то выясняет для все большей массы, русской и иностранной, вопрос о значении Советской власти. Теперь, при брезжащем уже свете нового дня видно, что непостижимая во мраке ее устойчивость объясняет-

*ся просто тем, что она нужна для России, нужна для человечества... Совершенно независимо от своей концепции будущего социального строя, коммунисты являются знаменосцами будущей жизни, трубами объявленной социальной борьбы. За это их ненавидят, за это их любят. За это ненавидят и любят Россию, ставшую во главе того лагеря, которому суждена победа, ибо он — будущее, а официальная Европа — прошлое. И с востока вновь сияет свет. Русский народ "в рабском виде", в муках неисчислимых страданий несет своим измученным братьям всемирные идеалы — и за них любим, ими обновлен и чист во всей бездне своего падения, ими, в своем унижении, могуч... Но, конечно, как нет великого человека для своего камердинера, так для современников нет великой революции. Они видят ее слишком вблизи, видят лишь очень серьезные, очень важные вещи: разрушение культурных ценностей, кровавую, мученическую гибель часто безвинных жертв, голод, холод, эпидемии, разруху — и всю муть, такую нечистую и отвратительную, которую всегда подымает на поверхность буря. Но значение происходящего для них недоступно, не видно рождения в пламени высших ценностей...» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 340—341; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

4. Большевизм — симптом впадения мира в антихристианство.

*«Духовный кризис, переживаемый Россией, есть не что иное, как следствие такого же кризиса, переживаемого всем бывшим христианским человечеством. Даром не прошло ему христианство: с Богом или против Бога, человек наших дней всемирен; из христианства, всемирной религии, выпадает он в антихристианство, антирелигию, тоже всемирную. Не здесь или там, а везде, во всем мире, происходит одно и то же: религиозная атмосфера так разрежена, что нечем дышать. Кто-то делает страшный опыт с человечеством: посадил его, как кролика, под стеклянный колпак и выкачал воздух» (Д. Мережковский. *Тайна русской революции* (1939). М., 1998. С. 35) (Мережковский, 1939).*

5. Большевизм — один из результатов общеевропейского хаоса.

«Обольшевиченная Россия — пленница злой воли и злого безволия тех же самых сил, которые создали нынешний хаос, раньше именовавшийся войной, а теперь "миром"... Все это одно и то же. Одна и та же судорога потрясенного мира. Большевизм, царствующий в темной стране, не более удивителен, чем хаос, царствующий в Европе. И то и другое имеют свои собственные источники, но то и другое

взаимно друг другом питается. И когда кончится хаос в Европе, кончится и большевизм, а когда кончится большевизм, кончится и европейский хаос» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). *Пять лет большевизма*. Берлин, 1922. С. 21) (*Португейс*, 1922).

6. Советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего.

«...Советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего; капитализм, быть может, истина, но на путях мертвого прошлого» (И. Бунаков (И. Фондаминский). *Два кризиса* (Речь, произнесенная на собрании «Дней» по поводу доклада А. Ф. Керенского «На переломе кризисов») // *Новый град*. 1932. № 2. С. 32) (*Бунаков-Фондаминский*, 1932).

«Большевики и нацисты победили потому, что оказались в своих странах людьми XX века, уловившими суть и смысл наступающей эпохи. И первые, и вторые поняли в наступающем веке то, чего кроме них не понял никто. К сожалению, других людей XX века, способных по-другому ответить на вызов или хотя бы смягчить ответ, здесь не нашлось. Большевизм и нацизм стали русскими и немецким путем в XX век. Степень неадекватности, даже началу XX века, многих лучших русских умов, противостоявших большевизму, степень их неготовности к их современности очевидна» (А. Фурсов. *Колокола истории* // *Рубежи*. 1995. № 1. С. 11—12) (*Фурсов*, 1995).

7. Большевизмом Россия расплатилась и за свои грехи, и за грехи капиталистического мира.

«Тяжелее всех оказалась участь России. Она расплатилась и за свои собственные грехи, наследие своей трагической истории, и за грехи капиталистического мира, вовлеченная в общий его пожар. В Европе — экономический кризис, — в России безвыходная нищета и голод. В Европе борьба классов, — в России уничтожение их. В Европе насилие, — в России кровавый террор. В Европе покушения на Свободу, — в России каторжная тюрьма для всех. В Европе помрачение культуры, — в России систематическое ее истребление» (Г. П. Федотов. *Новый Град* // *Новый град*. 1931. № 1. С. 4) (*Федотов*, 1931).

8. Большевистский интернационализм отвечает ритму и широте государственной и международной жизни.

«Идеологическая система коммунизма и интернационализма, при всей ложности их духовного существа, умеют успех, ибо отвечают, превратно и мнимо, ритму и широте развертывания современной го-

сударственной и международной жизни» (П. Сувчинский. **К познанию современности** (1925) // Евразийский временник. Кн. 5. 1927. С. 24) (Сувчинский, 1925).

9. Коммунизм в России — неподготовленный опережающий прорыв.

«Не будет парадоксом, если мы скажем: опережая Мир, Россия опередила себя. Она устремилась к всепроникающему равенству, не успев превратить только что обретенную свободу в конституционный правовой строй. Она заявила себя демиургом вселенского освобождения, будучи еще далекой от завершения собственной раскрепостительной работы. Оттого и расплата не могла не войти в результат» (М. Я. Гефтер. **Октябрьская революция: событие, эпоха, феномен сознания** // М. Я. Гефтер. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 403; первая публикация: 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989) (Гефтер, 1989).

10. Большевицкая революция совершается в контексте переворота в метафизическом мышлении.

«Несомненно кругом происходит величайшая революция, перед которой ничтожна та социальная и политическая, которую мы так тяжело переживаем. Трудно даже оценить всю глубину переживаемого нами теперь потрясения. Очень возможно, что люди подошли сейчас к самым основам метафизики и помимо научного революционного движения происходит великий переворот в метафизическом мышлении» (В. И. Вернадский. **Из дневника (4 декабря, 1920)** // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 42) (В. Вернадский, 1920).

11. Революция в России — результат наложения классового антагонизма и общемирового культурного сдвига.

«В начале XX века Российская империя находилась в очень тяжелой ситуации, попав в эпицентр деколонизационных процессов, начинавших тогда нарушать стабильность в мире. В ней уже назревали феномены решающего судьбы истории диалога Запада и Востока, включая сюда и разнородность самих Востока и Запада. Но понимала ли тогда Россия, что с ней происходит? Начиная с XIX века, в России спорили именно о социальной революции — а начинался определяющий сдвиг культур. Именно тут, в России, начинался тот колоссальный мировой поворот, который покончил с идеей простого движения от низшего к высшему, обнаружив равноправие, одновременность и насущность общения всех культурных спектров... И революция наша

могла быть не только и не столько актом социального конфликта буржуазии с пролетариатом, сколько моментом этого уникального культурного сдвига в типах и возможностях диалога культур. Но одновременность двух поворотов — “серебряный век” и тут же, по-верх и поперек его, классовый антагонизм на уровне XIX века, привела к роковой aberrации. Две разных революции слились в одну. И это привело к неслыханной драме невозможных нравственных отождествлений» (В. Библер. *Бытие на грани (беседа с О. Ярцевой)* // Век XX и мир. 1989. № 7. С. 16) (Библер, 1989).

12. Большевиков будет судить не исторический, а Высший суд.

*«Все на свете проходит, пройдут и большевики. Но пятнадцать лет власти, успехов и побед — в величайшую, ответственнейшую эпоху жизни России и Европы — дают право на исторический памятник... Если Россия не развалится, а будет жить, как великое государство и великий народ, то ее революция войдет тоже, как “великая”, на скрижали истории. Партия, которая провела эту великую революцию, актеры великой исторической драмы будут жить в веках, несмотря на все разоблачения их подлинного роста, как “великие” исторические деятели... Значит, конец? Конец нашей тяжбы с большевиками? Процесса, который мы ведем против них перед Россией, перед миром, перед историей? — Нет, не конец, а лишь начало. Мы не согласны на памятник большевикам, мы разрушаем его до фундамента. Живые свидетели преступления, мы не примиримся с пятнадцатилетней давностью. От современников мы апеллируем к потомству. Разочаровавшись в правосудии истории, мы идем выше. “Есть Мститель там, над звездами”. Это не значит, что надзвездный суд не связан с земной действительностью. Но это значит, что последние основания исторического суда лежат над историей и не меряются мерой исторического успеха... С этой точки зрения, не может в мире пройти бесследно ни слабое усилие к добру, ни малейшее движение зла. Не поглощаются они одним историческим процессом, а включаются в разные одновременно действующие процессы: создания и разрушения. И если внимательно вглядываться в жизнь, то в видимом ее единстве всегда можно различить двоякую детерминированность: к вечности и к смерти... Исторические тяжбы долго тянутся и оканчиваются лишь со смертью народов. Никогда, никогда не изгладятся из жизни России злодеяния пятнадцати лет победоносной революции, как не изгладятся из нее и преступления царей. Отдаленные наши потомки будут расплачиваться за злое похмелье этих лет» (Г. П. Федотов. *Перед памятником Ленину* // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 39—42) (Федотов, 1933).*

13. Спасение России от большевизма есть дело всемирной культуры.

«И Россия мертва. Искушая грех аскетизма, мы должны отбросить брезгливость к телу, к материально-государственному процессу. Мы будем заново строить это тело до последней его клетки... Нам придется сочетать национальное дело с общечеловеческим. Мир нуждается в России. Сказать ли? Мир, может быть, не в состоянии жить без России. Ее спасение есть дело всемирной культуры» (Г. П. Федотов. *Лицо России* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1. С. 46; первая публикация: Свободные голоса. СПб, 1918, № 1) (Федотов, 1918).

14. Тоталитаризм — способ преодоления мирового духовного кризиса российской массой, неспособной к трансформации катастрофы в культуру.

«Русская культура “серебряного века” до срока стала зеркалом русской и российской катастроф, отразила стихийную и организованную силу зла, разломы социального бытия, духовное крушение общества, свергнувшего себя в гражданскую войну. И все же духовная сила культуры еще оказалось достаточной, чтобы преодолеть оцепенение и, вытеснив чувство гибели, сформировать новое видение мира. Они творили в разном стиле: через вхождение в гибельную судьбу и победу над ней у Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама; через обретение иных сфер бытия у Н. Бердяева, Н. Рериха, В. Кандинского, П. Флоренского. Но высокая культура — удел избранных и немногих, открываемые ею пути далеки от повседневного бытия. Кто-то должен был взять на себя попечение о слабых, которым грозила гибель небытия, которые не могли вместить слишком тяжелого дара, сулившего спасение только ценой невероятных духовных усилий. Если и есть оправдание того Великого эксперимента и Культа, которому столько десятилетий приносились грандиозные жертвы, если не все в нем сводится к самообману, то оно — в создании иллюзии обеспеченности бытия и даже “сохранения в памяти потомков”. От рождения до смерти человек находился под попечением тотальной системы, которая без остатка забирала себе его труды, но зато избавляла от угрозы крушения, от врага внешнего и внутреннего, и от себя самого — в случае внутренних сомнений... Социализм избавлял от “страха перед завтрашним днем”, от кризисов и, как чудилось, даже от стихийных бедствий. А индивидуальное крушение было безвредно там, где царил Общественное бытие и Всемирно-исторический процесс. Роковые вести начала века были стерты из общественного сознания, а для поддержания духа возникла культура соцреализма, находившая решение для всех житейских

*неурядиц....Катастрофу отрицали, изгоняли, замалчивали. Десятилетиями общество занималось тем, что забрасывало тайную пропасть жертвами классовой борьбы, камнями великих строек, арсеналами военно-промышленного комплекса и несбывшимися судьбами поколений, ни о чем не подозревавших в "сплошной лихорадке буден". Такой ценой мы купили себе отсрочку» (Б. Ерасов. **Наконец-то Апокалипсис!** // Век XX и мир. 1991. № 10. С. 10) (Ерасов, 1991).*

15. Большевизм — способ спасения Европы.

*«Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют они внутри. Никакой революции здесь быть не может. Все зашло в тупик. Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы. Нужен поход на Европу» (С. Есенин. **Письмо из Германии (21 июня 1922)** // С. Есенин. Собр. сочинений в 5-ти тт. М., 1966—1968. Т. 5. С. 107) (Есенин, 1922).*

16. Большевизм — болезненный спазм всемирной революции.

*«...Нынешний момент большевизма, нынешняя форма его, нынешние его вожаки суть элемент преходящий; а во-вторых, они составляют еще вдобавок совершенно явным образом как бы болезненную спазму общего процесса, как бы жизненную гримасу общего движения; припадок пройдет, а здоровая революционная суть останется... Все доброе и ценное в человеческой истории всегда рождалось и развивалось в атмосфере злого и отвратительного, с ним смешиваясь и срастаясь. И участь эта не миновала ни одного из борений за свободу. Русская Революция уже победила по существу, и победила именно как большевизм, как реконструкция мира на новых началах свободы, труда, личности и государства; но в конкретной реализации своей победы она будет несомненно задержана именно благодаря своему начальному, внешне конкретному уродливому проявлению в форме террора, насилия, милитаризма и экономического развала, которые играют только на руку врагам русской и большевистской революции» (Б. Яковенко. **Философия большевизма**. Берлин, 1921. С. 59—60) (Б. Яковенко, 1921).*

17. Большевизм — кровавая заря будущего.

«Всем большевистским вождям эмигрантского антибольшевизма большевизм представляется всего только страшным пожарщиком деревянной, избяной России, вызванным злостным поджогом компартии. Образ этот верен, но недостаточен. Большевизм не только зло-

стный поджог и страшный пожар России, но еще и вечерняя заря старого мира и новая заря какого-то нового для истории, быть может, очень жестокого и безумного (какой взойдет день, зависит, между прочим, и от каждого из нас). Вот этой-то зари — сейчас мы это поняли — ни белогвардейскими пулями не расстреляешь, ни демократическим красноречием не зальешь. Тут нужны иные, творческие силы, которых до сих пор в эмиграции не было...» (Ф. Степун. Задачи эмиграции // Новый град. 1932. № 2. С. 19) (Степун, 1932).

18. Неудачи русского коммунизма имеют всемирное значение.

«Итог: то, что не удалось — всемирно не менее, чем свершения, пущившиеся после Октября в независимое странствие по свету. То, что не удалось, сегодня значимо повсюду, ибо замешаны тут справедливость и участь человека: каждого во всех» (М. Гёфтер. Ульянов, он же Ленин // Век XX и мир. 1991. № 10. С. 59) (Гёфтер, 1991).

19. Большевизм — отрицательный опыт, которым Россия отвела от Европы опасность порабощения коммунистической идеей, как ранее защитила Европу от татар.

«Отрицательный опыт — тоже опыт, и, пожалуй, даже наиболее ценный, наиболее выстраданный. Практическая ценность нашего отрицательного опыта уже и сегодня очевидна: Франция и Италия, а с ними, пожалуй, и вся Европа, пока еще не коммунистические только лишь по той единственной причине, что есть в мире отрицательный опыт системы реального социализма. А без этого — постоянно на глазах — опыта давно бы социальная демагогия коммунистов охмурила большинство избирателей, как в свое время фашисты охмурили немцев... Так что это мы прикрываем Европу от наступления коммунистической идеи, как некогда прикрыли от татар...» (Л. Тимофеев. Последняя надежда выжить (1982) // Л. Тимофеев. Черный рынок как политическая система. 1993. С. 145) (Тимофеев, 1982).

20. Именно Россия, распахнувшая в мир адовы врата, именно она только и способна попытаться их закрыть.

«А есть пословица: “Отколе ненастье — оттоле и ведро” Значит, откуда тучи пришли, оттуда должно проблеснуть и голубое небо. Я думаю: именно Россия, распахнувшая в мир адовы врата, именно она только и способна попытаться их закрыть. За полтора года изнания я еще более убедился, что таких мощных рук и такого умудрен-

ного сердца на Западе нет: все здесь так расслаблены благополучием и в таком увлечении за увеличением его, что: или мир погибнет скоро или противоадовы руки найдутся только на порабожденном Востоке. Для мировой войны XX века Россия — ключевая страна... Оттого приверженность русским проблемам получается не такая уж узкая, а даже и всемирная. И это вовсе не “национализм”» (А. И. Солженицын. Письмо из Америки // Вестник РСХД. Париж, 1975. № 116. С. 128) (Солженицын, 1975).

21. Коммунистический опыт России доказал миру невозможность абсолютного огосударствления хозяйства.

«Если опыт коммунизма имеет какое-нибудь значение для мира, не только для России, то именно как опытное доказательство невозможности абсолютного огосударствления хозяйства. Государство-вампиры, эксплуатирующее нищих рабов, — такова, думается, не только русская, но и мировая схема “интегрального” социализма. Свобода должна быть существенным элементом в социализации производства. Государство не может быть единственным субъектом хозяйства» (Г. П. Федотов. Социальный вопрос и свобода // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 298; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931. № 47. С. 421—438) (Федотов, 1931).

22. На опыте большевизма народные массы осознали принципиальную разницу между отрицательным самочинностью и положительной свободой.

«Впервые народные массы на живом неотразимо убедительном опыте узнали внутреннюю, имманентную противоречивость идеала самочинности, основанного на нигилистическом отрицании сверхиндивидуальных, в конечном счете, религиозных начал общественной жизни. Он понял всем своим существом — или по крайней мере начинает понимать, — что свобода есть не отрицательное, а положительное понятие; что свобода, отрицающая власть, авторитет, иерархию, служение, ведет через анархию к деспотизму, то есть к самоотрицанию, и что, наоборот, его жажда подлинного самоопределения может быть удовлетворена лишь через самоопределение, внутреннюю дисциплину духа, уважение к сверхличным ценностям и началам» (С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 10; первая публикация: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

23. Русская революция выявила основные тенденции в судьбе европейского человечества.

«Русская революция во всем ее неповторимо-национальном своеобразии выразила или осуществила нечто, все равно — положительное или отрицательное, что имеет какое-то кардинальное значение в судьбе общеевропейского человечества и — в национальном преломлении — выявила нынешнее состояние его духа, в известном смысле объяснила ему его путь. Русская смута есть смута общеевропейская, и мы, русские, пережившие и осмыслившие ее, в известной степени чувствуем себя теперь экспертами и признанными диагностами болезни Европы. Глубокий духовный кризис, переживаемый теперь русским народом, есть завершение и вместе с тем поворотный пункт пути, по которому идет все человечество» (С. Л. Франк. **Религиозно-исторический смысл русской революции** // Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. Париж. 1972. С. 16; первая публикация: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924) (Франк, 1924).

24. Русская революция — заключительный итог «грандиозного восстания человечества», начатого в эпоху Ренессанса.

«... Русская революция есть последнее завершение и заключительный итог того грандиозного восстания человечества, которое началось в эпоху Ренессанса и заполняет собой всю так называемую “новую историю” В самых разнородных формах через ряд ступеней или эпох, из которых каждая отрицает предшествующую, стоит к ней в отношении диалектической противоположности и вместе с тем выполняет и завершает ее, развивается одна историческая тема: эта тема есть свобода, основанная на самочинности человеческого духа... Героическая ярость» мятежного пантеизма Джордано Бруно живет в вульгарной ярости социалистической революции; вдохновенная мечта Леонардо да Винчи об овладении тайнами природы, о власти человеческого разума над ней в старческой выродившейся форме звучит в глупых речах об “электрификации” как источнике спасения человечества; юношеская утопия неистового Кампанеллы о “солнечном гросударстве”, о вселенском царстве, управляемом единой властью, которая рационально строит его хозяйственную и социальную жизнь, эта утопия продолжает жить в мечте об интернационале. Последний отголосок роскошного, упоенного мирской красотой буйства людей ренессанса еще звучит в безобразном и хаотическом буйстве русского мужика, опрокинувшего все преграды старого мира; и мрачный огонь урюмого религиозного фанатизма Кальвина и английских пуритан разгорелся в адское пламя революционного фанатизма,

*творящего оргии человеческого жертвоприношения в подвалах русских “чрезвычайек”. Русская революция есть историческое *reductio ad absurdum*, экспериментальное изобличение неправды идеала самочинного устройства жизни, руководившего человечеством в течение четырех веков. Путь, на который человечество вступило с эпохи Ренессанса и Реформации, пройден до последнего конца; “новая история” кончается на наших глазах. И начинается какая-то подлинно “новейшая история”, какая-то совершенно иная эпоха» (С. Л. Франк. **Религиозно-исторический смысл русской революции** // Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. Париж. 1972. С. 22—23, 34—35; первая публикация: Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924) (Франк, 1924).*

25. Большевизм — осуществление последней великой европейской революции и первой национально-освободительной революции.

*«Так называемую социалистическую революцию в России можно считать последней великой европейской революцией, но одновременно и первой национально-освободительной революцией, положившей начало крушению системы капиталистического колониализма» (Д. Галковский. **Русская философия и русская политика** // Иное. 1995. Т. 3. С. 16) (Галковский, 1995).*

26. Большевизм как духовно-культурный комплекс имеет наиболее предпочтительные шансы стать источником будущего русского фундаментализма.

«Изю всей добольшевистской истории России лишь в XV—XVII вв. неоспоримо обнаруживается цивилизационная отмеченность не только представлений о “пути спасения” индивида и народа, но и культурно-бытового стиля, выразившего этот идеал. Не случайно этот период неоднократно становился у нас объектом фундаменталистской поэтизации — славянофильской, раннеевразийской, наконец, солидаристской (у И. Солоневича), не говоря уже об официальных имитациях в правление двух последних императоров. Большевистское время, при всей склонности (особенно часто обнаруживаемой с 30-х) к имитированию имперской высокой классики, тем не менее являет в нашей истории вторую эпоху со стилем, достаточно последовательно проистекающим из определенной трактовки “пути спасения”. Поэтому очень даже не исключено, что в будущем, отдаленном или не слишком, стилевая и идейная апелляция к большевизму и его годам утвердится как наиболее признанная разновидность русского фундаментализма, более естественная для городской стадии нашей цивилизации, чем элитарные в общем-то, попытки усматри-

*вать идеальный проект для России в веках, предшествующих ее великой европеистской псевдоморфозе. В принципе, существование в жизни цивилизации двух фундаменталистских идеалов — вещь не слишком необычная. На Западе протестантский фундаментализм атлантистского толка соседствует с «готическим фундаментализмом» континентально-европейских консервативных революционеров от Ж. де Местра до Ю. Эволя, ориентированным на предренессансное Зрелое Средневековье. Аналогия с Россией тем более законнна, что и у нас, так же как у европейцев, между двумя эпохами, способными служить историческим основанием фундаменталистских идейных матриц, простирается блистательная фаза «имперского Ренессанса» XVII—XIX вв., посмертно остающаяся, как и европейский Ренессанс, вечным оплотом квелого и беспроектного традиционализма. Отсюда следует и то, что серьезная противобольшевистская Контрреформация у нас была бы возможна лишь с глубокой проработкой мировидения и аксиологии доимперской России. Закрытие этих «молчаливых веков» для большинства наших российских современников делает контрреформационную задачу — актуализацию предымперского морального и государственнического идеала для сегодняшнего русского горожанина — практически неподъемной, кроме как в маловероятном случае выдвижения вдруг плеяды религиозных и культурных гениев, ранга если не Флоренского, то хотя бы Сергея Булгакова, в качестве Лойол нашей Контрреформации. При отсутствии такой предпосылки можно утверждать, что большевизм, как источник притяжения или отталкивания, пребудет, в совокупности своих версий, в том числе и вновь творимых, наиболее значимым духовным комплексом для ближайшего поколения русских» (В. Л. Цымбурский. *Большевизм и цивилизация России*. Рукопись доклада. М., 1996. С. 9—10) (Цымбурский, 1996).*

27. Большевистская репрессия не только губила души, но вызывала биологическую необходимость «вынужденного восхождения душ».

«В нашей внешне до убожества упрощенной жизни в те дни на каждом шагу совершались сложнейшие нравственные процессы, руководить которыми не могли ни привычные точки зрения, ни унаследованные нормы. Чтобы устоять, чтобы оградить себя от самого страшного, от гибели души и совести, надо было иметь живые, неподкупные глаза и владеть даром интуитивного распознавания «духов». Жизнь на «вершинах» становилась биологической необходимостью; абсолютное «бытие» переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорой нашей каждодневной жизни. Без веры в свой долг, в свою звез-

*ду, в свою судьбу, в Бога, нельзя было трястись в тифозном вагоне за хлебом для стариков и детей, нельзя было быть уверенным, что близкий человек не предаст тебя на допросе и что ты сам скорее умрешь, чем предашь его... Это вынужденное восхождение душ — о, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России — к вечным ценностям глубже всего свершалась в Москве, которая отнюдь не была только грязным и разваливающимся, но и совершенно фантастическим городом, в котором призрачно переплетались все времена и пространства русской истории» (Ф. А. Степун. **Бывшее и несбывшееся**. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 205—206) (Степун, 1940-е).*

XXII. БОЛЬШЕВИЗМ — УТОПИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

1. Большевистский террор — система.
2. Большевистский тоталитаризм — распространение террора на сферу индивидуальной жизни.
3. Террор сверху порождает подражание государственному насилию в отношениях между подданными.
4. Большевистский террор — следствие исторического бессилия.
5. Террор большевиков — следствие опоры на меньшинство, признак шаткости положения, а не силы.
6. Причина террора — в крахе расчетов большевиков на коллективистские инстинкты человека.
7. Большевизм — противоестественная мера для сооружения противоестественной социальной конструкции.
8. Большевистский террор не только порождает страх, но и сам порождается страхом.
9. Сталинизм — период сверхконцентрации и централизации насилия.
10. Причина большевистского террора — в слабости чувства общероссийской идентичности.
11. Большевики держатся исключительно диким насилием.
12. Большевистский террор был порожден непримиримостью антибольшевистских сил.
13. Большевизм — это террор как таковой, худшая сторона революции.
14. Террор большевиков — больше чем преступление, это — ошибка, отбросившая Россию в Азию.
15. Русский народ не поддержал большевистский террор.
16. Сталинская репрессивная система имела массовую почву.
17. Массовое пособничество государственному терроризму обуславливалось понижением барьера гуманности.

18. Сталинизм — террористический режим, утративший революционность, и ведущий гражданскую войну с самим собой.
19. Сталинский террор — следствие не «левизны» и «догматизма», а «простого прагматизма».
20. Большевистский террор — не экономическая, а духовно-подавляющая акция.
21. Тоталитаризм — террористическая форма поведения обгоняющей время «священной власти».
22. Сталинский террор — высвобождение процессов социальной гравитации, подпирющих тоталитарную власть.
23. Большевистский террор — неизбежное следствие попытки организации земного рая.
24. Коммунистический террор порожден неорганичностью марксизма для России.
25. Большевизм — приведение жизни к формуле.
26. Большевизм — непонимание анархизма жизни.
27. Большевизм — вера в совпадение формулы с жизнью.
28. Сталинская социализм есть лишь более репрессивный вариант реализации сциентистски-техницистской утопии, чем западный либерализм.
29. Тоталитарный режим, вступая в противоречие с органикой жизни, имеет внутренние антропологические пределы своего роста.
30. Большевизм — ослепленность схемой и циничное отношение к человеку как средству.
31. Русская одержимость социальными утопиями — реакция на невиданное укорение процессов глобализации.
32. В отличие от гитлеризма, ориентированного на избавление немецкой нации от чувства вины (и смещения ее на другие народы), сталинская машина террора была основана на развитии чувства вины внутри страны.
33. Большевизм — манипуляция массовыми элементарными инстинктами, переходящая в насилие над массами.

1. Большевистский террор — система.

«Террор — это не единичный акт, не изолированное, случайное, хотя и повторяемое, проявление правительственного бешенства. Террор — это система либо проявляемого, либо готового проявиться насилия сверху. Террор — это узаконенный план массового устрашения, принуждения, истребления со стороны властей. Террор — это точное, продуманное и до конца взвешенное расписание кар, возмездий и угроз, которыми правительство запугивает, заманивает, заставляет выполнять его безапелляционную волю. Террор — это тяжкий покров, наброшенный сверху на все население страны, покров, сотканный из

подозрительности, настороженности, мстительности, озлобленности власти... При терроре власть в руках меньшинства, заведомого меньшинства, чувствующего свое одиночество и боящегося этого одиночества. Террор потому и существует, что находящееся у власти и в одиночестве меньшинство зачисляет в стан своих врагов все большее и большее число людей, групп, слоев. Во всякой революции создается этот зловещий, страшный образ — «врага революции», на который справедливо и несправедливо валят все ошибки и все страдания ее. В пору торжества, побед революции этот образ не кажется опасным, он вырисовывается лишь как далекий призрак. Но в пору колебания счастья революции он становится реальнее, осязательнее, нагляднее. Пока ею руководит заведомое большинство, оно не боится его, легко справляется с ним, не заполняет им всего горизонта своей деятельности. Но этот «враг революции» (или «подозрительный», по терминологии французской революции) вырастает в поистине исполинскую величину, занимающую весь фон революции, тогда, когда у власти остается меньшинство, опасливое, подозрительное, одинокое. Это понятие тогда все больше и больше расширяется, обнимая собою постепенно всю страну, все население, доходя, наконец, до понятия «все, кроме власти» (и сотрудников ее)... Но террор не только смертная казнь, которая ярче всего потрясает мысль и воображение современников. Смертная казнь — это лишь яркая точка в мрачном террористическом созвездии, объявшем революционную землю, это лишь купол террористического здания, тесно обступившего всю жизнь народа... Террор — не только тогда, когда насилие применяется, но даже и тогда, когда оно не применяется, когда оно лишь висит постоянно угрозой. Угроза террором и есть атмосфера, стихия террора; в этой атмосфере люди живут еще более отравленной жизнью, чем когда действует сам террор. Если террора нет сейчас, то всегда есть возможность его повторения, есть душевная привычка к нему у терроризирующих и терроризируемых... Террор — это социальная анархия при тесной сплоченности власти монархической» (И. З. Штейнберг. **Нравственный лик революции** (1919—1921). Берлин, 1923. С. 24) (Штейнберг, 1919—1921).

2. Большевистский тоталитаризм — распространение террора на сферу индивидуальной жизни.

«При режимах царском и буржуазном насилие власти концентрировалось лишь в определенных областях: в политической, религиозной, национальной, изредка хозяйственной. Вся же необъятная сфера удовлетворения человеческих потребностей, сфера индивидуальной жизни «обывателя» находилась вне плоскости государственно-вооруженного воздействия. Теперь же у нас, когда все области и лич-

*ной, и хозяйственной, и общественной жизни перешли в руки и под надзор государственной власти, а власть эта построена на исключительно террористических началах, — угнетение сверху и безответная запуганность снизу распространилась сама собою на все сферы жизни советского подданного» (И. З. Штейнберг. **Нравственный лик революции**. Берлин, 1923. С. 23—24) (*Штейнберг*, 1919—1921).*

3. Террор сверху порождает подражание государственному насилию в отношениях между подданными.

*«Но этот разврат власти поселяется не только в отношениях ее с подданными; он спускается и в самые отношения подданных между собою. Рабство, равномерно охватывающее все слои подвластного народа, распыхает, разлагает самые эти слои. Взаимная подозрительность и настороженность, борьба за улыбки и ласки власти, явное или молчаливое предательство ближнего, самоукрашивание в защитные цвета, запугивание или подкупание близостью к власти, перенесение террора в миниатюре вниз, подражательность государственному насилию — все это ужасающе развивается в тех слоях населения (а это все слои!), которые толпятся у престола власти. Если все рабы в отношении власти, тогда между рабами — человек человеку волк. Если террор сверху над гражданами, тогда террор — внизу между гражданами» (И. З. Штейнберг. **Нравственный лик революции**. Берлин, 1923. С. 23) (*Штейнберг*, 1919—1921).*

4. Большевистский террор — следствие исторического бессилия.

*«Террор, тирания, всеобщее озверение — не причины гибели или неудачи таких социальных выкидышей, а всегда их последствия. Там, где свирепствует насилие над органическими процессами социального развития, — там насилие над личностью неизбежный логический и психологический результат бессилия господствующих групп “перемануть” через исторически поставленную преграду» (Ст. Иванович (С. О. Португейс) **О диктатуре** // *Современные записки*. 1922. № 10. С. 241) (*Португейс*, 1922).*

5. Террор большевиков — следствие опоры на меньшинство, признак шаткости положения, а не силы.

«За Смольным большинства нет, и это должно было бы заставить задуматься его деятелей. Их диктатура представляет собою не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно потому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление

этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы» (Г. В. Плеханов. *Буки Азь-Ба* // Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921. Т. 2. С. 267; первая публикация: Наше единство. Пг. 13 янв. 1918 г. № 16) (Плеханов, 1918).

6. Причина террора — в крахе расчетов большевиков на коллективистские инстинкты человека.

«Чувства семьи, собственности, нации, по практической проверке историей, оказались реально существующими. Отсюда распад всех “интернационалов”, начавшихся с Первой же мировой войны. Отсюда же — террористический режим социализма — всякого социализма в действии, не встретившего предполагавших коллективистических инстинктов человечества» (И. Л. Солоневич. *Народная монархия*. М., 1991. С. 13) (Солоневич, 1940-е).

7. Большевизм — противоестественная мера для сооружения противоестественной социальной конструкции.

«Террор всякой революции — французской, немецкой и русской — направлен не только против классовых врагов — он направлен против всей нации, — а в перспективе — против всего человечества. Владыки последовательно революционных стран — Робеспьер, Сталин, Гитлер — ввели террор вовсе не для того, чтобы удовлетворить свою собственную кровожадность, и вовсе не для подавления расовых или классовых врагов народа. Вся конструкция революционного и тем более социалистического общественного строя является противоестественной конструкцией — и поэтому может быть поддержана только противоестественными мерами. Из всех этих мер смертная казнь является основной мерой. И смертная казнь становится альфой и омегой внутренней политики социализма» (И. Л. Солоневич. *Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация*. Буэнос-Айрес, 1949. Ч. 1. С. 70) (Солоневич, 1949).

8. Большевистский террор не только порождает страх, но и сам порождается страхом.

«Страны тоталитарного режима представляют собой сплошное царство страха. Мало сказать, что страх этот вызывается террором, давно уже потерявшим ограничительный эпитет “политического”. Сам террор вызывается, в свою очередь, страхом. Узурпаторы власти боятся народа и заболевают манией преследования, — подлинным источником шпиономании и мифов “о капиталистическом окружении” Большевизм одержим явной манией власти и тайной

манией преследования, в свою очередь подстегивающей террор, — своего рода чертрово колесо адской машины страха» (С. А. Левицкий. *Трагедия свободы*. Франкфурт-на-Майне, 1958. С. 306) (Левицкий, 1958).

9. Сталинизм — период сверхконцентрации и централизации насилия.

«Создается впечатление, что насилие, объем насилия — это некая константа в Русской Истории, в истории Русской Системы. Бывают периоды сверхконцентрации и централизации насилия, бывают периоды его распыления и приватизации. Но объем, похоже, остается прежним. Благо, когда Цертроверх (то, что у нас обычно называют “государством” — самодержавным или коммунистическим) не загоняет массы население в лагеря. Но нередко оборотная сторона таких периодов, их hidden transcript — это распыление, сегментация насилия, его будничность. Внешне это может выглядеть криминализацией и даже отчасти быть ею. Но на самом деле это значительно более глубокий и серьезный с социосистемной точки зрения процесс» (А. Фурсов. *Колокола истории // Рубежи*. 1996. № 1. С. 10—11) (Фурсов, 1996).

10. Причина большевистского террора — в слабости чувства общероссийской идентичности.

«Большевикам легко удалось развязать гражданскую войну, натравить “черную кость” на “белую кость” только потому, что в России национальные и религиозные связи были чрезвычайно слабы, мужик ощущал себя прежде всего мужиком и только потом ощущал себя русским, частицей национального тела» (А. С. Ципко. «Демократическая Россия» как большевистская и одновременно почвенническая партия // *Независимая газета*. 13.04.1993. С. 5) (Ципко, 1993).

11. Большевики держатся исключительно диким насилием.

«Конститутурую лишь одно: большевики физически сидят на физическом насилии и сидят крепко. Этим держалось самодержавие, но, не имея за собой традиций и привычки, большевики, чтобы достигнуть крепости самодержавия, должны увеличивать насилие до гомерических размеров. Так они и действуют. Это в соответствии с национальными “особенностями” русского народа, непонятными для европейца. Чем власть диче, чем она больше себе позволяет — тем ей больше позволяют» (З. Гиппиус. *Дневник // Д. Мережковский*. Большая Россия. Избранное. Л., 1991. С. 234) (Гиппиус, 1918).

12. Большевистский террор был порожден непримиримостью антибольшевистских сил.

*«Советский строй стал озлоблен, тяжел, часто несправедлив, неведь и было отчего, когда в первые полгода, до всей эсеровской азиатчины политических убийств... советская власть, как могла, шла навстречу интеллигенции. Собрания присяжных поверенных и разных других организаций были открыты до сентября 1918 года и занимались одним принятием антибольшевистских резолюций. Почти до того же времени существовали “буржуазные” газеты, неистово ругавшие большевиков. Вся доза свободы, которая была первоначально предоставлена интеллигенции, все время была использована для того, что юридически называется стремлением к низвержению существующего государственного строя. Какое правительство потерпело бы это? А Советское терпело долго и, наконец, пришло к заключению, что примирение безнадежно, что ни на что другое, кроме борьбы с советскою властью, интеллигенция свободы не обратит. Тогда со свободой было покончено. Долго шло колебание между террором и идиллией, такое характерное для революции вообще. Непримиримость интеллигенции и начавшаяся гражданская война уничтожили совсем идиллию и совсем разнуздали террор» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 312—313; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (*Бобрищев-Пушкин, 1921*).*

13. Большевизм — это террор как таковой, худшая сторона революции.

«Террор... Сердце замирает перед трагизмом и страшной ответственностью этой темы. Но по-прежнему не будем жмуриться, какой бы ужас ни глянул в глаза... Скажем сейчас же самое важное: речь идет не о красном терроре, а вообще о терроре русской гражданской войны — красном и белом, безразлично. Здесь-то неприменимое всего готтентотская мораль: “Наших убили — преступление. Ихних убили — так им и надо, даже подвиг” Итак, террор — не козырь для белого или красного лагеря в обвинениях противника. Здесь оба лагеря преступны, оба обагрили руки в братской крови — не бойцов, а беззащитных, часто детей и женщин... Я бежал от красных именно потрясенный террором — и наткнулся на террор. Возмутился отсутствием свобод — и увидел народ в такой кабале, хотя бы крестьян, преданных помещикам на расправу, что перед этим бледнела коммунистическая диктатура: правда, от нее страдал мой класс, а на юге — крестьяне и рабочие. Словом, все отрицательные стороны советского строя, на которые так нападают, я увидел и на юге, часто еще в большей степени. Если понимать большевизм так,

*как его понимают в белой печати, как выражение отрицательных сторон великой русской революции, как болезнь, заразу, то она охватила всю Россию: нет красного и белого большевизма; есть один большевизм, если большевизм — произвол, озверение, неуважение к личности, алчность и кровь, кровь, кровь... Если понимать слово "большевизм" подобно эмигрантской печати, в смысле всей дурной стороны революции, как черт был дурною и пошлою стороною Ивана Карамазова, то уж, конечно, террор тогда — большевизм, кто бы ни пытал, ни издевался, ни грабил, офицер в погонах или председатель Чека» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 313—315; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

14. Террор большевиков — больше чем преступление, это — ошибка, отбросившая Россию в Азию.

*«Русский террор, по своей садистической изобретательности сравнялся, пожалуй, даже с главными мастерами этого дела, с англичанами, с их забавами от сплина в Индии. Террор — главный, тяжкий грех Советской власти. Она не может оправдываться ссылкой на зверства добровольцев или англичан, — ведь они ей не указ, они представители отживающего мира, а ее миссия — новая культура, так ее ли начинать с такого ужаса? Если оправдываться революционной необходимостью, то «это больше чем преступление, это — ошибка». Террор стал самодовлеющим, разнуздан низшие, извращенные инстинкты... Террор — ошибка, потому что затруднил Советскую власть ее несомненное право войти в европейскую семью. Он отбросил Россию в Азию. Он дал тень оправдания белому террору. Он дал главный козырь в руки близоруким проповедникам "борьбы с большевиками до победного конца"» (А. В. Бобрищев-Пушкин. *Новая вера* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 315; первая публикация: Смена вех. Прага, 1921) (Бобрищев-Пушкин, 1921).*

15. Русский народ не поддержал большевистский террор.

*«Большевики все время пытались поднять массовый террор против дворянства и буржуазии — как это в свое время было сделано яковинцами. Ничего не вышло. Ни сентябрьских убийств, ни нуайяд не получилось. Пришлось за организацию террора взяться им самим. И запрятать этот террор в чекистские подвалы, а не выносить его на арену Гревской площади» (И. Солоневич. *Белая Империя* // И. Со-*

лоневич. Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 157) (Солоневич, 1939—1940).

16. Сталинская репрессивная система имела массовую почву.

«Откуда Гулаг? Сталин выдумал? Или так: Френкель выдумал, Берман, Ягода, Фирин, а Сталин — “разрешил”? Сколько народу прошло узниками через Гулаг? Миллионы. Сколько нужно народу задействовать в охране и в обеспечении, чтобы охватить такое количество узников? Миллионы же. Что эти миллионы упали с неба? Нет, пришли с земли. То есть: ушли с земли... И кто практически ликвидировал кулаков? Чья историческая ненависть была тут задействована? Чье желание было угадано?.. Сколько было дел, мы теперь тоже знаем, вернее, пытаемся узнать. Но откуда наберулись тысячи и тысячи доброхотов в систему, “оформляющую дела”, — это мы себе объяснили? А сколько народу писало доносы в 30-е или 40-е годы — это мы сейчас можем себе представить или еще не готовы? И что “сажают правильно”, “пока до меня не дошло”, и что “кругом враги”, и их всех надо пересажать, и только “меня — не надо”, только меня — “ни за что”, — это людям тоже бюрократы внушали, или это козни международного империализма? А может, это все-таки почва? Нужна жилплощадь, сосед мешает — донос. Нужно место в конторке, сослуживец мешает — донос. Конкурент объявился, путь в науку перекрывает — донос.... Нет, не на кого пенять, не на кого валить» (Л. Аннинский. Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 78—79) (Аннинский, 1989).

17. Массовое пособничество государственному терроризму обуславливалось понижением барьера гуманности.

«Террор не достиг бы чудовищного размаха, если бы не добровольное и рьяное содействие миллионов людей... Откуда появилось все это пособничество государственной жестокости? Откуда прямая и косвенная помощь террору со стороны массы простых людей?.. Несомненно, масса людей оказалась плененной этой социальной дьявольщиной. Они не смогли противостоять сталинскому варианту марксизма интеллектуально... Но малообразованностью тогдашних людей все-таки нельзя объяснить их податливость жестокости. Пусть им было не по силам раскусить ложь и упрощенность теоретических выкладок сталинизма. Но в них должен был сработать иной барьер — гуманности... И если миллионы и миллионы людей поддались сталинщине в теории и активно поддержали ее на практике — это значит, что в них не было барьера гуманности» (Ю. Оле-

шук. *Барьер гуманности // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 28—29* (Олещук, 1989).

18. Сталинизм — террористический режим, утративший революционность, и ведущий гражданскую войну с самим собой.

«Как это ни парадоксально звучит, но именно Сталин и сталинизм немало поработали над ликвидацией всяческого революционного экстремизма — разумеется, при помощи единственного доступного им орудия, топора... Утратившая революционность государственная машина оставалась аппаратом прямого, вплоть до террористического, насилия. Террор же всегда — орудие слабости, тем более когда он используется для самооправдания. Перестав быть революционным, общество осталось террористическим, деспотическим, лишенным нормальных экономических, социальных и политических структур. И главной особенностью такого постреволюционного общества стала нескончаемая, самоубийственная и саморазлагающаяся гражданская война с самим собой» (Ю. Левада. *Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 452—453*) (Левада, 1989).

19. Сталинский террор — следствие не «левизны» и «догматизма», а «простого прагматизма».

«Как ни странно, все еще живуче представление о том, что сталинизм грешил “левизной” и “догматизмом” Можно как-то понять, если это взгляд издали, например, исходящий от радикального нетерпения латинского образца. Но “вблизи”-то давно видно, что, скажем, расправа с крестьянством и деревней была продиктована вовсе не доктринерскими соображениями, а “просто” стремлением быстро и дешево получить хлеб... Революционная фразеология столь же “просто” прикрывала государственный терроризм, превратившийся в некую норму, образ жизни государства и общества» (Ю. Левада. *Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 453*) (Левада, 1989).

20. Большевистский террор — не экономическая, а духовно-подавляющая акция.

«Главная цель коллективизации — не экономическая, а духовно подавляющая, логика, на первый взгляд, “бессмысленных” преступлений Калигулы и Нерона» (Н. Я. Эйдельман. *Выступление на «круглом столе» «Есть ли логика в отечественной истории?» // Знание-сила. 1990. № 11. С. 27*) (Эйдельман, 1990).

21. Тоталитаризм — террористическая форма поведения обгоняющей время «священной власти».

«Если власть священна, то она и творит, не дожидаясь предпосылок. От нее исходит импульс, направляющий историю, она плодит социальные структуры и, естественно, обгоняет время, поэтому ей необходим террор как способ самореализации» (И. Яковенко. Выступление на «круглом столе» «Есть ли логика в отечественной истории?» // Знание-сила. 1990. № 11. С. 27) (И. Яковенко, 1990).

22. Сталинский террор — высвобождение процессов социальной гравитации, подпирающих тоталитарную власть.

«...Революционная власть сознательно или бессознательно поддерживает состояние дезорганизации и разрухи, активизируя тем самым центростремление, на котором оно зиждется. Именно по этому рецепту власти построен монголо-российский тоталитаризм. У его истоков стоит Иван Грозный. Если Ивану Третьему еще приходилось бороться за власть с истинными соперниками, то Грозный щедро казнит невиновных. При этом убийство теряет свою обычную логику — уничтожение врага; с позиций этой логики оно становится алогичным. Это и есть начало парадоксов, что гнусным цветом расцвели уже в наш прогрессивный век. Чем алогичней уничтожение подряд врагов и друзей, тем более явна “неявная” его логика — возбуждение, высвобождение социогравитации, подпирающей власть. Сталин, разыгрывая ту же трагедию на той же сцене, резал уже почти исключительно не врагов коммунистической власти, а творцов этой власти — коммунистов, в том числе и слепо преданных тирану. Раба казнят только для того, чтобы внушить раболепие десяти другим, десять пускают в расход ради ста, так что в конце концов злодейство становится достойным “всенародной” любви» (М. Заборов. Социальная физика // Континент. 1986. № 47. С. 241—242) (Заборов, 1986).

23. Большевицкий террор — неизбежное следствие попытки организации земного рая.

«Попытки организации земного рая обязательно кончаются организацией или святейшей инквизиции, или подвалов ОГПУ» (И. Солоневич. Белая Империя // И. Солоневич. Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 20) (Солоневич, 1939—1940).

24. Коммунистический террор порожден неорганичностью марксизма для России.

...До сих пор еще длятся кровавые попытки водворить на Руси марксизм: европейскую теорию, выросшую на почве германской философии и английской промышленности» (И. Солоневич. Белая Империя // И. Солоневич. Белая Россия. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 53) (Солоневич, 1939—1940).

25. Большевизм — приведение жизни к формуле.

«Всю жизнь нужно было привести в формулу и отрегулировать, формула была привезена готовой заранее. А мы ели гнилую картошку» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923). М., 1990. С. 189) (Шкловский, 1923).

26. Большевизм — непонимание анархизма жизни.

«Мертвых нельзя водить в атаку, но из них можно выложить штабеля, а между штабелями проложить дорожки, посыпать песочком. Я ушел в сторону, но все, организующее человека, лежит вне его самого. Он сам место пересечения сил. Народ можно организовать. Большевики верили, что материал не важен, важно оформление, они хотели проиграть сегодняшний день, проиграть биографию и выиграть ставку истории. Они хотели все организовать, чтобы солнце вставало по расписанию и погода делалась в канцелярии. Анархизм жизни, ее подсознательность, то, что дерево лучше знает, как ему расти, — не поняты ими» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923). М., 1990. С. 195) (Шкловский, 1923).

27. Большевизм — вера в совпадение формулы с жизнью.

«Проекция мира на бумаге — не случайная ошибка большевиков. Сперва верили, что формула совпадает с жизнью, что жизнь сложится “самодельностью масс”, но по формуле. Как дохлые носороги и мамонты, лежат сейчас в России эти слова — их много! — “самодельность масс”, “власть на местах” и ихтиозавр “мир без аннексий и контрибуций”, и дети смеются над подошшими и несгнившими чудовищами» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923). М., 1990. С. 195) (Шкловский, 1923).

28. Сталинский социализм есть лишь более репрессивный вариант реализации сциентистски-техничестской утопии, чем западный либерализм.

«Почему у западных либералов существовала симпатия к сталинской командной системе? Оба этих исторических феномена представля-

ют собой попытку реализации сциентистски-техницистской утопии. Точнее, это два варианта, два пути такой реализации. Западный путь “прогресса” более мягкий, в большей мере основан на манипулировании, чем на прямом насилии (хотя и оно играет свою роль в некоторый период его развития: террор Великой французской революции или колонизация незападного мира). Путь командной системы связан с насилием громадного масштаба» (И. Шафаревич. *Две дороги к одному обрыву* (1988) // И. Шафаревич. *Сочинения в 3-х тт.* М., 1994. Т. 1. С. 361) (Шафаревич, 1988).

29. Тоталитарный режим, вступая в противоречие с органикой жизни, имеет внутренние антропологические пределы своего роста.

«В те годы негласно полагалось, что все положительное, заслуживающее внимания в человеке определяется главным образом извне — историей, социальностью, идеологией. Недооценивалась материально-чувственная сторона человеческой жизни, ее нерасторжимые связи с природой. Между тем даже в самых примитивных культурах эти связи учитывались, включая сезонные изменения биоритмов, экологию, семейные и родственные отношения, возрастные особенности и т. п... Показательно, что несмотря на многократные попытки, за все годы советской власти не удалось создать гражданских и личных обрядов, которые по силе нравственно-эстетического воздействия превзошли бы церковные. Пульсирующее природно-космическое время экзистенциального бытия рано или поздно должно было вступить в конфликт с механическим, линейно-поступательным временем тоталитарной системы... Главный вывод, который отсюда вытекает, — что любой тоталитарный режим имеет внутренние антропологические пределы своего роста и, в конечном счете, обречен на поражение» (А. В. Захаров. *Массовые праздники в системе тоталитаризма* // *Тоталитаризм как исторический феномен.* М., 1989. С. 299—300) (Захаров, 1989).

30. Большевизм — ослепленность схемой и циничное отношение к человеку как средству.

«Что отличает русского большевика, что является его родовой, отличительной чертой? Это — абсолютно хамское, абсолютно циничное, абсолютно наплевательское отношение к такой особи, как человек. Человек в теории и практике большевиков — это только песок, пыль, средство для достижения очередной завиральной идеи... Большевизм, ослепленный идеей, схемой, никогда не видит реальности, живого человека, его потребностей и интересов. Он не понимает, что теория, расчеты и схемы, как бы убедительны они ни были,

всегда вторичны и производны по отношению к человеку» (О. Бредихина. Русское мировоззрение: восстановимы ли традиции? Мурманск, 1997. С. 49) (Бредихина, 1997).

31. Русская одержимость социальными утопиями — реакция на невиданное укорение процессов глобализации.

«Начало XX в. было отмечено невиданным ускорением глобализации человечества под влиянием ранее малоощутимых факторов: всепроникающего воздействия неуправляемого индустриализма, скачкообразного роста народонаселения, становления гражданских обществ. Эти факторы вступили в противоречие с людской психологией, что могло проявить себя либо в виде тупого консервативного сопротивления, либо в форме одержимости социальными утопиями» (В. Булдаков. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 31) (Булдаков, 1997).

32. В отличие от гитлеризма, ориентированного на избавление немецкой нации от чувства вины (и смещения ее на другие народы), сталинская машина террора была основана на развитии чувства вины внутри страны.

«В отличие от гитлеровской машины власти сталинская и создавалась и функционировала совершенно иным образом. Начнем с того, что первая была ориентирована на избавление немецкой нации от вины (Версальский договор)... Если говорить в психиатрических терминах, то вина нации была умело “смещена” на другие национальные объединения и общности (евреи, славяне, цыгане и т. п.)... Иное дело сталинская машина террора. В ее функционировании развитие чувства вины является основным для формирования массовидного и послушного индивида... Машина сталинского террора требовала от всего общества только одного: признания в виновности, “вечной вины перед властью” Если ты не виновен сейчас, то будешь виновен завтра... Абсурд тотального террора (может быть, в этом причина его эффективности) заключается в том, что личная виновность навязывалась насильственно, под пыткой, но зато общепризнанной являлась потенциальная виновность: “Я не виноват, это правда, но Другой же ведь действительно может быть виновен! Не потому ли я арестован?” Здесь выявляется знакомое нам “смещение”. Всегда существует некий Третий (шпион, диверсант, бандит, троцкист, изменник и т. п.) из-за которого приходится страдать честным и преданным людям». Итак, вина смещается на великого анонима, но чувство страха непрерывно растет. Конец тридцатых годов — это целая пандемия страха. Личное непризнание вины или ее вынужден-

ное признание есть очевиднейшая предпосылка для возникновения вируса страха, который является, вероятно, одним из самых активных социальных ферментов, превращающих социально и политически стратифицированные структуры общества в массовидные, молчаливые и податливые. Потенциальная вина — это и есть страх. Основная функция машины террора — это углублять чувство потенциальной виновности, расширяя заражение общества страхом. Вышеописанное я бы сформулировал следующим образом: страх был непосредственно локализован в каждом человеке сталинской эпохи, вина же была ему смежна, и тем ему ближе, насколько он “болен” страхом» (В. А. Подорога. «Голос власти» и «письмо власти» // Тоталитаризм как исторический феномен, М., 1989. С. 108—109) (Подорога, 1989).

33. Большевизм — манипуляция массовыми элементарными инстинктами, переходящая в насилие над массами.

«Прежде всего — при рассмотрении истории большевизма — сразу бросаются в глаза два его состояния, или периода. В первом состоянии своем большевизм есть, с одной стороны, стихийное увлечение, угар масс, движимых своими элементарными инстинктами, с другой стороны, сознательная игра руководящих партийных коммунистических кругов на этих настроениях и инстинктах масс. Это — период насильственного разрушения буржуазного строя, или коммунистического штурма на этот уклад экономических и государственных отношений. Для этого штурма нужны большие, возможно более наэлектризованные демагогией, массы, ибо нужен сокрушительный удар. Второе состояние, или период большевизма, это — период насильственного созидания или осуществления нового строя вопреки, или, во всяком случае, без участия настроений и воли масс, почти исключительно аппаратом организованного сознательного партийного меньшинства. В первом состоянии активны не только вожаки и их партия, но и самые массы, во втором действуют в подлинном смысле только верхи, только господствующий класс советской России, коммунисты» (П. Б. Струве. Итоги и существо коммунистического хозяйства (1921) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 302—303) (Струве, 1921).

XXIII. БОЛЬШЕВИЗМ — ПОРОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ

1. Большевизм рожден милитаризмом.
2. Агентом русской революции явился не просто «народ», а «вооруженный народ».
3. Для Ленина политика — скрытая форма войны, «продолжение войны иными средствами».
4. Для Ленина классовая борьба — лишь зачаточная, эмбриональная форма гражданской войны.
5. Деструктивный социализм большевиков есть законное детище деструктивного капитализма, проявившегося в годы мировой войны.
6. Мировая война, усилившая этатистские тенденции, выдвинула запрос на людей с наибольшей «волей к власти», коими в России оказались большевики.
7. «Армиоцентризм» и «армиоморфизм» большевистской политики привел ее к поражению.
8. Большевизм родился в войне и так и остался воякой.
9. Победа большевизма определена войной: в этом «диалектическая лживость» коммунистов, более всех протестовавших против войны и более всех от нее выигравших.
10. Большевики сделали дух войны духом своей партии.
11. Большевизм — господство темной солдатчины.
12. Душевная подпочва большевизма — в предпочтении войны — труду.
13. «Новый социализм» вырос из порожденного мировой войной соблазна тотального этатизма и социального конструктивизма.
14. Большевизм — дитя войны.
15. Бюрократический социализм большевиков был спровоцирован мировой войной в патриархально-патерналистской культуре.
16. Большевизм — это состояние перманентной подготовки к мировой войне.
17. Большевизм — мост между двумя мировыми войнами.

1. Большевизм рожден милитаризмом.

*«...Одно и то же парадоксальное превращение совершается в Германии и в России: из милитаризма рождается большевизм. Тут есть прямая логическая и жизненная связь. Всеобщая воинская повинность в дни войны призвала к оружию весь народ, а большевизм использовал это всеобщее вооружение в целях войны классовой, гражданской. Оружие, выкованное современным милитаристским государством, обратилось против него. Это — естественное последствие милитаризма, его **Немезида**... Война обнажила бессмыслицу современной государственной жизни: она создала ту тяжесть страданий, за которую не в состоянии вознаградить никакая победа. Военное государство нового времени утратило свое оправдание: оно оказалось грандиозным обманом; тем самым над ним был произнесен его смертный приговор. Когда в широких массах возникло подозрение, что их годами готовили к бессмысленной бойне, они вывели отсюда заключение, что подлинный их враг не внешний, а внутренний, и что для борьбы с этим врагом должно быть использовано данное народу государством оружие»* (Е. Трубецкой. **Великая революция и кризис патриотизма**. Б. м., 1919 С. 3—4) (Е. Трубецкой, 1919).

2. Агентом русской революции явился не просто «народ», а «вооруженный народ».

«Особенность русской революции состоит в том, что ее агентом явился не просто “народ”, а “вооруженный народ”. Война создала активную силу революции. Только благодаря войне такие огромные массы народа могли активно вложиться в революцию. Это обстоятельство определило собой и силу и размах революции» (П. Б. Струве. **Россия // Русская мысль**. Прага—Берлин, 1923. Кн. III. С. 108) (Струве, 1923).

3. Для Ленина политика — скрытая форма войны, «продолжение войны иными средствами».

«Военные говорят, что “война есть продолжение политики, только иными средствами”». Ленин выворотил это положение наизнанку: политика есть продолжение войны, только иными средствами, — средствами, маскирующими войну. В чем сущность войны для обычного “морального сознания”? В том, что война узаконяет, возводит в принцип, в апофеоз, то, что в мирное время считается преступлением. Обращение цветущей страны в пустыню война делает естественным тактическим приемом, грабежи — реквизицией, обман — военной хитростью, готовность выкупаться в крови врага — боевым энтузиазмом, бесчувственность к жертвам — самообладанием, бес-

пощадность и бесчеловечность — долгом. В войне “все позволено”, в войне всего целесообразнее то, что всего недостижимее в нормальном обращении человека с человеком. А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики» (В. М. Чернов. Ленин // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 30—31) (Чернов, 1924).

4. Для Ленина классовая борьба — лишь зачаточная, эмбриональная форма гражданской войны.

«Ленин, как марксист, был скрытым теоретиком классовой борьбы. Его личным вариантом этой теории было признание, что необходимым апогеем классовой борьбы является гражданская война. — Можно сказать, что классовая борьба была для него всего лишь недостаточно развернутой, зачаточной, эмбриональной формой гражданской войны» (В. М. Чернов. Ленин // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 31) (Чернов, 1924).

5. Деструктивный социализм большевиков есть законное детище деструктивного капитализма, проявившегося в годы мировой войны.

«В самом деле, социалистическая теория уже давно и чрезмерно злоупотребляла гимнами творческой роли капитализма. Делами его десницы заслонялись дела его шуйцы. Конструктивная, созидательная, организационная деятельность капитализма была всем в глаза. А его подкоп под все основы бытия человечества был глухой подземной работой, до поры и до времени прикрытый условностями дипломатической лжи, тьмой и молчанием... Только война, всемирная война, война на всеобщее истощение показала миру во весь рост деструктивные тенденции капитализма. Деструктивный социализм есть законное детище деструктивного капитализма. Он буквально загнил созерцанием своего родителя и доходит до полной мимикрии, до самого рабского копирования его особенностей. Множество его положений до мировой войны показались бы чудовищными, свидетельствующими о психологической ненормальности. После этой войны они оказались в порядке вещей. Психологическая почва для них была разрушена» (В. Чернов. Разрушение вместо созидания // Воля России. Прага, 1924. № 1—2. С. 170) (Чернов, 1924).

6. Мировая война, усилившая этатистские тенденции, выдвинула запрос на людей с наибольшей «волей к власти», коими в России оказались большевики.

«Лишь немногие выжившие из ума старцы, рисовавшие себе социальную революцию пролетариата в привычных образах буржуазных

якобинцев девяносто третьего года, да не успевшие “вжиться в ум” зеленые юноши примитивно представляли себе социализм, как овладение властью — этой чудесной лабораторией государственной алхимии, где любой металл можно превратить в золото, где декретная черная и белая магия прикажет жизни из буржуазной превратиться в социалистическую, и жизнь послушается магических слов властного приказа. Война воскресила все эти угасшие иллюзии. Весь дух империализма, весь дух войны — крайнее напряжение «воли к власти». Война сделала государство диктатором страны. Война заставила все силы нации испуганно сжаться, сплотиться вокруг государства и послушнее, чем когда-либо, повиноваться его указаниям... Никогда еще “военная власть” не была такой “верховой” и всемогущей. Удивительно ли, что ее созерцание заигнотизировало и многих социалистов? В России этот гипноз власти над умами даже самих революционеров должен был встретить меньше всего психологических препятствий, ибо Россия была страной, менее всего воспитанной в традициях народовластия, менее всего впитавшей в плоть и кровь его принципы, более всего привыкшей к господству всеведущей, вездесущей и всемогущей автократии. Вековое господство самодержавия врезалось в психологию, коварно впивалось нежалящими когтями в души, самих революционеров делала втайне духовными автократами. Подполье с его узким кругом профессионалом революции, похожих на членов своеобразного монашеского воинствующего ордена и с требованием железной дисциплины, довершало дело. Русский большевизм и был тем крылом революционной демократии, на котором накопились путем естественного отбора элементы с этим специфическим настроением. Отсюда и особое положение русского большевизма с началом русской революции среди других фракций революционной и трудовой демократии. Одна черта более всех других выделяла большевиков и отличала их от их “друговрагов” по революции и социализму. Эту чертой была “воля к власти”» (В. Чернов. Разрушение вместо созидания // Воля России. Прага, 1924. № 1—2. С. 173—174) (Чернов, 1924).

7. «Армиоцентризм» и «армиоморфизм» большевистской политики привел ее к поражению.

«Военным коммунизмом большевизм совершает свое собственное *reductio in absurdum*, логически доходит до полной и очевидной нелепости... “Армиоцентрическая” точка зрения и “армиоморфический” подход к установлению методологии социалистического строительства навсегда останутся лучшим памятником разрыва большевизма со всем тем, что составляет “душу живу” современного социализма, без чего социализм превращается в “трупнице околелое”, в “жи-

вой труп», в коммунистическую каторгу» (В. Чернов. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 395) (Чернов, 1925).

8. Большевизм родился в войне и так и остался воякой.

«Но нас интересует не система большевистского властвования, а строй души. Что остается в ней, что ее держит при разложении всех моральных скреп? Связь с коллективом, с партией, с могущественным сверхличным организмом. Превратиться в клеточку, не чувствовать, убить свою личность — единственный способ сохранить жизнь и способность к действию. Возможно ли это — не для муравья, а для человеческого существа? Оказывается, возможно, но при одном условии: в непрерывном действии, в борьбе, в движении. Как только машина останавливается — время нэпа, — так человеческие клетки непременно разлагаются... <Большевизм> родился в войне и до сего дня остается воякой на самых разнообразных участках фронта: хозяйства, техники, быта, искусства, науки, религии. Всегда и везде уничтожение врага — главная цель.... За всяким большевистским делом, за самой мирной работой чувствуется прицел наведенной винтовки: в священника, в крестьянина, в профессора, в вольного художника, в отца и мать старой семьи, в кондовую Русь, в счастливый уют ненавистного мещанства. Отмысли этот военный шум, бряцание оружием — что остается?.. Так и остается борьба ради борьбы, пустой динамизм, бесцельный бег, разрушение для созидания, созидание для разрушения. Самая воля к мощи, упоение силой коллектива, бесцельной силой, является другой стороной того же пафоса борьбы и разрушения. Так, в последнем анализе, большевизм представляется небытийственным, очищенным от всего человеческого, мертвенной работой созданного для разрушения механического двигателя. Дух большевизма — дух небытия» (Г. П. Федотов. Правда побежденных // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 37—39; первая публикация: Современные записки. Париж, 1933. № 51) (Федотов, 1933).

9. Победа большевизма определена войной: в этом «диалектическая лживость» коммунистов, более всех протестовавших против войны и более всех от нее выигравших.

«Русская коммунистическая революция в значительной степени была определена войной. Ленин, как и Маркс и Энгельс, придавал огромное значение войне, как самому благоприятному моменту производства опыта коммунистической революции. В этом отношении у коммунистов есть поражающая двойственность, которая может произвести впечатление лицемерия и цинизма и которая ими сами-

ми утверждается, как диалектическое отношение к действительности. Кто же больше коммунистов негодовал на империалистическую войну и кто больше их протестовал? Именно коммунисты... хотели сорвать войну или по крайней мере делали вид, что хотят сорвать. И вместе с тем в России именно коммунисты, протестовавшие против войны, отлично предвидели, что мировая война может быть для них только благоприятна. Я не думаю, чтобы можно было их обвинить в неискренности и лживости. Это диалектическая неискренность и лживость. Марксизм вообще думает, что добро осуществляется через зло, через тьму. Таково ведь и отношение к капитализму, который есть величайшее зло и несправедливость и вместе с тем есть необходимый путь к торжеству социализма» (Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 112—113; первая публикация: Лондон, 1937, на англ. яз.) (Бердяев, 1937).

10. Большевики сделали дух войны духом своей партии.

«Ленин предвидел, что война, другие народы разорившая, русский народ искалечит, физически и душевно искалечит, ломает спинной хребет народа... Только большевики решились дух войны, ее яд, ее аморальную, зверскую, хаотическую стихию сделать духом своей партии» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). Пять лет большевизма. Берлин, 1922. С. 12—15) (Португейс, 1922).

11. Большевизм — господство темной солдатчины.

«Но что представляет собой эта “революционная демократия”, которую хотят выдать за организующую и творческую силу? Это есть прежде всего господство темной и разлагающейся солдатчины, господство штыков в руках темных людей, первобытные инстинкты которых разнудывались в течении восьми месяцев. Русские социал-демократы, ученики К. Маркса, признали солдатские штыки главным определяющим фактором исторического развития. Некоторые из них, именующиеся “большевиками”, даже уверены, что солдатскими штыками можно радикально изменить соотношение экономических сил. Такое милитаристское перерождение марксизма поистине изумительно, оно возможно лишь на темном Востоке, в совершенно некультурной стране. В этом есть что-то турецкое. Есть основания думать, что западные люди и смотрят на русскую “революцию”, как на китайскую или турецкую. Чудовищная неправда утверждать, что господство солдатчины, основанное на физическом насилии, имеет хоть какое-либо отношение к социализму, к “идее чет-

*вертого сословия”, как ее понимали Маркс, Лассаль и др. западные социалисты. Безграмотная темная масса солдат, отвыкших от всякого труда, тех самых солдат, на чьи штыки недавно еще опиралось старое самовластье, ни с какой точки зрения не есть социалистически мыслящий и социалистически чувствующий рабочий класс. “Большевизм” опирается на те же солдатские штыки, на ту же темную и грубую физическую силу, на которую опиралась и старая, разлагающаяся власть. Ничего не изменилось. Масса осталась в той же тьме.... Не случайно так трудно отличить в темной массе “большевиков” от черносотенников... А ненависть к “буржуазии” есть исконная ненависть темного Востока к культуре» (Н. А. Бердяев. **Была ли в России революция?** // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 107—108; первая публикация: Народопр-ство. 19 нояб. 1917 г. № 15) (Бердяев, 1917).*

12. Душевная подпочва большевизма — в предпочтении войны — труду.

*«Они не знают и не любят социально-политического труда, они знают и любят только социально-политическую войну. Так рождается социальная психология, душевная подпочва большевизма» (Ст. Иванович (С. О. Португейс). **От прошлого к будущему (к 25-летию РСДРП)** // Заря. Берлин, 1923. № 4. С. 110) (Португейс, 1923).*

13. «Новый социализм» вырос из порожденного мировой войной соблазна тотального этатизма и социального конструктивизма.

«Новый социализм начисто свободен не только от романтизма, но и от морализма вообще. Отправляясь не от защиты угнетенных, а от сохранения общества в целом, он проникнут пафосом не справедливости, а организации. Современное общество кажется ему не то что корыстным, тираническим, жестоким, но прежде всего плохо организованным. От анархии буржуазного общества он обращается не к идеальной анархии будущего, а к порядку и мощи реального, национального государства. Это государство давно уже крепнет вместе с упадком либерализма. Война сделала его на время почти всемогущим. Свобода, жизнь всех граждан, хозяйственный строй, представлявшийся мистически неприкосновенным, оказались на годы в неограниченной власти государства. Воспоминание о днях этого героического деспотизма вдохновляет ныне, в эпоху буржуазного бессилия, перед лицом все новых грозных кризисов. Война дала почувствовать мощь организации и организацию мощи.... Новый социальный идеал оказывается родственным идеалу технического, как бы социальной трансприцией техники: социальным конструктивизмом. Новый человек

хочет строить новый город из огромных глыб человеческих масс, и государство представляется для его сожженной совести, для его оскудевшего разума единственным и притом безграничным источником энергии. Оно должно поставить на службу себе все силы и способности человека, сковать все классы цепью социального долга и разрешить, наконец, проблему разумного хозяйства и всеобщей обеспеченности» (Г. П. Федотов. *Социальный вопрос и свобода* // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 287—288; первая публикация: *Современные записки*. Париж, 1931. № 47) (Федотов, 1931).

14. Большевизм — дитя войны.

«Как серьезное историческое явление большевизм родился 28 июня 1914 г. в Сараево... Большевизм — дитя войны... Война породила “большевизацию” общества, прежде всего психологическую» (Е. Гайдар. *Государство и эволюция*. М., 1995. С. 79, 80) (Гайдар, 1995).

15. Бюрократический социализм большевиков был спровоцирован мировой войной в патриархально-патерналистской культуре.

«Война спровоцировала бюрократический «социализм» (обобществление под эгидой государства); наиболее опасно это было для страны, где социальный идеал был сопряжен с народными ожиданиями от власти, а не с гражданственностью» (В. Булдаков. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М., 1997. С. 19) (Булдаков, 1997).

16. Большевизм — это состояние перманентной подготовки к мировой войне.

«Декларация об образовании СССР была открытым и прямым объявлением войны всему остальному миру» (В. Суворов. *Ледокол*. М., 1992. С. 21) (Суворов, 1992).

«Этот именно тот редкий случай, когда Ленин оказался прав: или коммунисты захватят весь мир, или коммунистическая власть рухнет повсеместно... Советский союз должен был расширяться на весь свет, ибо не мог существовать рядом с нормальными государствами... Мировая революция — единственно возможный вариант существования чистого марксизма... Мировая революция могла возникнуть только в результате мировой войны» (В. Суворов. *Последняя республика*. М., 1996. С. 29, 45) (Суворов, 1996).

17. Большевизм — мост между двумя мировыми войнами.

«Победа коммунизма в России есть продолжающаяся первая великая война и готовящаяся вторая — мост между ними <...> вот уже двадцать лет, как Европа только и делает, что переходит по этому мосту от первой войны ко второй» (Д. Мережковский. Тайна русской революции (1939). М., 1998. С. 18) (Мережковский, 1939).

XXIV. БОЛЬШЕВИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

1. Борьба с большевизмом — борьба за души людей.
2. Залог выхода из большевизма — переход от внешней борьбы к овладению метафизическими глубинами революции.
3. Для выхода из большевизма необходимо противодействие двуединой красно-черной реакции.
4. Путь преодоления большевизма — не в ударной организации узкополитического революционного подполья, а в бережном взращивании ростков духовно взрывчатой катакомбной культуры.
5. Залог творческого антибольшевизма — работа над внутренним разбольшевичением всех поднимающихся против большевизма сил.
6. Борьба с большевизмом невозможна на почве интерпретации его как бессмыслицы и случайности.
7. Отказ от красного фашизма не гарантирует от прихода националистического фашизма.
8. «Черный большевизм» был бы меньшим злом для России, чем большевистский «красный коммунизм».
9. Творческий антибольшевизм невозможен на платформе буржуазно-капиталистического мира, ибо большевизм есть прямое продолжение, сиамский близнец капитализма.
10. Коммунизм — тупик истории, из которого есть выход только назад до роковой развилки.
11. «Новый русский буржуй» не сможет преодолеть большевизма, ибо он не противоположен, а «соутробен большевизму», он сам — «осадак большевизма».
12. Коммунистический режим не поддается эволюционному совершенствованию.
13. Коммунизм исключает «обратный ход эволюции».

14. Русский коммунизм погиб преждевременно, его потенциал не реализован, так как его жизнь была искусственно прервана внешними врагами и внутренними предателями.
15. Сталинская эпоха — стремление миллионов несчастных к материальному благополучию, реализация которого приводит к ее концу.
16. Разгром коммунизма есть разгром России и разрушение русского народа как исторического.
17. Разрушитель русского коммунизма как создания народа — интеллигенция.
18. Предпосылка освобождения России — отстранение от власти доктринеров и максималистов.
19. Способ борьбы с коммунизмом — идеологическое неповиновение.
20. Залог духовного преодоления большевизма — раскаяние русского православия за два «причинно-наследовавших греха»: гонение старообрядцев и неспособности противостоять большевистскому сатанизму.
21. Россия нуждается не в новой революции — а в духовном излечении.
22. Спасение России может придти только изнутри России.
23. 1100-летняя история русского народа должна пересилить «60-летнее оглтение большевиков».
24. Большевизм — апофеоз крепостничества, но и этап на пути раскрепощения.
25. Коммунизм есть этап в движении России от неорганического развития к органическому.
26. Большевизм преодолеваем под лозунгами — «новая жизнь и старая мощь».
27. Преодоление большевизма в — религиозно-национальном возрождении.
28. Тоталитарный режим демонтируется самой номенклатурой («этакратией»), стремящейся без страха пожать плоды своего положения.

1. Борьба с большевизмом — борьба за души людей.

Надо духовно взорвать те устои, на которых держится советское здание: миллионы душ, верующие в святость коммунистического учения. Надо изменить сознание молодого поколения — его воззрения на Бога, правду и совесть, семью и любовь. Надо очистить душу народа от соблазна, еще таящегося в ней; соблазна «нашей» трудовой власти, соблазна «нашего» советского царства. Иначе говоря, надо увести от советской власти души людей... Надо восстановить Орден — Орден воинов-монахов: пламенно верующих в правду Учения и гото-

вых на жертвы и подвиг для освобождения России. И надо, чтобы новые рыцари, как их отцы и деды, шли в народ, — жить его жизнью, страдать его страданиями и, освещая души людей светом Истины, уводить их за собой от власти» (И. Бунаков (И. Фондаминский). Пути освобождения (Доклад) // Новый град. 1931. № 1. С. 46—47) (Бунаков-Фондаминский, 1931).

2. Залог выхода из большевизма — переход от внешней борьбы к овладению метафизическими глубинами революции.

«...Наступила пора от чисто внешней борьбы с проявлениями революции перейти к задаче действенного внутреннего овладения ее глубинами. Мы говорим: “овладения” этими глубинами, потому что, по нашему убеждению, такие стихийно-космические силы нельзя никаким внешним способом истребить или искоренить, а можно только перевоспитать и направить по надлежащему пути. Если мы не хотим так же слепо бороться с революцией, как большинство из нас боролось раньше со старым порядком, если мы не хотим, на следующий же день после ликвидации революции, неожиданно очутиться перед лицом сил, о наличии которых мы не подозревали и которые могут снова увлечь нас неведомо куда, — если мы хотим не просто гибели революции во что бы то ни стало, а прекращения ее ради торжества и осуществления положительных начал общественного бытия, — то мы должны прежде всего, постараться объективно ориентироваться в революции и понять ее внутреннее, подземное существо» (С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8; первая публикация: Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. VI—VII) (Франк, 1923).

3. Для выхода из большевизма необходимо противодействие двуединой красно-черной реакции.

«Если мы не сократим до минимума расхищение творческих сил России двуединой красно-черной реакцией, мы не выйдем из того тупика, в котором гибнем...» (Ф. А. Степун. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1926. № 28. С. 376) (Степун, 1926).

4. Путь преодоления большевизма — не в ударной организации узкополитического революционного подполья, а в бережном взращивании ростков духовно взрывчатой катакомбной культуры.

«Наша надежда не на завтрашний элементарный антибольшевизм, а на тот духовный корень России, который, рано или поздно, должен

зацвести сложным цветом синтетической русской культуры. Наша — по крайней мере, наша нынешняя задача — не в провоцировании быстрых цветений во что бы то ни стало, а в бережении ростков; скорее во возвращении духовно взрывчатой катакомбной культуры, чем в ударной организации узко-политического революционного подполья» (Ф. Степун. Ответ И. В. Гессену // Новый Град. 1932. № 5. С. 91) (Степун, 1932).

5. Залог творческого антибольшевизма — работа над внутренним разбольшевичением всех поднимающихся против большевизма сил.

«Самая главная работа эмиграции — должна быть работой над внутренним разбольшевичением всех поднимающихся против большевизма сил, т. е. уничтожением большевизма в корне, а не только в его коммунистическом обличье» (Ф. Степун. Ответ И. В. Гессену // Новый Град. 1932. № 5. С. 91) (Степун, 1932).

6. Борьба с большевизмом невозможна на почве интерпретации его как бессмыслицы и случайности.

«Превращением большевистского зла в бессмыслицу, в разрушительную грозу, ни с того ни с сего налетевшую на праведную русскую жизнь, мы только лишаем себя возможности серьезной борьбы с ним» (Ф. А. Степун. О свободе (Демократия, диктатура и «Новый град») // Новый град. 1938. № 13. С. 38) (Степун, 1938).

7. Отказ от красного фашизма не гарантирует от прихода националистического фашизма.

«В России завтрашнего дня найдется немало элементов, как бы специально приспособленных для превращения кончающегося страшной катастрофой красного фашизма в новый, националистический, милитантский фашизм, евразийский по выражению своего лица и православный в духе бытового исповедничества; однопартийный, с обязательной для всех граждан историософией, с азиатским презрением к личности, и с лютым отрицанием всякой свободы во имя титанического миссионизма одной шестой мира...» (Ф. А. Степун. О свободе (Демократия, диктатура и «Новый град») // Новый град. 1938. № 13. С. 42) (Степун, 1938).

8. «Черный большевизм» был бы меньшим злом для России, чем большевистский «красный коммунизм».

«Именно потому, что я сознаю “органичность” того, что произошло в России, я никакой “реакции” не боюсь. Никакая реакция, никакой

“черный большевизм” не посягнет на то, на что посягнул красный большевизм: на хозяйственную автономию личности. Ибо основной смысл реакции, происходящей уже в России, и той, которая будет происходить и дальше, будет состоять в восстановлении хозяйственной автономии» (П. Б. Струве. Письмо С. Л. Франку (19 октября 1922 г.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 124) (Струве, 1922).

9. Творческий антибольшевизм невозможен на платформе буржуазно-капиталистического мира, ибо большевизм есть прямое продолжение, сиамский близнец капитализма.

«...Позиция буржуазно-капиталистического мира в качестве платформы для борьбы с большевизмом должна быть признана непригодной. Большевизм есть прямое порождение капитализма. Бороться же с каким бы то ни было явлением путем усиления порождающих его причин — абсурд. Напряженнейшая сейчас борьба между буржуазно-капиталистическим и коммунистическим мирами по-существу безвыходна: это борьба сиамских близнецов. Кто победит в последнем счете, безразлично, так как связанный с трупом победитель неизбежно умрет в результате победы» (Ф. Степун. Путь творческой революции // Новый град. Париж. 1931. № 1. С. 14) (Степун, 1931).

10. Коммунизм — тупик истории, из которого есть выход только назад до роковой развилки.

«Когда культура заходит в тупик, ей приходится сделать несколько шагов назад до той развилки, где она пошла не по тому пути. Таким тупиком была античная городская цивилизация, и чтобы перейти от нее к средневековой сельской цивилизации понадобился попятный ход в несколько веков. Это были очень тяжелые века, оставшиеся в истории под названием “темных” Видимо, и нам предстоят такие “темные” — десятилетия или годы, не знаю. Механизмы развития культуры всюду одинаковы, и принимать к сведению чужой опыт необходимо. Но для этого нужен рациональный подход — здравый ум и твердая память. Нынешнее же половодье иррационализма — психологически, объяснимое, — может, мне кажется, этому только помешать» (М. Л. Гаспаров. Интервью журналу «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 133) (Гаспаров, 1992).

11. «Новый русский буржуй» не сможет преодолеть большевизма, ибо он не противоположен, а «соутробен большевизму», он сам — «осадак большевизма».

«Соглашаясь в порядке программы-минимум на чистоплотное, порядливое мещанство, идеалы которого должны сейчас представляться

советским людям царствием небесным, я все же никак не понимаю притяжения мещанства, как того окончательного результата, который мог бы, хотя бы в малой степени, оправдать все трагические взлеты и срывы революции. Проповедуя в качестве грядущей правды русской жизни буржуазно-демократический строй в его чистом, западноевропейском смысле, нельзя же не чувствовать, что зарождающийся сейчас в России буржуй будет гораздо больше похож на большевистское чучело буржуа, чем на западно-европейского буржуа. Западно-европейский буржуа — очень сложный результат очень сложных и духовно-богатых процессов. Свою борьбу за свободу торговли и полицейский порядок он начал с борьбы за свободу веры и совести. К своим предкам он с полным правом может причислить самых выдающихся людей последних столетий: ученых, художников и революционеров. Портретная галерея надвигающегося на Россию буржуа гораздо беднее... Это новый тип в сущности человек без рода и племени, контрреволюционная скороспелка — и только; темная харя тургеневского Хоря; простертая в будущее черная тень уже не боящегося стенки мешочника; подкованный звонкой бессовестностью беспринципный рвач с большим, но корыстным и безыдейным размахом... Ставка на эту силу, которая будет играть в России безусловно видную роль, представляется мне малопривлекательной. Быть может, с нею и не удастся справиться, но искать на нее управы мне представляется весьма необходимым. Преодолеть большевизм новый буржуй не сможет: он не противоположен, он соутробен ему; он тот же большевик, — только меньшего масштаба; он хуже большевика — он осадок большевизма» (Ф. Степун. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1928. № 35. С. 396—397) (Степун, 1928).

12. Коммунистический режим не поддается эволюционному совершенствованию.

«Тоталитаризм немецкого типа можно сбросить, сохранив социальный строй страны. Тоталитаризм советского типа нельзя сбросить, не разрушив социальный строй страны до самого основания... Форму власти здесь можно изменить только изменив общество в целом, а точнее говоря — разрушив страну и на развалинах построить общество другого типа» (А. Зиновьев. Коммунизм как реальность (1980) // А. Зиновьев. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 49, 154) (Зиновьев, 1980).

13. Коммунизм исключает «обратный ход эволюции».

«Коммунизм означает такую перестройку всей организации жизни общества, что обратный ход эволюции исключается в принципе.

*Здесь возможны только два пути. Первый — физический разгром стран коммунистического блока. Что вырастет на развалинах его, предсказать с полной уверенностью нельзя. Скорее всего — такого же типа коммунистические общества, возможно — с еще более жестокими режимами. Второй путь — борьба за блага цивилизации на основе самого коммунизма. А на это нужно время и жертвы» (А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность** (1980) // А. Зиновьев. **Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма**. М., 1994. С. 289—290) (Зиновьев, 1980).*

- 14. Русский коммунизм погиб преждевременно, его потенциал не реализован, так как его жизнь была искусственно прервана внешними врагами и внутренними предателями.**

*«Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов» (А. Зиновьев. **Русский эксперимент**. М., 1995. С. 27) (Зиновьев, 1995).*

- 15. Сталинская эпоха — стремление миллионов несчастных к материальному благополучию, реализация которого приводит к ее концу.**

*«Сталинский период в основе своей был стремлением миллионов глубоко несчастных людей занять хотя бы малюсенькую крупицу Света. В этом была ее несокрушимая сила и святость. И в этом был ее непреходящий ужас. Она окончилась, как только эти несчастные вылезли из своих трупов, получили свой кусок хлеба, приобрели унитазы, о которых раньше не смели и мечтать... Главный враг коммунизма — рост материального благосостояния, образованности и культуры широких слоев населения, ибо потребности и соблазны при этом разрастаются гораздо быстрее и сильнее, чем возможности их удовлетворения... Коммунизм в России разрушали не бедные, а благополучные и богатые!» (А. Зиновьев. **Русский эксперимент**. М., 1995. С. 58, 76) (Зиновьев, 1995).*

- 16. Разгром коммунизма есть разгром России и разрушение русского народа как исторического.**

«Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносильен разгрому самой России... Но самый важный, на мой взгляд, урок Холодной войны состоит в том, что обнаружилась самая глубокая цель Запада в этой войне — разрушение Советского Союза и России с любым социальным

строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм был настолько органичен для России, настолько прочно вошел в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и русского народа как народа исторического» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 100, 312) (Зиновьев, 1995).

17. Разрушитель русского коммунизма как создания народа — интеллигенция.

«Критики советского общества сетовали на отсутствие в нем "гражданского общества". Я думаю, что оно на самом деле уже сложилось в той или иной мере... интеллигенция, объединенная в нечто подобное социальному классу благодаря внегосударственным организациям и союзам, стала идейной и направляющей силой в разрушении русского коммунизма» (А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995. С. 218) (Зиновьев, 1995).

18. Предпосылка освобождения России — отстранение от власти доктринеров и максималистов.

«...Мы объявляем беспощадную борьбу доктринерам и максималистам, чьим бы именем они не прикрывались. Всякий максималист есть убийца. Мы смотрим не на восторженные глаза, а на руки, залитые кровью. Сейчас развелось немало людей, соблазненных легким успехом большевизма, которые не прочь сменить в седле Сталина и хлестать измученную лошадь по глазам и шпорить до кишек окровавленные бока, пока она не издохнет. Эти люди преступники или сумасшедшие. Пора перестать сумасшедшим (распутинцам, ленинцам) управлять Россией. Это первая предпосылка, на которой должны объединиться все» (Г. П. Федотов. Проблемы будущей России (1) // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 232; первая публикация: Современные записки. Париж, 1931. № 45) (Федотов, 1931).

19. Способ борьбы с коммунизмом — идеологическое неповиновение.

«Я не раз высказывал, что нереально и непорядочно ждать нашего освобождения от внешних сил — от западной прессы, от "левых", от бизнесменов или западных правительств. Так же решительно отказавшись от всяких вооруженных путей и не призывая соотечественников к безумной смелости гражданского неповиновения по-индийски (выйти и сесть на мостовую, на рельсы), — какое же еще меньшее средство предложить, еще скромней и безопасней? Только идеологи-

чесское неповиновение, иначе мы опускаемся ниже порога слышимости и чувствительности. По несчастной (но и счастливой) организационной связи коммунистической идеологии и коммунистического государства, мы, совершая простой отказ от участия в казенной лжи, наносим одновременно крушащий удар по самой системе угнетения. Я убежден, что этот путь — минимальный, но и оптимальный: оцептненные ракетами и огнеметами, наше государство совершенно беспомощно против стойкого человеческого духа: в своей прожженной материалистичности марксизм забыл к тому приготовиться. Если же мы не способны и на эту минимальную форму борьбы — значит, нам не на что надеяться, мы до гибели останемся игрушкой злых сил» (А. И. Солженицын. Ответ П. Литвинову // Вестник РСХД. Париж, 1975. № 114. С. 261) (Солженицын, 1975).

20. Залог духовного преодоления большевизма — раскаяние русского православия за два «причинно-наследовавших греха»: гонение старообрядцев и неспособности противостоять большевистскому сатанизму.

«Но Россия нам, под чугунной корой, много и сильно развивается за последние 20 лет. И все зарубежное, что хочет оставаться русским (не только Церковь), должно успевать развиваться тоже. Были десятилетия — неуступчивое стояние против большевизма в мире, подданном обману, было доблестью. Но вот Россия духовно перестояла большевизм, изжила его, в ней уже сегодня духовно строится будущее, — и кто за рубежом хотел бы не отстать, к тому будущему примкнуть — должен сегодня искать свои доступные пути развития, духовного возвышения... Перед ними — два духовно возвышающих шага видятся мне, и оба они — в раскаянии. (Все будущее всех народов — в раскаянии, или скоро — ни в чем вообще.) Один — взять на себя, и покаяться, и искать путей неповторения: русская церковь в роковую для родины эпоху допустила духовно направлять народ, не смогла очистить и оцитить русский дух перед годами ярости и смуты. И если по сегодня сатанинский режим душит страну и грозит задушить весь мир — то из первых виновных в этом — мы, русские православные... Второй, ранее того — наше безумное — бесовское! — гонение старообрядцев. Без этих двух истинно-церковных и друг другу причинно-наследовавших грехов — не в России бы родился современный терроризм и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция: в России староверческой она была бы невозможна» (А. И. Солженицын. Письмо из Америки // Вестник РСХД. Париж, 1975. № 116. С. 129) (Солженицын, 1975).

21. Россия нуждается не в новой революции — а в духовном излечении.

«Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции. Это — такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы. Да нам не просто же освободиться, нам надо стать на путь лечения — а революции не вылечивают. К тому же рядовой гражданин нашей страны находится в таком положении, что его нельзя призывать к физическим движениям: они грозят ему гибелью тотчас. Поэтому я и призывал к движению “Жить не по лжи” — отнять свои руки от их Идеологии — чтоб она грохнулась и кончилась. Это тоже будет равносильно изменению государственного строя. Движение это — развивается, дай Бог ему продолжаться. Но оно оказалось медленней, чем я ждал. Да оно по природе своей не может быть быстрым» (А. И. Солженицын. **Интервью с И. И. Сапизтом (Би-Би-Си)** // Вестник РСХД. Париж, 1978. № 127. С. 293) (Солженицын, 1978).

22. Спасение России может придти только изнутри России.

«Да спасение России и не может прийти ни от какой эмиграции, нечего и ждать — а изнутри самой России... Извне коммунистического режима не одолеть, а только изнутри» (А. И. Солженицын. **Интервью с И. И. Сапизтом (Би-Би-Си)** // Вестник РСХД. Париж, 1978. № 127. С. 288) (Солженицын, 1978).

23. 1100-летняя история русского народа должна пересилить «60-летнее оголтение большевиков».

«Я — верю в наш народ на всех уровнях, кто куда попал. Не может быть, чтоб 1100-летнее существование нашего народа в какой-то, еще неизвестной нам форме, не пересилило бы 60-летнего оголтения коммунистов. Все-таки наша жила — крепче. И мы должны пересилить их отряхнуться от них» (А. И. Солженицын. **Интервью с И. И. Сапизтом (Би-Би-Си)** // Вестник РСХД. Париж, 1978. № 127. С. 295) (Солженицын, 1978).

24. Большевизм — апофеоз крепостничества, но и этап на пути раскрепощения.

«Нет сомнения: ни за царем, ни за дореформенным помещиком русский народ не был закреплен такою проклятою, кровавою крепью, как за Лениным и Сталиным. Тем не менее — и в этот величайший упрек всем нам, не отстоявшим России от большевиков — “Октябрь” войдет в историю существеннейшим этапом на пути окон-

чательного раскрепощения русского народа... Одна черта этой России кажется мне несомненной: какой бы в ней ни выкристаллизовался политический строй, какой бы в ней ни сложился социальный и хозяйственный уклад, того старого, дореволюционного народа, который людьми привилегированных классов и, в особенности, помещиками в гораздо большей степени ощущался каким-то природно-народным пейзажем, чем естественным расширением человеческой семьи... больше не будет. Из человеконенавистнической, большевистской революции народ выйдет окончательно очеловечившейся стихией. Разница между людьми высших классов и многомиллионным массивом народа исчезнет. Благодаря этому, русская жизнь во многих отношениях станет лучше и справедливее, но какую-то свою таинственную красоту она опустошит... Французский и немецкий народы это прежде всего — люди, — русский, дореволюционный, главный образом, крестьянский народ — это еще земля» (Ф. А. Степун. **Бывшее и несбывшееся**. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 25—26) (Степун, 1937).

25. Коммунизм есть этап в движении России от неорганического развития к органическому.

«В истории российской культуры, напротив, составляющие ее первоэлементы — личностный и общинный — длительное время были как бы сами по себе, изначальны и безотносительны, переплетались, не соединяясь. Российская культура как целое была лишь их производным. В критические моменты истории она постоянно раскалывалась, обнаруживая воочию свою неоднородность. В процессе исторической эволюции культура обретала все более цельный, универсальный характер. Именно в этом движении от неорганичности к органичности и заключена особость развития российской культуры... Это движение к органичности всегда было дискретным. То, что на поверхности выглядело кризисом, могло быть изменением характера национальной культуры. Поэтому необходимо осторожно подходить к оценке общественных кризисов в российской истории. Они часто являются признаком не только упадка существующего строя, но и указывают на интенсивное внутреннее культурное обновление... Таким образом, историческое значение революции состояло, на мой взгляд, в преобразовании раскола, раздвоенности российской культуры, что означало преодоление ее неорганичности. В возобладавшем “культурном типе” личностное и общинное начала уже не являлись чем-то раздельным внутри целого. Теперь это были лишь разные стороны, моменты единого. Каким бы ужасным ни казался постреволюционный “культурный класс” в сравнении с “классами” предшествующей эпохи, он имел перед последними одно неоспоримое преимущество — был органичным... (В. Б. Пастухов. **Будущее России**

вырастает из прошлого. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Политические исследования. 1992. № 5—6. С. 61—62, 70) (Пастухов, 1992).

26. Большевизм преодолеваем под лозунгами — «новая жизнь и старая мощь».

«Мы не прозираем с полной ясностью в будущее, русская революция — в конечном своем результате — стоит перед нами неразрешимой загадкой. Но какими бы путями ни пошло восстановление России, — два лозунга, как нам кажется, должны стать руководящими для стремлений и действий русских патриотов, в их отношении к прошлому и будущему Родины. И эти лозунги: новая жизнь и старая мощь. Нельзя гнаться за восстановлением того, что оказалось несостоятельным пред лицом самой жизни, и в этом смысле мы стремимся к новой жизни. Но в то же время можно и должно трепетно любить добытое кровью и жертвами многих поколений могущество Державы Российской» (П. Б. Струве. *Размышления о русской революции* (1919) // П. Б. Струве. *Избранные сочинения*. М., 1999. С. 288) (Струве, 1919).

27. Преодоление большевизма в — религиозно-национальном возрождении.

«Есть две или, вернее, два порядка идей, которые могут образовать духовный стержень русского национального возрождения.

Но оба они укажут в прошлое, которое завалено мусором безотрадного и постыдного настоящего и из которого соизрядится будущее. Это — идея религиозно-церковная и идея национальная. Именно в русской истории и жизни они неразрывно связаны одна с другой. В области религиозно-церковной и национальной необходимо свободное и любовное творчество. Свободное, ибо оно не должно состоять в рабском повторении внешних и омертвевших форм прошлого. Любовное, ибо оно должно быть согрето сыновней любовью к стране отцов, которая была Святой Русью и Великой Россией. Именно отсутствием этого любовно-почтительного отношения к прошлому характеризовалась вся духовная жизнь русской интеллигенции. Теперь должно наступить совершенно другое отношение. Нужно понять, что не может быть национального духа без роду, без племени. Преодоление революции должно состоять в том, что русский народ перестанет чувствовать себя безродным, что он сбросит с себя чужеземное духовное иго, в которое загнали его коммунисты, глашатаи сатанинского человекобожия» (П. Б. Струве. *Итоги и существо коммунисти-*

ческого хозяйства (1922) // П. Б. Струве. Избранные сочинения. М., 1999. С. 329—330) (*Струве*, 1922).

28. Тоталитарный режим демонтируется самой номенклатурой («этакратией»), стремящейся без страха пожать плоды своего положения.

«В определенный момент соотношение сил и характер отношений верховной власти и массовых слоев аппарата (интересы которых всегда отражает часть политической элиты) меняется. “Этакратия” как класс не желает больше жить в страхе перед Верховной властью, и стремится, наконец, пожать плоды своего общественно-го положения, реализовать результаты своей многолетней «гонки пао вертикали». Тоталитарный режим в этой ситуации оказывается созревшим для демонтажа. Нужен лишь толчок, чтобы процесс пошел быстро и широко: таким толчком чаще всего оказывается смерть Великого Вождя, скрепляющего собой многочисленные линии напряжения режима (Именно отсюда, из времени активной политической жизни и зарождения новой генерации элиты и происходит антропоморфный масштаб исторического времени тоталитарных режимов). После подобного толчка внутреннее равновесие системы нарушается... Первые удары по сталинской системе начали наносить вчерашние “сталинские соколы”, а затем и новоприбывшие члены структур власти... Итак, остается констатировать, что сталинизм был демонтирован самим сталинским аппаратом, маоизм маоистским, а франкизм — франкистским... Аутсайдеры никогда не были способны перестроить или взорвать систему абсолютной власти; лишь возникшие в недрах самого режима силы смогли это сделать. именно глубинный конфликт внутри системы власти, по-моему, и представляет собой энергетический источник самодвижения, эволюции тоталитарных (да и авторитарных) режимов» (А. В. Фадин. Путь из бездны (о некоторых механизмах эволюции тоталитарных режимов) // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 152—153) (Фадин, 1989).

Алексей Кара-Мурза

БОЛЬШЕВИЗМ И КОММУНИЗМ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В изучении феномена большевизма есть одна загадка — она же и закономерность. Те авторы, кто более всего изучал большевизм и коммунизм в России, поражаются все большими глубинами этой проблемы. Об этом обстоятельстве хорошо написал Федор Степун в 1948 г. в Эпilogue к своей двухтомной книге воспоминаний «Бывшее и несбывшееся»: *«Хотя мы только то и делали, что трудились над... разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали... Кажется, иногда от постоянного всматривания в тайну России, от постоянного занятия большевизмом, в душе поднимается непреодолимая тоска и возникает соблазн ухода в искусство, философию, науку. Но соблазн быстро отступает. Уйти нам нельзя и некуда».*

Известный французский философ Жан-Люк Нанси в 1991 г. в переписке с нами сформулировал проблему так: *«Проблема русских даже не в том, что у вас был коммунизм. Главное в том, что вы, судя по всему, не поняли, что это означало».*

Исследованию этой загадки и попыткой ее «расколдования» сотрудники возглавляемого мной Центра теоретических исследований российского реформаторства Института философии РАН занимаются давно; еще в 1989 г. прошла международная конференция «Тоталитаризм как исторический феномен» и вышла одноименная книга, ставшая весьма известной. Сегодня перед читателем очередной том серии «Опыт аналитической антологии» — «Русские о большевизме и коммунизме», где мы постарались собрать, классифицировать и проанализировать все то оригинальное и существенное, что было написано русскими о большевизме и коммунизме.

Возможно, сегодня, на пике политизации общества, когда расходятся даже вчерашние друзья, не самый удачное время для достижения хотя бы относительного согласия. А с другой стороны: когда еще? Наверное, прав Федор Степун: *«Уйти нам нельзя и некуда»*.

Для многих из нас изучение и понимание советского тоталитаризма прошло три этапа.

Первый этап. Тоталитаризм — это «дурной синтез цивилизаций». Как известно, в свое время в споре *«кто виноват в советском тоталитаризме?»* родились два не просто конкурирующих, а отвергающих друга подхода.

Подход первый, русофобский: виновата русская почва, русская традиция, «русская душа», которые якобы постоянно воспроизводят деспотически-рабские формы. Отсюда — начатая еще западниками начала века критика «русского коммунизма» как *«азиатизированного марксизма»*. Смысл этой позиции: коммунизм — это выплеск русского варварства; русские — «азиаты» и испортили хорошую в принципе идею Маркса, но хорошую для других стран и для другой эпохи.

Подход второй — напротив, «русофильский»: виноват именно «марксизм» — типичная западная рационально-тоталитарная идея, навязанная России (или «совратившая Россию» — тут дело вкуса) и варваризировавшая русскую цивилизацию.

Достаточно давно, развивая некоторые наметки Герцена, Ивана Киреевского, Владимира Вейдле и др. авторов, я высказал гипотезу, что, возможно, сама «русская разборка» на тему *«Кто виноват?»* — это и есть большевистское в своей основе действо, ибо «большевизм» и состоит в бесконечном и самовоспроизводящемся поиске все новых и новых виноватых.

В данный момент для меня важна другая констатация. К сегодняшнему дню стало очевидным, что наиболее продуктивной в исследовании причин советского тоталитаризма (кто в нем виноват: «почва» или занесенная на нее «идея»?) оказалась развитая сразу несколькими авторами (здесь есть и мой скромный вклад) своего рода компромиссная концепция тоталитаризма как **«негативного»** или **«дурного синтеза»** цивилизаций. Истоки этой концепции восходят к некоторым догадкам Герцена (ему принадлежит выражение *«Чингисхан с пушками Круппа»*), Федора Степуна (его определение большевизма: *«скифская реализация безбожно-рационалистического проекта»*), Ильи Бунакова (*«американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину»*), Павла Милюкова (который назвал коммунистическую Россию *«Азиопой»* по аналогии с «Евразией») и т. д. Общая суть идеи «дурного синтеза» в следующем: виновата не местная почва и не пришлая идея, а их **особого рода констелляция, результат взаимодействия между собой**.

Можно сказать, что идея *«дурного синтеза»* с теми или иными вариациями сейчас прочно закрепилась в отечественной литературе. Сложнее обстоит дело с широким усвоением другого обстоятельства, связанного со вторым этапом понимания феномена «русского коммунизма».

Второй этап. Коммунизм противостоит не демократии, а хаосу. Действительно, коммунизм — это реакция не на демократию, а на неполучающуюся демократию; он — реакция традиции не на модернизацию, а на неполучающуюся модернизацию. Это — защитная реакция традиционалистского общества не перед угрозой реформации, а перед угрозой деградации и распада. Коммунизм оппонирует в Истории не Цивилизации, а, напротив, Варварству (реальному или воображаемому) от имени Цивилизации...

Поэтому борьба с коммунизмом возможна только в одном смысле: надо совершить реальную модернизацию (причем максимально «по-хорошему») — и коммунистический радикализм усохнет, маргинализируется. А лобовая «антикоммунистическая» атака на коммунизм бесполезна. Ибо, если модернизация «по-хорошему» не получается, а терпения переждать не хватает (тем более когда неясно, *«за что терпеть?»*), — ожидайте рецидивов коммунистического радикализма. Короче: коммунизм нельзя победить — его можно только *преодолеть*.

Ниже, глубже лежит следующий пласт. Если «коммунизм» возгоняется и паразитирует на хаосе, на деградации, на варваризации, то он кровно заинтересован и в хаосе, и в варваризации. Принцип *«чем хуже, тем лучше»* — имманентный принцип коммунизма. Паразитируя на хаосе, коммунизм заинтересован в провоцировании реального хаоса; за неимением или за недостаточностью реального хаоса, коммунизм разыгрывает воображаемый Хаос, демонизирует врага, используя демагогическую риторику о *«грозящей катастрофе»*. Именно так коммунисты мистифицировали «реальный капитализм» — как загнивающее общество тотального разложения, безработицы, протеста трудящихся и т. п.

Поэтому вопрос о шансах коммунизма во многом сводится к вопросу о реальности, адекватности той Мистерии Хаоса и Варварства, которую разыгрывают коммунисты. И здесь общество должно само считать и решать, насколько адекватны та самоэкзальтация и тот катастрофизм в сознании, которые инспирируются и подогреваются радикалами.

«Коммунизм», идущий к власти, предлагает обществу очередной сеанс традиционной русской забавы — *«варварской борьбы против варварства»*. Общество раздумывает, включаться ли в игру? Возможность «отвести душу», разумеется, весьма соблазнительна, но стоит ли игра

свеч? Если питаться только из источников непримиримо оппозиционного мифотворчества, то вывод напрашивается такой: этот режим надо сносить немедленно. Но, если выйти на улицу, пообщаться с людьми, это становится совсем не столь очевидно...

Итак, моя позиция заключается в том, что «большевизм» является одним из наиболее радикальных видов русского варварства, мимикрирующего, однако под Цивилизацию. И задача здесь состоит в том, чтобы разобраться с механизмом «самовозгонки» этого типа сознания и социальной практики. Таким образом, возникает необходимость еще одного ракурса во взгляде на большевизм, еще одного этапа в его осмыслении.

Третий этап. Изучение внутренней логики развития большевизма и коммунизма.

Главной в этой связи является проблема «*большевизма*» как интенции, содержательной направленности и стиля поведения определенного типа идеократической власти. В свое время в споре «*Кто виноват?*»: «*местная почва*» или «*привнесенная чуждая идея*» было отмечено и наличие в формуле «третьего элемента» — элемента *тоталитарной репрессии*. От этого элемента, естественно, открещивались и западники, и почвенники, полагая «репрессию» лишь производным либо от «*тоталитарной почвы*», либо, соответственно, от «*тоталитарной, западной, марксистской идеи*». В результате в этом споре несколько потерялись, были сочтены лишь второстепенными (годными лишь для склонения чаши весов в ту или другую сторону) голоса тех, кто говорил: «*В споре почвы и идеи первично не то и не другое, первична сама репрессия, которая ищет потенциально репрессивные элементы и в почве, и во внешних заимствованиях и паразитирует на них*».

Изучение большевизма в его разных ипостасях доказывает: *идеология сама может быть репрессией*. Наверное, она в любом своем качестве и является таковой, но есть особо репрессивные типы идеологии, а с другой стороны, существует особая среда, особый контекст, который выдвигает особо острый запрос на тотальность и репрессивность идеологии.

Еще в 1930-х гг. Федор Степун высказал мысль, что главная интенция большевизма как формы идейной репрессии есть *игра во «амение вины» с постоянным смещением «объекта вины»: «Все нравственное убожество большевицки-революционного мирозерцания и вытекающей из него тактики заключается в том, что большевистский марксизм не знает понятия своей вины, что у него виноват всегда другой: буржуй, империалист, соглашатель, капиталист и т. д.»*.

В книге 1989 г. в статье «Голос власти и письмо власти» Валерий Подорога показал доктринальное родовое единство двух основных видов тоталитаризма (фашистского и советского) и в то же время про-

вел между ними принципиальное различие. Тоталитарная репрессия действительно построена на *«смещении вины на другого»*. Различие же двух тоталитарных практик состоит в том, что гитлеровский вариант был ориентирован на *«избавление немецкой нации от чувства вины»* и на смещении вины *вовне*, на другие народы; а сталинский — на репрессивной процедуре *«вменение вины-отказ от вины» внутри* социума. Итак, была подтверждена догадка о том, что тот или иной вид тоталитарной репрессии есть некая тотализация окончательного решения в, казалось, поначалу весьма безобидной идеологической игре *«Кто виноват?»* (В одной из лекций я спонтанно набрел на термин *«тотализатор»*.)

Здесь имеет смысл определить и разграничить такие понятия, как «тоталитаризм», «большевизм», «реальный социализм». Обратимся к известному литературному фрагменту:

Зав. культотделом: — Хочу предложить вам взять несколько журналов в пользу детей Германии. По полтиннику штука.

Филипп Филиппович: — Нет, не возьму.

— Вы не сочувствуете детям Германии?

— Сочувствую.

— Жалеете по полтиннику?

— Нет.

— Так почему же?

— Не хочу.

— Знаете ли, профессор, если бы вы не были европейским светилом и за вас не заступались бы самым возмутительным образом лица, которых, я уверена, мы еще разьясим, вас следовало бы арестовать.

— А за что?

— Вы ненавистник пролетариата!

— Да, я не люблю пролетариата.

(М. Булгаков «Собачье сердце»)

Описанная (к тому же с иронией) ситуация вполне безобидна, однако в ней наличествует и текстовая репрессивно-большевистская инвектива (*«не сочувствуете детям Германии»*, *«ненавистник пролетариата»*), и угроза физической репрессии (*«вас следовало бы арестовать»*). Безобидность же сюжета обусловлена тем, что объект *«вменения вины»* имеет ресурс *«ухода от вины»* не в виде оправдания (*«жалко по полтиннику»*), и не переброса вины на другого, а в виде стойкого антитоталитарного *«не хочу»*. Излишне говорить, что в советский период такая ситуация была скорее исключением, нежели правилом.

Итак, *«большевизм»* — это репрессивная идеология, система вербальных и текстовых инвектив, запускающая «тотализатор». *«Тоталитаризм»* — социальная репрессия, направленная на социальное упрощение общества. (В этом смысле «тоталитаризм» — это не конечное,

итоговое состояние общества, а сам процесс его упрощения.) *«Реальный социализм»* — фактическое состояние общества, получаемое в результате (благодаря, а иногда и вопреки) тоталитарным репрессивным практикам.

В этой связи возникает очередной вопрос: как зарождается подобного рода система, построенная на «вменении вины», и как она в дальнейшем тотализируется?

Обратимся к анализу самой ранней большевистской практики, еще до захвата власти. Скажу сразу, что я против демонизации и Ленина, и Маркса. Я, наоборот, полагаю, что такая демонизация — верный симптом того, что сам «критик» попал в заколдованный круг тоталитарной игры в *«Кто виноват?»*. Если, согласно моей же концепции, сутью тоталитаризма является *«репрессивное вменение вины»*, то, соответственно, попытки свалить всю вину за наши несчастья на Маркса или Ленина — сами сродни тоталитаризму, только не «красному», а «белому», «черному» или какому иному. (Несколько позже я скажу о том, что тоталитарная идеология в России может быть и бывает «разноцветной».)

Еще в 1989 г. в упомянутой книге «Тоталитаризм как исторический феномен» я прямо писал (и, похоже, в те эйфорическо-антикоммунистические времена не был до конца понят): *«Попытка свалить все на доктрину (смотри, мол, до Маркса добрались!) поразительно напоминает рецидив мифологического сознания, одной из констант которого является постоянный поиск виновного. И чем значительнее фигура обвиняемого, тем теплее становится на сердце человека архаической культуры, охваченного манией разоблачительства, ищущего фигуру, соразмерную произошедшей трагедии, и сладко обмирающего от смелости своих подозрений... Все это метаморфозы определенного типа сознания, с пугающей периодичностью шарахающегося от сотворения кумиров к их ритуальному развенчанию»*.

И в этом смысле я согласен с точным замечанием Глеба Павловского о так называемых. *«разоблачителях Ленина»*: *«...С каждой новой инвективой <в адрес Ленина. — А. К.-М.> у нас уменьшается ощущение, что разоблачители Ленина более безопасны для нас, чем сам мертвый Ленин»*.

Я также опасаясь *любых* тоталитаристов — а не только «красных». Однако признание факта, что тоталитаризм бывает разноокрашенным, вовсе не отменяет необходимости изучения каждой из конкретных его вариаций и не дает исторической индульгенции ни одной персоне на том основании, что другие — *«немногим лучше»*. Но в данном случае проблема — в прорыве к адекватному пониманию «красного большевизма» и, конкретно, к его первообразу — Ульянову-Ленину.

Обращусь к наблюдениям Николая Валентинова из книги «Встречи с Лениным». (Кстати, именно Валентинова, как образец объектив-

ной оценки Ленина без прикрас и демонизации, посоветовал недавно изучать читателям «Аргументов и фактов» Е. Плимак — а его трудно заподозрить в «очернительстве вождя».)

Итак, вот личные наблюдения Н. Валентинова о ленинских способах установления власти и влияния в партии: *«Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом, по голове своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений — одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах проф. Павлова, “условные рефлексы” В 1903 г. и половине 1904 г. таким словечком была “Акимовщина”, в следующие годы появились другие: “ликвидатор”, “отзовист”, “махист”, “социал-патриот” и т. д. Спасть от гипноза штампованных словечек можно было лишь далеко уходя от Ленина, порывая с ним связь».*

Об этом же свидетельствует и Ю. Мартов, который так описывал полемический стиль Ленина: *«Это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных “бойких” и “хлестких” словечек...»*

На ту же первичную интенцию большевизма — инвективно-репрессивную речевую практику — обратил внимание и Георгий Федотов. В очерке 1932 г. «Схема революции» (до сих пор в России не переиздававшемся), Федотов пишет: *«В Ленине нет ни скрупула русского интеллигента... Русские марксисты 90-х годов, этически настроенные и сами презирающие себя за это, ужаснулись перед “твердокаменным” и покорились ему. Он стал центром притяжения людей нового типа. Он сам ковал его, неутомимо преследуя сарказмами и оскорблениями мягкотелого интеллигента. Из евреев, кавказцев и русских нищиеанцев он создавал свою гвардию — хищников и бойцов. То, как он умел (хотя и не всегда) — укрощать этих тигров подполья, не менее удивительно, чем обуздание волчьей стаи Октября. Выковать большевистскую партию было не легче, чем государство СССР».*

Тут, как видим, уже больше эмоций, но суть та же, что и у Валентинова и Мартова: ленинская гвардия *«выковывалась из мягкотелых интеллигентов сарказмами и оскорблениями».* А ведь, согласно утверждению самого Ленина, *«получить организацию революционеров»* — главный рычаг для *«переворачивания России».*

Вспоминаются в этой связи и слова одного из персонажей «современных диалогов» в работе С. Булгакова «На пиру богов» (1918): *«Если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани».* Характерно, что остальные участники булгаковских «диалогов» полностью соглашались с такой, казалось бы, прямолинейно-экзотической версией.

Разумеется, тоталитаризм созрел в России не сразу. Я еще буду подробно говорить об «истоках и смысле русского коммунизма», а пока — небольшая историческая ремарка.

В революционных стихах Николая Клюева есть такие строки:

*Есть в Ленине Керженский Дух,
Игуменский окрик в декретах.*

Клюев писал это, разумеется, в положительном, даже восторженном русофильском контексте. Но оценка факта может быть разной, а главное подмечено точно: «*игуменский окрик*» и «*ленинские декреты*» суть явления одного порядка. Я бы, в отличие от Клюева, проинтерпретировал их соотношение так: «партии нового типа» пока еще нет, но уже есть «*игуменский окрик*» как репрессивная инвектива — дело за представительством от имени неморальной, передовой научной теории, а затем и технологиями власти. Будет это — и произойдет неизбежная мутация религиозной идеи и возгонка «*игуменского окрика*» в «*ленинские декреты*».

Если все это так, то «тоталитаризм» (и «большевизм» как его русская разновидность) — это не социально-экономическая формация, а репрессивная интенция власти, сама формирующая общество. При этом «власть» — это не те, кто «на самом верху»; это — отношение любого «верха» к любому «низу». Еще Чернышевский заметил: «*Упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола... Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый. Но если каждый из нас Батый, то что же происходит с обществом, которое все состоит из Батыев?*» И далее Чернышевский рисует картину, поразительно напоминающую тоталитарную иерархию: «*Каждый из них измеряет силы другого, и... в каждом кругу, в каждом деле оказывается архи-Батый, которому простые Батыи повинуются так же безусловно, как им в свою очередь повинуются баскаки, а баскакам — простые татары, из которых каждый тоже держит себя Батыем в покоренном ему кружке завоеванного племени... Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой...*» Остается только задуматься вслед за Чернышевским: «*Бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям.*»

Хочу здесь добавить, что вертикаль тоталитарной власти как «*иерархии батыйства*» выстраивается на пересечении двух процессов: с одной стороны, изливания репрессии сверху, от большего «Батыя» к меньшему; а с другой стороны, возгонки «батыйства» вверх — «*все выше, и выше, и выше*», «ускользания от исторической вины» путем «поиска крыши», обретения вышестоящего авторитета и сотворения все новых и новых кумиров. На этот второй процесс — создания «культы личности» как возгонки миллионов «я» в некоторое «Супер-Я» обратил внимание в книге 1989 г. Валерий Перевалов.

Демонизация большевизма, в которую, случается, сваливаются некоторые его бескомпромиссные критики, некорректна еще по одной причине. Парадокс состоит в том, что репрессивный идеократизм паразитирует здесь на идее осуществления **положительного социального идеала**. Это обстоятельство, разумеется, было и остается излюбленным защитным аргументом апологетов коммунизма.

Между тем анализ причин этого парадокса — одно из наиболее сильных и разработанных мест в русской историографии большевизма. Во многом этой проблеме посвящен знаменитый сборник «Из глубины» (1918), написанный по свежим следам большевистского переворота, а затем и многочисленные последующие работы авторов «веховского направления», развивавших идею Достоевского об *«антихристовых соблазнах русской души»*.

В статье «De profundus», давшей название всему сборнику 1918 г., Семен Франк пишет: *«Неприкрытое, голое зло грубых вожделиний никогда не может стать могущественной исторической силой; такой силой оно становится лишь когда начинает соблазнять людей лживым обличьем добра и бескорыстной идеи»*.

Вторит ему и другой автор сборника — Сергей Аскольдов: *«...Не надо быть пророком, чтобы понять, что соблазн антихристового движения подойдет к человечеству не в обличьи злого волка, а именно в обличьи человека, одушевленного благороднейшими идеалами...»*

Не буду здесь приводить многочисленные вариации на эту тему Бердяева и других авторов (что будет отражено в будущей «Антологии»). Еще раз процитирую лишь С. Франка, который в книге «Крушение кумиров» возвел этот парадокс (*«зло приходит в обличьи добра»*) в ранг важнейшего исторического закона: *«Все горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания по меньшей мере на 99% суть результат воли к осуществлению добра, фанатической веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли»*.

Не удержусь здесь от одного комментария. Русская религиозно-философская классика ставит вопрос о соотношении Добра и Зла в политике только так: *«Зло нельзя победить абстрактной проповедью Добра — зло можно победить только вытеснив его меньшим злом»*. Но при одном условии: необходимо принять моральную ответственность за нынешнее зло в том числе и лично на себя. Только так и не иначе можно выйти из порочного круга игры в «Кто виноват?» Точно так же, кстати, решает вопрос и мировая секулярная либерально-демократическая мысль: *«Зло побеждается только меньшим злом»*. Поэтому мне удивительны сегодняшние рассуждения некоторых наших интелли-

гентов: *«Вы не заставите нас выбрать из двух зол меньшее — мы, мол, выше этого...»* — Нет, не выше, а здесь же, с нами, и вместе с нами в ответе за существующее зло.

Итак, чтобы понять «истоки и смысл» большевизма в России, надо искать в ней пульсирующие сгустки идеологии, выступающей в форме непосредственной репрессии, хотя, возможно и под лозунгами *«добра и справедливости»*. И если посмотреть на историю России под этим углом зрения, то напрашивается тот же вывод, который сделал однажды Федор Степун: *«Чем больше занимаюсь историей нашей революции, тем больше нахожу в ней скрытых большевиков»*.

Тоталитарные локусы, как пространства словесных инвектив, появляются, конкурируют, исчезают, ищут адекватную себе идеологию, которую можно использовать в качестве наилучшего орудия идейной репрессии. С другой стороны, существуют и действуют факторы, которые нейтрализуют, блокируют этот процесс. Поэтому «протототалитаризм» в русской истории пульсирует, нарастает, спадает — вот это отслеживание его метаморфоз и является главной, но и наиболее сложной задачей.

Вспомним здесь принцип изложения, принятый Николаем Бердяевым в работе *«Истоки и смысл русского коммунизма»*. Бердяев последовательно перебирает всех возможных отечественных «кандидатов в тоталитаристы» (в этом списке: Белинский, Бакунин, Ткачев, Нечаев) и показывает, что является в них уже вполне тоталитарным, а чего и почему недостает. Показывает Бердяев и социальный, идейный контекст, который одновременно и подпитывает возможности «кандидатов», но и блокирует их претензии.

Вообще, процесс «пульсации», т. е. конденсации и рассасывания тоталитарных инвективных практик — это, по-видимому, *универсальный мировой процесс*, одна из *инвариантных сторон человеческой культуры*. (Вспомним исследовательский проект по изучению «авторитарного сознания» среди американских студентов под руководством Т. Адорно.) Вопрос, по-видимому, в том, какая среда, с одной стороны, и какая идея, с другой, способствуют наилучшей консолидации тоталитарной идеологической репрессии. Где больше ресурсов для нее и где меньше ограничителей?

Дистанцируясь и от вульгарной русофобии, и от некоторого склонного к мазохизму самобытничества, которые оба ставят знак равенства между «Россией» и «Коммунизмом», нам все же не уйти от главного обстоятельства — того факта, что коммунизм случился именно в России.

Еще раз возвращаясь к вопросу о степени виновности в тоталитаризме «русской почвы» и «пришлой идеи», скажу сразу, что я солидарен с классической линией изучения метаморфоз русского сознания, идущей от Достоевского через Бердяева, Франка, Аскольдова, Лос-

ского, Карсавина, Франка, Степуна, Федотова, Флоровского до Вейдле, Шмемана и Солженицына, которые в общем виде варьируют одну и ту же мысль: *«Коммунизм — это болезнь русской души»*. Многочисленные, порой очень тонкие вариации на эту общую тему будут детально отображены в нашей Антологии «Русские о большевизме». Однако есть некоторые сюжеты, которые требуют нового и специального разговора, учитывая тот ракурс проблемы, который мной сегодня избран.

Прежде всего — некоторые дополнения к вопросу о **роли русской интеллигенции** в нарастании большевизма. Здесь тоже есть своя «классика» — та же «веховская традиция», в частности рассуждения Струве, Булгакова, Бердяева, позднее — Федотова и Степуна о *«государственном отщепенчестве»* интеллигенции или ее *«беспочвенности»*. Однако для меня сегодня важнее иное.

Русская интеллигенция смогла сыграть беспрецедентную роль в заражении общества радикальными идеями потому, что интеллигентская среда оказалась идеальным полигоном для конкуренции и отбора наиболее жизнеспособных инвективных практик, где потенциально репрессивные идеологемы циркулировали в бешеном режиме спонтанного «естественного отбора» и «выживания сильнейшего». Именно в России, где не было (и, кстати, до сих пор нет) консенсуса по поводу базовых ценностей (например, культурно-цивилизационной идентичности России), где острое переживание исторического отставания подпитывало искус историоборческих прорывов, игра *«Кто виноват?»*, нашла себе идеальную площадку задолго до рождения ленинизма.

Вот несколько зарисовок интеллигентской среды, схваченной с этого ракурса.

Густав Шпет в своем «Очерке развития русской философии» (1922) цитирует слова молодого С. Уварова, впоследствии графа и министра народного просвещения: *«Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. ...Это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений...»* Далее Уваров свидетельствует о нарастании текстовой, словесной репрессии, когда оппоненты, сбиваясь в микропартии, обмениваются словами-уколами, наклеивают ярлыки, вменяют оппонентам в вину самые разнообразные грехи. Уваров перечисляет: *«потрясение нравственности», «поборник иностранных идей», «иллюминат», «философ», «фран-масон», «фанатик»*... Долго находиться в этой ситуации «неадаптированному человеку», резюмирует Уваров, невыносимо и невозможно: *«Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнителем орудием самых преувеличенных страстей»*.

Как уберечься от этой игры в *«Кто виноват?»* — игры, согласно Уварову, во многом инфантильной? Констатируя это, Уваров делает

вывод о необходимости, говоря словами Константина Леонтьева, «подморозить Россию», пока она не повзрослеет и не сможет разобраться со своими мыслями. В этом смысле философия истории у Уварова и Леонтьева — разные. Леонтьев хочет «подморозить» Россию, чтобы та «не старела» и «не упрощалась»; Уваров — чтобы она не перебила сама себя чужими цитатами в бессознательно-отроческом возрасте.

Потенциально тоталитарный элемент взаимного вменения вины в интеллигентской игре в «*Кто виноват?*» фиксирует в салонных спорах XIX в. и Иван Солоневич: «...Вместо какого бы то ни было понимания в ее <интеллигенции>. — А. К.-М. > уме свирепствовал кабак непрерывно меняющихся мод. Вольтерьянство и гегельянство, Шеллинг и Кант, Ницше и Маркс, эротика и народовольчество, порнография и богоскательство — все это выло, прыгало, кривлялось на всех перекрестках русской интеллигентской действительности». Напомню, что главная интенция «народной монархии» Ивана Солоневича — это пафос нейтрализации ослабляющих Россию боярских усобиц, включая сюда и разрушительный обмен инвективами среди «интеллигентствующих бояр».

Общую формулу спонтанной «тоталитаризации» интеллигентской среды дал Федор Степун: «Словесные дистинкции революционного подполья естественно принимались за господствующие тенденции самой жизни. Не достигающая жизни политика превращалась в политиканство. Политиканство распространялось на все стороны и вопросы жизни; вырастал специфический интеллигентский панполитизм. Лишенный углубленной связи с реальной хозяйственной и общественной жизнью страны, этот панполитизм вертел в революционном сознании русской интеллигенции свои отвлеченные категории с быстрой освобожденной от приводного ремня махового колеса».

«Освобожденное от приводного ремня маховое колесо», как степунский образ пока еще чисто интеллектуальных репрессивных практик, пока слабо захватывающих общество, невольно вызывает в памяти позднейший образ «развитого тоталитаризма» — «Красное колесо» Солженицына. Проблема в том, как (и какая) идея «овладеет массами»?

В России долгое время сохранялся иммунитет против тотализующей индоктринации. Самостраховка, самоограничение имели место в самых разных формах. Возможно, в этом и состоит главный смысл всего культурно-духовного опыта России: «нигилистически-апокалиптический» (в терминах Бердяева) потенциал «русской души» по-своему гасится, усмиряется в самых различных подчас разнонаправленных идейных формах — и в «западничестве», и в «славянофильстве», и во «всеединстве». Имперская власть тоже, как могла, гасила возможную тотализацию отдельных социальных проектов в вязком контек-

сте политико-культурных синтезов, представляющих собой, конечно, вариации не столько «Евразии», сколько «Азиипы» (для этих «кентавров» придуманы остроумные формулы: *«поп во фраке»* — Гоголь; *«православный царь в мундире немецкого офицера»* — Федотов и т. д.).

В сегодняшнем разговоре о большевизме меня, естественно, интересуют наиболее радикальные фрагменты русской мысли, непосредственно предшествовавшие марксизму. Эти фрагменты, как известно, были представлены по преимуществу вариациями революционного народничества. Этот идейный комплекс мог быть в некоторых своих проявлениях крайне радикальным, однако возможность тотализации сознания народничеством блокировалась одним принципиальным обстоятельством. А именно: основная народническая идеологема — принятие на себя вины перед народом и желание «пострадать за народ» — накрепко закупоривала проблематику *«исторической вины»* в собственно народнической среде. Без разгерметизации этой среды, без инверсивного «выброса вины вовне» запуск большевистского тотализатора был невозможен.

Где и когда произошел прорыв? В результате каких доктринальных метаморфоз в русском историоборческом максимализме произошла решающая мутация, запустившая «тотализатор»?

Один из наиболее блестящих исследователей проблемы соотношения «Утопии» и «Власти» Виктория Чаликова провела (совсем незадолго до своей безвременной кончины) достаточно рискованный мыслительный эксперимент, который, как я сегодня понимаю, был абсолютно корректен и полностью оправдался. Она взяла знаменитый апокриф о молодом Владимире Ульянове, который при известии о казни брата вроде бы произнес историческую фразу: *«Мы пойдём другим путем»*.

«Что означала эта фраза?» — задается вопросом Виктория Чаликова, оговариваясь, впрочем, что она не уверена, что сцена в Симбирске была именно таковой. (Вспоминаю в этой связи мой собственный разговор с известным французским историком Клаудио Ингерфломом, автором книги «Несостоявшийся гражданин. Русские истоки ленинизма», который категорически возражал против историчности и данной сцены, и данной фразы.)

Но, замечу от себя, реальная конкретная история и «логика истории» — это разные вещи. Виктория Чаликова (один из немногих известных мне людей, кто в любой идее, в том числе, кстати, и «демократической» с виду, умел рассмотреть тоталитарные задатки) уловила здесь не столько одномоментный *исторический* факт «поворота», сколько *логику* мутации русского революционаристского мышления.

«Я убеждена теперь, — пишет Чаликова, — что “другой путь”, действительно, был избран, что был совершен духовный переворот в поколении, в его незаурядном представителе. И только за духовным последо-

вал роковой политической переворот. Владимир Ульянов разрывал с Александром Ульяновым, а Александр был из тех, кто еще верил в исправление мира подвигом и жертвой — убийством одного и искупающей убийство гибелью другого, его крестной мукой. Поколение Александра еще читало некрасовские строки так, как они были написаны: “Дело прочно, когда под ним струится кровь”, — то есть моя кровь. Ленинизм рассчитывал на чужую кровь, хотя обильно пролил свою. В ленинизме не было жажды жертвы, и это выразилось впервые в ясном ощущении мальчика, что он не хочет, “как Саша”, что крест его не манит, что “положить живот за други своя” ему не сладостно.

С какого момента и в какой пропорции новый тип сознания поселяется и обнаруживается в уме конкретных людей, того же Ульянова, — вопрос специальный, требующий исследовательских усилий историка, а не философа. Философ же предлагает констатировать тот факт, что в большевизме как особой «духовно-политической породе» (удачное определение большевизма Г. Федотовым) было в какой-то момент снято противоречие между нехристианской этикой русских революционеров, уже поправших принцип «не убий», и их же пока еще христианской психологией. Чаликова приводит примеры этого добольшевистского революционного сознания (эсера Зензинова, писавшего, что ни раскаяние, ни даже казнь террориста не спасают его от бремени греха; эсера Каляева, который все откладывал покушение, чтобы не пострадали женщины и дети); эту противоречивость, мешающую запустить «массовый тотализатор», большевизм радикально снял, приведя психологию в гармонию с этикой.

«Оказалось, — пишет Чаликова, — можно заниматься ликвидацией людей и быть спокойным, уравновешенным: играть в шахматы, удить рыбу, наслаждаться горными прогулками. Тут была важная деталь: не делать ничего такого собственноручно, действительно идти другим путем, чем Александр, который взял на себя и деяние, и расплату...»

Итак, произошла решающая мутация в мышлении потенциально-го субъекта тоталитарной репрессии. Но как это связано с другим компонентом «дурного синтеза» — с марксизмом? Или после имморалистической мутации идейная репрессия могла бы столь же успешно паразитировать на любой теории? Это, конечно, — одна из ключевых проблем, классиком решения которой по праву считается Г. Федотов. Вот его развернутая позиция по этому вопросу в работе «Наш позор» (1938): *«Вдумаемся на минуту в то, что такое большевизм, — не как партия Ленина—Сталина, а как духовно-политическая порода. Марксизм? Но что же тогда меньшевизм, что такое Каутский и Плеханов, в которых Ленин нашел с самого начала своих самых страстных противников? Не отрицая того, что учение Маркса всегда имело в себе темное, нераскрытое зерно имморализма, которое Ленину суждено было вырастить в парнике русской революции, я утверждаю, что большевизм мо-*

жет произрастать не на одной марксистской почве. Ленин был сомнительным марксистом. Сталин вообще никакой марксист... Душа большевизма не в Марксе, не в классовой борьбе, не в мировой революции... Говоря кратко, большевизм — это культура тоталитарной злобы. Идея или идеяки могут быть разные, но плоды проклятого дерева всегда одни и те же».

Итак, позиция Федотова: большевизм может произрастать не только на марксизме, но «учение Маркса» было все-таки исключительно благодатной почвой. В советском «шестидесятничестве» весьма сбалапансированная идея Федотова была несколько подправлена и утрирована в сторону виновности «почвы», «русского историоборчества», которому было абсолютно все равно, что использовать в качестве инвективной дубины. Вот что пишет, например, Лев Аннинский: *«Нечто близкое, военно-казарменное на этом куске земли было бы выстроено и с помощью какой-нибудь другой системы идей. Пойди иначе ход диспутов в тех или иных интеллигентских кружках прошлого века — замесилось окончательно бы тесто не на марксовом экономизме и не на свободной этике Энгельса... замесилось бы новое учение на каком-нибудь левонтьевском византизме, на соловьевской софийности, на либеральном “свободном выборе” в духе Михайловского или на “общем деле” в духе Федорова, — тогда хлынула бы вся наша накопившаяся агрессивность в другие формы...»*

На мой взгляд, Л. Аннинский все-таки «западает на один бок» в сторону виновности «русской почвы»: здесь, мол, в России тотализировали бы любую идею. Перед нами очередная рафинированная реабилитация марксизма по принципу: *«Маркс не отвечает за большевизм, как и Христос за инквизицию».*

Мне, в отличие от Л. Аннинского, как раз крайне интересны детали того, почему и как в истории произошла *именно эта* (а не какая другая) «встреча» — русского историоборчества и марксизма. Самый общий предварительный ответ таков: оба компонента идеально подошли друг другу в осуществлении того взрывного синтеза, которому классики русской историографии большевизма дали такие определения: *«прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов»* (Петр Струве) или *«резонанс мятежного ума Запада и мятежного духа России»* (Семен Франк).

Напомню, что истоком русского историоборческого максимализма Николай Бердяев (а его правоту пока никто аргументированно не оспорил) считал базовую антиномию русского характера — *«нигилизм/апокалиптики»*. Если это так, то успех марксизма на русской почве легко объясняется: его максимализм идеально срезонировал с нигилистически-апокалиптической доминантой «русской души».

У учения Маркса, как и у «русского» нигилизма, — своя непроспая биография. В литературе достаточно много написано о том, как,

каким способом, в результате каких доктринальных метаморфоз именно марксизм оказался самым радикальным плодом «мятежного ума Запада». Вот мнение Эриха Соловьева: *«Позиция Маркса... формировалась в русле немецкой философской критики религии, для которой была характерна беспрецедентная авангардистская и неконформистская конкуренция. Молодые философы-публицисты состязались в доктринальной левизне. Маркс оказался победителем в этих авангардистских гонках, выдвинув в 1843—1844 годах удивительно простую, емкую и решительную атеистическую антитезу основного и отличительного христианского символа».*

В чем же суть этой атеистической антитезы Кресту?

«Религии распятого бога он <Маркс. — А. К.-М.> противопоставил доктрину распятого богоподобного человека. Богоподобный человек, возведенный капитализмом на Голгофу крайней бедности, унижения и презрения, — это пролетариат. Именно в него — в наиболее обездоленный и отверженный класс гражданского общества — необходимо уверовать как в Спасителя».

Парадокс, однако, заключается в том, что в Германии эта радикальная социальная идея не нашла адекватного партнера; «мятежную душу» марксизм нашел не в бюргерско-мещанской Германии, а «на стороне» — в России. Максимализм немецкого ума срезонировал с неустроенной, обезбоженной, бродяжнической русской душой. С. Франк писал в работе «Религиозно-исторический смысл русской революции»: *«Характерная революционная мятежность европейского ума нашла какой-то странный, но глубокий отголосок в мятежности столь чуждого ему в других отношениях русского духа, и только потому им и овладела».*

Если Н. Бердяев (а вслед за ним и Н. Лосский, и другие) прав и главной антиномией русского характера действительно является комплекс «нигилизм/апокалиптика», то, конечно, ни «леонтьевский византизм», ни «соловьевская софийность», ни, разумеется, «либерализм в духе Михайловского» (как полагает Аннинский), не могли бы, во-первых, так мощно срезонировать с достаточно массовым настроением русских умов, а во-вторых, ввести идеократическую инвективу в режим спонтанной тотализации.

Добавлю к этому, что «русский марксизм», который в конце концов взорвал российскую культуру, переиграл эту последнюю именно в способности воплотить главную русскую идею — идею межцивилизационного синтеза на стыке «универсализма» и «самобытничества». Он предложил не просто социальную, а *цивилизационную альтернативу*, впитав в себя и обоюдно усилив историоборческий потенциал как радикального «западничества», так и «антизападнического самобытничества».

Не следует забывать, что и после закрепления марксизма на русской почве внутри него продолжалась непримиримая конкуренция: первыми выбыли из игры «марксисты-экономисты», позже отпали «отзовисты», «ликвидаторы». Проиграли все, пренебрегшие русской тягой к историоборчеству. Победили те, кто, воспользовавшись кризисом первой мировой войны, наиболее мощно раскачал идеократический маятник, кто задал наибольшую амплитуду между наиболее радикальным «нигилизмом» и предельной «апокалиптикой».

«Почему проиграл Плеханов — Ленину?» — риторически вопрошала сразу после революции Зинаида Гиппиус и сама же ответила: из-за своей «скучности» и «чрезмерной культурности». *«Его <Плеханова. — А. К.-М.> убил Россия... Нельзя русскому революционеру быть честным, культурным, держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть европейцем. Задушат. Еще при царе туда-сюда, но при Ленине — конец... Эта наука, эта Европа, эта культура — скучны нашему оголтелому матросью, нашей “веселой” горилле на цепочке у мошеников...»*

«Веселая горилла» — разумеется, опять метафорическое преувеличение. Но вопрос остается: кто был тем массовым социальным посредником, «медиумом», который принял идеократическую игру революционной интеллигенции в *«Кто виноват?»* как свое родное, кровное дело и затем, заразив этой идеей общество, превратил это состояние в настоящую «пандемию»?

Как известно, официозная коммунистическая литература трактовала большевизм как *«идеологию пролетариата»*. В противоположность ей распространились две другие интерпретации: а) большевизм — результат левацкой деформации марксизма из-за давления *крестьянской стихии* и б) большевистский радикализм нашел главную опору в *люмпенском сознании*.

Думаю, ближе всего подошел к истине все тот же Г. Федотов, предложивший концептуально разделять *«демократию убеждений»* и *«демократию быта»*. С началом XX века, по его мнению, Россия *«демократизировалась»* с чрезвычайной быстротой именно во втором, «бытовом» смысле: *«Меняется самый характер улицы. Чиновничье-учащаяся Россия начинает давать место иной, плохо одетой, дурно воспитанной толпе. На городских бульварах по вечерам гуляют толпы молодежи в косоворотках и пиджаках с барышнями, одетыми по-модному, но явно не бывавшими в гимназиях. Лушат семечки, обмениваются любезностями. Стараются соблюдать тон и ужасно фальшивят. Барыничиновницы в ужасе, что прислуга дерзит и носит шляпку»*. Налицо — складывание российского «массового общества», отечественный вариант *«восстания масс»*. Г. Федотов продолжает: *«Профессия новых людей бывает иногда удивительной: банщик, портной, цирковой артист, парикмахер сыграли большую роль в коммунистической революции, чем фабричный рабочий... Массе новых разnochинцев пришлось дожидаться*

октября 1917 года, чтобы схватить столь долгожданную власть. Это они — люди Октября, строители нового быта, идеологи пролеткультуры».

А вот еще один характерный портрет «активистов» большевистского переворота, написанный «с натуры» Федором Степуном (напомню: в эмиграции в Мюнхене он читал большой курс «Социология русской революции»). Ф. Степун пишет, что, по мере успеха большевиков в центре, на периферии тоже «выдвинулась совершенно новая компания — социологически очень пестрая, но психически единая»: «Все люди, которым было тесно в своей шкуре и в своем быту, — безбытники, интеллигенция. Был среди них слесарь, вылечившийся толстовством от запоя; московский лихач, не одну зиму продрогший под окнами “Яра” со страстною мечтою: “Хоть бы разок посмотреть, как там господа с барышнями занимаются”; матрос дальнего плавания и какой-то старый, бритый городской человек с благородной физиономией капельдинера. Но во главе всех все же настоящий крестьянин, хорошо мне знакомый Свистков. С малолетства грешил водочкой, хорошо играл на гармонии; до войны был в деревне человеком совсем заваливающим, но с фронта вернулся героем, кавалером. Лицо самое обыкновенное, только глаза грустные и с “сумасшедшинкой”. Вот эта-то компания и вошла в управление уездом».

Значение этого слоя, который разные авторы называют по-разному — «полунинтеллигенция», «выдвиженцы», «новые разночинцы», в раскрутке большевистского «тотализатора» огромно. Именно «новое разночинство», будучи «медиумом» между партийной элитой и массой, стало не только «проводником», но и своего рода «трансформатором» изначальной большевистской идеи. Еще Г. Федотов отметил огромное различие в «направленности воли» идейных большевиков и этой «новой демократии»: «Для интеллигенции революция была жертвой, демократия — нисхождением. “Все для народа” Новая демократия — сама народ. Она стремится к подъему, а не к нисхождению. Она, скорее, презрительно относится к массе, отсталой, тупой, покорной. Она хочет власти для себя, чтобы вести народ. Она чужда сентиментального отношения к нему...»

Именно про этот промежуточный средний слой «большевиков» сказал С. Франк в статье «По ту сторону правого и левого» (1931): «Административный состав большевистской власти, преимущественно армии и полиции, был создан при существенном участии “черносотенства”. Лица “черного” образа мыслей, при всей непривычности для них некоторых “красных” идей, чувствуют часто некоторое эстетическое и духовное родство с “красным” стилем, относительно легко с ним сживаются и его усваивают (связующим звеном здесь является господство грубого насилия в управлении и момент демагогии)...» Что же касается «большевиствующей черни», то в ней, по мнению Франка, различие между «черным» и «красным» вообще становится почти неуловимым:

«Толпа, участвовавшая в былые времена в еврейских погромах и еще в 1915 году устроившая в Москве по мнимо-национальным мотивам немецкий погром, есть та самая толпа, которая совершила большевистский переворот, громил помещиков и “буржуев”...»

Полагаю, что как раз на этом этапе овладения и присвоения его «медиумами» марксизм, вдобавок к своим качествам резонатора с базовой русской антиномией «нигилизм/апокалиптика», окончательно выявляет свой потенциал имморализма. Не в большевистской элите первого набора, а именно в промежуточном слое «активистов» марксистская эсхатология оборачивается своей имморальной стороной: «*всемирно-исторические законы*», «*интересы трудового народа*» и «*революционная целесообразность*» оправдают все. Сброс личной вины на «*неумолимые законы Истории*» становится весьма увлекательным «тотализатором».

Можно признать человеческой трагедией разгром «*ленинской гвардии*» как «*плеяды романтиков революции*», «*борцов на народное дело*». Но надо сказать и другое: в раскручивающемся «тотализаторе» иначе и быть не могло. Когда Маркс произнес знаменитую фразу «*Революция, как Сатурн, пожирает своих детей*», он, безусловно, был именно ученым, а не идеократом-утопистом. Добавлю только, что процесс «*пожирания революцией своих детей*» я рассматриваю как частный случай большевистского тотализатора — т. е. «*пожирания варварами культуры*» (это — одно из определений «большевизма», данное С. Франком). После того, как Ленин «поел» Плеханова, зачем удивляться, что он сам был «съеден» — поистине «*нет у революции конца*».

Кстати, был ли в этом смысле диктатором и демиургом даже Сталин, или и он сам был лишь функцией от потока репрессивных инвектив от имени Истории, хотя и в должности Высшего Жреца? Вспомним, что сказал по этому вопросу такой известный (и долгое время — весьма успешный) игрок в «большевистский тотализатор», как Николай Бухарин. В предрасстрельном письме «будущим вождям страны» (как известно, он заставил свою жену заучить его наизусть) Бухарин высказался однозначно: «*Если бы Сталин усомнился в самом себе, машина террора и в отношении Сталина сработала бы столь же неукоснительно, как и в отношении любого другого*».

Здесь пора сделать некоторое обобщение, учитывая российскую политическую ситуацию.

Коммунисты всегда опасны в двух смыслах. Во-первых, они запускают режим «тотализатора» как поток репрессивных инвектив от имени утопии (пусть даже «добрый») — и уже одно это отбрасывает общество от решения реальных задач. Во-вторых, овладевая массами, затягивая все новых и новых «игроков», такой «тотализатор» входит в режим «самопожирания», который никакие лидеры уже не в силах остановить.

Отведя достаточно времени проблеме «*входа в большевизм*» и механизмов действия «*большевистского тотализатора*», уделим внимание и проблеме «*выхода из большевизма*». Проблема эта стала одной из центральных в эмиграции, ибо всем, естественно, хотелось понять, как русскому человеку возможно бороться с одним видом большевизма, не впадая в другой?

О симптомах нарастания в эмиграции идейно-политического комплекса, который может быть назван «*антибольшевистским большевизмом*», с тревогой писал, например, Г. Федотов: «*Мы видим сейчас, как дух ленинского имморализма оживает в стане реакции... В стане контрреволюции происходит настоящий процесс обольшевечения. Мало сказать: все средств хороши. Люди убеждены, что низость или жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. "Мы не сплунтяи. Для нас перевешать 2—3—5 миллионов — плевое дело" Так растут у пня поваленного Белого движения ядовитые грибы новой всероссийской чеки.*»

Опубликована интереснейшая переписка С. Франка и П. Струве от 1922 г. Обсуждаемый ими вопрос можно сформулировать так: «*Какое свинство лучше: красное или белое?*» Вот что пишет С. Франк: «*Существует некое органическое русское свинство, которое независимо от политической формы; и черный большевизм, который уже достаточно накопился и легко может возобладать после падения нынешней власти, будет свинством не лучшим, чем нынешний ее красный облик*». Далее, однако, в том же письме он высказывает интересную мысль: да, на смену «*красному большевизму*» может прийти «*черный большевизм*» — и это будет очередной новейшей вариацией «*русского свинства*», но это будет все-таки *меньшее свинство*, ибо «*свинство*» — это не органичное свойство русского характера, а его стадильная характеристика, присущая детскому и подростковому возрасту: «*Процесс революции, будучи грандиозным стихийным обнаружением этого исконного "русского свинства", т. е. духовного недуга, есть вместе с тем — таково мое глубокое убеждение... болезнь роста и развития русского народа, нечто аналогичное тем явлениям духовного упадка, извращения и кризиса, которые сопровождают переход от детства к зрелости в индивидуальном организме*».

Интересно, что в своем ответе на письмо Франка Петр Струве в этом пункте абсолютно с ним соглашается: «*Свинство изживается в собственной логике*». «*Именно потому, что я сознаю "органичность" того, что произошло в России, — пишет Струве, — я никакой "реакции" не боюсь. Никакая реакция, никакой "черный большевизм" не посягнет на то, на что посягнул красный большевизм: на хозяйственную автономию личности. Ибо основной смысл реакции, происходящей уже в России, и той, которая будет происходить и дальше, будет состоять в восстановлении хозяйственной автономии*».

В том, что русское нигилистическо-апокалиптическое историо-борчество — это гораздо более глубокий пласт, чем его относительно поздняя *«марксистская модификация»*, и рано или поздно «русская душа» без особого сожаления «сдаст» и Маркса, и Ленина, я был абсолютно уверен с самого начала горбачевской «перестройки». Позвольте еще одну автоцитату из книги «Тоталитаризм как исторический феномен» 1989 г.: *«Я уже наблюдаю тенденцию, когда для сохранения греющей иллюзии, что в этой стране был-таки возможен (и возможен сейчас) “скачок в царство свободы и справедливости”, но подвела, мол, заемная доктрина, — для сохранения этой утопии архаическое сознание готово пожертвовать в конце концов кем угодно и чем угодно...»*

Я думаю, что именно в этом контексте, именно понимая: во-первых, многообразии вариантов *«русского свинства»* и, во-вторых, возможность и необходимость их ранжирования, так сказать, «по степени» (напоминаю формулу: *«Зло можно победить только вытеснив его меньшим злом»*), и надо рассматривать многократные обвинения наших либеральных реформаторов в «необольшевизме». Разумеется, «Гайдар и его команда» все сделали абсолютно *«по-русски»*, актуализируя всю ту же базовую русскую интенцию *«нигилизм/апокалиптика»*, т. е. сочетание нигилистического отрицания предшествующей традиции с верой в *«прорыв в светлое будущее»*. Получила достойное развитие и другая родовая черта большевизма — словесно-текстовая репрессия от имени *«еще более передовой теории»*, клеймящая предшествующую традицию стигматами «отсталости» и «варварства». Обо всем этом я достаточно подробно написал в своей книге «“Новое варварство” как проблема российской цивилизации» (М.: ИФРАН, 1995).

Однако во имя исторической справедливости надо признать и то, что *«белый большевизм»* реформаторов был все-таки серьезным шагом (возможно, и не вполне осмысленным) к искомому *«изживанию русского свинства в собственной же логике»*. «Полубольшевизм Гайдара» нес в себе имманентный потенциал «самоликвидации» (что во многом мы уже и наблюдаем): он подразумевал хозяйственную автономизацию, введение демократических процедур, плюрализм партий и мнений, отмену цензуры и многое другое, принципиально несовместимое с принципами «тотализатора».

Чтобы адекватно понять, что же все-таки произошло в последние годы и как это все случилось, надо прежде всего признать, что «красная» вариация большевизма просуществовала у нас вплоть до самой горбачевской перестройки и даже несколько дольше. Потому что сохранялось главное в большевизме — поток (хотя и ослабленный) репрессивных инвектив от имени коммунистической идеи. «Русское свинство» уменьшалось, система *«подвела»*, но до последнего момента требовала хотя бы формального выполнения ритуалов (причем

опять-таки в основном на текстово-вербальном уровне — что лишний раз доказывает правильность моей версии, что «большевизм» есть первичное и определяющее в коммунистическом комплексе).

Далее надо признать, что «перестройку» совершила гедонистическая часть номенклатурной элиты, которая уже при большевизме профессионально состоялась в качестве «специалистов», и которой словесные партийные ритуалы были наиболее обременительны.

Политика «гласности», спровоцировавшая «огонь по штабам», порушила идейную монополию коммунистов и ввела нашу интеллектуальную жизнь в режим стихийного «обмена инвективами» (напоминающего времена, описанные Уваровым или Солоневичем). Однако в глубине системы шли совершенно иные процессы. Лидеры реформ (я не буду здесь разделять Горбачева, Ельцина, Гайдара), разрушив монопольную власть «идеократической элиты», объективно выступили лидерами другой части элиты — антиидеологической, прагматической и гедонистической по своим интересам. Фактически именно противостояние этих двух номенклатурных сил — «идеократов» и «гедонистов» — до сих пор определяет основной контур российской политики. «Третьей силой» в какой-то момент оказались трибуны демократического движения, по типу своему — идеократы, «белые большевики», получавшие, как все идеократы, удовольствие от нового, на этот раз западническо-демократического «тотализатора», от антикоммунистических инвектив. Где они сейчас?.. Я думаю, главное здесь — вовсе не в «ельцинских чистках», а в том, что демократические идеократы сами быстро сообразили, что тот вариант «*владения умами*», который они оседлали, в перспективе ведет к подрыву их новоприсвоенной власти (ибо нельзя нельзя построить долговременную идеократию на поле рыночной конкуренции, политической демократии и идейного плюрализма), а потому предпочли в конце концов присоединиться к прагматикам-гедонистам.

Иосиф Бродский в свое время дал замечательную формулу: «*Ворюги мне милей, чем кровопийцы*». Некоторые разыграли ужас: «*Как это можно выбирать из двух таких ужасных зол?*» Но мысль Бродского — глубока и, как выясняется, вполне традиционна: замена «*кровопийц*» «*ворюгами*» является **меньшим злом**. Надо признать: только перевод системы в режим «индивидуализации», того, что П. Струве назвал «*хозяйственной автономизацией личности*» (со всеми его многочисленными издержками) — только этот процесс (который я тоже согласен располагать на шкале «русского свинства») сумел сначала постепенно разложить изнутри коммунистический «тотализатор», а затем — не допустить вполне реального «антикоммунистического погрома». Сумее ли этот комплекс в дальнейшем *в своей собственной логике* «*изживать свинство*», окультуриться настолько, чтобы уже не пассивно,

а творчески противостоять возможности любых тоталитарных сущест-
вий, хватит ли у нас на это времени — это большая проблема.

И здесь возникает последний вопрос. Если историоборческий комплекс «нигилизм/апокалиптика» является стержнем русского характера, русской идеи, то, может быть, и склонность к тоталитаризму является неустранимой сутью «русскости»? И с ее уничтожением исчезнет и Россия? Именно так и ставят вопрос некоторые теоретики «русской идеи»: хотите иметь Россию — смиритесь с ее коммунистическим обликом, или России не будет вообще.

Еще сам Бердяев, автор концепции об «антиномичности русской души» (он перечислял, как известно, с десяток противоречий русского характера, считая антиномию «нигилизм/апокалиптика» лишь его предельным выражением) задавался вопросом: в какой степени этот комплекс обусловлен «русским национальным духом», а в какой — «русской отсталостью», «неустоялостью характера», «невыработанностью» его?

Недавно мне попался на глаза один текст: *«Вообразите существо, наделенное всеми возможными пороками и добродетелями сразу. Смешайте бешенство, вспыльчивость, глупость, неблагодарность, наглость, вероломство и трусость. Добавьте к этому, если сможете, самую искреннюю сострадательность, верность, благочестие и даже целомудрие. Короче говоря, соедините в характере существа все возможные противоречия. Необходимо добавить к описанию еще одну черту: способность автоматически переходить в одну минуту от хорошего к дурному... Если он в добром расположении духа, он готов пролить за вас всю свою кровь, но если он зол — он до капли высосет вашу... Он порочен или добродетелен по обстоятельствам, он подобен хамелеону, принимающему окраску всего, с чем соприкасается...»*

Все это написал Пьер Карле Шамблен де Мариво в двадцатых годах XVIII века о... парижских «простолоудинах». И в полном соответствии с духом «Века Просвещения» полагал, что подобные перепады в характере — черта неразвитости, а вовсе не смысл «французского характера» или «французской идеи». Варварство и неразумие везде одинаковы.

Проблема, таким образом, состоит в том, что если и сохраняется национально-психологический комплекс «нигилизм/апокалиптика», то уж во всяком случае следует стремиться умерить амплитуду этого «русского маятника», который в своей тоталитарной раскатке периодически срезает очередную «культурный слой».

В свое время Федор Степун полагал, что именно «самоограничение» и «самодисциплина» могли бы помочь России перейти от очередной, склонной к тоталитаризации, «фантастики» к решению действительно творческих задач: *«Столь увлекающая идейная напряженность*

русской революции коренится отнюдь не в особой высоте нашей революционной идеи, а в отсутствии во всех нас, ее творцах и деятелях, духа творческой созидательности и законопослушной деловитости. Немного больше европейской выдержки, европейского чувства возможного, европейской политической вышколенности, и русская революция, быть может, и не распольхалась бы на весь мир злым, большевистским пламенем. Эта связь идейной напряженности и какой-то высшей неделовитости представляется мне очень глубокою и очень страшною проблемой. Может быть, в ней, в этой связи, и надо прежде всего искать ответа на то, почему вся эта фантастика одержала в России столь страшную победу над Россией».

Что нас может ожидать при новой раскатке «нигилистическо-апокалиптического маятника»? Новейший большевизм в модификации КПРФ намечается как очередная возможность освободить от вины «избранных» («борцов-партийцев») и заставить остальных открещиваться от соучастия в «преступлениях ельцинского режима». Сомневающиеся в возможности запуска нового большевистского тотализатора «Кто виноват?» пусть вспомнят недавние финансовые «пирамиды» — более примитивный вариант все той же спонтанно самоорганизующейся игры по перебросу расплаты на «крайних»...

Новый раунд, кстати, может быть крайне разрушителен, ибо это будет игра не по привычным, а — скорее — по «скользящим», «двоящимся» правилам: попробуй угадай, пойдет ли игра в «свои/чужие» по принципу «вменение вины-уход от вины» по линии «богатые/бедные», или «патриоты/антипатриоты», или же по обеим линиям сразу.

Риск большевизации нашей КПРФ велик потому, что она генетически и создавалась (в противовес социал-демократической эволюции компартии времен Горбачева) как «организация идеократов-ортодоксов», «партия третьих секретарей по идеологии», партия «инженеров человеческих душ» — специалистов по улавливанию человек в игру «Кто виноват?»

У нас, строго говоря, все еще нет ни «правого», ни «левого»; Россия все еще находится, по выражению Франка, «по ту сторону правого и левого». Франк раскрывает, что это означает: «Дело не в том, какие именно политические или социальные идеалы пытаются осуществить; дело — в самом способе их осуществления, в какой-то основной, независимой от частного политического содержания морально-политической структуре отношения к жизни и действительности во имя общественного идеала».

Конечно, «все мы, русские, любим по краям и пропастям блуждать», — как еще в XVII веке то ли жаловался, то ли хвалился наш первый славянофил, Крижанич. Хорошо об этом сказано и у Федора Степуна: «Есть в русских душах какая-то особая черта, своеобразная жажда больших событий — все равно, добрых ли, злых ли, лишь бы выво-

дящих за пределы будничной скуки. Западные европейцы среднего калибра легко и безболезненно отказываются от омутов и поднебесий жизни ради внешнего преуспеяния в ней. В русских же душах, даже в сереньких, почти всегда живет искушение послать все к черту, уйти на дно, а там, может быть, и выплеснуться неизвестно как на светлый берег. Эта смутная тоска по запредельности сыграла, как мне кажется, громадную роль в нашей страшной революции».

Вот и сегодня ко всякого рода «необольшевикам» опять подтягиваются наши историографы: от новейших русских нигилистов до новых «апокалиптиков», взыскующих очередного опережающего мир прорыва — на этот раз сразу в «постиндустриальное общество».

Уместно в этой связи лишь вспомнить горько-иронический ответ Ивана Бунина на вопрос о том, каким ему представляется главный урок большевистской революции?

«Главный урок, — ответил Бунин, — состоит в том, что погуляли мы за очень дорогую цену, и в следующий раз надо быть несколько поосторожнее».

Леонид Поляков

БОЛЬШЕВИЗМ И РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

(коммунизм как фаза российской модернизации)

Трансформация СССР в Содружество Независимых Государств помимо общих проблем, порожденных реструктуриацией такого масштаба, породила еще одну — специфически российскую и русскую. В то время как для 14 бывших «республик СССР» акт расторжения союзного договора означал решающий шаг на пути построения национальной государственности и в той или иной форме конституирование национального самосознания, то для РСФСР и населяющих ее народов сложилась драматично-амбивалентная ситуация.

С одной стороны практически все не-русские народы федерации (составляющие меньшинство в бывших автономиях за исключением Северного Кавказа) истолковали обретение суверенитета как мандат на создание собственных этнических государств. Фактически это было (и продолжает оставаться — поскольку бывшие автономии настаивают на своей федеративной субъектности в качестве «суверенных государств») отказом от идентификации в рамках и с помощью российской государственности и предпочтение в качестве такого идентификатора ближайшей референтной группы — этноса. В терминах Ф. Тенниса — это отказ от существования в рамках российской нации как политического сообщества граждан (*Gesellschaft*) в пользу своего «народа» как кровно-родственной общины (*Gemeinschaft*).

С другой стороны, русский народ, традиционным идентификатором которого являлось «имперское» пространство, вступил в полосу глубокого кризиса своей идентичности. Травма потери «своих» тер-

риторий, превращение части «соотечественников» (характерна сама неопределенность этого термина!) в «русскоязычное» национальное меньшинство на бывших «своих» территориях, угроза собственной «этнизации» (и дальнейшей потери территории) под давлением других суверенизирующихся российских этносов — все это блокирует формирование современной русской идентичности и решающим образом препятствует конституированию России в качестве национального (хотя и федеративного) государства (nation-state).

Таким образом, завершение российской модернизации (возможность чего появилась после выхода России из СССР) наталкивается на два существенных препятствия: во-первых, отсутствие адекватной российской идеологии, т. е. по существу — интеллектуально-психологической легитимизации российской реформы; и, во-вторых — отсутствие современной русской идентичности, способной постоянно воспроизводить и, если необходимо, корректировать такую легитимизацию. Оценивая перспективы преодоления этих препятствий, а значит — и перспективы реформы в целом, менее всего можно рассчитывать на изобретение какой-то новой «русской идеологии», которая «завоюет массы» и заполнит вакуум национального самосознания русских. Важнейший аспект модернизации в том и состоит, что монополия различных форм традиционной коллективной идентичности радикально ограничивается личностной идентификацией, препятствующей складыванию идеологического «монолита», да и вообще тотальных идеологий.

Под русской идеологией в данном случае можно понимать результат процесса складывания у бывших обитателей тоталитарного социума (в котором атомизация индивидов при одновременной «массовизации» достигает предельных степеней) более или менее синхронизированной структуры новых потребностей, целей и жизненных установок. В конечном итоге это должно привести к маргинализации всех «сверх-идеологий», заполнявших ментальное пространство сверхдержавы.

Этот процесс можно обозначить как жертву сверх-смыслом(идеей) ради нормализации национального самосознания. Ясное представление об этом процессе предполагает выявление и описание всех предшествующих значимых стадий формирования национальной идентичности, т. е. редукции как минимум к XVII в. В ходе такого ретроспективного анализа появится возможность интерпретировать узловую линию идентификационных кризисов как историческую развилку смыслопорождающей матрицы российских идеологий. Это означает, что карта современных идеологий может быть расшифрована с помощью генетической феноменологии, и все идеологические «новации» окажутся укорененными в исторически детерминированной структуре национальной ментальности. В исторической ретро-

спективе может быть адекватно оценена и мера радикальности тех сдвигов, перед необходимостью которых находит себя современное российское самосознание.

Наиболее радикальный сдвиг в структуре российского самосознания — это «прорыв» в настоящее, освобождение из плена ретро- и футуро-идеологий, для которых всякое «настоящее» есть лишь средство. Либо для консервации расположенных в прошлом абсолютных ценностей, либо для решающего броска к абсолютным ценностям, полагаемым в будущем. Признание самоценности настоящего есть свидетельство изменения самого типа коллективной идентичности, символизм которой должен утратить характер принудительной нормативности и стать выразителем личностного многообразия национальной жизни. Парадоксальным (на первый взгляд) результатом такого изменения окажется отказ от национальной бесхарактерности (отраженной в таких определениях как «всемирная отзывчивость», переимчивость, подражательность, «протеизм») в пользу ясно выраженного национального характера, который как в индивидуальном, так и коллективном случаях есть не что иное, как самоопределение по отношению к вызову настоящего.

В контексте замысла данной книги нет необходимости выстраивать всю траекторию российского модернизационного процесса начиная с XVII в. Непосредственная цель здесь — понимание того, что означал приход большевизма (коммунизма) как новой интегральной идеологии и уникальной социальной практики с точки зрения вхождения России в «современность» и формирования современной русской идентичности. Богатейший опыт самопознания, попытка собрать и систематизировать который предпринята в данной аналитической антологии, позволяет понять многое.

Но остается еще ответить на один принципиальный вопрос — почему те или иные «русские» именно так понимали «большевизм», какова «русская» логика мышления о большевизме, образующая, так сказать, общий знаменатель всех его основных трактовок вне зависимости от партийных, групповых и индивидуальных пристрастий, симпатий и антипатий?

Принципиальность вопроса в том, что ответ на него не должен быть лишь одной из возможных (новых или хорошо забытых старых) интерпретаций. Ибо в таком случае место ему — в одной из рубрик самой аналитической антологии. Ответ должен быть максимально «нейтрален» и строго методологически обоснован.

Из всех известных мне методологий социального анализа я выбрал три, чтобы сфокусировать их эвристический потенциал, получить искомый ответ. Это — психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда (без всех позднейших модификаций, внесенных в психоанализ учениками, последователями и продолжателями); типологическая кон-

цепция традиционного и современного обществ, содержащаяся в социологической теории Эмиля Дюркгейма; и учение об «идеологии» и «утопии», предложенное Полем Рикером.

Каждая из этих концепций имеет вполне самостоятельный характер и предназначена для решения ставившихся каждым исследователем задач. Сведенные вместе, они, на мой взгляд, помогают получить методологически обоснованную картину мышления «русских» о большевизме и даже позволяют делать прогноз относительно перспектив этого феномена в контексте российской модернизации.

1

Тотальный идентификационный кризис, нашедший свое выражение в событиях с февраля 1917 по февраль 1921 гг., обозначил существенный этап на пути модернизации (или более конкретно — де-архаизации) русского общества. После того как два наиболее глубинных стабилизатора архаики — «православие» и «самодержавие» или, в терминах Э. Дюркгейма, «коллективное сознание» и «деспотизм» — исчерпали свой анти-модернизационный потенциал, на авансцену выдвинулось само «коллективное тело» — «народ». В своей непосредственной социальной данности он продолжал существовать как «коммунизм» (аграрно-общинный, отмеченный Максом Вебером еще при анализе первой русской революции 1905—1907 гг.), и именно это стало теперь центром складывания новой идентичности.

При всей радикальности разрыва с предыдущим — «деспотоцентричным», основанным на «вере в царя» — идентификационным канонем нельзя не видеть и линии преемственности (и даже причинно-следственной связи — разумеется в той специфической форме, которая характерна для психоистории) по отношению к прежней западной утопии. Парадоксально на первый взгляд, но формой ее крушения явился не «фантазматический эскапизм» (как в случае со славянофильством), а воплощение в реальность. Универсалистская утопия радикального западничества, передавшись как эстафетная палочка от «неистового Виссариона» к Н. Ленину, попала на благодатную почву первородного «коммунистического» универсализма.

Дело в том, что столь истово в течение целого века искомая «народность» в своей «чистоте» и «непосредственности», воспетая А. Герценом и заведшая в конце концов в «палату № 6» Глеба Успенского, и есть «всеобщность» как таковая. Лишенная всех своих культурных (качественных) определенностей, она способна существовать лишь как количество — «масса», для которой «равенство» (в моральных терминах — «правда-справедливость») и есть единственная и наиболее адекватная форма идентичности. В условиях слабого разделения труда, т. е. при отсутствии развитой культурной дифференциации, такая

идентичность легко прикрепляется и легко отказывается от всякого, находящегося в ее поле зрения объекта.

По сути это есть принципиально неосуществимая идентичность «Оно», готового стать всем и ничем или всем, чем угодно. Лишь выделяя из себя «сознательные» участки в виде «Я» и «Сверх-Я»¹ «всемирно отзывчивое» «Оно» обретает более или менее фиксированную идентификацию, что выражается в четко проявленном «национальном характере». Последний и есть система конкретной национальной культуры как «опредмеченная» энергия «коллективного бессознательного» данного этноса.

Учитывая это, мы можем корректно оценить все опасности идентификационного кризиса в России начала XX в. Социальная эволюция протекала в направлении снятия блокирующих модернизацию факторов, которые, однако являлись еще и опорными точками для идентификации за пределами «Оно». Иными словами — «православие» и «самодержавие» выступали в виде культурных надстроек, блокировавших не только модернизацию, но и ту «энергию взрыва», с которой А. Белый идентифицировал свою «Священную Россию» и которая есть по бердяевской метафоре лишь «темное вино» либидинозного первоинстинкта.

Поэтому, когда два первых идентификационных кризиса (церковный раскол XVII в., разрушивший единство «коллективного сознания» Московской Руси, и царствование Николая I, пришедшего на трон по трупам декабрьского «восстания» в 1825 г. и добровольно ушедшего из жизни после позора проигранной Крымской войны), продвинув Россию на пути перехода к социальному типу «органической солидарности», в то же время поставили «Оно» перед задачей само-определения, возникла ситуация с непрогнозируемым исходом.

Исконный «коммунизм» с его энергией «равенства» и «передела» мог бы быть нейтрализован с помощью развития тех форм разделения труда, которые к началу XX в. в России уже начали обозначаться достаточно ясно. Но «Русь» действительно «слияла в три дня» (по определению В. В. Розанова), поскольку освобожденное от прежних идентификационных «оков» «Оно», оказалось атакованным радикальной западнической утопией «всемирной революции» и обнаружило пространство для отступления.

«Коммунизм» как утопия не смог зацепиться в «Европе», поскольку там не нашлось места для отступления. В России же, для которой пространственная колонизация являлась алгоритмом самопостроения, парадоксальным образом нашлось «место» для марксистского

¹ Хотя и здесь нужно помнить, что «значительные части Я и сверх-Я могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными» (З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 343).

«научного социализма», транслированного через лозунги-обещания: «фабрики рабочим», «земля крестьянам», «мир народам».

«Итак, где же коммунизм в России? — спрашивал Б. Вышеславцев. — Покажите его нам, его нигде нет! Да, нигде и вместе с тем везде. Это таинственное свойство Томас Мор выразил словом “Утопия”, т. е. то, что не существует нигде, что не годится никуда, пустое место, ничто. Пустоту нельзя осязать, она нереальна, но очень реально опустошение. И вот коммунизм, не находя себе нигде места и нигде не воплощаясь реально, метался по русской земле, опустошая леса и поля, села и города... Стремясь “войти в жизнь”, коммунизм вытеснял жизнь и сеял смерть, ибо где есть коммунизм, там нет жизни, а где есть жизнь, там нет коммунизма. Россия умирала, поскольку соблюдала коммунистические декреты, и жила поскольку их нарушала»².

Существует давняя традиция рассматривать победу «коммунизма» в России как торжество «варварства» над «цивилизацией», как насильственную и немотивированную редукцию к базисной архаике, сорвавшую пересечение Россией казалось бы почти достигнутого модернизационного рубежа. С точки зрения предложенной здесь методологии понятно, что акцентация «коммунизма» в России была прогрессивной фазой модернизационного процесса, рассматриваемого на уровне мутации социального типа.

Рассмотрение этого же процесса в контексте психоистории и эволюции коллективной идентичности выявляет дополнительные аспекты, еще больше корректирующие вывод о простом регрессе (лежащий в основе многих культурологических схем, интерпретирующих Советский Союз как всего лишь «перереженную» царскую Россию). Дело в том, что активация «Оно»/«народа» явилась формой постановки перед ним ранее невозможной идентификационной задачи. На прежних фазах психоисторической эволюции «Оно» либо отождествлялось с репрессированным «Сверх-Я» в «расколе» и последовавшем за ним сектантском диссидентстве, либо замыкалось в себе самом, отторгая дворянско-интеллигентское «Я», как чуждое и буквально «ино-родное».

В обоих случаях это был отказ от идентификации и, тем самым, консервация базисной (коммунистической) архаики, блокирующей модернизационный сдвиг. Теперь «Оно» под воздействием «Запада» как традиционного объекта нарциссической идентификации, оказалось вынужденным само решать рефлективную задачу, т. е. поступиться своей бессознательной тотальностью в пользу позиций «Я» и «Сверх-Я». Провокация к действию была столь сильна (утопия «мирового пожара» и «земшарной республики Советов»), что побуждала

² Б. Вышеславцев. Парадоксы коммунизма // Путь. № 3. 1926. С. 350—351.

«коллективное бессознательное» структурироваться хотя бы в интересах самого действия — его продления в бесконечность. И большевики победили в конечном счете не потому, что беспощадно расстреливали, а потому, что сумели придать осмысленность «беспощадному русскому бунту».

Однако, победа большевиков в России означала поражение коммунизма. Деструктивная энергия «Оно», остановленная в границах РСФСР, бумерангом возвращалась к расковавшим ее большевикам. Европа «не зажглась», т. е. в очередной раз амбивалентный «объект желания» не был поглощен — оставшись «внешним» и враждебно-глухим к звукам «варварской лиры». Запад, уже хранивший в своей пра-памяти архетип искушаемого сиренами Одиссея, отказался от блоковского призыва «слушать музыку революции», предпочтя скифской «Осанне» негритянскую джазовую «Алилуйю». И когда бесхитрое «Оно» потребовало от большевиков оплаты по вексям (трем лозунгам октября 1917 г.) под дулами восставших «Красной горки» и «Серой лошади», большевики ответили НЭПом.

Казалось, это означало кризис и даже коллапс едва возникшей коммунистической идентичности и возможность, наконец-то, завершения российской модернизации. Но теперь вступил в действие последний (из перечисленных Э. Дюркгеймом) факторов, удерживающий социальную архаику — избыточность пространства, обеспечивающего колонизацию. Но он включился не сам по себе, а под воздействием тех перемен в комплексе идеология/утопия, которые произошли на рубеже 20-х годов.

Интегральной идеологией революции и гражданской войны был «коммунизм» как таковой, т. е. «Оно», само себя сделавшее идеологией. В силу своего предельно (и даже запредельно) универсалистского характера она не оставила «места» утопии, по сути слившись с ней до неразличимости. Пока шла борьба, у красно-белого интеллигентско-дворянского «Я» не было возможности для подлинно рефлексивной работы, расщепляющей идеолого-утопический симбиоз революции. Одна часть «интеллигенции» просто действовала, другая — каялась в грехе социалистического развращения народа или кляла его за то, что он «не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство»³.

Пожалуй, исключением можно считать кн. Н. С. Трубецкого, который сумел выстроить утопический эквивалент идеологии борьбы угнетенных всего мира против кучки европейских капиталистов, противопоставив «Европу» всему остальному «человечеству». В характерно утопической манере он мечтал о том, что «если бы все это человечество объединилось в общей борьбе с угнетателями — романогер-

³ Н. Бердяев. Судьба России. М., 1990. С. XII.

манцами, то, надо думать, ему рано или поздно удалось бы свергнуть ненавистное иго и стереть с лица земли этих хищников и всю их культуру»⁴.

Однако, к концу гражданской войны, когда стало ясно, что революцию нужно принять (хотя бы просто как факт), новое поколение эмигрантской интеллигенции занялось разработкой легитимизирующей народное революционное действие и власть большевиков идеологии. В отличие от живых «классиков», к примеру, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, проклявших Россию большевиков как «царство Антихриста», или П. Б. Струве, определившего русскую революцию как «национальное банкротство и мировой позор», новое поколение, выброшенное в эмиграцию, пыталось осмыслить революцию как неизбежную и легитимную форму самовыявления русского народа в истории.

2

В 1921 г. в Праге появляется сборник «Смена Вех», обозначивший рождение идеологии «национал-большевизма». В том же году в Софии выходит сборник «Исход к Востоку. Утверждения евразийцев», заложивший основы евразийской утопии.

Сменовеховцы обеспечивали революции и большевистскому режиму национальную легитимизацию, которая самим большевикам (Сталину) понадобится лишь в середине 20-х гг.

Евразийцы, помимо апелляции к русскому православию, указали на последний резерв архаичной идентификации — на географическое «месторазвитие».

Однако, обращаясь к настоящему и будущему, новый идеологический комплекс все-таки оставался фундаментально ретроспективным. Во-первых, как агрессивный по отношению к «Европе». Во-вторых, как результат идентификационной регрессии. В терминах психоанализа картину этой регрессии можно представить таким образом.

Согласно наблюдениям Кэролайн Шьелцо, на переломе веков в русской ментальности произошли существенные сдвиги — под европейским воздействием укрепилось «Я», сфера самовыражения сделалась значительно более вербальной, нежели визуальной (в сравнении с доминанцией иконописи и архитектуры в Московской Руси), а характер выражаемых проблем отражал уже эдипальную стадию. «Интенсивная интроспекция, повышенный интерес к проблеме пола и вера в способность Человека определять свою Судьбу — все это отражало надежду на то, что социальные неудобства и противоречия бу-

⁴ Н. С. Трубецкой. Европа и человечество. • София, 1920. С. 76.

дут разрешены. Длительная традиция самоуничужения и ксенофобии сфокусировалась в гневе. «Сыновья Руси» были готовы объявить свое старшинство и вырвать силой то, что они считали своей «вотчиной» — нечестиво желаемую мать, саму Россию. Но, прежде чем заявить на нее свои права, они должны были бросить вызов двум инструментам традиционного патриархального контроля: правящему самодержавию и русской православной церкви. Оба эти института были патриархальными, оба заимствованными извне и оба считались ответственными за душающую инертность русского характера»⁵.

Совершенное восстание против патриархального контроля обозначало прорыв в эдипальную фазу национальной психохистории, что вновь (как и при переходе от «родины» к «отечеству») нашло свое выражение в изменении рода имени страны. «После революции страна обрела лингвистически выраженный мужской род и стала Советским Союзом. Через языковую структуру нация теперь могла использовать местоимения мужского рода и вносить, таким образом, существенные изменения в мыслительные схемы»⁶.

Эти сдвиги в национальной психоструктуре отметил еще в 30-е гг. Н. Бердяев, утверждавший даже, что в России после революции «появился новый антропологический тип». Называя этот тип «новым коммунистическим», он подчеркивал, что «мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной»⁷.

Казалось бы, новая идентичность, избавленная от невротических комплексов прошлого, должна была обеспечить быстрый транзит социума от последней фазы архаики к современному типу «органической солидарности». Однако, произошло обратное. Остановленная «садистская» агрессия вовне неизбежно трансформировалась в «мазохистскую» реакцию. На этом примере лишний раз подтвердилась относящаяся к садо-мазохистской диалектике фрейдовская «мысль о значимости невозможности найти удовлетворение агрессии во внешнем мире, так как она наталкивается на внешние препятствия. Тогда она, возможно, отступит назад, увеличив силу господствующего внутри саморазрушения»⁸.

⁵ C. Scielzo. Psychoanalytic perspectives on Soviet Society // Historical and Psychological Inquiry. N. Y., 1990. P. 471—472.

⁶ Ibid. P. 473.

Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.

⁸ З. Фрейд. Ведение в психоанализ. Лекции. С. 365.

3

Это отступление оказалось неизбежно травмирующим для коммунистического «Я». Дело даже не в том, что оно конфронтировало с аутентично коммунистической идентификацией через «Мы». Напротив, человеческое «Я» оказалось раздавленным возвратной волной энергетики мировой революции, требовавшей «Я» сверх-человеческого. Идеология «социализм в одной стране» требовала «ударных темпов» сверх-индустриализации. Соответственно, «Советский Гражданин, востребованный Сталиным, уже не был революционным героем, но — сверх-героем, сверх-рабочим, исполненным энтузиазма и динамики до степени сверх-активности. И машиноподобный рабочий с избытком воплотил в себе все черты этой дьявольской фантазии. Он должен был найти высочайшее удовлетворение в верности своей фабрике, душевную теплоту в страстном восхищении точной работой машины. Этот подход, усиленный непредсказуемой и иррациональной карательной практикой вскоре сформировал население, инфантильное в своем отношении к власти»⁹.

Регрессивный инфантилизм с неизбежностью регенерировал комплекс вины за совершенное в реальности или пережитое в фантазиях отцеубийство. и, как следствие — «бессознательную потребность наказания». А эта последняя, отмечал З. Фрейд, «ведет себя как часть совести, как продолжение нашей совести в бессознательном, она имеет то же происхождение, что и совесть, т. е. соответствует части агрессии, которая ушла вовнутрь и принята Сверх-Я»¹⁰.

Эти регрессивные процессы в национальной психике нашли свою «внешнюю» корреляцию в регрессивном нисхождении к ранее пройденным формам консолидации архаического социума. «Деспотизм», являющийся по Э. Дюркгейму лишь «преобразованным коммунизмом», утвердился в своей прежней роли и функции. Как отмечает К. Шьелцо, «какая-то струнка в советской душе находилась в гармонии со сталинистской диктатурой. Сталин действовал как будто карающее “Сверх-Я” нации <...> Существовал страх и принятие этой кары, поскольку преступление было совершено, если не сейчас, то в прошлом, и символическая значимость этого акта предательства была признана на многих уровнях»¹¹.

Далее открывалась ретроспектива возрождения тотального «коллективного сознания», поскольку «деспот» («вождь», «отец») являлся одновременно и фокусом этого сознания. Таким образом, конструирование «ленинизма» было предопределено — как и уничтожение всех форм инакомыслия.

⁹ С. Scielzo. P. 474.

¹⁰ З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. С. 367.

¹¹ С. Scielzo. P. 475.

Наблюдая эту интенсивную регенерацию ранее пройденных фаз деархаизации, нам, однако, нет необходимости прибегать к мало что объясняющей гипотезе, согласно которой СССР есть лишь «продолжение» (или — «реставрация») царской империи под другим названием. Настаивая на сходстве, на тождестве, мы рискуем упустить принципиальные различия, неизбежно привносимые любой социальной эволюцией. Не говоря уже о риске измены принципам чисто научного (социально-философского) анализа истории ради соблазна морализаторского суда над «советским периодом». Если период 1917—1922 гг. мы понимаем как «социальный сдвиг», то задача нашего анализа — указать на принципиальную новизну наличной социальной структуры.

Гипотеза об СССР как переименованной «Российской Империи» строится на том очевидном факте, что новый социум возникает на прежней территории и включает в себя (под другими названиями) основные традиционные способы самоорганизации и функционирования. Большевиков за реставрацию «царизма» упрекал еще в 1920 г. Лев Шестов. В это же время Бердяев развивал понимание революции как возмездия за грехи социальной и религиозной «неправды», накопленные всей предыдущей русской историей, усматривая, например, в «Третьем Интернационале» воплощение несправедливой мечты о «Третьем Риме».

В подобного рода версиях гипертрофированная тема «преемственности» звучит особенно настойчиво и становится доминирующим методологическим приемом, заставляющим описывать и объяснять советский социум с помощью подбора более или менее похожих аналогий из российской истории. Нужно признать, что в самом отказе видеть принципиальную новизну в постреволюционной России было нечто «революционное» — как со стороны российских интеллигентов, так и западноевропейских социал-демократов. И сам факт такого отказа может оказаться методологически продуктивным, если нам удастся все-таки выявить эту конституирующую «социальный сдвиг» новизну.

Эта искомая новизна может состоять только в смене акцентов, в выдвижении на первый план одного из базисных параметров архаики и в изменении всей системы внутрискруктурных детерминаций. При этом существенна определенная статичность (стабилизированность) социальной структуры, в рамках которой ранее пройденные фазы деархаизации (зафиксированные в виде «невротических узлов»/«идентификационных кризисов» национальной ментальности) могли бы функционировать в новом режиме.

Именно это условие (стабильность) отсутствовало в период так называемого «военного коммунизма», когда «коллективное сознание» и «деспотизм» функционировали в инверсионном режиме. Интегративная идеология («коммунизм») целиком поглотила «утопию», а образ «деспота-вождя» функционально раздвоился (Ленин и Троцкий). Собственно, с точки зрения социальной эволюции период НЭПа имел смысл именно как фаза «стабилизации» и «нормализации» социального контекста, в котором доминантный фактор — «коммунизм» — мог бы радикально переструктурировать весь социум. Как раз в период с 1922 по 1928 гг. легитимизирующая идеология «национал-большевизма» («ленинизм» или «социализм в одной стране») избавилась (в прямом и переносном смысле) от своего утопического альтер-эго («троцкизма» или «перманентной революции»).

А вместе с тем пространство власти структурировалось вокруг одного «вождя». И только теперь мог быть включен «коммунизм» в качестве всеопределяющей социальной детерминанты. Соответственно, и мы можем попытаться выявить ту реальную новизну, которую приносит очередной социальный сдвиг.

Советский социум сталинского периода получил довольно устойчивое определение в качестве «тоталитарного». Уже одно это достаточно четко отделяет его как от императорской России, так и от царской Московской Руси (ни обозначение Бердяевым Московского царства как «тоталитарного», ни попытка Р. Пайпса усмотреть генезис советского тоталитаризма в зубатовских профсоюзах не представляются обоснованными). Яснее всего принципиальные различия с этими предыдущими фазами можно показать на примере механизма «власть—собственность».

Конструктивный принцип Московской Руси (как хорошо показал тот же Пайпс) — «вотчинная монархия». Власть царя здесь понимается (самим царем и его подданными) как власть универсального «собственника», держателя всей «русской земли» (отсюда «держава» — владение одного). Однако, природа этой «собственности» весьма специфична. Она обозначает только и исключительно «суверенитет» над территорией и населением, которое в своей повседневной жизнедеятельности предоставлено самому себе. Властный контроль в вотчинной монархии распространяется на «средний уровень» — на служилое сословие, «кормящееся» от населения в обмен на исполнение воинских и управительских обязанностей. Реальная степень «свободы» населения от державной власти могла изменяться в ту или иную сторону. Но невмешательство «власти» в жизнь «земли» как принцип мы можем обнаружить в таком исключении, подтверждающем правило, как экстравагантная выходка Ивана Грозного, поделившего свое царство на «земщину» и «опричнину».

В имперской России, строившейся при акцентации абсолютизма, тем не менее начался процесс «демонтажа» вотчинной монархии за счет передачи прав собственности на «средний уровень» через закрепление за служилым сословием («дворянством») сначала прав наследственного владения землями с крестьянским населением, а затем — и передачу в полноценную частную собственность. За счет создания множества вотчинных «микромонархий», самодержавная власть осуществляла самоограничение, пошедшее еще более быстрыми темпами после отмены крепостного права. Опять-таки, вопрос о реальности гражданских и политических свобод, о защищенности публичной сферы и гражданского общества от властного контроля и вмешательства должен решаться (и действительно решался) в каждый конкретный период в зависимости от многих факторов и в том числе — от личности самодержца. Но невозможно отрицать, что тенденция сужения пространства власти за счет расширения пространства собственности действовала в рамках имперского социума.

Социальный сдвиг, осуществленный «коммунизмом», внес принципиальную новизну за счет предельной маргинализации пространства собственности при установлении практически абсолютного властного контроля не только над сферой публичного, но и над приватными пространствами. При чем осуществлялся этот сдвиг в довольно необычной форме, которую Олвин Гулднер определил как «внутренняя колонизация». Эвристическая ценность этого подхода состоит в том, что «концепция сталинизма как внутреннего колониализма устраняет мифологию марксизма, который особенно настаивал на том, что альтернативой социализму было лишь варварство. Далее, эта концепция связывает государственный социализм с капитализмом, который было обещано превзойти и рассматривает крестьян как Советских Индейцев, а советскую деревню — как континентальную резервацию»¹².

Насажение совхозно-колхозного строя в крестьянской (80 % населения) стране действительно являлось своеобразным вторичным «покорением пространства», медленная и постепенная колонизация которого являлась базисным параметром традиционного социума. Только теперь приходилось не просто «сажать» население на «целину» или обкладывать данью уже имеющееся население (первый вариант был инициирован П. А. Столыпиным, второй — большевиками, заменившими в 1921 г. «продразверстку» на «продналог»). Поскольку речь шла о «социальной» («социалистической») революции в России, приходилось кардинально менять всю структуру жизнедеятельности населения, используя энергию дарового труда для утверждения новой социальной структуры.

¹² Alvin W. Gouldner. A Study of Internal Colonialism // Telos. № 34. Winter 1977—78. P. 41.

Концепция «внутренней колонизации» позволяет однозначно решить и вопрос о сталинизме как «имперской реставрации». Поскольку объектом эксплуатации (первоначально — отъема собственности) являлся сам «имперский» этнос, то в этом отношении невозможно говорить о наличии в СССР имперской структуры. На это справедливо указал Ален Безансон. «СССР не есть империя, — писал он. — Чтобы иметь империю, нужно иметь привилегированный народ, главным образом военные методы завоевания и ясно поставленные цели. Всеми этими характеристиками обладали Римская, Испанская, Британская и Французская империи. Русский народ не имеет привилегий. У него есть “преимущества” как у наиболее надежного союзника коммунизма, и партийные лидеры в основном рекрутируются из его рядов — даже в национальных республиках. Но эти преимущества не являются правами»¹³.

5

Учитывая вышеприведенную аргументацию, следует, пожалуй, говорить не столько «восстановлении империи», сколько о идентификационной легитимизации коммунизма как самоопределения аутентичной «русскости». И в этом процессе важнейшая роль принадлежала идеолого-утопическому комплексу, возникшему в самом начале 20-х годов. Легитимирующей идеологией выступал «социализм в одной стране» т. е. «национал-большевизм», утверждавший русскую идентичность как (и исключительно) коммунистическую (или по крайней мере — «антибуржуазную»).

Как отметил М. Агурский, «национал-большевизм защищал интересы имперской нации, оказавшейся в состоянии национального кризиса. Он был средством ее выживания»¹⁴. И совершенно естественно, что «к XV съезду партии исподволь сформировались основы национал-большевизма как дополнительной идеологии, закрепляющей власть правящего класса»¹⁵.

Утопическим двойником этой идеологии (так и оставшимся в эмиграции) выступало «евразийство», поставившее своей задачей подготовку и создание в России власти, альтернативной большевикам.

Главное, что удерживало их во взаимодействующем (хотя и противоречивом) единстве, было общее признание необходимости и спасительности для России власти большевиков. Последние вольно или

¹³ *A. Besancon*. Nationalism and Bolshevism in the USSR // *The Last Empire. Nationalism and the Soviet Future*. Stanford, Calif., 1986. P. 10—11.

¹⁴ *М. Агурский*. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 260.

невольно сделали самое существенное — удержали «русское великодержавие» и «территорию».

«Глубоко ошибается тот, — писал фактический родоначальник «национал-большевизма» Н. В. Устрялов в статье «Patriotica», — кто считает территорию “мертвым” элементом государства, индифферентным его душе. Я готов утверждать скорее обратное: именно территория есть наиболее существенная и ценная часть государственной души, несмотря на свой кажущийся “грубо физический” характер»¹⁶.

Подобным же образом в манифесте «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926 г., авторы — Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий) отмечалось, что укрепление власти большевиков «позволило русскому народу использовать их как орудие для спасения русской территории и воссоздания великой государственности»¹⁷.

Сменовеховцы призвали интеллигенцию признать большевиков как легитимную русскую власть, и не случайно сборник венчала такая фраза из статьи Ю. Н. Потехина «Физика и метафизика русской революции»: «По роковой иронии судьбы, а может быть, по беспристрастному и безошибочному суду истории, русское национальное дело можно сейчас делать не в рухнувшей России «Третьего Рима», а в России III Интернационала»¹⁸.

Евразийцы пять лет спустя фактически высказали то же самое: «Большевики опасны, пока они коммунисты, то есть пока искренно и окончательно не отказались от своей абстрактной идеологии. Но они все еще нужны и останутся, пока внутри России не появятся те, кто сможет заменить их, по крайней мере — с меньшим вредом для России»¹⁹.

Очевидный пункт разногласий между ними — отношение к коммунизму. Безусловно, сменовеховцы не были «коммунистами» и сам их призыв «В Каноссу!» раздался лишь после того, как большевики отказались от коммунизма, перейдя к НЭПу. Но они не чужды были взгляда на коммунизм как «запрос к будущему» (Н. В. Устрялов), утопический проект, который «может и должен измениться, если хочет так или иначе войти в реальную жизнь» (С. С. Чахотин). В конце концов А. В. Бобринцев-Пушкин даже мог заявить: «Всемирная революция была бы самой выгодной для России конъюнктурой, всемирная реакция — самую для нее тяжелою»²⁰.

Именно за это евразийский манифест и упрекает «национал-большевиков»: «Не дав себе труда определить, в чем смысл искажаемого

¹⁶ См.: В поисках пути. М., 1992. С. 257.

¹⁷ См.: Пути Евразии. М., 1992. С. 351.

¹⁸ В поисках пути. С. 371.

¹⁹ Пути Евразии. С. 351.

²⁰ В поисках пути. С. 326.

коммунизмом русского развития, в чем идеалы и цели России, сменеховцы не сумели противопоставить коммунистическим декламациям что-нибудь новое, жизненное и ясное. От признания факта они сразу же перешли к поклонению факту, и поворот к России стал для них началом растворения в коммунизме»²¹.

Такой «оппортунизм» сменеховцев понятен, поскольку они выступили чистыми государственниками, явно наследующими в этом смысле идеологии «Российской Империи». Для них Петр I выступал тем образцом, продолжение которого им хотелось увидеть в образах и деяниях большевистских вождей. И, кажется, не случайно А. В. Бобрищев-Пушкин сопоставляет отказ Ленина от коммунизма с отменой Петром Великим собственного указа о майорате.

Евразийцы прямо и недвусмысленно заявили о своей враждебности к реформам Петра. Как подчеркивал Н. С. Трубецкой, «если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодovitой продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романогерманской «ориентации», она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»²².

Поэтому они сознательно оставались в русле идеологии «Третьего Рима». Но с той существенной разницей, что русскость перестала для них существовать как замкнутое поле идентификационной работы, и оказалась лишь доминирующей зоной внутри этногеокультурного «организма» — Евразии. Характерно, что именно в завершающей фазе «де-волюции» архаичного социума утопия достигла своей формальной чистоты, став утопией самой себя — пространства или, на евразийском языке, «месторазвития».

В таком повороте можно усмотреть определенную логику. Если «национал-большевизм» коррелировал с «имперством» как «коммунизм» с «деспотизмом», то «евразийство» вступало в корреляцию с «православием» подобно тому, как ландшафт становится источником первичных религиозных наполнений «коллективного сознания». И потому не случайной представляется такая формула из евразийского манифеста: «Евразия понимается нами, как особая симфонически-личная индивидуация Православной Церкви и культуры»²³.

И еще одна существенная корреляция, позволяющая проследить связь сменеховства и евразийства с идеологиями и утопиями России XIX в. Национал-большевизм едва ли сопоставим напрямую с западничеством, но в нем ясно различим леонтьевский дух преклонения перед деспотической государственностью, способной сковать

²¹ Пути Евразии. С. 348.

²² Там же. С. 338.

²³ Там же. С. 371.

русский народный хаос. «Власть представляет собою всегда более веский продукт народного гения, — писал Н. В. Устрялов, — нежели направленные против нее бунтарские стрелы. Ибо она есть, так сказать, “окристаллизовавшийся” уже, осознавший себя народный дух»²⁴.

И уже явно по-леонтьевски звучит такая констатация С. С. Лукьянова: «Не будь социалистов-большевиков, русская революционная стихия вызвала бы к жизни нечто гораздо более страшное, страшное не убийством и грабежом, а страшное прежде всего тем, что грозило бы вырождением революции в анархию и бунт, с их неизбежным заключением — реставрацией-смертью»²⁵.

Ведь это именно К. Н. Леонтьев написал в 1889 г.: «Чувство мое пророчит мне, что Славянский Православный Царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на месте буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым тройким рабством: общинам, Церкви, и Царю»²⁶. А насколько скептически к православно-церковности русского народа он относился, видно из его же годом позже высказанного убеждения в том, что если русский народ не будет «ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен», то «через какие-нибудь полвека, не более, он из народа-“богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”»²⁷.

Сопоставление евразийцев со славянофилами представляется возможным особенно в их отношении к западному христианству как ереси в сравнении с православием. Но все же более близкое родство у них с Н. Я. Данилевским. Именно его идея культурно-исторических типов вдохновляла Н. С. Трубецкого, когда он обличал «хищников» романо-германцев и отвергал «европоцентризм». Именно непримиримость Данилевского по отношению к «Европе» ясно просматривается в риторическом вопрошании евразийского манифеста: «Но не в том ли международный смысл революции, что она покончила с европеизмом Империи?»²⁸

6

Вторая мировая война и поствоенная реальность обозначили финальную стадию сталинского тоталитарного социума. На этой стадии

²⁴ В поисках пути. С. 259.

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ См.: Русское обозрение. 1897. № 5. С. 412.

К. Н. Леонтьев. Цветущая сложность. М., 1992. С. 291.

²⁸ Пути Евразии. С. 401.

происходит окончательный разрыв предвоенного легитимирующего идеолого-утопического комплекса. Национал-большевизм вырождается в «борьбу с безродным космополитизмом», предельно фальсифицируя, тем самым, базисную идеологическую парадигму, основанную на постулате «рабочие не имеют отечества».

Коммунистический универсализм теперь присваивается русскому народу («старшему брату») в качестве некоего «мессианского» призвания — совсем как в старомосковский период отождествления древнерусского «православия» с аутентичным «христианством». Только с характерной (и очень существенной, подчеркивающей именно новизну социального контекста) переменной позиций. В XVII в. мессианский фундаментализм раскола породил эскапистскую утопию, ускорившую социальный сдвиг, осуществленный реформами Петра I. Теперь «мессианской» оказалась сама идеология, получив в качестве коррелята набор антикоммунистических (антифундаменталистских в этом смысле) утопий. Именно поэтому в последней фазе российской модернизации — в постсталинском социуме — оказалась возможной вторичная активация коммунистического фундаментализма как интративной утопии.

Утопический «веер» позднесталинистского периода включает в себя самые разнообразные варианты видения России. Здесь и неутомимая настойчивость Ивана Ильина, стремившегося — вопреки прояскам «мировой закулисы» — утвердить подлинный лик «России» (обязательно и непременно в «границах 1914 г.»), которая «не есть Советский Союз» и которая будет нуждаться после неизбежно-скорого падения «большевизма» в «национально-государственно-воспитывающей диктатуре»²⁹.

Здесь и предчувствие третьей мировой войны у Георгия Федотова — столкновения «коммунистической Империи» и англоамериканского «Рах Atlantica», в ходе которого Россия обречена либо окончательно погибнуть (раствориться) в тоталитарном кошмаре «мировой несвободы», либо (в случае победы «антлантизма» или даже просто не вызванного войной падения большевизма) — откроется «новая страница ее истории». Эта, иная, Россия уже не будет «империей», в ней останется Великороссия «с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго)». И только тогда, отбросив «имперское сознание» (по иному — «языческий комплекс»), Россия сможет ясно поставить и начать решать свою историческую задачу.

«Потеря империи, — писал Федотов, предвосхищая Солженицына в 1947 г., — есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего его духовный облик.

²⁹ И. А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993. С. 126, 174.

Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам — к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии»³⁰.

В это же время формулирует свою «русскую утопию» Николай Бердяев. Оставляя историю принципиально открытой к любому повороту, он все-таки старается усмотреть очертания новой России в поствоенном мире. В суммированном изложении Н. П. Полторацкого это выглядит так: «Вторая мировая война обнаружила скрытую мощь России, и современная Россия вступает в ту полосу своего исторического существования, в которой объединяются прошлое и будущее и создаются предпосылки для осуществления великого призвания России и русского народа. Есть основания считать, что приближается русский период мировой истории, в котором русский народ создаст более справедливый и гуманный строй, нежели буржуазный, капиталистический строй Запада, и осуществит свою идею братства людей и народов. Призвание русского народа, таким образом, преимущественно социальное и религиозное, а не секулярно-культурное»³¹.

В это же время и уже в самой России, в ее лагерных недрах рождается и самая запредельная утопия — трансцендирующая и горизонт истории, и границы самых смелых провидений в рамках христианской эсхатологии (например, «Повести об Антихристе» Вл. Соловьева). Метаисторическая, универсалистско-космическая мистика «Розы Мира», выстроенная Даниилом Андреевым, как бы засвидетельствовала действительную значимость и масштабность кризиса русской национальной идентичности, которой в фазе последнего социального сдвига предстояла задача окончательного самопостроения.

7

Смерть Сталина и закрытый доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС обозначили очередной радикальный сдвиг в российском модернизационном процессе. Начался демонтаж базисных структур тоталитарного социума, наиболее наглядно выраженный в отказе от стратегии «внутренней колонизации». Такие формы «резерваций», как «колхоз» и «ГУЛАГ», переставали функционировать в режиме принудительных «производительных сил». Контроль с помощью массового террора уступал место бюрократическому контролю. В целом суть происходившего в середине 50-х гг. социального сдвига можно обозначить термином «декоммунизация». Соответственно, в этот же период можно зафиксировать острейший кризис коммунистической идентичности.

³⁰ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 327.

³¹ Н. Полторацкий. Бердяев и Россия. Нью-Йорк, 1967. С. 156.

Однако, вопреки ожиданиям и предсказаниям формуляторов утопий середины века, демонтаж базисных конструкций тоталитарного социума не привел к антикоммунистической революции в СССР и отстранению от власти КПСС. Даже напротив, середина 50-х гг. была воспринята советскими людьми как своего рода «новый старт» на утраченном было пути в «коммунистическое завтра». В этой атмосфере «торжественное обещание» КПСС построить коммунизм к 1980 г. ни в коем случае невозможно истолковывать как всего лишь пропагандистский трюк ради удержания власти даже ценой «явно» несбыточных обещаний. То, что «явно» для обитателей социума, существующих в фазе фальсифицированной идеологии, отнюдь не является таковым для тех, чьи мировоззренческие установки формировала та же идеология как источник идентичности и социальный интегратор.

Проблема, поэтому, не в том, как объяснить поразительное (с позднейшей точки зрения) «легковерие» советских людей. Вопрос более фундаментален: каким образом в период «декоммунизации» (т. е. модернизационной фазы) оказалась возможной реинтеграция «коммунизма» как мощнейшей мобилизующей идеологии, благодаря которой потенциально разрушительная энергетика «десталинизации» оказалась конвертированной в искренний пафос «строительства коммунизма»?

8

Ответ на этот вопрос необходимо искать, сравнивая данный способ преодоления идентификационного кризиса с тем, который уже был выработан в рамках предшествующих фаз модернизации. Наиболее часто встречающееся в культурологической и философско-исторической литературе — это сопоставление сталинского СССР с Московским государством. Действительно, даже при поверхностном сравнении можно обнаружить достаточно много красноречивых аналогий (террор Ивана Грозного, ксенофобия, «Смута» и т. д.). Однако, методология сопоставлений разных периодов российской истории может быть плодотворной лишь при одном обязательном условии: усмотрении неповторимой (принципиально невоспроизводимой) специфики каждой фазы российского модернизационного процесса.

Обращение к механизму функционирования комплекса «идеология—утопия» в период первого социального сдвига (и кризиса идентичности) наглядно обнаруживает эту специфическую неповторимость. В конце XVII в. мессианский фундаментализм оказался родовым признаком эскапистской утопии «раскола старообрядчества». В результате церковь, как традиционный носитель «общего сознания», была резко ослаблена, что позволило Петру I довольно легко превратить ее в отрасль государственного управления.

В идентичности постсталинского советского социума сложилась обратная ситуация: «мессианский фундаментализм» не был вытеснен в среду маргинального «диссидентства», а, напротив, составлял ядро идеологии, так сказать, «духовной власти» — «правлящей партии». Именно это позволило КПСС избежать участи православной церкви (лишившейся в ходе петровских реформ патриаршества), несмотря на попытки Хрущева основательно реформировать партию (разделение обкомов, принцип ротации). Обладание интегративной идеологией, кроме того, дало возможность и выдержать противостояние с «Западом», идентификация с которым в эпоху «покорения космоса» и «освоения целины», как пролога к торжеству «коммунизма», не могла оказаться хоть сколько-нибудь актуальной.

Дело еще и в том, что, входя в завершающую фазу модернизации, СССР начинал выстраивать свою социальную структуру как преимущественно и главным образом — пространственную. Сам по себе этот процесс, разумеется, отнюдь не уникален. Как убедительно демонстрирует П. Бурдые, «социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство», которое, в свою очередь, «есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии» — «объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений»³².

Однако в рассматриваемом случае эта универсальная структура социальной топологии оказывается вписанной в конкретный процесс российской модернизации. А именно — в его завершающую фазу, когда акцентируется и «снимается» последний базисный ресурс социальной архаики (механической солидарности) — ресурс чисто экстенсивного, пространственного мультиплицирования. СССР, вступивший в «мирное сосуществование» (соревнование) с мировой капиталистической системой, вынужден был подчинить свою собственно социальную конструкцию логике «геополитики» и «геофизики».

9

Идеология требовала утверждения и распространения эффективного контроля в мире, разграниченном «ялтинскими соглашениями». А эффективный контроль при отсутствии рыночной экономики мог быть обеспечен исключительно за счет обладания энергоресурсной территорией. Так сложилась структура своеобразной «идеологической империи», существование которой сообщало дополнительный мобилизационный эффект интегративной идеологии. А сама идеология

³² П. Бурдые. Социология политики. М., 1993. С. 36, 40.

находила источник самоутверждения и самоподтверждения в каждом факте очередного пространственного расширения «империи». И отнюдь не случайно, по-видимому, возникновение в это время стойкого имперского клише по отношению к СССР («империя зла», «социал-империализм»).

Утопическим двойником этой «идеологии империи» (как идентификационного канона, выражающего и осмысляющего последний социальный сдвиг — «снятие» экстенсивности) выступило то умонастроение, которое связано с понятием «шестидесятничество» и которое можно обозначить как «утопию нормы». Доминирующая тема и лексика эпохи после XX съезда КПСС — «возврат к ленинским нормам», которые воспринимались не просто как специальные «нормы партийной жизни», но как «нормы жизни» вообще.

Несмотря на очевидное несоответствие общего футуристического настроения интегративной идеологии тех лет (прорыв в коммунистическое будущее) ретроутопическому ленинскому нормативизму, внутренняя конфликтность этого идентификационного комплекса еще не могла быть обнаружена. Дистанцированность «ленинских норм» как от «светлого будущего», так и от естественно «несовершенного» настоящего придавала им свойство «морального идеала», приверженность которому, кстати, избавляла как от гиперкритицизма, так и от «конформизма». Поэтому позднейшие попытки уличения «шестидесятников» в циничном «конформизме» бьют мимо цели. В той конструкции советской ментальности еще не было места «цинизму».

Следующий этап эволюции позднесоветского комплекса «идеология—утопия» связан с так называемой «эпохой застоя». Вновь характерна сама лексика, сам способ обозначения социальной ситуации, которая, по определению, должна постоянно находиться в «движении». В языке социума (буквально по Фрейдю) обнаруживаются символические «оговорки» и «проговорки». В этом смысле знаменитый брежневский «застой» должен быть понят и расшифрован как прекращение движения вовне, как фиксация границ контроля, наглядно выраженная в так называемой «доктрине Брежнева».

Идентификационный сдвиг, отражающий эту ситуацию, состоит в том, что интегративную идеологию глобального вызова сменяет более прагматичная идеология «реального социализма», легитимирующая наличное состояние социума и, тем самым, ограничивающая вмешательство различных утопических конструкций (будь то «ленинские нормы» из прошлого или «коммунизм» из будущего). Но именно поэтому, утопия, вытесненная из безопасных (дистанцированных) ниш, начинает ошутимо вторгаться в сферу легитимирующей идеологии, указывая — поначалу — на альтернативный источник «легитимной» власти. Так рождается советское «диссидентство», с его программным лозунгом — «Уважайте собственную Конституцию!»

Сближение идеологии «реального социализма» и утопии «конституционных норм» начинает очерчивать пространство завершающего идентификационного конфликта. Внутри механизма «идеология-утопия» происходит разрушительная инверсия смыслопорождающих функций. Идеология начинает утрачивать «универсализм», а утопия, напротив, обретает нежелательную «глобальность», подчеркивая ирреальность «Основного закона» (Конституция 1977 г.) в контексте «реального социализма». Разрыв между писанными «нормами» и неписанными «правилами» (включая грандиозный массив «закрытых» нормативных актов, должностных инструкций, указов, постановлений и т. д.) неизбежно вел к кризису коллективной идентичности, выходом из которого мог быть либо массовый цинизм, либо социальный сдвиг. «Шестидесятник» М. С. Горбачев, начав борьбу с первым, неизбежно вызвал второй.

10

Эпоха «перестройки» обозначает завершающую фазу российского модернизационного процесса. Вновь, как и в начальной фазе, кризис идентичности совпадает с социальным сдвигом. Но принципиальная разница состоит в том, что «идеология» и «утопия» уже не просто расходятся (все «зоны отступлений» уже освоены и заняты в ходе последовательно осуществленной де-архаизации), а сталкиваются и конвергируют, разрушая при этом структуру «имперского» пространства.

Подчиняясь традиционному алгоритму «фальсификации» идеологии, Горбачев насыщает ее неразрешимо-провоцирующими антиномиями: «плановая рыночная экономика», «социалистическое правовое государство», «больше демократии — больше социализма». Общий их источник — невозможный симбиоз «общечеловеческих» и «классовых» ценностей. В результате, взращенная на предыдущих этапах утопия «нормы» аккумулирует всю энергетику «общечеловеческого», неизбежно превращая все иное в «ненормальное» и «патологическое». Единственной формой разрешения этого завершающего кризиса идентичности могло быть (и действительно стало) разрушение «имперского» пространства как воплощение торжества «нормы».

11

Восьмилетний опыт построения пост-коммунистической России можно рассматривать как необходимый *post scriptum* к семидесятипятилетнему государственному господству большевизма. Без этих лет история столь мобилизующей и столь тотально поглотившей русскую идентичность идеологии была бы неправдоподобно неполна.

Во-первых, за эти годы о большевизме сказано столько и столько-ми, что простая библиография составила бы полноценный том.

Во-вторых, сам большевизм парадоксально «задвоился», неожиданно превратившись в одно из наихудших ругательств в адрес российских реформаторов и установившегося политического режима. Злая ирония российской истории: Ельцин, избличаемый на излете «перестройки» идеологами «авангарда рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции» в «авангардизме», вновь разоблачаем разными «подлинно-русскими» идеологами в качестве «кремлевского небольшевика».

В-третьих, легитимные наследники «большевизма» (КПРФ) сумели доказать очевидно: коммунистический сегмент русской идентичности укоренен, как любил выражаться отец-основатель — «всерьез и надолго». Но сам характер этой укорененности к концу века резко отличается от того, что было в его начале. Тогда большевизм грезил (и грозил!) будущим как радикальным отрицанием прошлого. Сегодня он грезит (и грозит) прошлым, радикально отрицая будущее.

Посткоммунистическая Россия стала свидетельницей рождения невиданного мутанта — «левого консерватизма» (определение Бориса Капустина). Но этот парадокс, похоже, уже сюжет для заключительного тома аналитической антологии — «Русские о России».

ИНДЕКС ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ

- Авксентьев Н. 30
Аксюциц В. 130, 140, 172, 230, 237
Алексеев Н. 215
Андреев Д. 310
Аннинский Л. 15, 128, 147, 159, 245, 248, 277, 336
- Балашов Д. 225, 254
Баткин Л. 39
Бердяев Н. 13–14, 16, 20, 37–39, 42, 51, 63, 67–69, 73–74, 77, 88–93, 95, 106, 110, 120–121, 139, 142–143, 145, 162–163, 166–167, 174; 192–199, 214, 226, 244, 257, 261, 281, 305–307, 348–349
Библиер В. 319
Бицилли П. 96
Бобрищев-Пушкин А. 207–211, 316, 334, 335
Болдырев П. 73, 76, 104, 129, 237
Бородай Ю. 53, 111–113
Бредихина О. 341
Буковский В. 139
Булгаков С. 155
Булдаков В. 18–19, 341, 350
Бунаков И. 97, 127, 133, 168, 178, 317, 354
- Варшавский В. 181–184, 187–189
Васильев Л. 131, 151, 165
Вейдле В. 42, 108, 110, 243, 260
Вернадский В. 24, 53, 85, 318
Вишняк М. 31, 76, 83, 130
- Владимиров В. 237
Водолагин А. 27
Водолазов Г. 263–264, 277, 301
Волков Л. 15, 18, 128
Волошин М. 67, 79, 140, 222
Восленский М. 293–294
Вырубова А. 138
Вышеславцев В. 28, 51, 122–124, 127, 134, 176, 201, 227, 259, 292
- Гайдар Е. 122, 350
Галковский Д. 40–42, 44, 56, 98, 105, 107, 131, 139, 160, 227, 229, 256, 292, 325
Гаспаров М. 356
Гефтер М. 234, 266, 318, 322
Гиппиус З. 333
Горький М. 37, 88, 103, 205, 231, 232
Гумилев Л. 225
- Давыдов Ю. 276
Дилигенский Г. 249
Драгунский Д. 83, 158, 235
- Ерасов Б. 279, 321
Есенин С. 321
- Заборов М. 338
Засулич В. 257
Захаров А. 297, 340
Зиновьев А. 13, 28, 43, 45–46, 54–55, 67, 82, 113–114, 151, 216, 228, 254, 264, 289–290, 300, 357–359

- Злобин В. 14
Зубов А. 200
- Иванович С. — см. *Португейс С.*
Идзинский В. 25
Изгоев А. 14, 68, 288
Ильин В. 51, 56, 74, 130
Ильин И. 102
Искандер Ф. 55, 273
- Кабаков А. 40
Кантор В. 215
Кантор К. 97, 106–107, 215
Карсавин Л. 96, 213
Керенский А. 75
Кизеветтер А. 121
Ключников Ю. 215
Клюев Н. 63
Кожин В. 219
Кордонский С. 22
- Лазарев Е. 38
Лацис О. 280
Левада Ю. 24, 266–268, 337
Левицкий С. 121, 133, 333
Лукьянов С. 211
Львов В. 205
- Межуев В. 266
Мережковский Д. 56, 99, 156, 198,
202, 311–312, 316, 351
Милюков П. 60, 64
- Нагибин Ю. 24
Назаров М. 240
- Олещук О. 337
- Панарин А. 52, 106, 132, 170–171
Пантин И. 106
Парамонов Б. 105, 236
Пастухов В. 165, 249–251, 282–283,
363
Первалов В. 297
Пильняк Б. 69
Плеханов Г. 89–90, 332
Подорога В. 295–296, 342
Позов А. 19
- Померанц Г. 129
Португейс С. 16–17, 21, 24–25, 156–
157, 212, 233, 245, 258, 264, 284–
286, 317, 331, 348–349
Потресов А. 65, 95
- Родзаевский К. 237
Рутич Н. 222
Рысс П. 31–32, 143, 232
- Савицкий П. 96, 104, 111
Салмин А. 133
Святополк-Мирский Д. 107
Севастьянов А. 44, 229–230, 238,
293–294
Седов Л. 54, 71–72, 85, 146–147, 158,
160
Солженицын А. 44–46, 56, 82, 118,
139, 151, 172, 185–187, 202, 228–
229, 238, 269, 323, 360–361
Соловьев Э. 255
Солоневич И. 15, 27, 39, 46, 78, 102,
115, 127, 159, 163–164, 177, 227,
298, 332, 336, 338–339
Сорокин П. 175, 289
Стариков Е. 99, 175, 177, 179
Степун Ф. 32–33, 66, 70, 103, 105,
135–136, 146, 148–150, 153, 156,
166, 170, 182, 197, 201, 224–225,
231, 260, 275, 307–310, 322, 327,
354–357, 362
Струве П. 23, 28–30, 34, 64–65, 68,
74, 82, 117, 124, 138, 143, 163, 178,
222, 238–239, 258, 260, 306, 315,
342, 344, 363–364
Суворов В. 350
Сувчинский В. 20, 195, 274, 276, 318
- Талин В. — см. *Португейс С.*
Тимашев Н. 52
Тимофеев Л. 45, 55, 235, 322
Трубецкой Е. 20, 24, 121, 344
Трутовский В. 80
- Устрялов Н. 144, 206, 210, 247, 315
Уткин А. 116–117
- Фадин А. 364

- Федотов Г. 23, 25–27, 33, 38, 42–44, 61, 66, 69, 75, 79, 81, 83, 86–87, 96, 108–109, 168–169, 195, 199, 212, 218, 224, 233, 235, 242–243, 246–248, 256–258, 260, 262, 278–279, 287–288, 298–300, 303, 305, 317, 319–320, 323, 347, 350, 359
- Фондаминский И. — см. *Бунаков И.*
- Франк С. 26, 65, 77, 86, 107–108, 134–135, 152, 190, 201, 223, 246, 248, 273, 323–325, 354
- Фурсов А. 17, 114, 122, 296, 317, 333
- Ходасевич В. 276
- Хорос В. 111
- Ципко А. 253, 281, 305, 333
- Цымбурский В. 84–85, 180–181, 262, 275, 326
- Чалидзе В. 54, 265, 268
- Чаликова В. 224, 277–278, 304
- Чахотин С. 212
- Чернов В. 64, 72–73, 78, 88, 179, 300, 345–347
- Шагинян М. 77
- Шафаревич И. 92, 224, 236, 340
- Шестов Л. 22, 80
- Шкловский В. 137, 294, 339
- Шмеман А. 63
- Штейнберг И. 22, 330–331
- Шульгин В. 218
- Щербина Ф. 177–178
- Эйдельман Н. 337
- Юрьев Д. 45
- Яковенко Б. 321
- Яковенко И. 150, 338

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от составителей	3
I. БОЛЬШЕВИЗМ — СОЦИАЛЬНАЯ ВАРВАРИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ РОССИИ	11
1. Большевизм — линия наименьшего сопротивления для темных инстинктов человеческой природы	13
2. Русский социализм — выплеск первобытного коммунизма орды	13
3. Большевизм — рецидив первобытного каннибализма, пещерного быта и звериных нравов	14
4. Большевизм — путь к озверению	14
5. Свержение библейских десяти заповедей обнажило в России Питекант- ропию	14
6. Корни психологического типа, породившего большевизм, уходят в племенную архаику	15
7. Тоталитаризм — повторное открытие язычества и тотемизма	15
8. Большевизм — апогей бестиализации обезбоженного человека	16
9. Русский социализм — реакционное явление, явное преобладание тьмы над светом	16
10. Большевизм победил тем, что сделал ставку на хаос и возглавил процесс стихийной дезорганизации	16
11. Большевизм — протест традиционного человека против перегрузок рыночной модернизации	17
12. Большевизм — реакция маргинализованных масс отсталой России на кризис мирового индустриализма	18
13. Большевизм — бунт радикализованной архаики в центрах урбани- зации	19
14. Большевизм — перерождение государственного инстинкта русского народа в инстинкт бунтарский и грабительский	19
15. Большевизм — фактор общественного гниения	19
16. Большевизм — всеобщая безумная одержимость, в которой каждый находится во власти каждого	20
17. Русский социализм — царство лени и безделья	20
18. Большевизм — результат падения воли к труду, «революция уставших каторжников»	20

19. Террористический большевизм — система контрпродуктивная	21
20. Большевизм — движение реакционное, абсолютно лишённое творческого и созидательного начала	22
21. Большевизм — паразитарно-хищнический экономический строй	23
22. Большевизм — измена Родине ради классово-выгодной	23
23. Большевизм — идеология крестьянства по дороге с фронта домой	24
24. Тоталитаризм — попытка закрепления варварства с помощью индустриализма	24
25. Большевизм — результат легкомысленного небрежения вопросами народного образования	24
26. Тоталитаризм — не страшный стерильный мир, а помойка	24
27. Большевизм — приоритет «лошадиных сил» над силой человеческой личности	24
28. Тоталитаризм — царство лжи	25
29. Сталин — хозяин-варвар	25
30. Большевизм — преодоление раскола за счёт варваризации	25
31. Большевизм — нашествие внутреннего варварства	25
32. Большевизм — неврастеническая и злая сила	26
33. Большевизм — система обращения людей в слякоть с целью властвования над ними	27
34. Революция 1917 г. — спад, понижение энергии	27
35. Большевизм — перестройка общества по типу паразитарно-потребительской солдатской коммуны	27
36. Большевизм — временная болезнь крепкого российского государственного организма	27
37. Коммунистическая власть всеильна в сотворении зла и бессильна в сотворении добра	28
38. Коммунизм — не уничтожение классов, а крайний классовый антагонизм властвующих и подвластных, являющийся огромным историческим регрессом	28
39. Коммунизм — регрессивная метаморфоза народного хозяйства	28
40. Большевизм есть специфически русская (и невозможная на Западе) реализация массового «права на лень» с помощью диктатуры пролетариата	29
41. Русская революция — не только злое и дьявольское, но и глупое дело ..	29
42. Большевистский переворот — социальная и политическая реакция эгалитарных низов против европеизации России	30
43. Революционная проповедь большевиков развращала массы, ибо толкала ее не к должному, а к непосредственно желательному	30
44. В большевизме шкурничество победило Революцию	30
45. Отличительная черта большевизма — примитивизм и недоверие к культуре	31
46. Ленин — тип упрощенного человека	31
47. Большевистская революция обнажила наиболее «упрощенные» формы социальной жизни	33
48. Большевизм — борьба с конституционными преобразованиями России ..	34
49. Большевистская революция — антибуржуазная контрреволюция	34
50. Большевистская революция — не антифеодальная, а революция против собственности вообще	34

II. БОЛЬШЕВИЗМ — ГОСПОДСТВО ХУДШИХ

1. Большевизм — варварский индивидуализм, «хамизм»	36
2. Большевистские комиссары являются бессильной жертвой в лапах одичавшего народа	37

3. Русская революция — восстание труда материального против труда духовного, восстание «народа» против «культуры», против Петра и Пушкина	37
4. Большевизм открыл все шлюзы низким страстям	38
5. Большевики своей демагогией превратили российский народ в чернь ..	38
6. Революцию делали биологические отбросы нации	38
7. Русский социализм — торжество серости	39
8. Коммунизм — власть троечников над отличниками	40
9. Советская власть — диктат окраин над Великороссией, деревни над городом, интеллигентов над интеллектуалами	40
10. Большевизм воспользовался предательством русского мужика, отрекшегося от русской культуры	40
11. Большевизм — «перекрытие кислорода» культурным классам	41
12. Советский строй — имитация мужиками жизни культурных классов ..	41
13. Коммунистическая партия — аппарат игры на человеческой низости ..	42
14. Социализм — серый рай небытия	42
15. Большевистская диктатура культивирует подлость	42
16. Коммунизм — не русская национальная черта, а просто «общество плохо работающих людей»	43
17. Коммунизм как таковой — «общество плохо поступающих людей» ..	43
18. Огрубленный марксизм, став основой советского воспитания, превратил страну в «собачью пещеру», где могут выживать только низкие ростом ..	43
19. Революция 1917 г. — деревенско-местечковая реакция на ускоренную европеизацию	44
20. Большевизм принес в Россию антиэволюцию и вырождение, главными субъектами которых стали крестьянство и интеллигенция ..	44
21. Большевизм — это «противоотбор», ведущий к нравственной и умственной деградации	44
22. Большевики уничтожили лучшее и динамизировали худшее в национальном характере	45
23. Коммунизм — система взаимного опошления людей	45
24. Социалистическая государственность — «диктатура бездарности», порожденная победоносным страхом черни перед открытыми рыночными отношениями	45
25. Большевизм — «диктатура клопов в отдельно взятой ими квартире» ..	45
26. Коммунизм — «власть нищих или нищая власть»	46
27. Сталин (как и Петр I) рекрутировал свое окружение из отбросов общества	46
28. Коммунизм — бери, что лежит	46
29. Большевизм — система селективного «противоотбора» худших	47
30. Коммунизм — уничтожение совести	47
III. БОЛЬШЕВИЗМ — ПОДПОЛЬНО-УГОЛОВНАЯ СИСТЕМА	49
1. Марксизм и коммунизм — «идеология социального преступления» ..	50
2. Большевизм — победа темной, подпольно-провокаторской России ..	51
3. Коммунистическая Россия — громадное революционно-социалистическое подполье	51
4. Коммунистический режим вплоть до своего краха так и не смог выйти из темного сектантского подполья	52
5. Большевики — уголовники, нижний этаж политического подполья ..	52
6. Большевистский режим повсеместно вывел на поверхность преступные элементы — гнилой человеческий шлак •	53
7. Большевики сделали ставку на пауперов с психологией уголовников ..	53

8. Сталинская власть впитала многое из этики и обычаев уголовного мира	53
9. В генезисе революционно-социалистической мафии, пришедшей к власти в России, большую роль сыграл мир «воров в законе»	54
10. В советском строе нельзя не совершать преступлений	54
11. Коммунистическая организация общества естественно переходит в «гангстерскую»	54
12. Социализм — мир тайной эксплуатации и «черного рынка», в котором партийная бюрократия исполняет роль «королей» и «паханов»	55
13. Сталинистская власть — помесь уголовника с брадобреем	55
14. Большевизм — режим, в котором коммунизм смягчен уголовщиной, а уголовщина сдержана коммунизмом	55
15. Большевизм — комплекс самозванства беглых холопов и страха перед нищим и ограбленным хозяином	56
16. Победа большевизма — превращение России в «разбойничий стан»	56
17. Большевистская революция — бандитский переворот	56
IV. БОЛЬШЕВИЗМ — ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ	57
1. Большевистский переворот вынес на поверхность древние пласты русской истории	60
2. Революция — не очень талантливое дитя старой России	60
3. Большевизм был очередным всплеском русского «утопизма», первым в ряду которых был старообрядческий раскол	61
4. Большевизм — вариант старообрядчества в России	63
5. Большевизм порожден мужицким царством, сменившим веру в царя верой в социализм	63
6. Народные представления о Ленине как «Красном Царе» — явление, подобное самозванчеству XVII и XVIII вв.	63
7. «Батюшка-Ильич» воскресил в сознании пролетариата образ «царя-батюшки»	64
8. Большевизм — аналог противогосударственных (крестьянских) восстаний XVII—XVIII вв.	64
9. Дух большевизма — дух Стеньки Разина, средневековой докапиталистической гольтыбы	64
10. «Подземное существо» большевизма — восстание крестьянства, победоносная всероссийская пугачевщина	65
11. Ленин — последователь Стеньки Разина и протопопы Аввакума	65
12. Сталин — преемник русских царей и атаманов	66
13. Большевизм — расплата за тоталитарные грехи древней Москвы	66
14. Утвердившись в Кремле, большевики пошли исконными путями московских царей — собирателей русских земель	66
15. Большевизм есть третье издание русской великодержавности, сочетающее тотальную милитаризацию и тотальную идеологичность	67
16. Советское коммунистическое царство по своей духовной конструкции подобно московскому православному царству	68
17. Коммунистическая партия — «социальный питомник господствующего сословия», аналог опричнины Ивана Грозного и гвардейских полков последпетровских императоров	68
18. Террор ВЧК подобен насилию Преображенского приказа и Тайной канцелярии	68
19. Ленин, разрушив дело Петра Великого, отбросил Россию в XVII век ..	68
20. Большевизм — возвращение к до-петровской России	68
21. Большевики — наследники тоталитарной идеократии Ивана Грозного ..	69

22. В русской революции в конце концов победил не Ленин, а Иван Грозный при опоре на московскую привычку к рабству	69
23. Ленин придал марксовой идеологии исповеднический характер, приблизив большевистскую идеократию к теократии Ивана Грозного	70
24. Тоталитарная идеология большевиков — наследница православного тоталитаризма Ивана Грозного	70
25. Ксенофобия большевиков воспроизводит антизападнические традиции времен Ивана Грозного	71
26. Коммунистический тоталитаризм, не различающий проблемы спасения и мироустройства, религии и науки, воспроизводит традиции православного исихазма	71
27. Большевистское «самодержавие народа» стало возможным только в стране с традициями «самодержавия»	72
28. Большевизм, выкованный в борьбе с самодержавием, стал болезненно подражать его методам и приемам	72
29. Русский коммунизм — современная разновидность монархического самовластия как выражения «гиперполитичности» русского народа ...	73
30. В большевистской революции раскрылась старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд	73
31. Большевики — наследники Молчалиных и Фамусовых, перекрашенных в красный цвет	74
32. Вместо «Новых Афин» Совдепия превратилась в шедринский город Глупов	74
33. Большевистские вожди — «простые русские держиморды, загримированные под Робеспьеров и Маратов»	75
34. Вытравление большевиками чувства свободы отбросило страну в XVII век	75
35. Большевизм — «отрицание отрицания» европеизации и «реновация» исконно русских антикультурных начал	75
36. Большевизм — рванш «массовой души» и русского «лейтургического государства»	76
37. Большевистский переворот — сочетание пугачевщины и бироновщины	76
38. Большевики — последователи Петра I	76
39. Большевизм во многом повторяет нигилистический радикализм Петра Великого	77
40. Большевики вколачивали социализм в народ «дубинкой Петра Великого»	77
41. Корни большевистской революции — в эпохе Петра I	78
42. Большевики еще более грубо и варварски прервали традицию, чем Петр Великий	78
43. Большевики продолжают традиции революционного русского самодержавия Петра I	78
44. Сталинская революция — классическая форма русской «революции сверху» в духе Ивана Грозного и Петра I	79
45. Политическая структура сталинизма сходна со структурой самодержавия	79
46. Уничтожение «свободных профессий» возвратило Россию к XVIII веку, когда не существовало противоположности между обществом и служилым сословием	79
47. Большевизм — продолжение заветов старой русской бюрократии	80
48. Большевистская Главкратия — наследник самодержавной бюрократии	80
49. Правление Сталина («сталинокрратия») — возвращение к традициям царского самодержавия XVIII—XIX вв	80

50. Большевизм — результат победы курляндской герцогини Анны Иоанновны над князем Д. М. Голицыным в 1730 г.	81
51. Советский строй является воспроизведением русского традиционного крепостничества	82
52. Большевизм — возвращение к полицейско-крепостническому режиму Аракчеева	82
53. Большевизм возвращается к идеологии Николая I	83
54. Большевистская власть, как все власти на Руси, — изначально выборная, но не дающая себя перевыбрать	83
55. Большевизм — этап гораздо большей (и еще не завершенной) эпохи, начавшейся в России в 1830—1840-х гг. — эпохи замены аграрно-сословного строя городским	84
56. Большевистская диктатура — закрепление начавшейся в 1880-х годах тенденции замены традиционного русского самодержавия государством военно-полицейского типа	84
57. Октябрьская революция — завершение начавшейся реформами Александра II смены сословно-дворянской элиты в России аппаратно-бюрократической	85
58. Советская Россия повторяет самодержавную Россию в бесправии главных творческих производительных сил страны — крестьянства и интеллигенции	85
59. Советская наука и культура — возвращение к наивному просветительству середины XIX в., «воскрешение Базарова после Владимира Соловьева»	86
60. Политическую победу Ленина предопределила культурная победа Некрасова над Пушкиным в сознании разночинной интеллигенции ..	86
61. Первые признаки большевистского обвала описаны Тургеневым в разладе «отцов» и «детей»	86
62. Большевики завершили начатое поколением Александра III строительство «России Ксеркса»	86
63. Ленин воспроизводит духовный тип, присущий Победоносцеву	87
64. Ленин — последователь Нечаева	88
65. Революционный фанатизм и безбожная аскеза большевиков воспроизводят принципы «Катехизиса революционера» Нечаева	88
66. Ленин — последователь Бакунина	89
67. Большевизм является продолжателем русского революционного мессианизма Бакунина	89
68. Тактика Смольного — тактика Бакунина и Нечаева	90
69. Антидемократизм большевиков является наследником революционно-деспотической линии Ткачева	90
70. Ленинский большевизм доказал историческую правоту Ткачева: в России утопией оказалась не коммунистическая, а либерально-буржуазная революция	91
71. Большевики — последователи Бакунина и Нечаева	91
72. «Красный большевизм» имеет много общего с «черносотенством»	92
73. Царство Ленина ничем не отличается от царства Распутина	93
V. БОЛЬШЕВИЗМ: АЗИАТИЗАЦИЯ РОССИИ	94
1. Большевизм — пароксизм азиатчины	94
2. Большевизм — проявление азиатской части русской души	95
3. Большевистская Россия напоминает татаро-монгольскую орду	96
4. Большевизм — вторичная ориентализация России	96
5. Большевистский строй — «государственное перерождение Евразии», вызванное кризисом европейской культуры в России	96

6.	Коммунизм осуществляет автаркический проект России-Евразии	96
7.	Большевизм — авангард Востока в борьбе с Западом	96
8.	Большевизм — освобождение Востока из народных недр	97
9.	Большевизм — восточное явление, в то время как социализм — явление западное	97
10.	Ленин подобен мусульманскому деспоту	97
11.	Революция 1917 г. — «азиатский инфаркт», результат того, что «трещина азиатчины пронизала сердце России»	98
12.	СССР — примитивная азиатская деспотия, основанная на бесправии и произволе	98
13.	СССР — хитрая искусшенная Азия, первая великая азиатская держава	98
14.	Большевизм — китаизация России	98
15.	Сталинский государственный социализм — совершенно идентичен «азиатскому способу производства»	99
VI. БОЛЬШЕВИЗМ: МЕТАМОРФОЗЫ ЗАПАДНИЧЕСТВА И ANTI-ЗАПАДНИЧЕСТВА		100
1.	Большевистский марксизм — очередная попытка напаять на Россию немецкий кафтан	101
2.	Большевизм — апофеоз отрицания России по схемам Западной Европы	102
3.	Большевизм произошел из радикального западничества, явления типично русского и Западу неизвестного	102
4.	Большевизм — попытка сделать грязенькую, пьяную и жестокую Русь мессией Европы	103
5.	Большевизм явился апогеем русской «любви-ненависти» к западной культуре, неосуществленного желания России изнасиловать Европу	103
6.	Большевизм — апогей европеизации, ведущий к стихийной варваризации	104
7.	Ленин — западник, но поклоняющийся не духу европейской культуры, а ее отработанному пару и удушливому смраду	104
8.	Большевизм — западничество в варианте позднебуржуазной, «викторианской» идеологии и морали	105
9.	Большевизм — азиатская реакция на европеизацию Россию в форме «ультразападничества»	105
10.	В основе тоталитаризма лежал западническо-урбанистический «миф машины»	105
11.	Большевики — ограниченные европеисты, взявшие из европейской культуры лишь технорациональные элементы	106
12.	Большевики превратились из крайних западников в крайних славянофилов, в русских мессианистов-антизападников	106
13.	Большевизм — антиевропейский марксизм, возрождающий русское националистическое антизападничество	107
14.	Большевизм — предельно резкое утверждение европейского, ставшее орудием радикального антиевропеизма	107
15.	Русский социализм — стиль для критики Запада: национальный вызов под маской космополитизма; антиинтеллектуализм под квазинаучной оболочкой	107
16.	Большевизм — азиатская форма приобщения не к европейским порядкам, а к европейскому обличью (во всемирное значение)	108
17.	Большевизм отвергает культурный европеизм в пользу антиинтеллектуальной американизации	108
18.	Русский коммунизм — гримаса русского европеизма, «искажение русской боли за Европу»	108
19.	Большевизм — форма порабощения славянства германством под видом интернационального марксизма	109

20. Большевизм — результат отчуждения России от Европы	110
21. Большевизм ведет к спонтанной, бытовой де-европеизации	110
22. Большевизм — срыв модернизации из-за неустойчивости цивилизационных предпосылок в самой традиционной культуре	111
23. Большевистская революция — решительный поворот России на западный путь тотальной унификации, правда, с другого конца — сразу с социализма	111
24. Большевизм — самое экстремистское течение русского западничества, ставшее орудием искоренения всех культурно-национальных устоев ..	112
25. Прозападная революция 1917 г. прервала процесс поворота России на самобытный путь агропромышленной модернизации	112
26. Большевизм и фашизм — наиболее острые проявления болезни современного человечества, постоянным источником инфекции которой является «демократический» Запад	112
27. Советский период — приближение России к Западу	113
28. Русский коммунизм — западный эксперимент	114
29. Коммунизм как система — это Антикапитализм	114
30. Русская гуманитарная наука, будучи западнической, ставила перед Россией ложные цели	114
31. Большевики — западники	115
32. Большевики — западники, рассчитывавшие на победу социал-демократии на Западе	116
33. Большевики — антизападные западники	116
34. Большевизм — результат максималистского усвоения передовых западных идей	117
35. Большевизм — социальный скачок России, раскрывающий будущее Запада	117
VII. КОММУНИЗМ — ИНОБЫТИЕ КАПИТАЛИЗМА	119
1. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир	119
2. Социализм доводит до конца буржуазную культуру	120
3. Большевистский мир — отбросы мира буржуазного	120
4. Тоталитаризм — негативный двойник капитализма	121
5. Большевизм — трансформация империализма	121
6. Большевизм — попытка сделать из пролетариата «новую буржуазию» ..	121
7. Коммунизм — специфическое проявление капитализма	122
8. Коммунизм есть тоталитарный капитализм, построенный на индустриализме	122
9. Созданная Лениным система — «империализм»: монополистический, паразитический (загнивающий) и умирающий	122
10. Коммунизм — есть предельно развитый, «монопольный и суверенный капитализм»	122
11. Русский коммунизм есть «Капитало-Коммунизм», в котором весь капитал сосредоточен в руках небольшого «треста аппаратчиков»	123
12. Коммунисты ненавидят «капиталистов», но не «капитал», концентрация которого и является источником неограниченной власти этих «новых капиталистов»	123
13. Большевизм — «погромный костюм» для процесса создания «народно-буржуазной России»	124
14. Большевизм — раскрытие «живой трагедии социализма»	124
VIII. БОЛЬШЕВИЗМ — «ДУРНОЙ СИНТЕЗ» КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	125
1. Большевизм — попытка реализации дохристианской утопии Платона, пришедшей в Россию с Запада со всеми отбросами денационализированной цивилизации	126

2. Большевизм — результат скрещения болезней России с болезнями Запада	127
3. Советское хозяйство — американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину	127
4. Идеология тоталитаризма — иррациональные импульсы родового сознания, выраженные в модернизированных формулах сверхрациональности и сверхиндустриализма	128
5. Большевизм — надмирная мечтательность, осенившая себя наукой, сомнамбула всемирного масштаба	128
6. Большевизм — очередной российский синтез утопии и «административного восторга»	128
7. Социалистическая контрреволюция XX в. (1917 г.) — результат вселения в озверелую массовую душу России бездомного беса коммунизма	129
8. Русский коммунизм — химерический плод соития больной России и западного изгнанника-шизофреника марксизма	129
9. Большевизм (русский коммунизм) — плод грехопадения двух мессианских народов: русского и еврейского	129
10. Большевистский строй — государственное рабство, оснащенное аппаратурой капитализма	130
11. Большевизм — совершенная техника власти на службе у отсталой доктрины	130
12. Советская власть — смычка «полуазиатской части городской культуры» и «полуфеодальной русской деревни»	130
13. Тоталитаризм — негативный синтез азиатского деспотизма и радикальных западных теорий	131
14. Тоталитаризм — результат резонанса западной рационалистической догматики старого лапласовского толка и авторитарно-патриархальных традиций России	132
15. Тоталитаризм — порождение западного имперского универализма в периферийной культуре, лишенной западных цивилизационных ограничителей	132
16. Русский марксизм — взрывчатая смесь западных идей и восточного народного сознания	133
17. Большевизм — столкновение окраинной Европы и окраинной Азии ..	133
18. Революция 1917 г. — «технизированная пугачевщина»	133
19. Большевизм — технически усовершенствованное «хозяйство фараонов»	134
20. Большевистская революция — результат наложения атеистически-революционного радикализма интеллигенции и политической активизации низших классов	134
21. Революционный социализм — синтез западноевропейского пролетарского сознания и иудейского бунтарско-религиозного эсхатологизма, нашедший опору в русском мужицко-разночинском чувстве	134
22. Большевизм — результат трагического пересечения русской докультурной религиозности и европейской пострелигиозной культуры	135
23. Большевизм — результат противоестественного сочетания русской жажды и нетерпеливости «обогнать Европу» и упрощенно понятого марксизма	135
24. Большевизм — безумный резонанс между рационалистической идеологией вождей и иррациональной психологией масс	135
IX. БОЛЬШЕВИЗМ — ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ	137
1. Большевизм — сон (по Фрейд), придуманный Россией как мотивировка «бегства и расхищения»	137

2. Большевизм и революция — результат «полного сумасшествия»	138
3. Русская революция — самоубийственное наваждение	138
4. Большевизм — «одержимая идеологическая ненависть»	138
5. Большевизм — паранойя	139
6. Русский социализм — рационалистическое безумие	139
7. Русская революция — нервно-религиозное заболевание	139
8. Коммунизм — мечтательная идиотия, форма бреда инициативных профанов	140
Х. БОЛЬШЕВИЗМ — МЕТАМОРФОЗА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДУШИ . .	141
1. Большевизм — русская национальная болезнь, ранее проявлявшаяся в других формах	142
2. Большевизм — характерная черта великорусского племени, склонного к метафизической истеричности и болезненной одержимости	142
3. Большевизм народен в том смысле, в каком «народно» похабное сквернословие	143
4. Большевизм — типично русское явление	143
5. Русская революция имеет национальные корни	143
6. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, приобщившимися «русскому духу»	144
7. Большевизм — порождение русского морализма, слабохарактерности и «овечьих добродетелей»	145
8. Большевизм — результат податливости русской души к оборотничеству и соблазнам двоящихся образов	145
9. Бацилла тоталитаризма заключена в самой русской культуре	146
10. Русская почва была в высшей степени пригодна для укоренения марксистской доктрины	146
11. Тоталитаризм — результат врожденной «текстоидности» русской культуры	147
12. Военно-казарменный социализм порожден не марксизмом, а русской культурой, не теми, кто говорил слова, а теми, кто ждал слов и верил в них	147
13. Большевизм — не «внешняя беда», а «внутренняя вина» России	147
14. Большевизм — результат того, что в России беспочвенность — почва	148
15. Большевизм — результат отсутствия в России духа творческой созида-тельности и законопослушной деловитости	149
16. Большевизм — результат русской тоски по запредельности	149
17. Большевизм — ответ православной цивилизации на вызов модернизации	150
18. Россия и при большевиках осталась в России	150
19. Большевизм — стихия русской души, откликнувшаяся на проповедь Ленина	150
20. Большевизм был порожден характерным для России комплексом «сервиллизма-раболепия»	150
21. Большевизм — следствие неразвитости правосознания, националь-ного сознания и упадка религиозности	151
22. Русский коммунизм имел предпосылки в характере русского народа	151
23. Большевистская революция — обнаружение исконного «русского свинства»	152
24. Большевизм — глубочайшая стихия русской души, в то время как большевики — лишь расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма	152

25. Большевизм — не случайное, а субстанционально-роковое явление для России	153
XI. БОЛЬШЕВИЗМ — СЛЕДСТВИЕ «ПОДРОСТКОВОГО КОМПЛЕКСА» РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	154
1. Героический максимализм русских революционеров — следствие духовного педократизма русского образованного класса	155
2. Большевистская революция — восстание детей против отцов	156
3. Большевизм в России — исполнение воли к Отцеубийству	156
4. Большевики сделали сознательную ставку на омоложение революции: «чем зеленее — тем краснее»	157
5. Причина большевистского террора — переворачивание возрастных статусов	157
6. Большевизм — результат деятельности «русских мальчиков», подростков-фанатиков, мечтающих перескочить в мир сказки, минуя долгую выучку цивилизации	157
7. Большевизм — порождение ювенильной мечтательности	158
8. Революционный социализм подобен порнографии: он легче всего захватывает незрелую молодежь	159
9. Революция 1917 г. — реализация подросткового комплекса еврейско-русских провинциалов, начитавшихся Фенимора Кулера и Жюля Верна	159
10. «Подростковость» русской культуры порождает особенности политической системы коммунизма: господство неправых отношений власти-подчинения, мелочную регламентацию при постоянном желании обойти правила	160
XII. БОЛЬШЕВИЗМ: РОЛЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	161
1. Большевизм — апогей русского интеллигентского нигилизма	162
2. Социалистическая интеллигентская власть — антиэстетична	163
3. Россию погубила безнациональность интеллигенции	163
4. Коммунистическая революция — логический результат оторванности интеллигенции от народа	163
5. Большевизм в России подготовлен европейской рационалистической интеллигенцией	164
6. Большевизм — итог развития особого культурного класса — российской интеллигенции	164
7. Большевизм — апогей интеллигентского народничества — рабской зависимости русского культурного от народной тьмы	165
8. Большевизм — результат раскрещивания общественного сознания русской интеллигенции	166
9. Большевизм — демагогия заграничной полуинтеллигенции против отечественной трудовой интеллигенции	166
10. Изобличение интеллигентской лжи и нигилизма — отрицательная миссия большевизма	167
11. Большевики — блудные сыны Ордена русской интеллигенции	167
12. Большевики произошли из бокового, нечаевского древа русской интеллигенции	168
13. Природа большевизма противоположна русской интеллигенции; большевизм есть преодоление интеллигенции на путях революции	168
14. Положительное содержание интеллигентских идей ненавистно по-разински разгулявшемуся народу	169
15. Уничтожение культурной элиты привело в советской России к экстенсивному развитию «полуинтеллигенции»	169

16. Победа русской жизни над большевистским декретом была обеспечена не столько эмиграцией, сколько будничной работой неэмигрировавшей части русской интеллигенции	169
17. Причина победы большевизма — в нелегитимности старой русской культуры в сознании интеллектуалов	170
18. Большевистские интеллигенты чувствовали себя миссионерами, прививавшими новую веру отсталому, но небезнадежному народу	170
19. Большевизм — расправа западной интеллигенции над Россией	171
20. Большевизм — эксперимент революционеров-технократов по превращению России из «мира Человека» в «мир Машины»	171
21. Советская власть — антинародная диктатура номенклатурной интеллигенции в союзе с интеллигенцией либеральной	172
22. Большевизм — результат краха революционно-гуманистической интеллигенции	172
XIII. БОЛЬШЕВИЗМ: АНАЛОГИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	173
1. Русский коммунизм — очередное проявление старого как мир начала человеческой истории: восстания народных низов с целью установления механического равенства и смешения	174
2. Советский строй — реставрация этактистских деспотий прошлого	174
3. Индустриальные комплексы коммунизма выполняли те же религиозно-идеологические функции, что и гигантские сооружения древних бюрократических деспотий	175
4. Истинным законодателем русского коммунизма был Платон с его идеей «государства-казармы»	176
5. Большевистское государство — аналог Древней Спарты	176
6. Большевистская революция по объему человеческих и культурных потерь является аналогом грабительских завоеваний Батгя и Аттилы	178
7. Советская власть подобна священной власти фараонов Египта	178
8. Русский коммунизм — аналог государственного социализма иезуитов в Парагвае	178
9. Ленин любил пролетариат деспотической и жестокой любовью, как некогда любил и спасал человечество — Торквемада	179
10. Большевизм — культурно-морфологический аналог европейской Реформации	179
11. «Беснования» большевистской эры — не специфически-российское явление, а отечественный аналог всех «городских революций» прошлого	180
12. Большевики — последователи Руссо	181
13. Большевики — последователи Бабефа	181
14. Большевики — наследники Французской революции	182
15. Большевики — последователи якобинцев	183
16. Робеспьер и Сен-Жюст — предшественники и учителя ЧК и Вышинского	184
17. Большевистский террор — копия якобинского террора	184
18. Ленин — похож на Робеспьера	186
19. Опыт французского «термидора» и падения Робеспьера был учтен захватившим власть Лениным	186
20. Гражданская война против большевиков — аналог антиякобинского восстания в Вандее	186
21. Большевизм — продолжение мессианской европейской традиции	187
22. Коммунизм двойствен: он одновременно воспроизводит архетипы хилиастического революционаризма и инквизиционного охранительства	187
23. Марксизм — левацкий загиб латинского христианства	188

24. Тоталитаризм сродни средневековой инквизиции	189
25. Большевики ведут свою родословную через якобинство от инквизиции	189
26. Предшественники большевистской «ереси утопизма» — сектанты-анабаптисты	189
XIV. БОЛЬШЕВИЗМ: МЕТАМОРФОЗЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ ..	191
1. Русская революция имеет гораздо более глубокий религиозный смысл, чем великие революции прошлого	192
2. Большевизм — не политика, а фанатическое вероучение	193
3. Большевизм — «новый ислам», который большевики огнем и мечом хотят навязать миру	193
4. Большевизм — проявление «красной хлыстовско-языческой стихии» ..	194
5. Большевизм — русское религиозное сектантство	194
6. Большевизм — революционный аффект отрицания настоящего	195
7. Большевизм — новое средневековье	195
8. Революция — переход от старой теократии к новой сатанократии	196
9. Сила большевизма — в сатанинской перелицовке религиозной веры ..	196
10. Социализм — смешение духа Христова с духом антихристовым	197
11. Большевизм пленяет русскую душу не дьяволом, а антихристом	197
12. Большевизм — бесноватость, проявление одержимости России дьяволом	198
13. Русская революция — восстание человеческого произвола против онтологизма	198
14. Большевизм — итог замены религиозного чувства вины социальным чувством обиды	199
15. Большевизм — бесплотная бесовщина, способная воплотиться в любой цивилизации	199
16. Русский коммунизм — завершение давно идущего в России процесса секуляризации — слома сотериологического идеала жизни в пользу эвдемонического	199
17. Большевизм основывался на наивной вере в «русский авось»	200
18. Большевики сумели победить русскую религиозность только в той мере, в какой они сумели произвести «красную имитацию церкви» ...	201
19. Коммунизм — атеистическая религия Коммунистического Коллектива	201
20. Метод познания большевизма — демонология Достоевского	202
21. Большевизм — результат упадка русской Церкви	202
XV. БОЛЬШЕВИЗМ — СПАСЕНИЕ РОССИИ	203
1. Большевики спасают Россию от анархии	204
2. Жестокий большевистский эксперимент оживил русский народ, возбудив в народе активное отношение к жизни, способность сопротивляться политическому безумию и иностранному грабежу	205
3. Или советская власть создаст новый порядок в России, или его не создаст никто	205
4. Свержение большевиков может привести к новой разинщине небывалых масштабов	206
5. Объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским	206
6. Единственная альтернатива Советской власти — новая анархия, «Царь-Махно» и «Кронштадт»	206
7. Советская власть — единственно в России возможная; любая другая ни с чем не справится и «все перегрызутся»	207
8. При всех ошибках и произволе Советской власти, народ считает ее своей; все его свары с Советской властью — «семейное дело»	208

9. Россия, с точки зрения международного престижа, выиграла от большевистской революции	209
10. Советская власть, в отличие от белых армий, обеспечила России международное уважение	209
11. Русские «коммунисты-интернационалисты» делают патриотическое дело, защищая Россию, в то время как «белые патриоты» делают дело интернационалистов, призывая всех для свержения большевиков	209
12. Советская власть сохранила Россию	210
13. Партийная диктатура приостановила разрушительную лаву и вандализм русской революции	212
14. Легитимность большевизма в том, что он закончил в России войну ...	212
15. Большевизм — наименьшее зло, наилучшая власть из всех в России возможных	212
16. Коммунистическая идеология — «полезная этикетка» для жестокой необходимости борьбы с анархией	213
17. Ленин тираническим путем остановил хаотический распад России ...	213
18. Коммунистические идеи и символика дисциплинировали революционную стихию, грозившую анархическим распадом России	214
19. Внезапное падение Советской власти (бесчеловечной, но удерживающей Россию) грозит стране анархией	214
20. Коммунизм — средство убережения национальной России от завоевания иностранным капиталом	215
21. Сталинизм — океаневшая стихия	215
22. Тоталитаризм в России — поглощение биосоциальным социализмом биосоциального индивидуализма	215
23. Ослабление коммунизма в СССР поведет к распаду страны и ее колонизации Западом, Японией и Китаем	216
24. Сталин и его соратники попытались построить «небоскреб коммунизма» из «обломков и мусора» русской истории	216
25. Большевиков надо оценивать не по злу, ими причиненному, а по тому, что они «принесли благо сотням миллионов людей»	216
26. Сталинизм — на самом деле построенный «идеологический земной рай»	216
27. Сталинская репрессивная система сформировалась как самозащита нового общества от эпидемии преступности, порожденной массовой эмансипацией	216
28. Сталинизм — репрессивный способ спасения страны и построения сверхдержавы	217
29. Сталинизм спас страну от колонизации в 20—30-е гг.	217
30. Коммунизм — наименьшее зло для России: любой другой социальный строй здесь был бы еще хуже	217
31. Партийный централизм порожден страхом открыть шлюзы народной стихии	218
32. Большевизм — реализация «Белой мысли»: восстановление императорской России	218
33. Большевизм — единственно возможный способ восстановления государства в России после дискредитации кадетами власти как таковой ..	218
XVI. БОЛЬШЕВИЗМ — (САМОУБИЙСТВО РОССИИ)	220
1. Русская революция задумывалась, устраивалась и финансировалась Германией с целью разрушения России	221
2. Большевизм (Октябрь) начался в Феврале как гибель государства	222
3. Большевизм — не убийство, а самоубийство русского народа	223

4. Социализм как воля к смерти и разрушению, уничижает человеческую индивидуальность даже социалистических вождей	223
5. Большевизм — существование на границе бытия и небытия	224
6. Суть большевизма — провоцирование жизни к ухудшению («чем хуже — тем лучше») с целью ее последующего радикального изменения	224
7. Большевизм победил не своей силой, а бессилием России	224
8. Коммунистический террор — низшая точка этнического надлома	224
9. Коммунизм — антисистема, «хищное образование»	225
10. Тоталитаризм — «человеческая отрасль животноводства»	225
11. Русская революция — результат разложения и краха монархии	225
12. Большевизм — приходит в Россию, когда слабое западное общество разрушается буржуазной революцией и завершается, когда слабое восточное общество разрушается под воздействием эволюционной модернизации	226
13. Коммунизм есть отрицание жизни	227
14. Большевизм опирался прежде всего на нерусские силы	227
15. Большевизм — иностранное завоевание	227
16. Победа большевизма — результат поддержки западного капитала	228
17. Советский коммунизм — разрушение русского народа в качестве нации и вытеснение его на низшие ступени социальной иерархии	228
18. Большевизм — деколонизация в форме саморазрушения в стране, где совпадали метрополия и колония	229
19. Большевизм — слом органического течения народной жизни	229
20. Большевизм — это лишение русских собственной государственности и экспроприация русских в пользу «слабых наций»	229
21. Большевики (социалисты) победили русских в 1917 г. и в гражданской войне, в результате чего Россия проиграла «экономическую» войну Западу, Израилю и Японии	229
22. Большевизм — обнаружение в России социализма, как «одного из аспектов стремления человечества к самоуничтожению»	230
23. Сила большевизма — в радикальной отмене человека с большой буквы	230
24. Ленин и большевики производят страшный опыт над Россией	231
25. Для большевиков Россия — бездушный материал для социальных опытов и экспериментов	232
26. Большевистский строй — опыт над человечеством	232
27. Большевистская Россия — Полигон для осуществления утопий	233
28. Коммунисты победили тем, что решительнее других утверждали право на социальный эксперимент, пренебрегая общественным мнением	235
29. Большевики предают русскую культуру, вознаграждая приманкой русофобства ограбленные и терроризированные окраины	235
30. Большевизм — убийство «русского Эроса», «вечно-бабьего» в русской душе	235
31. Большевизм — инструмент разрушения России как самобытной альтернативы западной индустриальной цивилизации	236
32. Большевизм — орудие мирового еврейства	237
33. Большевистский Советский Союз — вотчина мирового еврейства	237
34. СССР — Россия без России	237
35. Геноцид русского народа — одна из главных задач режима Ленина — Сталина	237
36. Большевизм — превращение России в колонию с целью подкупить мировой капитализм	238
37. Большевизм — разрушение всех сил русского народа	238
38. Большевизм — разрыв с национальным прошлым	239
39. Большевизм — уничтожение России как последнего оплота христианства	239

XVII. БОЛЬШЕВИЗМ — РОЖДЕНИЕ НОВОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА	241
1. «Твердокаменный» Ленин стал центром притяжения людей «нового типа»	242
2. Большевизм стал возможен в результате победы нового человеческого типа — «нового разночинца»	242
3. Тип революционной молодежи — возвращение к типу разночинца 60-х годов	243
4. Идеологами большевизма стали люди определенного культурного типа — «начетчики-полуинтеллигенты»	243
5. Война породила новый антропологический тип, ставший главным человеческим материалом большевизма	243
6. Большевизм сделал ставку на определенный тип человека, физически и морально искалеченного военной вакханалией	244
7. Русский коммунизм порожден психологическим типом «российского беспочвенного мечтателя»	245
8. Тип красного большевистского активиста во многом воспроизводит тип активиста-черносотенца	245
9. Советский человек вышел из полусоциалистического Московского Царства	246
10. Большевизм — «здоровая суровость примитива»	247
11. Тип большевика — подвид «Номо Еуропаео-Американус»	247
12. Тип большевистского комиссара воспроизводит тип старого русского администратора-самодура	248
13. Партийная номенклатура отбиралась по принципу воинско-уголовной верности из людей определенного типа	248
14. Советский строй — строй одиноких людей, самое индивидуалистическое общество в мире	248
15. «Советский человек» — наследник русской интеллигенции	249
16. Большевизм — результат синтеза двух типов русского интеллигента — рационалиста-либерала и активиста-народника	250
XVIII. СООТНОШЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА И МАРКСИЗМА	252
1. Большевики — ортодоксальнейшие марксисты (большие, чем меньшевики)	253
2. Советский коммунизм — полный и настоящий коммунизм	254
3. В России трагически сказался основной пробел марксизма — его оккультно-благодушное отношение к пролетариату	254
4. История большевистской России — огромная иллюстрация к ошибкам марксизма — второстепенной экономической концепции XIX в. ..	256
5. Большевистский переворот в России — результат кризиса европейского социализма	256
6. Победа большевизма — естественная кара за грехи русского социализма	256
7. Большевистская революция — трагедия русского социализма	257
8. Большевики — самые лютые враги истинного социализма	257
9. Практический социализм большевиков был абсолютно отличен от социалистической доктрины	258
10. Большевизм вышел (буквально) из марксизма	258
11. Не марксизм лег в основу новой советской культуры	258
12. Большевизм как насилие идеологии над жизнью — есть отрицание теории Маркса о примате экономики над идеологией	259
13. Ленин — не ученый (как Маркс), а «изувер науковерия», победивший благодаря фантастической вере в догму марксизма	259

14. Марксизм был взят на вооружение Лениным исключительно как орудие ненависти	260
15. Марксизм в СССР — не метод познания, а метод революционного разрушения	260
16. Большевики руссифицировали и ориентализировали марксизм, подчинив его русской революционно-тоталитарной традиции	261
17. Импортированный марксизм, радикально упростившись, стал в России максимально почвенным явлением	261
18. Марксизм, задуманный создателями-европейцами в качестве орудия борьбы пролетариата против буржуазии, стал в России орудием «городской революции» против аграрно-сословного строя	262
19. «Народный сталинизм» является промежуточным явлением в рождении марксизма-ленинизма в «бюрократический» сталинизм	262
20. Сталинизм — деформация ленинизма	263
21. Сталинизм — реализация «революционно-левацкой» традиции в противовес «революционно-реалистической»	263
22. Коммунизм в России — продукт случайного стечения обстоятельств, а не реализация марксистского плана	264
23. Большевики удержались у власти ценой оппортунизма	264
24. Сталинизм — хулиганское издевательство над марксизмом	265
25. Сталинизм возможен и без социализма, являясь идеологической само-апологетикой, способной паразитировать на самых разных идеях	265
26. Сталинизм — «умервление альтернативы»	266
27. Сталинизм победил тогда, когда революционно-романтические проекты «старой гвардии» доказали несостоятельность	266
28. Сталин завел страну в тупик, не изнасиловав историю, а доведя до логического абсурда «естественный» ход событий	266
29. Главный порок сталинизма — неумение завершить революцию	267
30. Сталинский «социализм в одной стране» — простейшее усреднение между ксенофобией и невозможностью «экспорта революции»	268
31. Сталинизм полностью противоположен марксизму	268
32. Сталинизм — это подлинный ленинизм	268

XIX. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА И КОММУНИЗМА . 270

1. Русская революция — итог «бытовой демократизации» России, проникновения «мужика» во все области общественной и государственной жизни	272
2. Большевизм — организованное кочевье	273
3. Большевизм — социально-политическое выражение самобытной «городской революции» в России, отягощенной нерешенными проблемами модернизации	274
4. Большевизм переродился в способ приспособления	275
5. Большевизм ведет к созданию трудовой России	275
6. Большевизм впервые проводит «модернизацию снизу»	276
7. Большевизм держится притоком глубинных жизненных сил	276
8. Технология власти при тоталитаризме адекватна технологии овладения природой	276
9. Большевизм сконцентрировал ненависть народа к собственной косности и лени	277
10. Волонтаризм сталинизма подпитывался непонятностью причин Октябрьской победы	277
11. Ленин боролся не с самодержавием, а с другими противниками самодержавия	277
12. Ленин боролся не с самодержавным государством, а с обществом	277

13. Большевики — бизнесмены революции	278
14. Социализм в России — формула социального максимализма	278
15. Революционеры не столько «раздували», сколько «тушили» эту «странную революцию»	278
16. Коммунизм — отсрочка решения проблем духовной модернизации ...	279
17. Октябрь 1917 г. был неизбежен из-за массового напора снизу	280
18. Гипертрофизации роли рабочей партии была закономерна в крестьянской стране	280
19. Сталинизм — левый экстремизм, направленный против крестьянства	280
20. Большевизм — восстание «маленького человека» против государства .	281
21. Революция создала культурную органичность России	281
22. Коммунизм — эмбриональный период вызревания культуры модерна	282
23. Существенный признак коммунизма — отделение государства и общества, а не подавление государства обществом	283
24. Социальным смыслом большевистского переворота стал выход на арену «средних слоев»	283
25. Смысл большевизма — удержание власти	284
26. Способ самосохранения большевистского режима — в поддержании «образа врага»	285
27. Тоталитаризм — результат «демократизации реакции»	286
28. Революция — центр кристаллизации нового чувства родины	286
29. Большевистская Россия — самая последовательная страна фашизма ..	287
30. Сталинская Россия — промежуточное явление между фашистской диктатурой и царским самодержавием	287
31. Большевизм — текстовая культура	288
32. Большевистская революция — результат социального иллюзионизма .	288
33. Коммунизм вырастает из «коммунальности» и противостоит «Цивилизации»	289
34. Коммунизм как система насилия в России не является тоталитаризмом, ибо не навязан населению «сверху», а вырастает «снизу», из самой социальной структуры населения	289
35. Коммунизм — предельно «волюнтаристское общество», в котором властвующие и подвластные практически не различаются	289
36. Коммунизм — система «порождения и преодоления трудностей»	290
37. Коммунизм — социобиологический организм, реализация идеи гоббсовского Левиафана	290
38. Коммунизм — общество, в котором все есть «служащие государства»	290
39. Советский коммунизм — постоянное колебание между «сталинизмом» и «брежневизмом», т. е. «народовластием» и олигархией	290
40. В СССР Россия была колонизована Москвией	291
41. Коммунизм — это разрастание «коммунальности» и одновременно ограничение ее стихии	291
42. Большевизм — попытка построить с помощью тотального сыска анонимное постиндустриальное общество, заменяющее духовную жизнь правильной и ожидаемой артикуляцией	291
43. Коммунистический тоталитаризм — требование всемирного империалистического господства	292
44. Коммунизм — принудительный коллективизм в форме тоталитарного государственного индустриализма	292
45. Октябрьская революция — феодально-бюрократическая контрреволюция против непрочных достижений российского капитализма	292
46. Социалистический строй — «диктатура номенклатуры» или «госпартфеодализм» как один из этапов перехода от феодализма к капитализму	293

47. Большевики — удержались благодаря несовершенству механизма их управления	294
48. Сталинская «машина власти» функционировала на развитии у общества чувства вины и страха	294
49. Сталинский тоталитаризм в отличие от гитлеризма (речевой коммуникативной структуры) есть текстовая коммуникативная структура	295
50. Коммунизм — Абсолютная Власть	296
51. Тоталитаризм — «маска толпы»	296
52. Культ личности Вождя при тоталитаризме есть концентрированное и гипертрофированное выражение культа «я» миллионов подданных ...	297
53. Большевизм не смог перебороть русской государственности, но деформировал ее, доведя до «гипертрофии этатизма»	297
54. Русская революция необратимым образом переродила социальное тело России	298
55. Русский мужик при большевиках стал более рационально относиться к власти	298
56. Рабочий класс — самый несчастный из классов Советской России ...	298
57. Коммунистическая партия, как «единственные ворота в общественную жизнь», вбирает в себя многих, часто не имеющих ничего общего с коммунизмом	299
58. Советская Россия — гораздо более социально и культурно однородна, чем дореволюционная	299
59. Коммунизм, будучи «буйством стихийных сил природы», является противоположностью Цивилизации	300
60. Теория диктатуры пролетариата Ленина была иерархией диктатур, которую увенчивал сам Ленин-диктатор	300
61. Сталинизм — террористическая диктатура бюрократической элиты ..	300
XX. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА И КОММУНИЗМА	302
1. Революция — выражение теневой, бессознательной стороны истории	303
2. Большевизм снял противоречие между нехристианской этикой русских революционеров (поправших принцип «не убий») и их христианской психологией (стремлением искупить грех собственной мукой)	303
3. Большевизм отказался от русской революционной веры в возможность исправления человека и власти	304
4. Большевизм и либерализм расходятся в понимании зла в человеке ...	304
5. Большевизм — лишь гримаса, на мгновение исказившая лицо тысячелетней России	304
6. Тоталитаризм — порождение веры в идею «чистого человека»	305
7. В русской революции правда перемешана с ложью	305
8. Русская революция — Божья кара	305
9. Русская революция — призрак и маскарад	306
10. Русская революция одержима шпионским страхом «контрреволюции»	307
11. Большевизм — грех России	307
12. Большевизм лишен чувства греха и вины	307
13. Большевизм — третье воплощение Жругра — российского Уицраора, т. е. «демона великодержавной государственности», который с помощью универсальной Доктрины (марксизма) должен был подготовить установление вселенской сатанократии	309
14. Большевизм — пошлость, вызывающая эстетическое отвращение ...	310
15. Большевизм — победа на Земле «царства Плоских»	311
16. Онтологический прототип большевика — демон-Верховенский	311
17. Большевизм — торжество сатанинского «царства Скуки»	311

XXI. БОЛЬШЕВИЗМ И КОММУНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЯ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МАСШТАБА	313
1. Всемирно-историческое значение русской революции состоит в опытном опровержении социализма	314
2. Великая русская революция бросила в историю «идею-программу», положительный потенциал которой будет реализован грядущими поколениями	315
3. Российские коммунисты — знаменосцы будущей жизни	315
4. Большевизм — симптом впадения мира в антихристианство	316
5. Большевизм — один из результатов общеевропейского хаоса	316
6. Советский строй — это ошибка и преступление, но на путях будущего	317
7. Большевизмом Россия расплатилась и за свои грехи, и за грехи капиталистического мира	317
8. Большевистский интернационализм отвечает ритму и широте государственной и международной жизни	317
9. Коммунизм в России — неподготовленный опережающий прорыв	318
10. Большевистская революция совершается в контексте переворота в метафизическом мышлении	318
11. Революция в России — результат наложения классового антагонизма и общемирового культурного сдвига	318
12. Большевиков будет судить не исторический, а Высший суд	319
13. Спасение России от большевизма есть дело всемирной культуры	320
14. Тоталитаризм — способ преодоления мирового духовного кризиса российской массой, неспособной к трансформации катастрофы в культуру	320
15. Большевизм — способ спасения Европы	321
16. Большевизм — болезненный спазм всемирной революции	321
17. Большевизм — кровавая заря будущего	321
18. Неудачи русского коммунизма имеют всемирное значение	322
19. Большевизм — отрицательный опыт, которым Россия отвела от Европы опасность порабощения коммунистической идеей, как ранее защитила Европу от татар	322
20. Именно Россия, распахнувшая в мир адовы врата, именно она только и способна попытаться их закрыть	322
21. Коммунистический опыт России доказал миру невозможность абсолютного огосударствления хозяйства	323
22. На опыте большевизма народные массы осознали принципиальную разницу между отрицательным самочинностью и положительной свободой	323
23. Русская революция выявила основные тенденции в судьбе европейского человечества	324
24. Русская революция — заключительный итог «грандиозного восстания человечества», начатого в эпоху Ренессанса	324
25. Большевизм — осуществление последней великой европейской революции и первой национально-освободительной революции	325
26. Большевизм как духовно-культурный комплекс имеет наиболее предпочтительные шансы стать источником будущего русского фундаментализма	325
27. Большевистская репрессия не только губила души, но вызывала биологическую необходимость «вынужденного восхождения душ»	326
XXII. БОЛЬШЕВИЗМ — УТОПИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ	328
1. Большевистский террор — система	329
2. Большевистский тоталитаризм — распространение террора на сферу индивидуальной жизни	330

3. Террор сверху порождает подражание государственному насилию в отношениях между подданными	331
4. Большевицкий террор — следствие исторического бессилия	331
5. Террор большевиков — следствие опоры на меньшинство, признак шаткости положения, а не силы	331
6. Причина террора — в крахе расчетов большевиков на коллективистские инстинкты человека	332
7. Большевизм — противояственная мера для сооружения противояственной социальной конструкции	332
8. Большевицкий террор не только порождает страх, но и сам порождается страхом	332
9. Сталинизм — период сверхконцентрации и централизации насилия ..	333
10. Причина большевицкого террора — в слабости чувства общероссийской идентичности	333
11. Большевики держатся исключительно диким насилием	333
12. Большевицкий террор был порожден непримиримостью антибольшевицких сил	334
13. Большевизм — это террор как таковой, худшая сторона революции ...	334
14. Террор большевиков — больше чем преступление, это — ошибка, отбросившая Россию в Азию	335
15. Русский народ не поддержал большевицкий террор	335
16. Сталинская репрессивная система имела массовую почву	336
17. Массовое пособничество государственному терроризму обуславливалось понижением барьера гуманности	336
18. Сталинизм — террористический режим, утративший революционность, и ведущий гражданскую войну с самим собой	337
19. Сталинский террор — следствие не «левизны» и «догматизма», а «простого прагматизма»	337
20. Большевицкий террор — не экономическая, а духовно-подавляющая акция	337
21. Тоталитаризм — террористическая форма поведения обгоняющей время «священной власти»	338
22. Сталинский террор — высвобождение процессов социальной гравитации, подпирающих тоталитарную власть	338
23. Большевицкий террор — неизбежное следствие попытки организации земного рая	338
24. Коммунистический террор порожден неорганичностью марксизма для России	339
25. Большевизм — приведение жизни к формуле	339
26. Большевизм — непонимание анархизма жизни	339
27. Большевизм — вера в совпадение формулы с жизнью	339
28. Сталинский социализм есть лишь более репрессивный вариант реализации сциентистки-технистической утопии, чем западный либерализм	339
29. Тоталитарный режим, вступая в противоречие с органикой жизни, имеет внутренние антропологические пределы своего роста	340
30. Большевизм — ослепленность схемой и циничное отношение к человеку как средству	340
31. Русская одержимость социальными утопиями — реакция на невиданное ускорение процессов глобализации	341
32. В отличие от гитлеризма, ориентированного на избавление немецкой нации от чувства вины (и смещения ее на другие народы), сталинская машина террора была основана на развитии чувства вины внутри страны	341

33. Большевизм — манипуляция массовыми элементарными инстинктами, переходящая в насилие над массами	342
XXIII. БОЛЬШЕВИЗМ — ПОРОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ	343
1. Большевизм рожден милитаризмом	344
2. Агентом русской революции явился не просто «народ», а «вооруженный народ»	344
3. Для Ленина политика — скрытая форма войны, «продолжение войны иными средствами»	344
4. Для Ленина классовая борьба — лишь зачаточная, эмбриональная форма гражданской войны	345
5. Деструктивный социализм большевиков есть законное детище деструктивного капитализма, проявившегося в годы мировой войны ...	345
6. Мировая война, усилившая этатистские тенденции, выдвинула запрос на людей с наибольшей «волей к власти», коими в России оказались большевики	345
7. «Армиоцентризм» и «армиоморфизм» большевистской политики привел ее к поражению	346
8. Большевизм родился в войне и так и остался воякой	347
9. Победа большевизма определена войной: в этом «диалектическая лживость» коммунистов, более всех протестовавших против войны и более всех от нее выигравших	347
10. Большевики сделали дух войны духом своей партии	348
11. Большевизм — господство темной солдатчины	348
12. Душевная подпочва большевизма — в предпочтении войны — труду ..	349
13. «Новый социализм» вырос из порожденного мировой войной соблазна тотального этатизма и социального конструктивизма	349
14. Большевизм — дитя войны	350
15. Бюрократический социализм большевиков был спровоцирован мировой войной в патриархально-патерналистской культуре	350
16. Большевизм — это состояние перманентной подготовки к мировой войне	350
17. Большевизм — мост между двумя мировыми войнами	351
XXIV. БОЛЬШЕВИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	352
1. Борьба с большевизмом — борьба за души людей	353
2. Залог выхода из большевизма — переход от внешней борьбы к овладению метафизическими глубинами революции	354
3. Для выхода из большевизма необходимо противодействие двуединой красно-черной реакции	354
4. Путь преодоления большевизма — не в ударной организации узкополитического революционного подполья, а в бережном возвращении ростков духовно взрывчатой катакомбной культуры	354
5. Залог творческого антибольшевизма — работа над внутренним разбольшевичением всех поднимающихся против большевизма сил	355
6. Борьба с большевизмом невозможна на почве интерпретации его как бессмыслицы и случайности	355
7. Отказ от красного фашизма не гарантирует от прихода националистического фашизма	355
8. «Черный большевизм» был бы меньшим злом для России, чем большевистский «красный коммунизм»	355
9. Творческий антибольшевизм невозможен на платформе буржуазно-капиталистического мира, ибо большевизм есть прямое продолжение, сиамский близнец капитализма	356

10. Коммунизм — тупик истории, из которого есть выход только назад до роковой развилки	356
11. «Новый русский буржуй» не сможет преодолеть большевизма, ибо он не противоположен, а «соутробен большевизму», он сам — «осадок большевизма»	356
12. Коммунистический режим не поддается эволюционному совершенствованию	357
13. Коммунизм исключает «обратный ход эволюции»	357
14. Русский коммунизм погиб преждевременно, его потенциал не реализован, так как его жизнь была искусственно прервана внешними врагами и внутренними предателями	358
15. Сталинская эпоха — стремление миллионов несчастных к материальному благополучию, реализация которого приводит к ее концу	358
16. Разгром коммунизма есть разгром России и разрушение русского народа как исторического	358
17. Разрушитель русского коммунизма как создания народа — интеллигенция	359
18. Предпосылка освобождения России — отстранение от власти доктринеров и максималистов	359
19. Способ борьбы с коммунизмом — идеологическое неповиновение	359
20. Залог духовного преодоления большевизма — раскаяние русского православия за два «причинно-наследовавших греха»: гонение старообрядцев и неспособности противостоять большевистскому сатанизму	360
21. Россия нуждается не в новой революции — а в духовном излечении	361
22. Спасение России может придти только изнутри России	361
23. 1100-летняя история русского народа должна пересилить «60-летнее оголтение большевиков»	361
24. Большевизм — апофеоз крепостничества, но и этап на пути раскрепощения	361
25. Коммунизм есть этап в движении России от неорганического развития к органическому	362
26. Большевизм преодолеваем под лозунгами — «новая жизнь и старая мощь»	363
27. Преодоление большевизма в — религиозно-национальном возрождении	363
28. Тоталитарный режим демонтируется самой номенклатурой («этакратией»), стремящейся без страха пожать плоды своего положения	364
<i>Алексей Кара-Мурза. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре</i>	365
<i>Леонид Поляков. Большевизм и русская идентичность (коммунизм как фаза российской модернизации)</i>	390
Индекс цитируемых авторов	414

**А. А. Кара-Мурза,
Л. В. Поляков**

**РУССКИЕ О БОЛЬШЕВИЗМЕ
Опыт аналитической антологии**

**Издательство Русского Христианского гуманитарного института
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Лицензия № 071122 от 04.01.1995 г.**

**Подписано в печать 25.10.99. Формат 60 × 90 1/16. Бум. офсетная. Гарнитура
Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,50. Тираж 2000 экз. Заказ № 3203**

**По вопросу оптовых закупок обращаться по адресам:
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русского Христианского гуманитарного института
факс: (812) 311–30–75
e-mail: rector@rchgi.spb.ru. URL: <http://www.rchgi.spb.ru>;
«Университетская книга». Тел.: (812) 232–21–04;
Издательско-торговый дом «Летний сад». Тел.: (095) 290–06–88.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской
академической типографии «Наука» РАН
197034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12**

РУССКИЕ О БОЛЬШЕВИЗМЕ